

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

2024 Том 20 № 4

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

РЕГИОНОВ РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гуллогина Алефтина Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – старший лаборант сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Мачхелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Черных Екатерина Алексеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

СЕКРЕТАРЬ

Рязанцев Вадим Игоревич – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, Россия

Григорьева Наталия Сергеевна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодежи Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направ-

ления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гришаев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, доцент, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финан-

сового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая Лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НиФИ Минфина России; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Самарского государственного экономического университета; профессор кафедры АСГИИИ Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Сотникова Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Хепп Рольф Дитер – Dr. Philosoph., Dr. habil., профессор Института социологии Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	477
СТАТЬЯ НОМЕРА	482
<i>Захаров И.Н.</i> Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации.....	482
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	499
<i>Романова О.А., Галиуллина Г.Ф.</i> Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития.....	499
<i>Яковлева Н. Г., Шафранская А.М.</i> Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры.....	515
<i>Гулюгина А.А.</i> Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления.....	530
<i>Одинцова Е.В., Чащина Т.В., Козлова М.Б., Мочалов Д.А.</i> Качество жилищных условий домохозяйств с детьми: двадцатилетняя ретроспектива.....	543
<i>Чащина Т.В.</i> Государственная политика по улучшению жилищных условий семей с детьми в современной России (2002–2024 гг.).....	555
<i>Кислицына О.А.</i> Неудовлетворенность пациентов в государственных и частных медицинских организациях: влияние индивидуальных характеристик.....	571
<i>Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р.</i> Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности.....	585
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	597
<i>Ионцев В.А., Узкая Ю.А.</i> Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода.....	597
<i>Будажанаева М.Ц.</i> Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации.....	612
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	629
<i>Валихметов Р.М., Туракаев М.С.</i> Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения.....	629
<i>Коржук С.В., Бурдяк А.Я.</i> (Не)использование интернета людьми с инвалидностью: масштабы и барьеры доступа.....	645
ПЕРСОНАЛИИ	657
<i>Левашов В.К.</i> Слово о юбиляре. Социология жизни Ж.Т. Тощенко в смыслах, делах и публикациях.....	657
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	661
<i>Разумова Т.О.</i> Новая экономика труда – концепция, методика, практика.....	661
<i>Локтохина Н.В., Шапиро С.А.</i> Новая экономика труда: теоретические и прикладные аспекты. О Пятых Костинских чтениях.....	667
<i>Кутепова Н.Г., Рязанцев В.И.</i> Обеспечение прав и улучшение качества жизни семей, имеющих в своем составе людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.....	671
Выпуски журнала в 2024 году	674

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию. Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 10.12.2024.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 845.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znaniium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii-i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2024 Vol. 20 No. 4

Issued since 1992
On a quarterly basis
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (print)
ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Aleftina Aleksadrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov Ivan Fedorovich – Senior Laboratory Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic

Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

SECRETARY

Ryazantsev, Vadim Igorevitch – Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovich – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Social and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grigor'eva, Nataliya Sergeevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Sociology Management Department at the School of Public Administration at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch – Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevitch – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Polovinko, Vladimir Semenovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Barkov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Grishaev, Sergey Vasil'yevitch – Doctor of Sociology, Associate Professor, Director of the Krasnoyarsk Branch of the Academy of Labor and Social Relations, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia.

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Chair of Personal Management at the Samara State University of Economics; Professor of the Department of ASGill at the Samara State Technical University, Russia

Soboleva, Irina Viktorovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Sotnikova, Svetlana Ivanovna – Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Labor Economics and Personnel Management at the Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Hepp, Rolf Dieter – Dr. Philosoph., Dr. habil., Professor at the Institute of Sociology of the Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Economic Research Institute, Kazakhstan

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route “Longobard Ways across Europe”; Member of the Editorial Committee of the Journal “Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia” University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«QUALITY OF LIFE: SOCIO-ECONOMIC, DEMOGRAPHIC AND HUMAN RESOURCES SUPPORT»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	477
ARTICLE OF THE ISSUE	482
<i>Zakharov I.N.</i> Opportunities for Introducing Basic Income Elements in the Payment and Social Assistance in the Russian Federation.....	482
ECONOMIC RESEARCH	499
<i>Romanova O.A., Galiullina G.F.</i> Quality of Life as an Indicator of the Effectiveness of Advanced Development Areas.....	499
<i>Yakovleva N.G., Shafranskaya A.M.</i> Training of Qualified Personnel to Ensure Technological Sovereignty of the Russian Economy: Priority Measures.....	515
<i>Gulyugina A.A.</i> Consumer Spending and Purchasing Power of the Russian Population under Sanctions: Level, Structure, Crisis Manifestations.....	530
<i>Odintsova E.V., Chashchina T.V., Kozlova M.B., Mochalov D.M.</i> The Quality of Housing Conditions for Households with Children: A Twenty-year Retrospective.....	543
<i>Chashchina T.V.</i> The State Policy for the Improvement of the Housing Conditions of Families with Children in Modern Russia (2002–2024 years).....	555
<i>Kislitsyna O.A.</i> Patient Dissatisfaction in Public and Private Healthcare Organizations: the Influence of Individual Characteristics.....	571
<i>Selivanova O.V., Smirnov V.M., Novikova T.R.</i> Regional Instruments for Program-based Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction.....	585
DEMOGRAPHIC RESEARCH	597
<i>Iontsev V.A., Uzkaya Yu.A.</i> The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Global Liberal Model of Demographic Transition.....	597
<i>Budazhanaeva M.Ts.</i> Demographic Trends in Rural Areas of the Russian Federation.....	612
SOCIOLOGICAL RESEARCH	629
<i>Valiakhmetov R.M., Turakaev M.S.</i> Social Well-being of Residents of Russian Regions as a Factor in the Migration Potential of the Local Population.....	629
<i>Korzhuk S.V., Burdyak A.Ya.</i> Internet (Non)use by People with Disabilities: Extent and Barriers to Internet Access.....	645
PERSONALITIES	657
<i>Levashov V.K.</i> A Word about the Anniversary. The Sociology of Life Zh.T. Toshchenko in the Senses, Cases and Publications.....	657
SCIENTIFIC LIFE	661
<i>Razumova T.O.</i> New Labour Economics – Concept, Methodology, Practice.....	661
<i>Loktyukhina N.V., Shapiro S.A.</i> New Labour Economics: Theoretical and Applied Aspects. On the Fifth Kostinsky Readings.....	667
<i>Kutepova N.G., Ryazantsev V.I.</i> Ensuring the Rights and Improving the Quality of Life of Families that Include People with Disabilities.....	671
Issues of the Magazine in 2024	674

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 10.12.2024.
Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 845.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru
Internet: <https://vcug-journal.ru/>

The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сообщаем вам, что по инициативе редакции журнала решением ВАК Минобрнауки России с 1.10.2024 г. специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки) исключена из перечня специальностей журнала: см. <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=279928493> (№ 2849, стр. 1150). Таким образом, в настоящее время за журналом закреплены следующие научные специальности: 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки); 5.4.2. Экономическая социология (социологические науки); 5.4.3. Демография (экономические науки); 5.4.3. Демография (социологические науки) и 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки). Информлируем вас, что в целях повышения качества научных публикаций редакция журнала повысила требования к первичной оценке представленных рукописей. Первичная оценка включает в себя проверку рукописей на соответствие тематической направленности журнала; оригинальность и соблюдение научной этики; соблюдение объёма рукописи, её структуры, а также соответствие списка литературы (предельный процент самоцитирования; наличие не только российских, но и зарубежных авторов; представленность источников, опубликованных за последние пять лет). Второй этап рассмотрения рукописей, включающий внешнее содержательное рецензирование и оценивание редакцией соблюдения требований к их оформлению, проводится только при условии положительной первичной оценки. Рукописи, не прошедшие первичную оценку, возвращаются их авторам на доработку или отклоняются.

Тема четвёртого номера журнала 2024 года: «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ».

В представленном читателю выпуске журнала содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые экономическим, демографическим и социологическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

В четвёртом выпуске за 2024 год статья номера – «**Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации**», автором которой является И.Н. Захаров, канд. экон. наук, заместитель управляющего Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Республике Марий Эл. В статье выявляются предпосылки внедрения элементов базового дохода в пенсионную систему России на основе анализа состояния параметров пенсионной системы и мер социальной поддержки населения, предоставляемых Социальным фондом России на примере Республики Марий Эл. Автором показана неоднозначность как в мире, так и в России в подходах к решению вопроса о внедрении безусловной базовой поддержки населения. Отмечено, что в пенсионных системах мира нет введённого полного аналога базового дохода, а сам базовый доход рассматривается как некая переходная форма реформирования пенсии. В статье дана оценка уровня материальной обеспеченности российских пенсионеров, определены изменения основных демографических параметров пенсионной системы и выделены наиболее рискованные категории получателей пенсий по достижению границ бедности. Также проанализированы источники финансирования пенсионной системы и условий формирования пенсионных прав работающих граждан с учётом трансформации сферы занятости. В статье определены условия достижения целей стратегии долгосрочного развития пенсионной системы страны и повышения материального уровня жизни пенсионеров до уровня ратифицированного международного стандарта в рамках действующей страховой модели. Автором продемонстрированы полученные результаты актуарного прогноза демографических показателей пенсионной системы до 2050 года, подтверждающие, что поддержание финансовой сбалансированности пенсионной системы будет возможно за счёт увеличения межбюджетных трансфертов. Показано, что в среднесрочной перспективе пенсионная система столкнётся с серьёзными проблемами финансовой обеспеченности государственных обязательств пенсионного страхования. В заключении сформулирован вывод относительно предпосылок к трансформации существующей в России модели пенсионной системы.

В рубрике «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые качеству жизни как индикатору эффективности территорий опережающего развития; подготовке квалифициро-

ванных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики; потребительским расходам и покупательной способности населения; качеству жилищных условий домохозяйств с детьми; государственной политике по улучшению жилищных условий семей с детьми; влиянию индивидуальных характеристик на неудовлетворённость пациентов в медицинских организациях; региональным инструментам программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности. Первая и вторая статьи экономической рубрики продолжают дискуссию о современных вызовах экономики труда, начатую в первом номере журнала в текущем году.

Статья **«Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития»** *О.А. Романовой*, д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника Института экономики Уральского отделения РАН, *Г.Ф. Галиуллиной*, канд. экон. наук, доцента, старшего научного сотрудника Института экономики Уральского отделения РАН, заведующей кафедрой экономики предприятий и организаций Казанского (Приволжского) федерального университета, направлена на обоснование необходимости учёта качества жизни в составе важнейших индикаторов эффективности территорий опережающего развития. Работа выполнена на примере территорий опережающего развития, созданных в моногородах. В статье дан анализ основных характеристик социально-экономического развития моногородов, формирующих качество жизни населения. Авторами сформирован портрет территории опережающего развития, наиболее привлекательной для резидентов, определено влияние качества жизни на её привлекательность. Также рассмотрены важные аспекты современной экономики труда, связанные с развитием территории опережающего развития. На конкретном примере дана характеристика используемым резидентами технологиям с точки зрения их трудоёмкости и эффективности. В статье обоснована целесообразность корректировки нормативных правовых актов в части требований к бизнес-планам потенциальных резидентов территорий опережающего развития относительно включения в них показателей качества жизни, дифференцированных в соответствии с видами экономической деятельности резидентов и социально-экономическими характеристиками моногородов. Предложено использовать эти показатели для оценки эффективности территорий опережающего развития, созданных в моногородах.

В статье **«Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры»** *Н.Г. Яковлевой*, д-ра экон. наук, доцента, ведущего научного сотрудника Института экономики РАН, доцента, ведущего научного сотрудника Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, *А.М. Шафранской*, младшего научного сотрудника Института экономики РАН, объектом исследования является система подготовки квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики. В работе обосновывается актуальность разработки сбалансированной системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, отвечающей тактическим и стратегическим задачам российской экономики. Авторами раскрываются новые возможности для ускорения технологического развития, которые будут открываться в ближайшие 10 лет для страны. В статье рассматривается сложившееся в России положение по инвестиционной активности, уровню внедрения и разработке инноваций, производству и экспорту высокотехнологичной продукции. Также исследуется дефицит кадров и анализируются меры государственной политики по его устранению. По результатам проведённого анализа изменений на рынке труда, вызванного острой нехваткой кадров, авторами предлагаются первоочередные меры для преодоления дефицита квалифицированных кадров в целях обеспечения технологического суверенитета российской экономики. Кроме того, показана необходимость создания системы стратегического планирования в решении тактических и стратегических задач обеспечения технологического суверенитета.

Статья **«Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления»** *А.А. Гулюгиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, посвящена монетарным условиям формирования потребительских расходов населения и его покупательной способности по расходам в период 2014–2023 гг. В статье выделено 4 направления исследования – потребительские расходы как компонент структуры денежных расходов населения; потребительские расходы в контексте розничного товарооборота и импорта потребительских товаров; среднестатистическая структурная модель потребления; покупательная способность населения по расходам на потребление. В работе проанализированы изменения по всем направлениям исследования, в том числе определены условия формирования стратегии экономики на потреблении и показана трансформация среднестатистической структурной модели потребления в условиях кризисов. Также исследованы изменения в сфере розничного товарооборота и зависимость потребительского рынка от импорта. В статье представлены результаты расчётов покупательной способности населения по потребительским расходам, идентифицирующей уровень жизни по потреблению. Показана дифференциация покупательной способности населения по секторам потребительского рынка (продовольственные и непродовольственные товары, услуги) и определены векторы изменений уровня показателя в кризисных условиях.

Статья **«Качество жилищных условий домохозяйств с детьми: двадцатилетняя ретроспектива»**, *Е.В. Одинцовой*, канд. экон. наук, руководителя научного проекта Лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, *Т.В. Чащиной*, канд. экон. наук,

старшего научного сотрудника Лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, **М.Б. Козловой**, младшего научного сотрудника Лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, **Д.А. Мочалова**, стажера-исследователя Лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, направлена на изучение проблемы качества жилищных условий российских домохозяйств с детьми, которая рассматривается применительно к двум их группам с учётом возраста детей, определяющим ракурс исследования проблемы с точки зрения 20-летней ретроспективы. Исследование проведено с применением оригинальной системы социальных стандартов, идентифицирующих жилищные условия от наиболее плохих до хороших на основе оценивания комплекса параметров жилища (размер площади, просторность, благоустроенность жилища и др.). Авторами выделены домохозяйства с детьми в возрасте до полутора лет, родившимися в начале 2020-х гг. (первая группа), и в возрасте 15–17 лет, родившимися в начале 2000-х гг. (вторая группа). С учётом выявленных особенностей распределения по качеству жилищных условий в статье рассмотрены характеристики домохозяйств, определяющие различия по параметрам места проживания, числа детей, уровня денежных доходов, собственности на жильё. Для домохозяйств двух изучаемых групп, имеющих наиболее плохие и плохие жилищные условия, также выявлены их субъективные оценки имеющихся жилищных условий – потребность в улучшении жилищных условий и стратегии, предпочитаемые для решения жилищного вопроса.

В статье **«Государственная политика по улучшению жилищных условий семей с детьми (2002–2024 гг.)»** **Т.В. Чащиной**, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, обобщаются основные меры государственной поддержки семей с детьми с 2002 г., направленные на улучшение их жилищных условий. Автором рассматриваются нормативные правовые акты (федеральные законы, постановления правительства, указы президента Российской Федерации, ведомственные нормативные документы), регулирующие такие меры государственной поддержки, как социальная помощь в виде субсидии, материнский капитал, льготные ипотечные программы. По результатам проведённого анализа определены основные государственные механизмы обеспечения жильём нуждающихся семей с детьми и сформировано комплексное представление о состоянии жилищных программ в России в 20-летней ретроспективе.

В статье **«Неудовлетворенность пациентов в государственных и частных медицинских организациях: влияние индивидуальных характеристик»** **О.А. Кислицыной**, д-ра экон. наук, главного научного сотрудника Института экономики РАН, исследуются уровень неудовлетворённости полученной медицинской помощью и связанные с ним индивидуальные факторы среди пациентов в государственных и частных медицинских учреждениях. Исследование опирается на данные выборочного наблюдения состояния здоровья населения, проведённого Росстатом в 2023 г. В статье выявляются социально-демографические и экономические характеристики участников опроса, характеристики их здоровья и места жительства. Результаты исследования рассматриваются автором по трём направлениям. Первое направление посвящается уровню неудовлетворённости различными компонентами медицинской помощи. Во втором направлении исследуются факторы, связанные с уровнем неудовлетворённости пациентов в частных и государственных медицинских учреждениях. В третьем направлении рассматриваются группы населения, неудовлетворённые конкретными аспектами медицинской помощи. В статье определяются детерминанты неудовлетворённости россиян полученной медицинской помощью в соответствии с разными причинами. Результаты проведённой работы анализируются автором в сопоставлении с другими исследованиями.

В статье **«Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности»** **О.В. Селивановой**, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Центра исследований социальной политики Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, **В.М. Смирнова**, д-ра экон. наук, профессора Департамента экономической безопасности и управления рисками Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, **Т.Р. Новиковой**, научного сотрудника Центра методологии бухгалтерского учета Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, рассматриваются теоретико-методологические и методические аспекты оценки программно-целевых инструментов государственного управления в субъектах Российской Федерации. Целью исследования является анализ опыта программно-целевого управления в социальной сфере в части реализации региональных программ по сокращению уровня бедности в субъектах Российской Федерации. Авторами рассмотрены различные подходы к определению эффективности государственного управления и его механизмов в историческом контексте. В статье представлены результаты оценивания структурных элементов 42 утверждённых региональных программ по сокращению уровня бедности. Также показаны наиболее распространённые проблемы, связанные с их планированием. Наряду с этим рассмотрены выявленные в ходе исследования меры, обусловившие наибольший эффект в сокращении показателей абсолютной бедности в субъектах. По результатам исследования авторами предложены направления совершенствования региональных программ и рекомендации в целях совершенствования действующей системы социальной поддержки.

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые евразийскому пути демографического развития в России как вызову глобально-либеральной модели демографического перехода; демографическим тенденциям сельских территорий Российской Федерации.

В статье «**Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода**», авторами которой являются **В.А. Ионцев**, д-р экон. наук, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; **Ю.А. Узкая**, канд. экон. наук, доцент кафедры демографии, заместитель директора по учебной работе Высшей школы современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, объектом исследования является демографическое развитие России, обусловленное демографическими процессами 1992–2023 годов. Цель исследования – на основе анализа современной демографической ситуации выявить закономерности перехода России от глобально-либеральной модели демографического перехода на евразийский путь демографического развития как основы выхода страны из этой сложной ситуации. В статье подробно рассматриваются идеи евразийства, современного неоевразийства. Также представлен анализ сложившейся в России демографической ситуации, в том числе негативных качественных демографических изменений. Авторы доказывают, что только по евразийскому пути демографического развития Россия ещё может с успехом выйти из сложной демографической ситуации. В статье раскрывается значение междунородной миграции для выхода из сложной демографической ситуации и условия, при которых она будет способствовать этому. В заключении авторами сформулированы предложения по улучшению современной демографической ситуации в России.

Статья «**Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации**» **М.Ц. Будажанавой**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, посвящена выявлению сложившихся демографических тенденций сельских территорий, в том числе с учётом пространственной неоднородности возрастной структуры населения и демографических процессов. Автором проанализировано естественное движение городского и сельского населения в период 1990–2023 гг., показаны последствия длительного оттока, высокой смертности сельского населения для его возрастной структуры. Также исследованы региональные различия по возрастной структуре и типу воспроизводства сельского населения. Кроме того, проанализирована неоднородность субъектов по уровню и структуре смертности сельского населения, определены причины высокой смертности сельского населения в целом по России и отдельных регионах. В статье рассмотрено также влияние миграционных процессов на динамику численности сельского населения, в том числе женского населения репродуктивного возраста. На основе анализа сложившихся демографических процессов показана деформация возрастной структуры сельского населения субъектов. В заключении автором сформулированы выводы и определены направления дальнейшего развития темы исследования.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые социальному благополучию жителей регионов России как фактору миграционного потенциала местного населения; масштабам и барьерам доступа к интернету людей с инвалидностью.

В статье «**Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения**» **Р.М. Валиахметова**, канд. социол. наук, заведующего научной лабораторией социальных и демографических исследований, профессора кафедры социологии и работы с молодёжью Уфимского университета науки и технологий, **М.С. Туракаева**, канд. социол. наук, старшего преподавателя кафедры социологии и работы с молодёжью, главного специалиста научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий, старшего научного сотрудника лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, рассматривается влияние совокупности индикаторов социального благополучия населения на миграционный потенциал жителей пяти российских регионов – Республики Башкортостан, Свердловской, Курской, Вологодской и Тюменской областей. Информационную основу работы составили данные российского исследования (конец 2023–начало 2024 гг.), выполненного в рамках проекта «Социокультурные портреты регионов России». В статье показано, что на миграционные установки населения оказывают влияние не только общие, но и локальные/местные особенности проявления объективных (инфраструктурные и институциональные особенности развития социального пространства региона: наличие или отсутствие качественных рабочих мест, степень развития социальных услуг и т.д.) и субъективных (в оценках респондентов и их отношении к региону своего проживания, месту настоящей работы и т.п.) факторов и предпосылок. В ходе исследования установлена категория респондентов, которая обладает сравнительно высоким миграционным потенциалом, а также выявлена склонность к смене региона проживания представителей низкодоходной группы населения. В статье определены факторы, снижающие миграционные намерения и установки местного населения.

Статья «**(Не)использование интернета людьми с инвалидностью: масштабы и барьеры доступа**» **С.В. Коржук**, канд. социол. наук, старшего научного сотрудника Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, **А.Я. Бурдяк**, старшего научного сотрудника Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, направлена на поиск ответов на вопросы: насколько люди с инвалидностью вовлечены в использование интернета; какие причины озвучивают те, кто не пользуется им; возможно ли преодоление этих барьеров и насколько это расширило бы охват населения цифровизацией. Анализ доступа людей с инвалидностью к информационно-коммуникационным технологиям опирается на данные выборочных обследований населения за 2022 г., проводимых Росстатом. В статье описана доля пользователей интернета среди всего населения и среди людей с инвалидностью, показана специфика в разных возрастных когортах, определены факторы влияния на включённость населения в онлайн-пространство. На основе численной оценки барьеров использования интернета с учётом факторов влияния (уровень жизни в регионе и другие) авторами рассчитаны возможности расширения масштабов цифровизации населения. В статье определены основные преодолимые барьеры цифровизации, установлено, в какой степени наличие инвалидности снижает шансы использования интернета.

В рубрике «**ПЕРСОНАЛИИ**» опубликована статья «**Слово о юбиляре. Социология жизни Ж.Т. Тощенко в смыслах, делах и публикациях**» **В.К. Левашова**, д-ра социол. наук, директора Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. В статье показан большой вклад члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко в развитие социологической науки в СССР и в современной России.

Редакция журнала поздравляет юбиляра и благодарит его за работу в составе редакционного Совета нашего журнала!

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» опубликованы три статьи, посвящённые двум научно-практическим конференциям и Первому Всероссийскому Семейному Форуму.

Статья «**Новая экономика труда – концепция, методика, практика**» **Т.О. Разумовой**, д-ра экон. наук, профессора, заведующей кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, посвящена научно-практической конференции памяти профессора Колосовой Риориты Пантелеймоновны. Конференция «*Новая экономика труда – концепция, методика, практика*» состоялась 30 августа 2024 года на экономическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. На конференции учёные и практики обсудили актуальные вопросы экономики труда. Особое внимание было уделено идеям доктора экономических наук, профессора Колосовой Риориты Пантелеймоновны.

В статье «**Новая экономика труда: теоретические и прикладные аспекты. О Пятых Костинских чтениях**» **Н.В. Локтюхиной**, д-ра экон. наук, профессора, ведущего научного сотрудника Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессора кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, **С.А. Шапиро**, канд. экон. наук, доцента, заведующего кафедрой экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, подведены итоги V Международной научно-практической конференции (Костинские чтения), которая состоялась 9 октября 2024 года в Академии труда и социальных отношений (г. Москва). Конференция посвящена памяти выдающегося учёного, одного из основателей современной экономики труда, Леонида Алексеевича Костина (1922–2016 гг.). В 2024 году дата проведения конференции была приурочена ко Всемирному дню действий профсоюзов «За достойный труд». На пятых Костинских чтениях обсуждались проблемы новой экономики труда, её теоретические и прикладные аспекты.

Статья «**Обеспечение прав и улучшение качества жизни семей, имеющих в своём составе людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью**» **Н.Г. Кутеповой**, канд. психол. наук, доцента Челябинского государственного университета, доцента Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, **В.И. Рязанцева**, младшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, посвящена Первому Всероссийскому Семейному Форуму «*Культурный суверенитет и духовно-нравственные ценности как основы государственной политики и образа будущего России*», который состоялся в Санкт-Петербурге 27–28 сентября 2024 года. Семейный форум выступил площадкой для обсуждения актуальных вопросов формирования образа России как суверенного государства, где высшей ценностью являются: человеческое достоинство, крепкая многодетная семья, безопасное общество, основанное на идеалах духовности, нравственности и культуры. Организаторами форума стали Союз «Родительская палата» и Объединение православных учёных.

В выпуске представлен рубрикатор статей, опубликованных в журнале в 2024 году.

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор **В.Н. Бобков**

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 369

JEL J14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498

EDN JYVIJH

Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации

Игорь Николаевич Захаров

Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Республике Марий Эл, Йошкар-Ола, Россия (zaxar_work@inbox.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9978-388X>)

Аннотация

Целью исследования явилось выявление предпосылок введения элементов базового дохода в пенсионную систему России в среднесрочной перспективе. Посредством анализа научной дискуссии о целесообразности ведения безусловной базовой поддержки населения как в мире, так и в России установлено, что реализация такой поддержки остаётся неоднозначным решением по настоящее время. Подчёркнута актуальность проблематики сохранения баланса между удовлетворением минимальных потребностей отдельных рискованных категорий граждан базовым доходом и исключением замены таким доходом всех источников к существованию. Посредством анализа изменения текущего материального уровня обеспечения нетрудоспособных граждан в рамках пенсионирования населения отдельного субъекта страны выявлено, что достижение целей стратегии долгосрочного развития пенсионной системы страны и повышение материального уровня жизни пенсионеров до уровня ратифицированного международного стандарта в рамках действующей страховой модели является возможным лишь при прорывном повышении социальной ответственности государства, граждан и страхователей. Используя методы математического моделирования, получены результаты актуарного прогноза демографических показателей пенсионной системы до 2050 года, подтверждающие, что поддержание финансовой сбалансированности пенсионной системы будет возможно за счёт увеличения межбюджетных трансфертов. С учётом цифровой трансформации общества, индивидуализации труда, изменения сферы занятости и снижения социальной ответственности в среднесрочной перспективе пенсионная система столкнётся с серьёзными проблемами финансовой обеспеченности государственных обязательств пенсионного страхования. Анализ источников финансирования и результатов прогноза параметров пенсионной системы подтвердил гипотезу о возможности трансформации отдельных составляющих частей пенсии и социальных доплат в гарантированную универсальную систему поддержки населения на основе концепции базового дохода.

Ключевые слова: пенсионная система России, обязательное пенсионное страхование, государственное пенсионное обеспечение, меры социальной поддержки, социальная политика, универсальный базовый доход, пенсии

Для цитирования: Захаров И.Н. Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 482–498. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498 EDN JYVIJH

RAR (Research Article Report)

JEL J14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498

Opportunities for Introducing Basic Income Elements in the Payment and Social Assistance in the Russian Federation

Igor' N. Zakharov

Branch of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for the Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Russia (zaxar_work@inbox.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9978-388X>)

Abstract

The aim of the study was to identify the prerequisites for the implementation of basic income elements in the pension system of the Russian Federation in the medium term. Through an analysis of the scientific discourse on the feasibility of introducing unconditional basic support for the population both globally and in Russia, it has been established that the realization of such support remains an ambiguous solution to this day. The relevance of maintaining a balance between meeting the minimum needs of certain vulnerable categories of citizens through basic income and preventing the replacement of all sources of livelihood with such income has been emphasized. By analyzing the changes in the current material level of support for disabled citizens within the pensioning framework of a specific region, it was revealed that achieving the goals of the long-term development strategy of the country's pension system and raising the material living standards of pensioners to the level of ratified international standards within the existing insurance model is possible only through a breakthrough increase in social responsibility among the state, citizens, and insurers. Using mathematical forecasting methods, results of an actuarial forecast of demographic indicators for the pension system up to 2050 were obtained, confirming that maintaining financial balance in the pension system will be possible through increased interbudgetary transfers. Considering the digital transformation of society, individualization of labor, changes in the employment sector, and a decrease in social responsibility, the pension system will face serious challenges regarding the financial sustainability of state obligations for pension insurance in the medium term. The analysis of funding sources and the results of forecasting parameters of the pension system confirmed the hypothesis about the possibility of transforming certain components of pensions and social supplements into a guaranteed universal support system for the population based on the concept of basic income.

Keywords: pension system of Russia, mandatory pension insurance, state pension provision, social support measures, social policy, universal basic income, pensions

For citation: Zakharov I.N. Opportunities for Introducing Basic Income Elements in the Payment and Social Assistance in the Russian Federation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):482-498. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498 (In Russ.)

Введение

В современном мире социальные гарантии считаются нормой для социально ориентированного государства и правом каждого человека. В Конституции РФ определено право каждого гражданина на социальное обеспечение. Национальным приоритетным направлением является защита от бедности и достижение достойного уровня жизни, необходимого для поддержания здоровья и благосостояния в случае болезни, утраты трудоспособности вследствие инвалидности, безработицы, вдовства, наступления старости и наступления¹ иных жизненных событий.

Трансформация сферы занятости, индивидуализация труда под влиянием очередной технологической трансформации и цифровизации всё сильнее разворачивает научную дискуссию о неизбежном введении универсальной схемы социальной поддержки населения. Усиление социально-экономической дифференциации населения в странах подчёркивает актуальность концепции базового безусловного дохода² [1].

На современном этапе социально-экономического развития Российской Федерации стратегической целью является сокращение бедности и экономического неравенства граждан, в том числе пенсионеров³, поскольку уверенность в долгосрочном материальном благополучии и сохранение достойного уровня жизни служат гарантией стабильности всего общества [2].

Актуальность рассматриваемой проблематики подтверждается научной дискуссией о возможностях введения базового дохода или его элементов в действующую систему социальной поддержки [3] на фоне роста дифференциации в сферах жизни граждан [4; 5; 6]. В публикации [7] концепция универсального базового дохода может оказать влияние на социальную политику

государства во всех аспектах его жизни. Базовый доход способен заменить часть разнообразных мер социальной поддержки населения реализуемых в настоящее время в стране, что усложняет равный доступ граждан к социальной защите. Кроме того, внедрение базового дохода способно нивелировать негативные последствия трансформации сферы занятости в период цифровизации, индивидуализации труда и распределенной занятости. Поднимаемые авторами исследования [8] вопросы формы реализации и структуры базового дохода непосредственно коррелируются с мировыми трендами изменений на рынках труда, на опыте реформирования социальных систем поддержки населения стран. Отдельно выделяются риски, связанные с мотивацией к работе при введении элементов базового дохода. Анализ ряда экспериментов по введению базового дохода в статье [9] показал, что несмотря на повышенное внимание к данной проблематике, в экспериментах участвуют только отдельные категории получателей выплаты. Несмотря на это автор подчёркивает, что дискуссия по данной концепции станет катализатором изменений в европейской социальной модели. В исследованиях ведущих учёных поднимается вопрос о возможности дополнения современной пенсионной системы России элементами базового дохода [10; 11]. Авторы подтверждают назревшую необходимость дальнейшего развития пенсионной системы в стране, с использованием потенциала концепции базового пенсионного дохода, отмечают риски пенсионной системы вследствие неспособности солидарно-распределительного принципа финансирования пенсионной системы обеспечивать долгосрочную устойчивость.

Объектом статьи является перспектива введения элементов базового дохода в социальную политику Российской Федерации. Предмет исследования: пенсии и иные социальные выплаты. Целью настоящего исследования является выявление предпосылок введения элементов базового дохода в пенсионную систему России на основе анализа состояния параметров пенсионной системы и мер социальной поддержки населения, предоставляемых Социальным фондом России на примере Республики Марий Эл. К решаемым

¹ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва. 2022. 228 с.

² Там же.

³ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

задачам стоит отнести: 1) оценку достигнутого уровня материальной обеспеченности пенсионеров в контексте достигнутых целевых ориентиров совершенствования отечественной пенсионной системы и минимальных социальных гарантий и международных стандартов; 2) выявление изменений основных демографических параметров пенсионной системы; 3) выделение наиболее рискованных категорий получателей пенсий по достижению границ бедности; 4) оценку источников финансирования пенсионной системы и условий формирования пенсионных прав работающих граждан в условиях трансформации сферы занятости; 5) прогноз изменения структуры застрахованных лиц в среднесрочной перспективе.

Гипотеза исследования: предоставляемые отдельные меры поддержки граждан и социальные выплаты имеют предпосылки к трансформации в единую универсальную форму поддержки.

Теоретические и методологические положения

В настоящее время термин «безусловный базовый доход» имеет достаточно широкое толкование. Исследователи выделяют ряд близких названий: универсальный базовый доход, безусловный основной доход, гарантированный минимальный доход, безусловный гарантированный доход и другие⁴ [12; 13] – объединённых единой концепцией материальной поддержки населения или его отдельных категорий граждан на основе регулярных (ежемесячных) денежных выплат [14; 15; 16; 17]. В этом базовый доход схож с выплатой пенсий и мер социальной поддержки. Размер базового дохода должен гарантировать защиту от нищеты и крайней бедности для рискованных категорий граждан и одновременно не быть единственным источником дохода населения. Вопрос же продолжительности выплат базового дохода остаётся дискуссионным.

Эксперименты по внедрению и реализации базового дохода проводились в ряде стран [5; 18], а также в период пандемии COVID-19 [19]. Стоит отметить, что страны, завершившие эксперименты, не внедрили схему базового дохода в полном объёме, имея положительные результаты исследований⁵. В рамках проводимых экспериментов одной из ключевых задач являлось обоснование размера базового дохода. Так размер дифференцировался от минимального объёма потребления (прожиточный

минимум, МРОТ⁶) до 60% от средней заработной платы по стране⁷ [13]. Стоит отметить, что эксперименты по введению базового дохода в системы социального обеспечения затрагивали отдельные категории граждан – получателей мер социальной поддержки, в первую очередь это связано с высокими финансовыми нагрузками на бюджеты стран при проведении полномасштабного эксперимента и охвате широких когорт населения. Несмотря на значительное количество экспериментов в социальной сфере стран, непосредственные пилотные проекты по внедрению и использованию элементов базового дохода в пенсионных системах встречаются достаточно редко. Зачастую реформирование пенсионных систем касается использования базовых (государственных, резидентских) пенсий⁸, базовых частей пенсий, рассматриваемых как фиксированная часть выплачиваемых пенсий. Однако в пенсионных системах мира нет введённого полного аналога базового дохода, а сам базовый доход рассматривается как некая переходная форма реформирования пенсии. В России эксперименты по введению базового дохода и его имплементацию в пенсионную систему только предстоит провести [11].

Таким образом, дискуссия о базовом доходе как альтернативе пенсии [20] и части мер социальной поддержки населения актуальна в современном мире.

Информационные материалы и методы

В информационную базу исследования включены ведомственная статистика и аналитические данные Социального фонда РФ (после 2023 года), Пенсионного фонда РФ (до 2023 года), Фонда социального страхования РФ (до 2023 года), официальная статистика Федеральной службы государственной статистики, законодательные и нормативные акты России, касающиеся пенсионного страхования и обеспечения, научные исследования ведущих учёных по обозначенной проблематике.

Среди методов, использованных в статье, стоит отметить следующие: анализ и сравнение параметров действующей пенсионной системы страны, источников финансирования государственных пенсионных обязательств, структуры видов пенсий (страховых, государственных), математическое моделирование при среднесрочном

⁶ МРОТ – минимальный размер оплаты труда.

⁷ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва. 2022. 228 с.

⁸ Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators // OECD iLibrary: [сайт]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/deliver/678055dd-en.pdf?itemId=%2Fcontent%2Fpublication%2F678055dd-en&mimeType=pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва. 2022. 228 с.

⁵ Там же.

актуарном прогнозе демографических показателей Социального фонда РФ до 2050 года.

Результаты исследования

Обеспечение государственных гарантий защиты от бедности и достижение материальных стандартов качества жизни пенсионеров.

В 2019 году Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Международной организации труда № 102⁹, в которой обозначены международные стандарты, являющиеся необходимыми и исчерпывающими для обеспечения минимального уровня благосостояния пожилых граждан¹⁰. В результате основными задачами пенсионной системы РФ являются: гарантия защиты от бедности и компенсация утраченного заработка пенсионеру.

Пенсионная система России включает в себя обязательное пенсионное страхование¹¹ и государственное пенсионное обеспечение¹², отли-

чающиеся институциональными особенностями и источниками финансирования выплат. В рамках пенсионного страхования нетрудоспособным гражданам выплачивается страховая пенсия, которая является компенсацией утраченного заработка по причине наступления страхового случая: старости, инвалидности или потери кормильца. В рамках государственного пенсионного обеспечения устанавливается государственная пенсия, которая представляет собой ежемесячную денежную выплату нетрудоспособным гражданам, гарантирующую защиту от бедности.

Таким образом, в пенсионной системе Российской Федерации обеспечивается защита от монетарной нищеты и учёт страхового вклада застрахованного лица в его уровне дохода. Изменение основных параметров пенсионной системы Республики Марий Эл, касающихся выплаты пенсий, представлено в таблице 1.

Таблица 1

Параметры пенсионной системы Российской Федерации в Республике Марий Эл

Table 1

Parameters of the Pension System of the Russian Federation in Mari El Republic

Получатели пенсий	на 1 января 2019 года		на 1 января 2022 года		на 1 января 2023 года		на 1 января 2024 года	
	Численность, человек	Отношение к ПМП ¹³ , %	Численность, человек	Отношение к ПМП, %	Численность, человек	Отношение к ПМП, %	Численность, человек	Отношение к ПМП, %
Всего:	213801	154,0	205185	144,3	204737	161,5	201068	161,4
- работающие	43797	134,8	39112	117,1	36475	131,1	37452	136,0
- неработающие	170004	159,0	166073	150,8	168262	168,1	163616	167,2
Страховой пенсии:	196560	158,2	188178	148,9	187421	166,4	183545	166,8
- по старости, в том числе:	178340	163,9	170466	154,4	169489	172,6	165163	173,2
имеют 1 иждивенца	6551	159,6	5015	150,1	4864	170,1	4527	172,5
имеют 2 иждивенцев	553	167,1	490	155,8	455	175,7	460	174,9
имеют 3 иждивенцев	112	186,4	104	172,2	102	189,8	98	195,3
- по инвалидности, в том числе:	10427	99,9	10630	92,5	10599	102,1	10984	103,4
имеют 1 иждивенца	1981	105,1	1910	96,7	1880	107,5	1834	108,5
имеют 2 иждивенцев	889	120,0	872	112,2	882	125,3	883	125,4
имеют 3 иждивенцев	237	139,1	258	127,8	263	142,5	264	145,7

⁹ Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции N 102)».

¹⁰ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва, 2022. 228 с.

¹¹ Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

¹² Там же.

¹³ ПМП – прожиточный минимум пенсионера. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 01.09.2023 № 421 (ред. от 14.12.2023) «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Республике Марий Эл на 2024 год».

Окончание таблицы 1

Получатели пенсий	на 1 января 2019 года		на 1 января 2022 года		на 1 января 2023 года		на 1 января 2024 года	
	Численность, человек	Отношение к ПМП, %	Численность, человек	Отношение к ПМП, %	Численность, человек	Отношение к ПМП, %	Численность, человек	Отношение к ПМП, %
- по случаю потери кормильца	7793	105,8	7082	102,9	7333	116,1	7398	118,2
Пенсии по государственному пенсионному обеспечению	17241	106,4	17007	93,3	17316	108,0	17523	104,3
Социальных пенсий	16230	102,4	16022	89,2	16342	102,2	16454	97,7
Страховой по старости (досрочной)	9653	131,8	9641	120,7	9932	137,7	11004	141,0

Источник: расчёты на основе статистики уровня жизни¹⁴.

Последние пять лет сохраняется динамика сокращения общей численности пенсионеров. В 2024 году в Марий Эл общая численность получателей всех видов пенсий сократилась на 12733 человека, что составляет 5,96%. В частности сокращение численности работающих пенсионеров составило 14,49% по сравнению с 2019 годом, неработающих – 3,76%.¹⁴

Весьма показательным является изменение численности получателей страховой пенсии. В целом это объясняется параметрическими изменениями обязательного пенсионного страхования, отраженными в поэтапном увеличении нормативного пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин¹⁵. Так, численность пенсионеров – получателей страховой пенсии по старости сократилась на 7,39%, по инвалидности увеличилась на 5,34%, по случаю потери кормильца уменьшилась на 5,07%. Стоит отметить, что на фоне общего тренда к снижению численности получателей пенсии, инвалидизация населения имеет тенденцию к росту.

Отдельно стоит рассмотреть категории получателей пенсий, имеющих иждивенцев. Подавляющее большинство таких граждан имеют несовершеннолетних детей или детей до 23 лет, обучающихся очно. Таким пенсионерам устанавливается повышенная фиксированная выплата к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности в сумме, равной одной третьей суммы фиксированной выплаты на каждого нетрудоспособного члена семьи, находящегося на иждивении

(но не более трёх иждивенцев)¹⁶. Такие получатели вправе претендовать на меры социальной поддержки при соблюдении определённых условий. Показательно, что на фоне увеличения трудоспособного возраста населения численность получателей пенсий с иждивенцами ежегодно сокращается. Наибольшая динамика к уменьшению наблюдается у численности пенсионеров по старости с одним иждивенцем. Данный показатель составляет 31,90%.

Численность пенсионеров по государственному пенсионному обеспечению за последние пять лет практически не изменилась. Увеличение составило 1,64%. Так численность получателей социальных пенсий сохраняет положительную динамику. В 2024 году темп роста показателя по сравнению с базовым годом (2019) составил 1,38%. Следует отметить, что институциональные изменения пенсионной системы¹⁷ не спровоцировали взрывной рост численности получателей социальной пенсии по старости, не выполнивших требований по вхождению в систему обязательного пенсионного страхования (15 лет страхового стажа и 30 индивидуальных пенсионных коэффициентов (ИПК)). Граждане за счёт увеличения времени нахождения в трудоспособности формируют достаточный объём пенсионных прав, учтённых в продолжительности страхового стажа и количестве ИПК.

Весьма показательной является динамика изменения численности пенсионеров — получателей страховой пенсии по старости, не достигших

¹⁴ Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, установленная на 2021–2025 гг. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 11. 07. 2024).

¹⁵ Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О страховых пенсиях».

¹⁶ Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О страховых пенсиях».

¹⁷ Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

общеустановленного пенсионного возраста¹⁸. Ежегодно наблюдается рост таких пенсионеров. В 2024 году доля таких пенсионеров в общей численности составила 6,6%. Данная статистика подтверждает возможность выполнения условий, дающих право досрочного выхода на пенсию за длительный страховой стаж.

Повышение материального благополучия пенсионеров заявлено как целевой ориентир Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России¹⁹: размер пенсии по старости должен быть увеличен до 300% прожиточного минимума пенсионера к 2030 году, а коэффициент замещения пенсии по старости составлять не менее 40% усреднённого заработка.

Увеличение материального благосостояния пенсионеров достигается за счёт ежегодной индексации пенсий. Прирост среднего размера пенсии составил за пять лет 49,59% для всех видов пенсий: как для страховых, так и для государственных. В таблице 2 представлен средний размер пенсии, исчисленный в отношении к прожиточному минимуму пенсионера (ПМП) субъекта.

Безусловно, преодоление монетарной бедности для среднего размера всех пенсий обеспечено во всём временном исследуемом периоде. В 2024 году отношение среднего размера всех пенсий к прожиточному минимуму пенсионера²⁰ составило 161,4%. В целом за 5 лет с 2019 года наблюдается положительная динамика роста данного показателя на 7,4 п.п. Однако стоит отметить, что стабильного увеличения данного отношения не наблюдается, и достижение целевого ориентира Стратегии к 2030 году остаётся вопросом дискуссионным. Отношение среднего размера страховой пенсии по старости к размеру прожиточного минимума пенсионера традиционно превышает все остальные виды пенсий, но в 2024 году оно составило всего 173,2%. Настораживает снижение среднего размера всех пенсий по государственному пенсионному обеспечению (ГПО) и социальных пенсий в отдельности. Пенсии по ГПО в 2024 году всего на 4,3% превышают прожиточный минимум пенсионера (ПМП), а средний размер социальных пенсий ниже ПМП на 2,3%, что компенсируется установлением социальной доплаты гражданину.

Таблица 2

Изменение среднего размера пенсий по отношению к прожиточному минимуму пенсионера в Республике Марий Эл, %

Table 2

Change in the Average Size of Entertainment Pensions to the Pensioner's Subsistence Level in Mari El Republic, %

Пенсии	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Всех видов	154,0	159,5	162,1	159,9	161,5	161,4
Страховые пенсии, в том числе:	158,2	164,2	166,9	164,5	166,4	166,8
по старости	163,9	170,1	172,9	170,6	172,6	173,2
по инвалидности	99,9	103,5	104,0	101,6	102,1	103,4
по потере кормильца	105,9	110,8	112,1	114,5	116,1	118,2
Пенсии по государственному пенсионному обеспечению	106,4	106,7	108,6	110,3	108,0	104,3
Социальные пенсии	102,4	102,3	104,2	105,5	102,2	97,7
Страховые пенсии (досрочные)	131,8	134,3	135,7	137,6	137,7	141,0

Источник: расчёты на основе статистики уровня жизни²¹.

Весьма показательным является изменение отношения средней пенсии неработающих пенси-

онеров к ПМП. С учётом особенностей индексации²² работающих застрахованных лиц средний размер пенсий практически не изменился во всём анализируемом периоде. Так в 2019 году данный показатель составил 134,8%, в 2022 году – 132,4%, в 2024 году – 136,0%. Изменения связаны с уста-

¹⁸ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва. 2022. 228 с.

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р (ред. от 24.10.2018) «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации».

²⁰ Постановление Правительства Республики Марий Эл от 01.09.2023 № 421 (ред. от 14.12.2023) «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Республике Марий Эл на 2024 год».

²¹ Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, установленная на 2021–2025 гг. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vpm_sub_2021-2025.xlsx (дата обращения: 11.07.2024).

²² Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О страховых пенсиях».

новлением новых назначений гражданам в текущем году, оставлением работы, наличием временного периода безработицы. С учётом доходов от трудовой деятельности совокупный доход работающего пенсионера в 2024 году превышает 300,0% ПМП при условии полной занятости. При этом у неработающих пенсионеров средний размер пенсий выше на 31,2 п.п. Таким образом, подтверждено, что достижение целевого ориен-

тира Стратегии возможно лишь при учёте размера пенсии и дохода от трудовой или иной деятельности.

Интерес представляет анализ достижения целевого ориентира Стратегии в 40% усреднённого утраченного заработка (таблица 3). В данном случае проанализированы размеры различных видов страховых пенсий и категорий граждан, имеющих сформированные пенсионные права.

Таблица 3
Расчетный коэффициент замещения утраченного заработка страховыми пенсиями в 2024 году в Республике Марий Эл, %

Table 3
Estimated Rate of Replacement of Lost Earnings with Insurance Pensions in 2024 in Mari El Republic, %

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Всего	41,84	41,42	39,82	41,39	35,85	33,34
- работающие получатели пенсий	36,61	35,07	32,98	34,25	29,10	28,10
- неработающие получатели пенсий	43,19	43,00	41,46	42,97	37,31	34,55
Страховые пенсии	42,98	42,63	40,98	42,57	36,95	34,47
по старости	44,53	44,15	42,46	44,14	38,33	35,79
являются инв. 1 группы	59,81	59,37	56,93	н/д	51,12	47,67
являются инв. 2 группы	52,66	52,74	50,80	н/д	45,68	42,04
являются инв. 3 группы	44,34	44,36	42,96	н/д	39,16	36,58
по инвалидности	27,15	26,87	25,55	26,29	22,66	21,35
являются инв. 1 группы	45,77	45,64	43,89	н/д	39,65	37,12
являются инв. 2 группы	28,60	28,40	27,12	н/д	24,48	22,82
являются инв. 3 группы	23,60	23,21	22,23	н/д	19,30	18,26
по потере кормильца	28,76	28,77	27,55	29,63	25,79	24,42
являются инв.1 группы	51,72	51,26	50,85	н/д	46,46	42,72
являются инв.2 группы	44,95	45,12	43,68	н/д	39,63	36,98
являются инв.3 группы	40,34	40,11	38,75	н/д	35,09	33,13
По государственному пенсионному обеспечению	28,91	27,70	26,68	28,55	23,98	21,56
Социальные пенсии	27,81	26,57	25,59	27,30	22,68	20,19
Страховые пенсии (досрочные за длительный стаж)	35,79	34,86	33,33	35,60	30,56	29,12

Источник: расчёты на основе статистики уровня жизни²³.

В целом в исследуемом периоде расчётный коэффициент замещения, рассчитанный как отношение среднего размера страховой пенсии к средней заработной плате в текущем году в субъекте, имеет ежегодную динамику к снижению. К 2024 году коэффициент замещения для всех видов страховых пенсий сократился до 33,34%. В частности,

для работающих пенсионеров – до 28,10% (с учётом дохода от трудовой деятельности – до 62,09%), для неработающих – до 34,55%. Коэффициент замещения для страховых пенсий по старости традиционно выше среднего показателя и составляет в 2024 году 35,79%. При этом расчётный показатель для получателей, являющихся инвалидами I группы и II группы, превышает нормативный 40% барьер. Для инвалидов I группы он составляет 47,67%, для 2 группы – 42,04%. Такая ситуация объясняется установлением инвалидам I группы

²³ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности за 2017–2023 гг. // Росстат: [сайт]. URL: https://12.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SrZarplataVid_20240523.xlsx // (дата обращения: 11. 07. 2024).

и инвалидам II группы с ограничением трудоспособности 3 степени повышения в размере 100% фиксированной выплаты²⁴. В результате наличие трёх иждивенцев у пенсионера увеличивает коэффициент замещения страховой пенсии по старости до 40%. При этом повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и по инвалидности равно сумме, равной одной третьей размера фиксированной выплаты, на каждого нетрудоспособного члена семьи, но не более чем на трёх членов семьи.

Страховые пенсии по инвалидности в целом существенно отстают от нормативного уровня, коэффициент замещения в 2024 году составил 21,35%, что выделяет получателей данного вида пенсий в отдельную категорию низкодоходной группы. Показательно, что установление повышенной фиксированной выплаты для граждан с инвалидностью I группы повышает показатель до 37,12%. В 2024 году повышенный размер фиксированной выплаты равен 16269 рублям 76 копейкам. Отдельно стоит отметить, что фиксированная выплата для инвалидов 3 группы и получателей пенсий по случаю потери кормильца (СПК) составляет 50% от базовой²⁵. В результате коэффициент замещения в 2024 году для пенсий по инвалидности у получателей 3 группы составил только 18,26%. Расчётный показатель коэффициента замещения страховых пенсий по потере кормильца сократился на 4,34 п.п. до 24,42%. Коэффициент замещения для страховых пенсий по старости ранее наступления общеустановленного возраста ниже аналогичного показателя для страховых пенсий по старости при наступлении нормативного пенсионного возраста на 6,67 п.п. (таблица 3). Это подчёркивает, что наличие длительного страхового стажа при досрочном выходе на пенсию на 2 года раньше не только не гарантирует международный уровень коэффициента замещения утраченного заработка, но и снижает материальную обеспеченность нетрудоспособного гражданина.

Интерес представляет собой исследование изменения численности получателей социальной доплаты к пенсии. Неработающим пенсионерам, чьё общее материальное обеспечение не превышает размера регионального прожиточного минимума пенсионера, устанавливается федеральная социальная доплата к пенсии

²⁴ Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О страховых пенсиях».

²⁵ Размер фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости // Социальный фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensioners/Fixed_payment_amount (дата обращения: 11.07.2024).

(ФСД) до регионального прожиточного минимума²⁶. Во всём исследуемом периоде численность получателей ФСД имела разнонаправленную динамику и варьировалась от 16356 человек до 18864 человек. В 2024 году в Республике Марий Эл по сравнению с прошлым годом наблюдается положительная динамика роста получателей федеральной социальной доплаты (17358 получателей). Доля граждан с доходами ниже границы бедности среди неработающих пенсионеров составляет 10,5%, что на 0,8 п.п. выше, чем в прошлом году. Средний размер выплаты составляет 3066,03 руб. Примечательно то, что за последние пять лет средний размер ФСД увеличился на 47,4%. Несмотря на то, что средний размер ФСД увеличился, доля кассовых расходов на выплату социальной доплаты в расходах на выплату всех пенсий субъекта ежегодно снижается. В 2024 году данный показатель снизился до 1,44%.

Таким образом, анализ обеспеченности государственных пенсионных гарантий защиты от бедности нетрудоспособных граждан, показал недостижение как минимальных международных стандартов для среднестатистического получателя пенсий, так и утверждённых российских целевых ориентиров материального благополучия граждан. В условиях, когда достижение поставленных целей выполнимо в среднесрочной перспективе только за счёт повышения доходной составляющей бюджета пенсионной системы, анализ финансовой сбалансированности пенсионной системы и поиск новых источников финансирования базового пенсионного дохода имеет принципиальное значение.

Источники финансовой сбалансированности пенсионной системы и социальных выплат пенсионерам

Поиск возможностей введения элементов базового дохода в пенсионную систему России следует проводить на основе изучения источников финансирования выплат в рамках системы (Рисунок 1).

В рамках обеспечения по обязательному пенсионному страхованию осуществляются выплаты социального пособия на погребение умершего неработающего пенсионера, фиксированной выплаты, страховой пенсии по инвалидности, страховой пенсии по случаю потери кормильца, страховой пенсии по старости. Основным источником финансирования данных выплат являются

²⁶ Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О государственной социальной помощи».

страховые взносы, уплачиваемые работодателем. В случае дефицита собственных средств на выплату он погашается за счёт межбюджетных трансфертов. В 2023 году за счёт средств федерального бюджета, переданных в бюджет Фонда, финансировались: валоризация (валоризация – это повышение размеров страховых пенсий за счёт переоценки вклада периодов работы граждан до 1991 года. Размер валоризации определяется как фиксированные 10% расчётной пенсии и, сверх того, 1% расчётно-

го пенсионного капитала за каждый год стажа, приобретённого до 1991 года)²⁷, компенсация пониженных страховых тарифов, выплаты в рамках обязательного пенсионного страхования, и компенсация зачёта в страховой стаж нестраховых периодов. К таким периодам относятся прохождение военной службы, уход за ребёнком до достижения им возраста полутора лет, уход за нетрудоспособным гражданином, период невозможности трудоустроиться супруге военнослужащего²⁸.

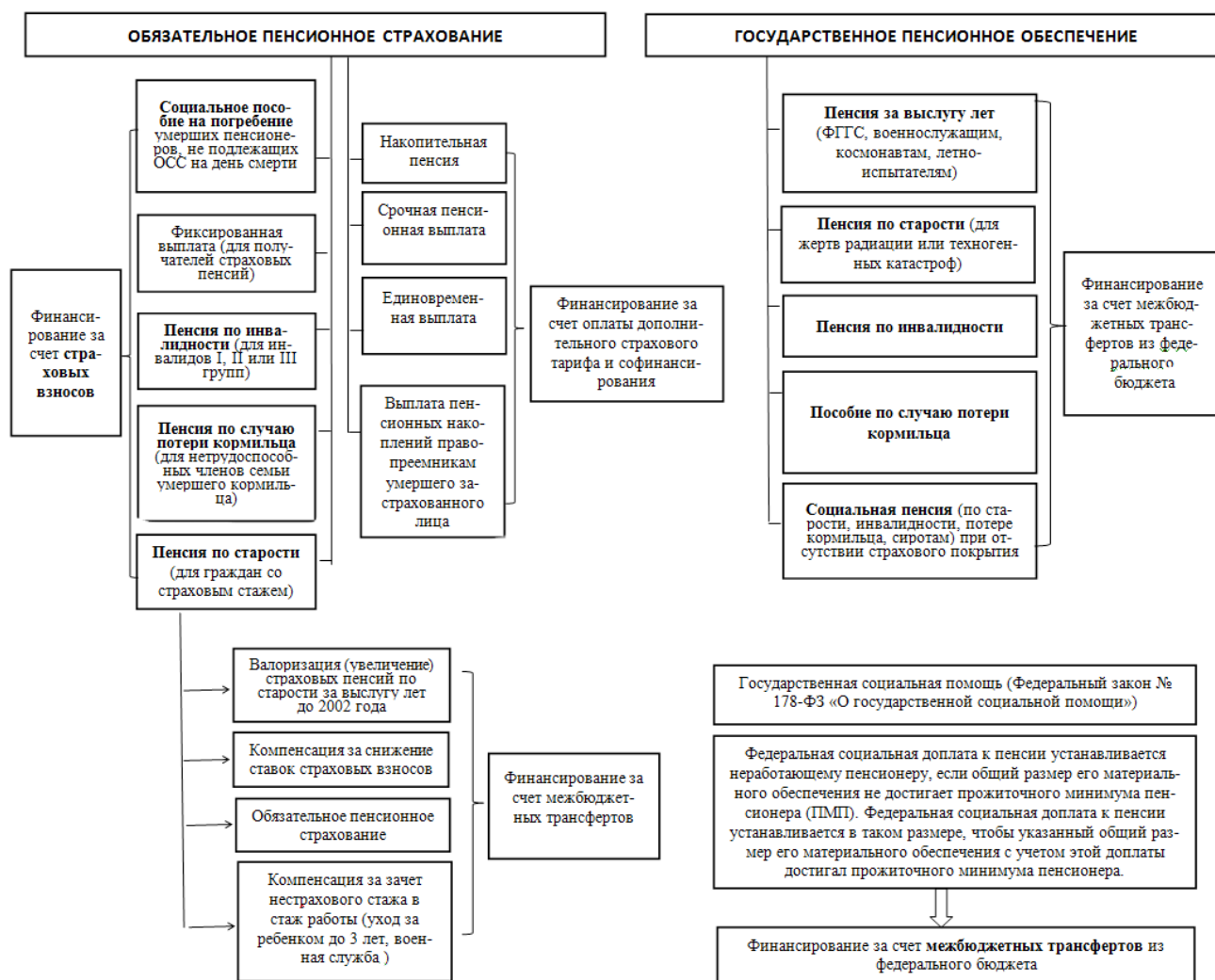

Рисунок 1. Источники финансирования пенсионной системы России
Figure 1. Sources of Funds in the Pension System

Источник: составлено автором на основе НПА²⁹.

²⁷ Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

²⁸ Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О страховых пенсиях».

²⁹ Федеральный закон от 05.12.2022 № 467-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»; Федеральный закон от 08.07.2024 № 162-ФЗ «Об исполнении бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за 2023 год»; Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О страховых пенсиях»; Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О государственной социальной помощи»; Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

Трансфертами компенсируются пониженные тарифы страховых взносов для работников, занятых в организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий; некоммерческих организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения; предприятий свободных экономических зон; страхователей, применяющих специальный налоговый режим; страхователей, признаваемых субъектами малого или среднего предпринимательства. Также межбюджетные трансферты направляются на индексацию стоимости пенсионного коэффициента, фиксированной выплаты, на финансирование досрочных пенсий.

Выплаты в рамках пенсионных накоплений финансируются за счёт дополнительных страховых взносов и добровольного софинансирования.

Государственное пенсионное обеспечение, включая социальную доплату к пенсии, полностью финансируется за счёт трансфертов из федерального бюджета.

В действующей пенсионной системе Российской Федерации элементом базового дохода можно считать фиксированную выплату к страховым пенсиям, а в ГПО – социальную пенсию. Обязательное страховое обеспечение включает в себя фиксированную выплату, предоставляемую всем пенсионерам, которая является по сути государственным пособием, и саму страховую пенсию, по экономическому смыслу представ-

ляющую собой отложенную заработную плату работника³⁰. Социальная пенсия по старости выплачивается застрахованным лицам, которые достигли возраста 70 лет (мужчины) и 65 лет (женщины) и при этом не сформировали необходимый объём прав для страховой пенсии.

Анализируя исполнение бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации в 2023 году, следует подчеркнуть, что доходная часть состоит из уплаченных страховых взносов на выплату пенсий (80,72%) и трансфертов из федерального бюджета (19,28%) (Рисунок 2). Следует отметить, что начиная с 2019 года наблюдается динамика сокращения межбюджетных трансфертов. Если в 2020 году доля трансфертов в доходах составляла 31,9% [21], то в 2021 году – 25,71%, а в 2024 – 19,28%. Существенно сократились трансферты, направляемые в систему обязательного пенсионного страхования. Это объясняется повышением собираемости и объёмов уплаченных страховых взносов. Доходы выросли на 61,48% по сравнению с 2019 годом. При этом следует отметить рост межбюджетных трансфертов на компенсацию выпадающих доходов в связи с льготами по уплате страховых взносов отдельных категорий страхователей, ростом численности плательщиков фиксированных платежей и самозанятых граждан, не вступивших в добровольные правоотношения по уплате страховых взносов.

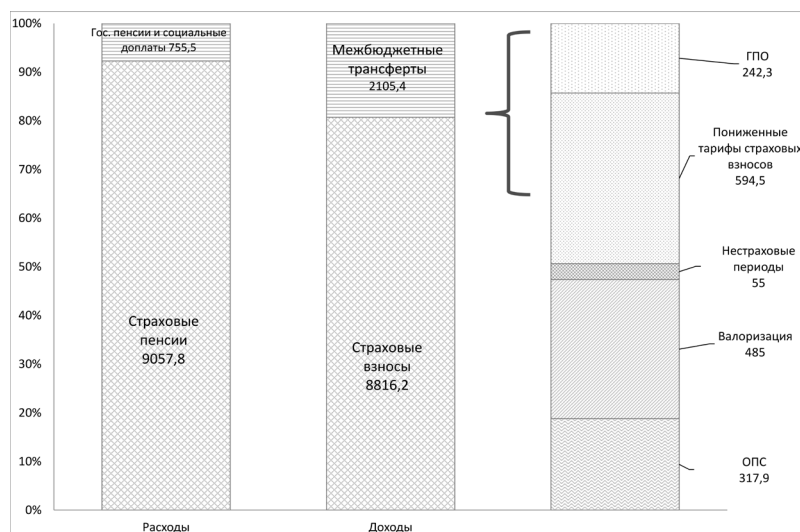

Рисунок 2. Исполнение бюджета СФР в части выплаты пенсий и социальных выплат, млрд руб.

Figure 2. Execution of the SFR Budget in Terms of Payment of Pensions and Social Benefits, Billion Rubles

Источник: расчёты на основе годового отчёта Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за 2023 год³¹.

³⁰ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва, 2022. 228 с.

³¹ Годовой отчет Фонда пенсионного и социального страхования // Социальный фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/sfr-annual-report-2023-pages.pdf (дата обращения: 07.08.2024).

Таким образом, трансферты из федерального бюджета в большей степени идут на компенсацию дефицита бюджета фонда вследствие изменения сферы занятости и либерализации социальной ответственности работодателей в период цифровой технологической трансформации.

В результате анализа финансовой сбалансированности пенсионной системы, куда входят выплаты страховой и нестраховой природы, следует сделать вывод, что доходную основу составляют уплаченные страховые взносы. Достижение баланса между пенсионными правами и государственными пенсионными обязательствами перед пенсионерами, с учётом ежегодной индексации размера пенсий, достигается за счёт межбюджетных трансфертов. Потенциал индексации стоимости пенсионных прав зависит от роста численности работающего населения или увеличения объёмов межбюджетных трансфертов. При этом следует отметить, что резерва из объёмов собранных страховых взносов для формирования частичной базовой выплаты нет. Поэтому интерес представляет прогнозная оценка численности работающих граждан, которая позволит смоделировать перспективную бюджетную сбалансированность пенсионной системы России и финансовую обеспеченность элементов базового дохода для пенсионеров.

Моделирование демографических условий сохранения финансовой сбалансированности пенсионной системы и возможностей индексации размеров пенсий

В целях повышения материальной обеспеченности жизни работающих пенсионеров проведена институциональная корректировка параметров пенсионной системы³². Индексация пенсий будет осуществляться как по уровню инфляции, так и в соответствии с объёмом поступлений от страховых взносов на выплату страховых пенсий и трансфертов из федерального бюджета. Поскольку модель обязательного пенсионного страхования в России базируется на солидарно-распределительном принципе³³, в результате усиливается зависимость пенсионной системы России от демографических и социально-трудовых факторов. Критической яв-

³² Федеральный закон от 08.07.2024 № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Федерального закона "Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации" и статью 26.1 Федерального закона "О страховых пенсиях"».

³³ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва, 2022. 228 с.

ляется динамика численности трудоспособного населения – плательщиков страховых взносов, численности пенсионеров, структуры сферы занятости в условиях индивидуализации и цифровизации рынка труда, дифференциации страхового вклада различных категорий плательщиков взносов в бюджет.

В настоящее время увеличение количества плательщиков страховых (пенсионных, налоговых) взносов в странах мира без корректировки институциональных параметров пенсионных систем крайне затруднительно по причине сокращения численности населения трудоспособного возраста³⁴. Институциональные преобразования, выраженные в корректировке нормативного пенсионного возраста, льготах по откладыванию времени оставления работы, трудовому долголетию, сохранению трудовой мобильности дают определённые результаты, однако их недостаточно для изменения тенденции по увеличению численности молодого населения.

Структура населения как Российской Федерации в целом, так и Республики Марий Эл характеризуется более низкой численностью молодого населения перед гражданами старше пенсионного возраста. С учётом изменения нормативного пенсионного возраста актуарный прогноз изменения численности получателей страховой пенсии по старости в Республике Марий Эл показывает дальнейшее сокращение на 15,0% к 2050 году. В частности, численность работающих пенсионеров сократится на 64%. В результате дополнительный доход в виде заработной платы будут иметь около 7% пенсионеров Марий Эл. В условиях действующего законодательства прогнозируется рост численности трудоспособного населения региона, способного формировать свои пенсионные права на 10,0%.

Видоизменение сферы занятости и индивидуализация труда под влиянием очередной технологической трансформации и цифровизации влекут проблему сокращения доходов, поступающих за счёт уплаты страховых взносов работающих граждан. Цифровизация рынка труда способствовала развитию самозанятости во многих странах мира, в том числе и в России³⁵. По данным

³⁴ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва, 2022. 228 с.

³⁵ Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: Взаимовлияние, особенности и тенденции развития // ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России: [сайт]. URL: <https://vcot.info/blog/cifrova-ekonomika-i-rynok-truda-cifrovye-tehnologii-i-trudovye-otnosheniya-vzaimovlianiye-osobennosti-i-tendencii-razvitiya> (дата обращения: 27.06.2024).

статистики, численность самозанятых граждан Республики Марий Эл на конец 2023 года составила 23,3 тыс. человек, на конец июля 2024 года – 31,6 тыс. человек³⁶.

Однако стоит отметить, что большая часть самозанятых трудится без вступления в добровольные правоотношения по обязательному пенсионному страхованию. В 2024 году только 1,3 тыс. человек из 31,6 тыс. человек, применяющих специальный налоговый режим «Налог на

профессиональный доход» (НПД)», уплачивают страховые взносы в рамках добровольных правоотношений в обязательном пенсионном законодательстве. В результате пенсионная система недополучает страховых взносов, а самозанятые граждане не формируют свои пенсионные права. Такие граждане не приобретут права на страховую пенсию и будут получателями социальной пенсии, финансируемой за счёт федерального бюджета.

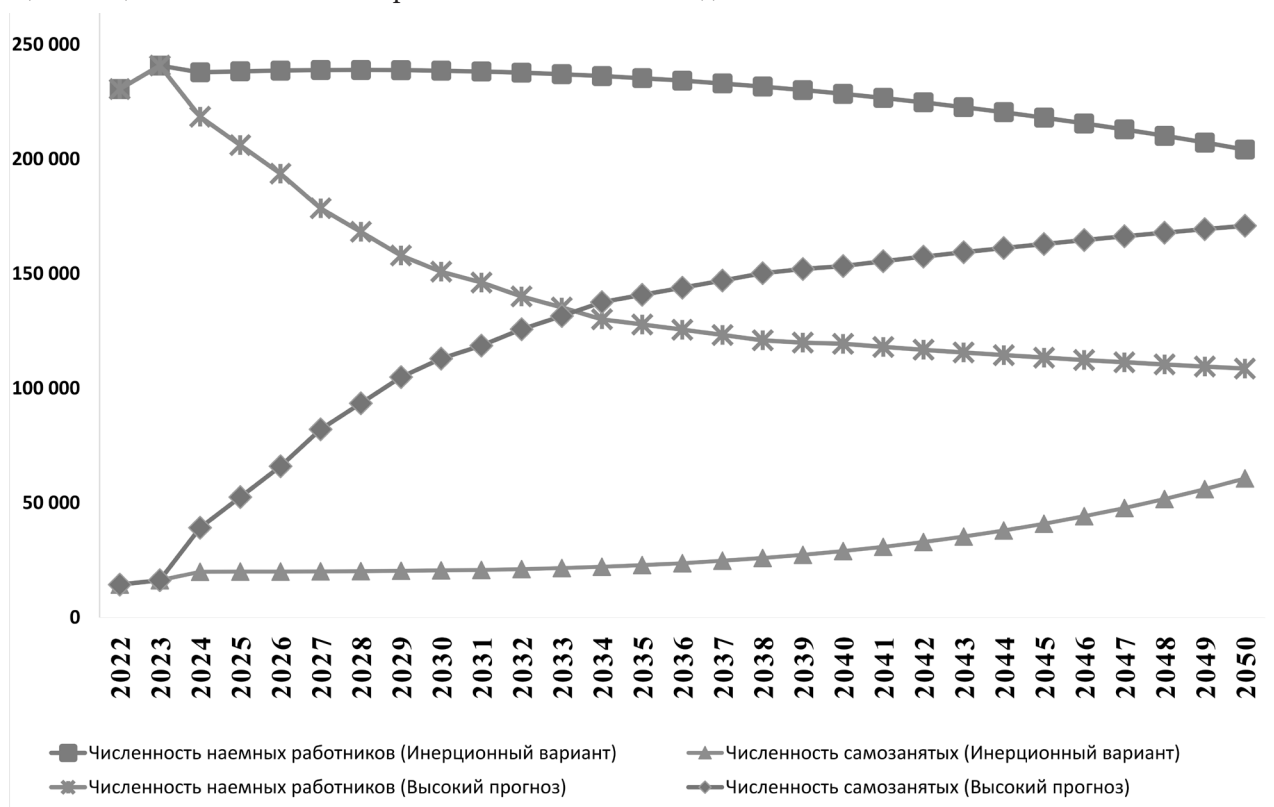

Рисунок 3. Актуарный прогноз численности плательщиков страховых взносов, чел.
Figure 3. Actuarial Forecast of the Number of Insurance Premium Payers, People

Источник: расчёты автора.

На рисунке 3 представлен прогноз трансформации структуры плательщиков страховых взносов в пенсионной системе до 2050 года по двум вариантам прогноза: умеренный – это сохранение преобладания наёмных работников во всём прогнозном периоде и интенсивный – увеличение численности самозанятых работников. В случае развития умеренного сценария структура плательщиков страховых взносов не изменится. Численность наёмных работников уменьшится на 36,6 тыс. человек или 15%. Доля

³⁶ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1724326889227> (дата обращения: 31.08.2024).

самозанятых в общей численности работающего населения в Республике Марий Эл увеличится до 22,9%. В исходной точке прогноза в 2022 году численность самозанятого населения была рассчитана в количестве 16,2 тыс. человека. При интенсивном сценарии структура плательщиков страховых взносов кардинально изменится. К 2034 году численность наёмных работников и самозанятых сравняется. А в 2050 году 38,8% будут составлять наёмные работники, 61,2% – самозанятые. Рост численности самозанятого населения отмечается и в исследованиях других авторов [22; 23; 24].

В этом случае самозанятые граждане при игнорировании собственных обязательств при до-

стижении нормативного пенсионного возраста вместо страховой компенсации утраченного заработка будут иметь социальную пенсию – социальное пособие по бедности³⁷, которое, как показано в исследовании, не превышает размер прожиточного минимума пенсионера. Таким образом, финансирование пособий по бедности большей доли гражданам субъекта за счёт меж-

бюджетных трансфертов будет трансформировать пенсионную систему из страховой в нестраховую. В этом случае вариантом трансформации пенсионной системы в долгосрочной перспективе может стать выделение нормативно-социальной пенсии на основе базового дохода и корпоративно-солидарной – в пенсионном страховании, рисунок 4.

Рисунок 4. Введение элементов базового дохода при трансформации пенсионной системы России в долгосрочном периоде

Figure 4. The Introduction of Basic Income Elements in the Transformation of the Pension System in Russia in the Long-term Forecast

Источник: составлено автором.

Таким образом, нормативно-социальная пенсия будет предоставляться гражданам (резидентам) с целью гарантирования защиты от монетарной бедности по достижении нормативного возраста. В условиях дальнейшей цифровизации, трансформации занятости и сферы заня-

тости, корректировки механизма формирования пенсионных прав для различных категорий работающих базовый доход, являющийся основой нормативно-социальной пенсии, должен рассматриваться как инструмент реализации государственных обязательств в отношении пенсионеров. Источниками финансирования такой пенсии предлагаются налоги и сборы. В дополнение к ней застрахованным лицам, выполнившим требования по стажу и уплаченным страховым

³⁷ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Захаров Игорь Николаевич; науч. рук. Н.В. Локтюхина; ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Москва, 2022. 228 с.

взносам, предлагается корпоративно-солидарная пенсия, которая будет направлена на повышение материального благосостояния отработавших граждан до уровня мирового стандарта коэффициента замещения в 40% и целевого ориентира развития пенсионной системы России в 3 ПМП.

Для бесшовного реформирования пенсионной системы до предлагаемой модели автором рекомендуются переходные формы и этапы введения элементов базового дохода в действующую пенсионную систему на переходном этапе. Предлагается рассмотреть этапы введения базового дохода в пенсионную систему России:

- На 1 этапе к 2028 году ввести базовый доход в государственное пенсионное обеспечение в рамках государственной гарантии борьбы с бедностью, заменив собой социальные и государственные пенсии.

- На 2 этапе к 2030 году заменить социальную доплату к пенсии, которая гарантирует превышение размера пенсии над размером прожиточного минимума пенсионера, долей базового дохода.

- На 3 этапе к 2040 году трансформировать фиксированную выплату в ББД с источником финансирования, отличным от страховых взносов, который будет гарантировать пенсионеру достойный уровень благосостояния.

Заключение

Результаты исследования показали, что изменения в демографии, сфере труда, занятости, социальной политике активировали научную дискуссию о поисках форм материальной поддержки граждан, гарантирующих не только удовлетворение минимальных потребностей населения и защиты от монетарной бедности, но и достижение уровня благосостояния домохозяйств на уровне ратифицированных международных социальных стандартов.

Современная пенсионная система, основанная на страховом механизме финансирования государственных обязательств, находясь в условиях усиления давления внешних факторов, остаётся сбалансированной за счёт представления межбюджетных трансфертов, составляющих 19,28%. Данный источник компенсирует

выпадающие доходы по страховым взносам, учтенные в пенсионных правах нестраховые периоды, социальные доплаты до границы бедности, индексацию и валоризацию. Примечательно, что развитие системы социальной защиты населения привело к её усложнению с появлением многочисленных мер поддержки с регламентированными условиями вхождения.

Уровень материального обеспечения пенсионеров в динамике последних пяти лет показывает положительные изменения только для получателей страховых пенсий. Размер социальных пенсий, финансируемых за счёт федерального бюджета, не превышает границу бедности. В обоих случаях достижение целевых ориентиров Стратегии развития пенсионной системы России в части повышения материального благосостояния незащищённой категории пожилых граждан не представляется возможным без увеличения доходной части бюджета пенсионной системы за счёт межбюджетных трансфертов и применения единого тарифа страховых взносов. Весьма показательным является тот факт, что только у получателей пенсий с увеличенной фиксированной выплатой на 100% достигается международный уровень стандарта жизни, выраженный в 40% коэффициента замещения утраченного заработка.

Как показал актуарный прогноз изменения источников финансирования пенсионных обязательств, качественное изменение сферы занятости повлечёт существенное сокращение поступления страховых взносов, рост граждан, рискующих не сформировать нормативный объём пенсионных прав за трудовую жизнь и претендующих на социальные пенсии.

Таким образом, изменения внешних факторов, влияющих на пенсионирование граждан, подчёркивают предпосылки к трансформации существующей модели пенсионной системы путём выделения условно нормативно-социальной пенсии на основе концепции базового дохода и корпоративно-солидарной пенсии, основанной на страховой схеме. Предполагается, что наибольшие предпосылки к корректировке имеют социальные и государственные пенсии, социальная доплата к пенсии и фиксированная выплата к страховой пенсии.

Список литературы

1. Фенин К.В. Концепция безусловного базового дохода и относительного богатства в экономике России // Материалы III Международной научно-практической конференции «Современная экономика и управление: подходы, концепции, модели», 2 марта 2017, Саратов, Россия. Саратов: Саратовский социально-экономический институт, 2017. С. 80–85. EDN YQVFYT
2. Соловьев А.К. Институциональная эволюция государственной пенсионной системы в условиях трансформации рынка труда // Материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения «Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы», 16–18 ноября 2023, Санкт-Петербург, Россия. Санкт-Петербург: Издательский дом «Сциентиа», 2023. С. 552–555. EDN SZFPHO
3. Schulz P. Universal Basic Income in a Feminist Perspective and Gender Analysis // *Global Social Policy*. 2017. Vol. 17. No. 1. P. 89–92. <https://doi.org/10.1177/1468018116686503>
4. Региональный аспект бедности пожилых людей в России / Е.А. Фролова, В.В. Маланина, Ф. Касати, А.А. Шавлохова // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4(39). С. 138–147. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1046](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1046) EDN HFVMSJ
5. Lowrey A. Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World. New York: Crown, 2018. 263 p. ISBN 9781524758769
6. Stern A. Raising the Floor: How a Universal Basic Income Can Renew Our Economy and Rebuild the American Dream. New York: Public Affairs, 2016. 253 p. ISBN 978-1610396257
7. Гонтмахер Е.Ш. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // *Экономическая политика*. 2019. Том 14. № 2. С. 156–177. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-156-177> EDN ZEUZML
8. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices / eds. by U. Gentilini, M. Grosh, I. Rigolini, R. Yemtsov. Washington, DC: World Bank Group, 2020. 337 p. ISBN 978-1-4648-1458-7 <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1458-7>
9. Квашинин Ю.Д. Базовый доход для европейских стран: от теории к практике // *Современная Европа*. 2019. № 3(89). С. 171–181. <https://doi.org/10.15211/soveurope32019171181> EDN АНPRFR
10. Универсальный базовый доход: шанс для России? : [монография] / В.И. Антипов, В.Н. Бобков, А.В. Золотов [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Е.В. Одинцовой. Ижевск: Шелест, 2022. 360 с. ISBN 978-5-6048876-5-3. <https://doi.org/10.21686/978-5-6048876-5-3-2022> EDN PDLTFU
11. Бобков В.Н., Пилюс А.Г., Смирнова А.Г. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // *Российский экономический журнал*. 2024. № 4. С. 87–113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87 EDN ECLHCE
12. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Российские эксперты о безусловном базовом доходе: оценки 2020 г // *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. Том 17. № 1. С. 67–86. <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.1.6> EDN VWJHYW
13. Черных Е.А. Безусловный базовый доход: отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 4(214). С. 70–84. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10083> EDN FDUAYC
14. Золотов С.А., Шилов М.Л. Безусловный основной доход: сущность и проблемы реализации // *Вестник НГИЭИ*. 2016. № 9(64). С. 7–14. EDN WMUKEL
15. Гонтмахер Е.Ш. Базовый (безусловный) доход: политэкономический аспект // *Экономическая политика*. 2019. Том 14. № 3. С. 70–79. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-3-70-79> EDN WMTQCA
16. Бобков В.Н. Преодоление бедности, повышение уровня и качества жизни населения – первоочередная задача и главное условие успешного развития России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2005. № 10(92). С. 16–19. EDN LMBEON
17. Кузнецов Ю.В. Безусловный базовый доход и проблема асимметрии информации // *Экономическая политика*. 2019. Том 14. № 3. С. 80–95. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-3-80-95> EDN ZSWDXF
18. Назарова С.В., Кирова И.В. Безусловный базовый доход: теория и актуальный мировой опыт // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 5-2(87). С. 198–202. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-2-198-202> EDN SQLMFM
19. Бобков В.Н. Парадигма базового дохода и её влияние на возможности развития человеческого потенциала // *Вестник Института социологии*. 2023. Том 14. № 4. С. 18–37. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.2> EDN ENCPAJ
20. Якушев Е. Л. Трансформация обязательного пенсионного страхования: следующая парадигма – безусловный основной доход // Материалы международной научно-практической конференции «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?», 14 ноября 2018, Москва, Россия. URL: https://www.hse.ru/data/2018/11/15/1141004881/Yakushev_RU.pdf (дата обращения: 24.07.2025).
21. Совершенствование страховой модели обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: [монография] / И.Н. Захаров, Н.В. Локтюхина, С. А. Шапиро; под ред. С.А. Шапиро (отв. ред.). Москва: Директ-Медиа, 2023. 128 с. ISBN 978-5-4499-3709-4 <https://doi.org/10.23681/703053> EDN OWTARQ
22. Жукова Т.В., Миркин Я.М. Финансы самозанятых в новой экономике России // *Мир новой экономики*. 2021. Том 15. № 3. С. 38–55. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-3-38-55> EDN MEFBFP
23. Фриланс как интеллектуально-креативная форма самозанятости в новой экономике: траектория новой парадигмы самозанятости / И.Н. Дубина, Д.Т. Байтенизов, Д. Кэмпбелл [и др.] // *Социально-экономические явления и процессы*. 2019. Том 14. № 3(107). С. 69–82. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-3\(107\)-69-82](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-3(107)-69-82) EDN HADWSR
24. Скруг В.С. Современные тенденции развития самозанятости в России // *Экономика труда*. 2023. Том 10. № 2. С. 247–262. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117244> EDN BULQHN

Информация об авторе:

Игорь Николаевич Захаров – кандидат экономических наук, заместитель управляющего, Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Республике Марий Эл (SPIN-код: 2608-8682) (РИНЦ Author ID: 898492)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.08.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Fenin K.V. Kontseptsiya Bezuslovnogo Bazovogo Dokhoda i Otnositel'nogo Bogatstva v Ehkonomike Rossii. *Sovremennaya Ehkonomika i Upravlenie: Podkhody, Kontseptsii, Modell Conference Proceedings*; March 2, 2017; Saratov, Russia. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute. 2017:80–85. (In Russ.)
2. Solov'ev A.K. *Institutsional'naya Ehvolutsiya Gosudarstvennoi Pensionnoi Sistemy v Usloviyakh Transformatsii Rynka Truda. Rossiiskoe Obshchestvo Segodnya: Tsennosti, Instituty, Protsessy XVII Kovalevskie Chteniya Conference Proceedings*; November 16–18, 2023; Saint Petersburg, Russia. Saint Petersburg: Publishing House Stsientia. 2023:552-555. (In Russ.)
3. Schulz P. Universal Basic Income in a Feminist Perspective and Gender Analysis. *Global Social Policy*. 2017;17(1):89-92. <https://doi.org/10.1177/1468018116686503>
4. Frolova E.A., Malanina V.V., Casati F., et al. Regional Aspect of Poverty Among Older Adults in Russia. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium=Vectors of Well-being: Economy and Society*. 2020;(39(4)):138-147. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1046](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1046) (In Russ.)
5. Lowrey A. *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*. New York: Crown; 2018. 263 p. ISBN 9781524758769.
6. Stern A. *Raising the Floor: How a Universal Basic Income Can Renew Our Economy and Rebuild the American Dream*. New York: Public Affairs; 2016. 253 p. ISBN 978-1610396257
7. Gontmakher E.Sh. Bazovyi Dokhod: Prolog k Sotsial'noi Politike XXI Veka? *Ehkonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2019;14(2):156–177. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-156-177> (In Russ.)
8. Gentilini U., Grosh M., Rigolini I., et al (eds.) *Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices*. Washington, DC: World Bank Group; 2019. 337p. ISBN 978-1-4648-1458-7 <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1458-7>
9. Kvashnin Yu. D. Basic Income for the European Countries: From Theory to Practice. *Sovremennaya Evropa=Modern Europe*. 2019;(3(89)):171–181. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019171181> (In Russ.)
10. Bobkov V.N. (ex. ed.), Odintsova E.V. (ed.), Antipov V.I., et al. *Universal Basic Income: Is It a Chance for Russia? Monograph*. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2022. 360 p. ISBN 978-5-6048876-5-3 <https://doi.org/10.21686/978-5-6048876-5-3-2022> (In Russ.)
11. Bobkov V.N., Pilyus A.G., Smirnova E.A. Basic Income and Pension Systems: Research Overview and Transformation Frameworks. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2024;(4):87–113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87 (In Russ.)
12. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Russian Experts on Universal Basic Income: Estimates for 2020. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(1):67–86. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.6> (In Russ.)
13. Chernykh E.A. Unconditional Basic Income: Public Opinion Attitude and Financial and Economic Aspects of Implementation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;(4(214)):70–84. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10083> (In Russ.)
14. Zolotov S.A., Shilov M.L. Basic Income: Nature and Problems of Realization. *Vestnik NGIEHI*. 2016;(9(64)):7–14. (In Russ.)
15. Gontmakher E. Sh. Universal Basic Income: the Political Economic Aspect. *Ehkonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2019;14(3):70–79. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-3-70-79> (In Russ.)
16. Bobkov V.N. Preodolenie Bednosti, Povyshenie Urovnya i Kachestva Zhizni Naseleniya – Pervoocherednaya Zadacha i Glavnoe Uslovie Uspeshnogo Razvitiya Rossii. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2005;(10(92)):16–19. (In Russ.)
17. Kuznetsov Y.V. Bezuslovnii Bazovyi Dokhod i Problema Asimmetrii Informatsii. *Ehkonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2019;14(3):80–95. (In Russ.)
18. Nazarova S.V., Kirova I.V. Unconditional Basic Income: Theory and Current World Experience. *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika=Economy and Business: Theory and Practice*. 2022;(5-2(87)):198-202. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-2-198-202> (In Russ.)
19. Bobkov V.N. The Basic Income Paradigm and Its Impact on Human Development Opportunities. *Vestnik Instituta Sotziologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(4):18–37. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.2> (In Russ.)
20. Yakushev E.L. Transformatsiya Obyazatel'nogo Pensionnogo Strakhovaniya: Sleduyushchaya Paradigma – Bezuslovnii Osnovnoi Dokhod. Bazovyi Dokhod: Prolog k Sotsial'noi Politike XXI veka? Conference Proceedings; November 14, 2018; Moscow, Russia. URL: https://www.hse.ru/data/2018/11/15/1141004881/Yakushev_RU.pdf (In Russ.)
21. Zakharov I.N., Loktyukhina N.V., Shapiro S.A. (ex. ed.). *Sovershenstvovanie Strakhovoi Modeli Obyazatel'nogo Pensionnogo Strakhovaniya v Rossiiskoi Federatsii. Monograph*. Moscow: Publishing House Direkt-Media; 2023. 128p. ISBN 978-5-4499-3709-4 <https://doi.org/10.23681/703053> (In Russ.)

22. Zhukova T.V., Mirkin Ya. M. Self-Employed Finance in the New Russian Economy. *Mir novoi ekonomiki=The World of New Economy*. 2021;15(3):38-55. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-3-38-55> (In Russ.)
23. Dubina I.N., Baytenizov D.T., Campbell D., et al. Freelance as an Intellectual-Creative Form of Self-Employment in a New Economy: The Trajectory of a New Paradigm of Self-Employment. *Sotsial'no-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy=Social-Economic Phenomena and Processes*. 2019;14(3(107)):69-82. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-3\(107\)-69-82](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-3(107)-69-82) (In Russ.)
24. Skrug V.S. Current Trends in the Development of Self-Employment in Russia. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(2):247-262. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117244> (In Russ.)

Information about the author:

Igor' N. Zakharov – PhD in Economics, Deputy Manager, Branch of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for the Republic of Mari El

(SPIN-code: 2608-8682) (RSCI Author ID: 898492)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 25.08.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 332.122

JEL R12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514

EDN FCGNUQ

Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития

Ольга Александровна Романова¹, Гылья Фагимовна Галиуллина²

^{1,2} Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Набережночелнинский институт, Набережные Челны, Россия

¹ (romanova.aa@uiec.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6463-4008>)

² (gulia-fag@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8470-1079>)

Аннотация

Территория опережающего развития является эффективным инструментом регулирования экономического развития страны. Однако существующий преференциальный режим ведения предпринимательской деятельности не учитывает возрастающую значимость повышения уровня и качества жизни населения данных территорий. Цель статьи заключается в обосновании необходимости дополнения индикаторов, характеризующих эффективность территорий опережающего развития, показателями качества жизни. Методический инструментарий исследования основан на использовании базовых положений методики Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской, в соответствии с которыми определяются семь компонентов уровня и качества жизни. Исследование выполнено на примере территорий опережающего развития, созданных в моногородах. Такие территории созданы в настоящее время в 84 моногородах, где зарегистрировано 1430 резидентов. С момента создания в моногороде первой территории опережающего развития прошло 8,5 лет, но до настоящего времени не разработана методика определения эффективности их деятельности. В статье проверялась гипотеза о том, что качество жизни является существенным индикатором эффективности деятельности на территориях опережающего развития. Анализ основных характеристик социально-экономического развития моногородов, формирующих качество жизни населения, позволил сформировать «портрет территории опережающего развития, наиболее привлекательный для резидентов», установить использование резидентами, на примере территории опережающего развития «Набережные Челны», существующих трудоёмких технологий, неэффективных в условиях дефицита трудовых ресурсов и установки на достижение страной технологического суверенитета. Обоснована необходимость корректировки нормативно-правовых актов в сфере ТОР, в части требований к бизнес-планам потенциальных резидентов с включением в них показателей качества жизни, дифференцированных в соответствии с видом экономической деятельности резидентов и социально-экономических характеристик моногородов. Предложено использовать эти индикаторы для оценки эффективности территорий опережающего развития, созданных в моногородах.

Ключевые слова: территория опережающего развития, моногород, качество жизни, качество трудовой жизни, производительность труда, среднемесячная заработная плата, резиденты, эффективность

Для цитирования: Романова О.А., Галиуллина Г.Ф. Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 499–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514
EDN FCGNUQ

RAR (Research Article Report)

JEL R12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514

Quality of Life as an Indicator of the Effectiveness of Advanced Development Areas

Ol'ga A. Romanova¹, Gyl'iya F. Galiullina²

^{1,2} Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

² Kazan Federal University - Naberezhnye Chelny Institute, Naberezhnye Chelny, Russia

¹ (romanova.aa@uiec.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6463-4008>)

² (gulia-fag@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8470-1079>)

Abstract

The advanced development area is an effective tool for regulating the country's economic development. However, the existing preferential regime for doing business does not take into account the growing importance of improving the standard and quality of life of the population of these territories. The purpose of the article is to substantiate the need to supplement the indicators characterizing the effectiveness of advanced development areas with quality of life indicators. The methodological tools of the study are based on the use of the basic provisions of the methodology of the Institute of Socio-Economic Problems of Population named after N.M. Rimashevskaya, according to which seven components of the standard and quality of life are determined. The study is based on the example of advanced development areas created in single-industry towns. Such territories have currently been created in 84 single-industry towns, where 1,430 residents are registered. 8.5 years have passed since the creation of the first advanced development area in a single-industry town, but to date no methodology has been developed for determining the effectiveness of their activities. The article tested the hypothesis that the quality of life is a significant indicator of the effectiveness of activities in the advanced development areas. The analysis of the main characteristics of the socio-economic development of single-industry towns that shape the quality of life of the population allowed us to form a "portrait of the advanced develop-

ment area that is most attractive to residents", to establish the use by residents, using the example of the advanced development area «Naberezhnye Chelny», of existing labor-intensive technologies that are ineffective in the context of a shortage of labor resources and the country's focus on achieving technological sovereignty. The need to adjust regulatory legal acts in the field of advanced development areas is substantiated, in terms of requirements for business plans of potential residents with the inclusion of quality of life indicators differentiated in accordance with the type of economic activity of residents and the socio-economic characteristics of single-industry towns. It is proposed to use these indicators to assess the effectiveness of advanced development areas created in single-industry towns.

Keywords: priority development area, single-industry town, quality of life, quality of working life, labor productivity, average monthly wage, residents, efficiency

For citation: Romanova O.A., Galiullina G.F. Quality of Life as an Indicator of the Effectiveness of Advanced Development Areas. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):499–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514 (In Russ.)

Введение

Территории опережающего развития создаются с целью улучшения инвестиционного климата в регионе, чтобы инвесторы, вкладывая средства в новые производства, создавали рабочие места, обеспечивая ускорение социально-экономического развития и создание комфортных условий для населения территории. В монопрофильных муниципальных образованиях режим «территория опережающего развития» также должен решать задачи диверсификации экономик поселений.

Первые территории опережающего развития (далее ТОР) на Дальнем Востоке были созданы в июне 2015 г., в моногородах – в январе 2016 г., в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) – в апреле 2017 г. За 9 лет действия режима ТОР менялись как условия получения резидентства, размеры выделенных земельных участков и суммы государственного финансирования (для дальневосточных территорий), так и плановые показатели деятельности преференциальных территорий. Все 9 лет результаты работы ТОР оценивались по выполнению плановых показателей – количество привлечённых инвесторов, число созданных новых рабочих мест, сумма капитальных вложений резидентов. При этом плановые цифры периодически корректируются при приходе новых резидентов или при их выбытии (на 1.07.2024 г. лишилась статуса резидента каждая четвёртая зарегистрированная компания в ТОР).

Согласно методике оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности¹ деятельность дальневосточных ТОР будет оцениваться по 4 показателям:

– отношение фактических частных инвестиций к фактическим совокупным расходам бюджетов на конец года;

¹ Постановление Правительства РФ от 23.09.2019 г. № 1240 (ред. от 01.02.2021) «Об утверждении методики оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности территорий опережающего развития, за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)».

– отношение фактических рабочих мест к фактическим расходам федерального бюджета на конец года;

– отношение фактических частных инвестиций к планируемым частным инвестициям;

– разница между отношением добавленной стоимости и фактических совокупных расходов бюджетов, рассчитанным на конец года проведения оценки, и отношением добавленной стоимости и фактических совокупных расходов бюджетов, рассчитанным на конец года, предшествующего году проведения оценки.

Для ТОР в моногородах, которые действуют уже 8,5 лет, законодательно закреплённой методики не существует.

Актуальность оценки эффективности деятельности ТОР обоснована и отрицательным эффектом для экономики страны деятельности ряда других преференциальных территорий. Так, в 2016 г. по итогам проверки аудиторами Счётной палаты РФ деятельности особых экономических зон, 8 из них были закрыты и был объявлен мораторий на открытие новых (действовал 2 года). Некоторые ТОР создаются на месте нереализованных проектов ОЭЗ (например, на острове Русский, где не заработала ОЭЗ туристско-рекреационного типа или в Советской Гавани, где не функционирует портовая ОЭЗ). Федеральные чиновники (Министерство финансов, Счётная палата) считают, что преференциальные режимы должны быть доработаны, так как за 2017–2021 гг. выпадающие доходы бюджета по инвестиционным налоговым льготам составили 177,8 млрд руб. и при этом показатели социально-экономического развития регионов, где созданы особые территории, существенно не улучшились по сравнению с другими регионами. Важно отметить, что при подсчёте выпадающих доходов бюджетов учитывалась деятельность 12 преференциальных режимов, в том числе ТОР, и 23 отдельных инвестиционных льгот². Исходя из суммы недополу-

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов // Минфин России: [сайт]. URL:

ченных средств бюджетом, амбициозности целеполагания преференциальных территорий (задание опережающего тренда развития) представляет исследовательский интерес решение задачи – как и каким образом оценивать эффективность ТОР, так как они получают серьёзные государственные преференции? По сути, в стране существуют два вида предпринимательской деятельности, одним из которых является законодательно закреплённый преференциальный режим (налоговые льготы, особый таможенный режим, упрощённые административные процедуры и т.п.). Если по «классическому» предпринимательству давно принята модель, в которой полученный финансовый результат – это ответственность собственника и топ-менеджмента бизнеса, то эффективность предпринимательства, который активно использует бюджетные возможности для своего развития (в т.ч. льготные кредиты, займы и т.п.), важно рассчитывать через показатели, которые отражают его влияния на те сферы, куда вкладываются государственные инвестиции. И таким обобщающим показателем может выступать «качество жизни населения».

На глобальном уровне для анализа качества жизни наравне с «индексом развития человеческого потенциала» (ИРЧП)³, используются индекс «физическое качество жизни» и индекс «устойчивость общества» [1]. Ведущие российские исследователи в области оценки и моделирования качества жизни определяют качество жизни как содержательную характеристику жизнедеятельности отдельных людей, их социальных групп и общества [2]. В предлагаемой ими методике компоненты формирования уровня и качества жизни измеряются и оцениваются объективными и субъективными показателями (индикаторами и индексами) [3]. Учёными с 1995 г. проводится ежегодный мониторинг доходов и уровня жизни населения России [4].

Другие исследователи, рассматривая качество жизни через призму экономики качества, определяют его как обобщённую характеристику параметров всех составляющих жизни человека: его потенциала (жизнедеятельности и условий жизнедеятельности), по отношению к стандарту или эталону, который выработан и институционализирован обществом и (или) существует в индивидуальном сознании человека [5]. В разработанной ими методике значительная роль отводится формированию ключевых переменных модели

оценки качества жизни, отражающих соответствующие сферы интегральной оценки качества жизни: медико-демографические условия, социально-экономическое благополучие, комфортность и безопасность среды жизнедеятельности. Данная методика апробирована на примере федеральных округов [6]. Проводя оценку качества жизни населения по отдельным регионам, исследователи используют как количественные, так и качественные методы расчёта соответствующих индикаторов [7].

Гипотеза исследования: качество жизни является существенной характеристикой эффективности деятельности ТОР. *Объектом исследования* являются взаимосвязи между показателями деятельности ТОР и качеством жизни населения моногородов. *Предмет исследования* – социально-экономические отношения между государственными, муниципальными органами власти, бизнес-структурами и гражданами в процессе формирования и развития территорий опережающего развития.

Целью настоящей работы является обоснование необходимости учёта качества жизни в числе важнейших индикаторов эффективности территорий опережающего развития. Соответственно, для её достижения необходимо решить следующие задачи: 1) сформировать портрет территории опережающего развития, наиболее привлекательной для резидентов; 2) показать привлекательность территории с более высоким качеством жизни для резидентов ТОР; 3) обосновать целесообразность включения в бизнес-планы потенциальных резидентов ТОР показателей качества жизни как значимого индикатора эффективности деятельности на этих территориях.

В статье раскрываются важные аспекты современной экономики труда, связанные с развитием ТОР, что дополняет проводимую в настоящее время журналом «Уровень жизни населения регионов России» дискуссию о современных проблемах экономики труда.

Теоретические и методологические положения

Учёные допускают возможность применения нескольких подходов к определению понятия «качество жизни населения» и к самой оценке показателя:

– объективистский (расчёт статистических показателей, характеризующих экономическое, демографическое, социальное, экологическое развитие территории);

– субъективистский (на основе социологических опросов оценка удовлетворённости на-

https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/10/main/Osn_2023-2025.pdf (дата обращения: 09.08.2024).

³ Выход из тупика. Переосмысление сотрудничества в поляризованном мире: резюме Доклада о человеческом развитии за 2023–2024 гг. / П. Консейсао, С. Кальдерон, П. Гаутам [и др.]. Нью-Йорк: ООН, 2024. 52 с. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf> (дата обращения: 7.08.2024).

селения качеством своей жизни в различных сферах);

– комплексный (синтез двух первых подходов) [8; 9].

Исследователями нередко используется рейтинговый (индексный) метод⁴, позволяющий нормировать выбранные индикаторы качества жизни. На основе многофакторных моделей исследуется качество жизни как в разрезе стран [10], так и по отдельным территориям [11; 12; 13].

Для исследования качества жизни в рамках ТОР актуален выбор методологии, которую можно применить не только для изучения фундаментальных проблем, но и для решения прикладной задачи – оценки эффективности действия преференциального режима. В связи с этим за основу была взята методология, представленная в монографии «Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего» [3]. Учёные выявили семь компонентов уровня и качества жизни: качество общества; качество трудовой жизни; качество социальной инфраструктуры; безопасность жизнедеятельности; качество окружающей среды; уровень жизни (потребление); удовлетворённость людей уровнем и качеством их жизни. По мнению авторов, данная методология позволяет провести комплексное изучение и оценивание качества и уровня жизни населения.

Использованные данные и методы работы с ними

Исследование взаимосвязей между показателями деятельности ТОР и качеством жизни населения моногородов проводилась в два этапа. На первом этапе для решения задачи обоснования привлекательности территории с высоким качеством жизни для резидентов ТОР были разработаны классификационные признаки характеристик социально-экономического развития моногородов, формирующих качество жизни населения. В соответствии с развернутой классификацией компонентов уровня и качества жизни [3] показатели «Уровень развития системообразующего предприятия/ отрасли» и доходной базы территории рассматриваются как составляющие компонента «Уровень жизни населения»; «Географическое положение» и «Агломерационный потенциал» – «Качество социальной инфраструктуры (транспортная инфраструктура и пассажирский транспорт)»; показатели демографического развития территории – «Качество общества», «Удовлетворённость людей уровнем и качеством их жизни». В данном исследовании не учтены показатели по компонентам «Безопасность жизнедеятельности населения» и «Качество окружающей среды» из-за отсутствия статистических данных по моногородам. В рамках исследования сформирована и систематизирована база данных по 84 моногородам со статусом ТОР (таблица 1).

Таблица 1

Классификационные признаки характеристик социально-экономического развития моногородов, формирующих качество жизни населения

Table 1

Classification Features of Characteristics of Socio-Economic Development of Single-Industry Towns that Shape the Quality of Life of the Populat

Показатели	Уровни оценки	Методика оценки	Источники данные для расчётов
Показатели экономического развития			
Уровень развития системообразующего предприятия/ отрасли	I категория	Сложное социально-экономическое положение	Согласно Постановлению Правительства РФ от 29.06.2014 г. N 709. ⁵
	II категория	Имеются риски ухудшения социально-экономического положения	
	III категория	Стабильная социально-экономическая ситуация	
Географическое положение	Пограничная	Расстояние от крайней точки территории до государственной границы составляет менее 200 км	1. Информационный ресурс «Калькулятор расстояний между городами на машине». ⁶

⁴ Рейтинг регионов по качеству жизни – 2023. Центр экономических исследований «РИА Рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня». Москва, 2024. 60 с. URL: <https://riarating.ru/images/63025/75/630257548.pdf> (дата обращения: 7.08.2024); Индекс человеческого развития в России: региональные отличия. Аналитическая записка. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://www.ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 7.08.2024); Лучшие регионы для жизни. Рейтинг РБК // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/60781336e9a7947d0e9e1b1fb> (дата обращения: 7.08.2024).

⁵ Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований РФ к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения».

⁶ Калькулятор расстояний между городами на машине // Main Transport: информационный проект по подбору компаний для грузоперевозок [сайт]. URL: <https://maintransport.ru/map-router> (дата обращения: 7.08.2024).

Окончание таблицы 1

Показатели	Уровни оценки	Методика оценки	Источники данные для расчётов
	Срединная	В радиусе 120 км проживает более 500 тысяч человек и расстояние от крайней точки территории до государственной границы составляет более 200 км	2. Статистическая отчётность «Численность населения РФ по муниципальным образованиям». ⁷
	Периферийная	В радиусе 120 км проживает менее 500 тыс. человек и расстояние от крайней точки территории до государственной границы составляет более 200 км	
Агломерационный потенциал	Территория входит в агломерацию	Определяется по списку российских агломераций	Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. ⁸
	Блилежащая территория	Если ТОР находится на расстоянии менее 200 км от агломерации или в радиусе 200 км от ТОР проживает более 1 миллиона чел.	1. Калькулятор расстояний между городами на машине. 2. Статистическая отчётность «Численность населения РФ по муниципальным образованиям».
	Удалённая	Если ТОР не входит в агломерацию и не относится к близлежащим территориям к агломерациям	
Показатели демографического развития территории			
Размер территории по численности населения	Крупная	Численность населения более 100 тыс. чел.	Статистическая отчётность муниципальных образований ⁹
	Средняя	Численность населения более 30 и менее 100 тыс. чел.	
	Малая	Численность населения менее 30 тыс. чел.	
Тренд изменения численности	Прибывает	Оценивается тренд изменения численности населения за последние 5 лет	
	Убывает		
Компоненты изменения численности населения	Естественное движение + миграция	Потоки естественного движения и миграции однонаправленные	
	Естественное движение > миграции	Сальдо естественного движения населения перекрывает показатели миграционного потока	
	Миграция > естественное движение	Сальдо миграции перекрывает результаты естественного движения населения	
Показатели доходной базы территории			
Доходы местного бюджета на 1 жителя	Высокий	Сравнивается уровень доходов бюджета ТОР со средним уровнем показателя по 84 ТОР. Отклонение в пределах 20% оценивается как среднее значение.	Статистическая отчётность муниципальных образований
	Средний		
	Низкий		
Доход населения	Высокий	Сравнивается уровень доходов населения ТОР со средним уровнем показателя по 84 ТОР. Отклонение в пределах 10% оценивается как среднее значение	
	Средний		
	Низкий		
Инвестиции в основной капитал на 1 жителя	Высокий	Сравнивается уровень инвестиций ТОР со средним уровнем показателя по 84 ТОР. Отклонение в пределах 20% оценивается как среднее значение.	
	Средний		
	Низкий		

Источник: разработано авторами.

Дифференциация ТОР по количеству резидентов проводилась на основании официального реестра по состоянию на 1 августа 2024 года.¹⁰

⁷ Численность населения РФ по муниципальным образованиям на 1.01.2024 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 7.08.2024).

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

⁹ База данных показателей муниципальных образований // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 7.08.2024).

¹⁰ Реестр резидентов территорий опережающего развития, на территориях моногородов // Минэкономразвития России: [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/ (дата обращения: 7.08.2024).

На втором этапе при анализе влияния деятельности резидентов на качество жизни населения были выбраны показатели, характеризующие качество трудовой жизни. Бизнес, исходя из природы его существования, наиболее существенно влияет на качество занятости и качество рабочих мест. Через уровень заработной платы, выплачиваемой своим работникам, предприниматели формируют уровень жизни населения (потребления). Применяемые на производстве технологии влияют на валовый продукт территории и качество окружающей среды.

Влияние деятельности режима ТОР на качество жизни определялось на примере Набережных Челнов, который первым получил статус ТОР (январь 2016 г.) и первые четыре компании в реестре резидентов Министерства экономического развития РФ включены также из этого города. Показатели резидентов (производительность труда, среднемесячная заработная плата, количество создаваемых рабочих мест, фонд заработной платы, отчисления в социальные фонды, рентабельность производства) рассчитывались на основе официальной налоговой отчётности. Большинство показателей рассматривалось с учётом кодов ОКВЭД, которые представлены в реестре резидентов¹¹. Анализ проведён на основе общероссийских и региональных показателей, которые представлены на официальном сайте ФСГС¹².

Результаты исследования

Качество жизни населения моногородов как индикатор привлекательности для резидентов территорий опережающего развития

Одной из проблем создания и функционирования ТОР в моногородах является привлечение и удержание резидентов [14]. Наряду с внутренними факторами существенное влияние на решение потенциального резидента оказывают внешние факторы (например, санкционные ограничения).

Тормозит развитие преференциальных территорий отсутствие российских разработок новейших технологий, трудовых ресурсов, малая ёмкость внутреннего рынка, в том числе из-за низкой покупательской способности населения, высокий уровень коррупции и др. [15]. За 8,5 лет действия преференциального режима в 84 ТОР зарегистрировано 1430 резидентов, из них действующими на 1.07.2024 г. являются 1020 компаний (71,3% от количества зарегистрированных). Дифференциация ТОР по количеству зарегистрированных резидентов достаточно серьёзная – от 95 (Тольятти) до их полного отсутствия (Кувшиново). Половину резидентов (708 компаний) сконцентрировали на своих территориях 17 ТОР (20% от количества всех ТОР). В этой группе в среднем на 1 ТОР приходится по 42 резидента. При этом 17 ТОР с наименьшим количеством резидентом зарегистрировали только 57 компаний (4%), то есть 3 резидента на 1 преференциальную территорию. При этом в среднем на 1 ТОР приходится 17 зарегистрированных резидентов.

Дифференциация ТОР по количеству резидентов обусловлена многими причинами, в том числе различиями в социально-экономическом развитии моногородов. Например, по численности населения – на 1.01.2024 г. в ТОР проживает от 2,2 тыс. (Угловка) до 668 тыс. жителей (Тольятти). По итогам 2023 г. инвестиции в основной капитал составляли 10,5 тыс. руб. в г. Абаза и 215,6 тыс. руб. в г. Губкин; среднемесячная заработная плата составляла 28,2 тыс. руб. в г. Дагестанские Огни и более 90 тыс. руб. в г. Кировск.

Анализ 84 ТОР по экономическому развитию выявил, что самой большой группой являются 15 ТОР, где имеются риски ухудшения социально-экономического развития, и которые находятся вблизи агломераций, занимая при этом среднее географическое положение (таблица 2).

Таблица 2

Классификация ТОР по экономическому развитию

Table 2

Classification of Priority Development Areas by Economic Development

Агломерационный эффект	Сложное социально-экономическое положение			Имеются риски ухудшения социально-экономического положения			Стабильная социально-экономическая ситуация			ВСЕГО
	пограничные	срединные	периферийные	пограничные	срединные	периферийные	пограничные	срединные	периферийные	
Агломерация	0	8	0	0	9	0	1	6	0	24
Близлежащие	3	5	3	3	15	3	1	2	1	36
Удалённые	4	3	9	1	0	5	2	0	0	24
Итого	7	16	12	4	24	8	4	8	1	84

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

¹¹ Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчётности // Федеральная налоговая система России: [сайт]. URL: <https://bo.nalog.ru/> (дата обращения: 11.08.2024).

¹² Промышленное производство России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225> (дата обращения 11.08.2024); Региональная статистика // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 11.08.2024).

Наибольшую группу по демографическим показателям составляют малые города, численность ко-

торых уменьшается как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока (таблица 3).

Таблица 3

Классификация ТОП по демографическому развитию

Table 3

Classification of Priority Development Areas by Demographic Development

Размер территории	ТОП с увеличивающимся населением за счёт			ТОП с уменьшающимся населением за счёт			ВСЕГО
	естественного прироста	миграционного притока	естественного прироста и миграционного притока	естественной убыли	миграционного оттока	естественной убыли и миграционного оттока	
Крупные	2	1	2	3	0	5	13
Средние	1	1	0	6	3	24	35
Малые	1	0	0	5	1	29	36
Итого	4	2	2	14	4	58	84

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

Только в 8 ТОП отмечается увеличение численности населения. Уникальными являются Нефтекамск (29 резидентов) и Каспийск (27 резидентов), которые прирастают жителями как за счёт естественного движения населения, так и за счёт миграции. Важно отметить, что тенденции уменьшения численности населения в ТОП соответствуют сложившимся российским и мировым трендам. При этом демография остаётся одним из важнейших факторов

социально-экономического развития территорий [16].

Из 56 ТОП с низким уровнем инвестиций в основной капитал (таблица 4) у 53 моногородов преференциальный режим длится более 5 лет и большинство резидентов прошли инвестиционную фазу реализации бизнес-проекта. Высокая доходная база по всем компонентам отмечается у 5 ТОП – Губкин (46 резидентов), Кировск (10), Костомукша (10), Надвоицы (5), Емва (2).

Таблица 4

Классификация ТОП по доходной базе моногорода

Table 4

Classification of Priority Development Areas by the Income Base of a Single-Industry Town

Доход бюджета на 1 жителя	ТОП с высоким уровнем инвестиций на 1 жителя			ТОП со средним уровнем инвестиций на 1 жителя			ТОП с низким уровнем инвестиций на 1 жителя			ВСЕГО
	высокий уровень доходов населения	средний уровень доходов населения	низкий уровень доходов населения	высокий уровень доходов населения	средний уровень доходов населения	низкий уровень доходов населения	высокий уровень доходов населения	средний уровень доходов населения	низкий уровень доходов населения	
высокий	5	2	3	2	0	2	4	6	5	27
средний	3	1	1	0	2	0	0	9	9	25
низкий	2	1	0	2	1	1	2	14	7	31
Итого	10	4	4	4	3	3	6	29	21	84

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

Можно выделить ТОП, где зарегистрировано и действует наибольшее количество резидентов:

1) Тольятти, 95 зарегистрированных / 70 действующих резидентов; крупный срединный моногород, входящий в Самаро-Тольяттинскую агломерацию, с высоким уровнем дохода населения,

средним уровнем инвестиций в основной капитал и низкой бюджетной обеспеченностью;

2) Набережные Челны, 61 зарегистрированных / 49 действующих резидентов; крупный срединный моногород, входящий в Набережно-челнинскую агломерацию, с высоким уровнем дохода населения, средним уровнем инвестиций

в основной капитал и низкой бюджетной обеспеченностью;

3) Димитровград, 57 зарегистрированных / 43 действующих резидентов; крупный срединный моногород, входящий в Ульяновскую агломерацию, со средним уровнем доходов населения и бюджета и низким уровнем инвестиций в основной капитал.

Исходя из полученных результатов «портрет моногорода, наиболее привлекательного для резидентов» выглядит следующим образом – это крупное срединное муниципальное образование, входящее в агломерацию, с высоким или средним уровнем двух показателей по доходной базе моногородов¹³.

Для сравнения представим характеристику трёх ТОР, где на 1.07.2024 г. нет ни одного действующего резидента:

1) Абаза – малое городское поселение, периферийная территория, удалённая от агломераций, со средним уровнем бюджетной обеспеченности, низкими показателями по доходам населения и инвестициям в основной капитал;

2) Белая Холуница – малое городское поселение, срединная территория, с низким уровнем доходов по всем трём показателям: доходы населения, бюджетная обеспеченность, инвестиции в основной капитал;

3) Кувшиново – малое городское поселение, срединная территория, со средним уровнем бюджетной обеспеченности, низким уровнем доходов населения и инвестиций в основной капитал.

Как и предполагалось, потенциальные инвесторы выбирают территории с высокими показателями качества жизни, так как это залог успешного привлечения трудовых ресурсов, которые ценят не только уровень заработной платы, но и социаль-

ную инфраструктуру, транспортную доступность, качество городской среды и т.п. В действующих на сегодня нормативно-правовых документах в сфере ТОР различия по социально-экономическому развитию ТОР не учитываются, основные требования для всех особых моногородов одинаковы.

Качество жизни как характеристика эффективности деятельности резидентов ТОР

Бизнес, исходя из природы его существования, наиболее существенно влияет на качество занятости и качество рабочих мест. Через уровень заработной платы, выплачиваемой своим работникам, предприниматели формируют уровень жизни населения (потребления). Применяемые на производстве технологии влияют на валовый продукт территории и качество окружающей среды.

На 1.07.2024 года в ТОР «Набережные Челны» зарегистрирован 61 резидент, из которых потеряли данный статус 12 компаний (20%). Из 49 действующих резидентов ведут производственную деятельность 39 предприятий, находятся в инвестиционной фазе проекты 10 организаций (20% от количества действующих резидентов). На 1.01.2024 г. на предприятиях 39 резидентов, выпускающих продукцию, трудится 7892 человека, из них более половины (60,1%) на 3 крупных предприятиях (ООО «Хаир», АО «Камский металлургический комбинат ТЭМПО», ООО «Набережночелнинский трубный завод»).

Наиболее активно компании входили в ТОР в первые три года (с мая 2016 г. по январь 2019 г.¹⁴), так как сниженная ставка страховых взносов (7,5% вместо 30%) действует только для резидентов, зарегистрированных в течение 3 лет с момента получения статуса преференциальной территории (рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика заключения и расторжения Соглашений о резидентстве в ТОР «Набережные Челны»
Figure 1. Dynamics of Concluding and Terminating Residency Agreements ADP «Naberezhnye Chelny»

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.^{13 14}

¹³ Показатели изменения численности населения не вписан в «портрет», так как у 76 монопоселений из 84 учитываемых отмечается снижение численности населения.

¹⁴ В 2019 году все 15 резидентов были зарегистрированы в январе 2019 г.

В структуре резидентов преобладают предприятия, выпускающие металлические изделия, кроме машин и оборудования (код 25 ОКВЭД) – это 15 компаний или 31% от общего числа резидентов. Открыты по 4 производства по выпуску пищевой продукции (код 10), резиновых и пластмассовых изделий (код 22), неметаллической минеральной продукции (код 23), автотранспортных средств (код 27), машин и оборудования, не включённых в другие группировки (код 28). Из 14 видов экономической деятельности резидентов ТОП 12 относятся к обрабатывающим производствам. В связи с этим важно проанализировать влияние преференциального режима ведения предпринимательской деятельности на качество жизни через показатель «производительность труда в обрабатывающей промышленности». Это

даст понимание о технологиях, внедряемых на производствах резидентов.

Сравнение производительности труда на предприятиях резидентов и по обрабатывающей промышленности страны показывает различную динамику по ТОП (рисунок 2). В расчёт брались компании, которые запустили производственные мощности, а также не учитывались компании, потерявшие статус резидента или сдававшие в анализируемый период нулевой баланс. За анализируемый период производительность труда резидентов ТОП выросла в 2 раза¹⁵. Небольшое снижение производительности отмечается в 2019 г. В тот год были запущены 5 производств, которые вышли на проектную мощность только в 2020 г.

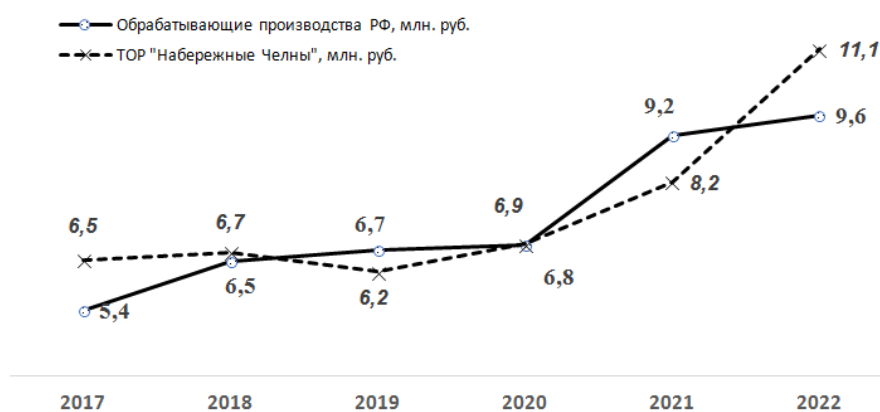

Рисунок 2. Динамика производительности труда по ТОП «Набережные Челны»
Figure 2. Dynamics of Labor Productivity ADP «Naberezhnye Chelny»

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

По итогам 2022 г. производительность выше среднероссийской (9,6 млн руб.) у 9 резидентов, среди которых у 4 численность персонала меньше 100 чел. (таблица 5). Самым крупным резидентом является китайская компания «Хаир»

(выпускает холодильники, телевизоры и др. бытовую технику). На конец 2023 г. (с нарастающим итогом) резидент инвестировал более 18 млрд руб., создал 2806 рабочих мест.

Таблица 5

Показатели производительности труда и численности работников резидентов
ТОП «Набережные Челны» (2022 год)

Table 5

Indicators of Labor Productivity and the Number of Employees of Residents
ADP «Naberezhnye Chelny» (2022)¹⁵

№	Резидент ТОП «Набережные Челны»	Выпускаемая продукция	Производительность труда, млн руб.	Численность сотрудников, чел.
1	ООО «Графит Плюс»	Электрографитные щетки для электрических машин	33,2	46
2	АО «Изоляционный трубный завод»	Стальные трубы	21,9	447
3	ООО «Софт Пайп»	Теплоизоляционные цилиндры	16,3	46

¹⁵ Производительность труда рассчитывалась как соотношение выручки предприятия и среднегодовой численности персонала

Окончание таблицы 5

№	Резидент TOP «Набережные Челны»	Выпускаемая продукция	Производительность труда, млн руб.	Численность сотрудников, чел.
4	ООО «Хаир»	Бытовая техника	14,6	1725
5	АО «КМК ТЭМПО»	Сортовой металлопрокат и строительная арматура	14,2	960
6	ООО «ЗБУ «Автократ»	Бурильные агрегаты и комплектующих к ним	12,3	172
7	ООО «Современные технологии»	Троллейный шинопровод	11,3	51
8	ООО ЗМК «Металлист»	Сэндвич панели и металлоконструкции	10,0	63
9	ООО «АПК Камский»	Мясные и колбасные изделия	9,8	408
10	ООО «Полихим Сервис»	Полиуретановые системы	9,1	22
11	ООО ЗМК «МЕТЛАЙН»	Металлоконструкции	8,8	60
12	ООО «Булат»	Промышленные клиновые леса	8,4	16
13	ООО «Набережночелнинский трубный завод»	Обсадные трубы для нефтегазовой отрасли	7,4	684
14	ООО «Технолайн»	Мелкая бытовая техника	6,5	48
15	ООО «Тэмпо-Метиз»	Метизная продукция	6,1	92
16	ООО «Камский настил»	Сварной решетчатый настил	4,5	95
17	ООО «Чоко Рай»	Кондитерские изделия	4,4	147
18	ООО «Индел»	Полимерные изделия	4,1	363
19	ООО «Техника-Агро»	Сельскохозяйственная прицепная техника	3,7	1,8
20	ООО «Литейный завод Стандарт»	Запасные части для грузо-подъемного оборудования	3,2	67
21	ООО «Кёниг Модуло Ру Челны»	Автокомпоненты для грузовых автомобилей	3,0	16
22	ООО «Камский металлург»	Отливки для запорной трубопроводной арматуры	2,7	47
23	ООО «ТЭСК»	Асфальтобетонные смеси	2,4	28
24	ООО «Заряд»	Хоккейные клюшки	2,2	159
25	ООО «Венские вафли»	Миндальное пирожное	2,0	130
26	ООО НПП «КАМА»	Сильфонные компенсаторы	0,9	26
27	ООО «КМД НЧ»	Запасные части для грузовых автомобилей	1,7	35

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

В числе факторов, оказывающих серьезное влияние на уровень производительности труда, наиболее существенными являются отраслевые особенности. В сравнении с общероссийскими показателями более высокий уровень производительности у резидентов TOP «Набережные Челны», выпускающих электрооборудование, готовые металлические изделия, прочую металлическую продукцию, машины и оборудования (рисунок 3).

Резонный вопрос появляется к резидентам, выпускающим металлопрокат, прочие готовые изделия, резиновую и пластмассовую продукцию:

какие технологии, бизнес-модели они используют, если демонстрируют показатели ниже отраслевых по стране?

Сравнение роста производительности труда с учётом TOP (8,9% в среднем за год) и без TOP (8,5%) показывает, что производства резидентов повышают производительность труда в городе. При этом доля ПАО «КАМАЗ» (градообразующее предприятие) в общем объёме обрабатывающих производств города остаётся существенной, хотя и снизилась с 62% (2016 г.) до 56% (2023 г.). Аналогичный показатель резидентов вырос с 2% до 16%.

Рисунок 3. Сравнение производительности труда по видам ОКВЭД по обрабатывающим производствам РФ и резидентов ТОР «Набережные Челны», млн руб. на 1 чел. (2022 год)

Figure 3. Comparison of Labor Productivity by OKVED Types for Manufacturing Industries of the Russian Federation and Residents ADP Naberezhnye Chelny, Million Rubles per 1 Person (2022)

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

Средняя стоимость 1 рабочего места (инвестиции резидентов) составляет 4,3 млн руб.¹⁶. В современных условиях повышение производительности труда достигается путем перехода на высокотехнологичные наукоёмкие технологии со среднемировой стоимостью 1 рабочего места 1,5–2 млн долларов [17]. В настоящее время в России формируется новая модель экономики – ограниченно открытая экономика суверенного типа, нацеленная на достижение технологического суверенитета [18]. В связи с этим и приоритетностью

решения задач по переводу экономики на новую технологическую основу, соответствующую принципам и критериям Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0. важно создать условия, в том числе законодательно закрепить соответствующие требования к создаваемым рабочим местам, чтобы резидентами внедрялись технологии «умных заводов», «умных машин» и целых систем [19].

Производительность труда на предприятиях резидентов ниже республиканских показателей (рисунок 4).

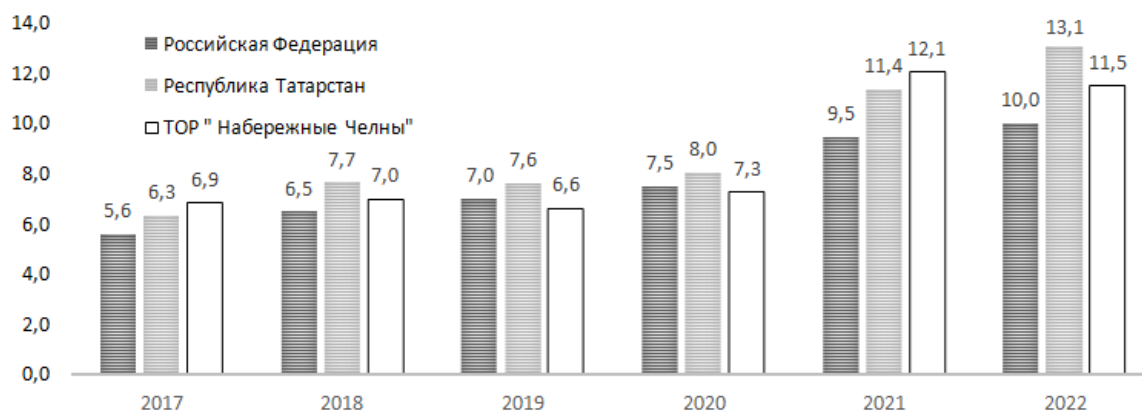

Рисунок 4. Динамика производительности труда на обрабатывающих производствах (по отгрузке продукции), млн руб. на 1 человека

Figure 4. Dynamics of Labor Productivity in Manufacturing Industries (by Product Shipment), Million Rubles per 1 Person

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

¹⁶ Кузнецова Э. «В коня ли корм? Конечно, в коня!»: Магдеев – 2 млрд инвестиций и прорыве ТОР в Челнах // Татар-информ: [сайт]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-konya-li-korm-konecno-v-konya-magdeev-o-2-mlrd-investicii-i-proryve-tor-v-celnax-5954685> (дата обращения: 11.08.2024).

Показатели Республики Татарстан существенно выше в связи с тем, что в последние годы на её территории активно строят, расширяют, модернизируют производства удобрений (АО «Аммоний»), производства по нефтепереработке, нефтехимии (ПАО «Нижнекамскнефтехим») и т.п. Крупнейшие промышленные предприятия и резиденты серьёзно конкурируют за трудовые ресурсы. Были попытки решить кадровый вопрос за счёт привлечения мигрантов, что подчёркивает потребность в кадрах низкой квалификации¹⁷. Но в дальнейшем, из-за роста преступлений среди мигрантов, от этой идеи стали отказываться. Сейчас предпринимаются попытки ограничить количество трудовых мигрантов в Татарстане, как это уже сделано на законодательном уровне в 36 регионах страны¹⁸. Специалисты подчёркивают, что сложившийся двойной дефицит персонала объективен, имеет долгосрочный характер и оказывает нарастающее влияние на экономику [20; 21].

Исследователи отмечают, что человечество живёт в «эпоху миграции» – всё больше людей находятся в движении, их пути более сложные, пункты назначения более разнообразные, а характеристики участников более разнообразные, чем когда-либо. В начале XXI века более 175 млн чел. проживали за

пределами своей исторической родины, и их число увеличивается с каждым годом [22]. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы качества жизни мигрантов [23], как отдельной группы населения, в том числе для снижения социально-экономического напряжения в миграционной среде.

Одной из причин испытываемого предприятиями реального сектора экономики кадрового дефицита является отсутствие надлежащей промышленной политики, а также недостатки в организации работы системы профессионального образования и изъяны в системе стратегического планирования / управления [24]. Именно трудности с привлечением работников являются одной из причин закрытия производств части предприятий, которые потеряли статус резидента, и компаний, отказавшихся от начально принятого решения о вхождении в ТОР.

В сложившейся ситуации резиденты могут привлекать работников за счёт более высокой заработной платы, повышение которой компенсируется за счёт низкой ставки отчислений с фонда заработной платы в социальные фонды (7,5% вместо 30%) (таблица 6). Согласно концепции качества трудовой жизни именно заработная плата выступает главным средством мотивации к труду [25].

Таблица 6

Сравнение показателей деятельности ТОР «Набережные Челны» по заработной плате с показателями республики Татарстан и России

Table 6

Comparison of the Performance Indicators ADP «Naberezhnye Chelny» in Terms of Wages with the Indicators of the Republic and the Country

	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Доля фонда заработной платы (ФЗП) в общей сумме затрат на производство продукции, %</i>					
Обрабатывающие производства Российской Федерации	8,7	8,6	8,5	9,2	8,2
Обрабатывающие производства Республика Татарстан	7,9	7,3	8,0	8,7	7,1
ТОР «Набережные Челны»	8,4	8,4	8,8	9,2	9,9
<i>Доля суммы страховых взносов в общей сумме затрат на производство продукции, %</i>					
Обрабатывающие производства Российской Федерации	2,5	2,4	2,4	2,6	2,3
Обрабатывающие производства Республика Татарстан	2,3	2,2	2,4	2,5	2,0
ТОР «Набережные Челны»	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7
<i>Доля общей суммы ФЗП и страховых взносов в общей сумме затрат на производство продукции, %</i>					
Обрабатывающие производства Российской Федерации	11,2	11,0	10,9	11,8	10,5
Обрабатывающие производства Республика Татарстан	10,2	9,5	10,4	11,2	9,1
ТОР «Набережные Челны»	9,0	9,0	9,5	9,9	10,6
<i>Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.</i>					
Обрабатывающие производства Российской Федерации	38,5	40,7	43,9	46,5	52,4
Обрабатывающие производства Республики Татарстан	36,1	38,2	41,7	44,5	50,5
Обрабатывающие производства города Набережные Челны	33,8	37,3	40,0	42,1	48,5
ТОР «Набережные Челны»	41,4	42,1	45,0	51,6	67,9

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

¹⁷ Кирилов М., Колесников Р. Вся надежда на эзков и узбеков: власть и промышленные генералы признали кадровый коллапс в Татарстане // Деловая электронная газета «Бизнес Online»: [сайт]. URL: <https://kam.business-gazeta.ru/article/533171?fullpage> (дата обращения: 14.08.2024).

¹⁸ Минниханов на заседании с совбезом РТ обсудил инциденты с иностранцами в Татарстане // Деловая электронная газета «Бизнес Online»: [сайт]. URL: <https://mkam.business-gazeta.ru/news/612633> (дата обращения: 7.08.2024); Городнова А., Леухина Т., Емельянова С., Яруллина К. «Мы ставим себе подножку!»: как Бастрыкин подталкивает Татарстан запретить мигрантов // Деловая электронная газета «Бизнес Online»: [сайт]. URL: <https://mkam.business-gazeta.ru/news/612633> (дата обращения: 15.08.2024).

Наибольшую заработную плату платят резиденты, выпускающие электрическое электрооборудование, металлопрокат, прочую неметаллическую минеральную продукцию (таблица 7). Меньше, чем на аналогичных производствах рес-

публики и страны, среднемесячная заработная плата у резидентов, производящих химические вещества, резиновые и пластмассовые изделия, автотранспортные средства.

Таблица 7

Сравнение средней заработной платы ТОП «Набережные Челны» с показателями республики и страны

Table 7

Comparison of the Average Salary ADP «Naberezhnye Chelny» with the Indicators of the Republic and the Country

Средняя заработная плата по видам производств, тыс. руб.	ТОП «Набережные Челны»			Республика Татарстан			Российская Федерация		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Обрабатывающие производства	45,0	51,6	67,9	41,7	44,4	50,5	43,9	46,5	52,4
Пищевые продукты	46,1	48,6	46,8	31,3	34,0	37,2	35,2	37,6	42,6
Химические вещества и химические продукты	46,4	51,8	55,7	55,0	59,1	66,4	54,3	57,3	63,7
Резиновые и пластмассовые изделия	30,1	34,5	38,8	38,6	42,4	49,1	35,6	39,7	44,8
Прочая неметаллическая минеральная продукция	51,7	59,7	77,2	36,6	36,5	41,4	38	40,8	46,3
Металлопрокат	52,2	66,2	80,2	32,8	33,5	38,7	53,6	56,9	63,2
Готовые металлические изделия, кроме машин и оборудования	44,7	52,5	60,3	34,7	35,7	39,7	41,4	44,0	48,4
Электрическое оборудование	39,5	45,6	101,8	38,3	41,3	47,7	43,7	45,7	51,0
Машины и оборудования, не включенные в др. группы	47,2	42,9	52,7	39,6	41,4	47,5	44,0	47,5	53,7
Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы	57,2	51,2	51,9	42,6	44,8	53,4	45,4	46,5	53,2
Прочие готовые изделия	39,3	48,1	50,5	29,1	34,7	38,3	35,6	39,8	45,1

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных.

Выделяя отдельные более высокие показатели ТОП по производительности труда и среднемесячной заработной плате, можно отметить, что опережающий тренд социально-экономического развития территории за 8,5 лет действия преференциального режима не сложился. В условиях дефицита трудовых ресурсов и целевой установки на достижение страной технологического суверенитета, резиденты используют существующие трудоёмкие технологии, которые неэффективны в новой реальности.

Бизнесу необходимо осознать, что требуется прорывной переход на следующий уровень технологического развития за счёт внедрения критических и сквозных технологий. В связи с этим бизнес-проекты потенциальных резидентов целесообразно рассматривать через призму соответствия технологий принципам и критериям Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0, с целью достижения страной технологического суверенитета.

Заключение

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что показатели качества жизни населения территорий учитываются потенциальными резидентами при выборе площадки для открытия производств. Предпочтение отдаётся крупным срединным моногородам, входящим в агломерации.

С другой стороны, резиденты, открывая производства на преференциальных условиях, могут улучшать качество трудовой жизни, внедряя современные технологии. Хорошо оплачиваемые рабочие места резидентов улучшают качество трудовой жизни жителей территорий – не только напрямую повышают уровень доходов населения, но и через повышенные налоговые отчисления в местный бюджет (НДФЛ) способствуют улучшению других параметров качества жизни горожан (возрастают вложения местной власти в качество автобусных городских перевозок, содержание

социальной инфраструктуры и т.п.). При этом выявлено, что реализуемые бизнес-модели части резидентов, несмотря на существенные государственные преференции, отличаются низкими показателями по производительности труда, уровню среднемесячной оплаты труда.

С целью улучшения качества жизни населения моногородов со статусом ТОР предлагаем в нормативно-правовых актах закрепить к бизнес-проектам будущих и деятельности действующих резидентов требования по уровню среднемесячной заработной платы и производительности труда, как компонентов «качество рабочих мест, создаваемых резидентами». Эти уровни должны быть дифференцированными для разных видов ОКВЭД и типов моногородов по социально-экономическому развитию.

Также считаем целесообразным убрать из требований к резидентам ТОР показатель «количество новых рабочих мест», заменив его индикатором «средняя стоимость создаваемого рабочего места». Производства Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0 требуют серьёзных вложений, и государству необходимо создавать благоприятные условия для таких производств через законодательно закреплённые преференции.

Для учёта качества жизни населения территории при оценке эффективности деятельности ТОР необходимо сформировать базу статистических данных о деятельности резидентов (объём

производства (услуг), индекс промышленного производства, численность работающих, уровень среднемесячной заработной платы, производительность труда, рентабельность производства, структура затрат и т.п.) и регулярно её актуализировать. В настоящее время, через 8,5 лет действия режима ТОР, администрации городов продолжают давать общую информацию по итогам деятельности и плановые цифры по отдельным резидентам. Необходимо на основе квалифицированного анализа результатов деятельности резидентов и ТОР в целом разработать нормативов по производительности труда, уровню среднемесячной заработной платы. Необходимо также через компоненты показателя «качество рабочих мест, создаваемых резидентами» оценивать открываемые резидентами производства, и в целом эффективность ТОР.

Решению этой задачи может способствовать создание портала на сайтах министерств, мэрии муниципалитетов с фактическими данными по каждому резиденту. Такое предложение приобретает особую актуальность, учитывая, что к августу 2024 года статус ТОР уже имеют более четверти всех моногородов России.

В новой реальности построения ограниченно открытой экономики суверенного типа ТОР могут стать локомотивами ускорения развития страны, если резиденты будут ориентированы на открытие производств Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0.

Список литературы

1. Шамаева Е.Ф. Методические основы моделирования качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 1. С. 87–101. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.7> EDN FASAEQ
2. Бобков В.Н. Уровень и качество жизни в Российском обществе: (2014–2016 гг.) // Российский экономический журнал. 2017. № 6. С. 79–94. EDN YRUQSB
3. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
4. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В. Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с. EDN KGTONL
5. Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Том 16. № 3. С. 318–330. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.1> EDN QISRVR
6. Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. Моделирование и оценка качества жизни в макрорегионах России на основе методологии экономики качества // Пространственная экономика. 2023. Том 19. № 4. С. 170–186. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.170-186> EDN TVMUCY
7. Спиридонов А.Ю., Найденова А.А. Качество жизни населения: подходы к определению понятия, формирование системы сбора данных и методики оценки // Экономика труда. 2024. Том 11. № 8. С. 1159–1180. <https://doi.org/10.18334/et.11.8.121438> EDN XGMPNN
8. Устинова О.Е. Качество жизни: подходы к определению и особенности мотивации населения // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 7. С. 2873–2890. <https://doi.org/10.18334/ce.16.7.114894> EDN YNVZTA
9. Методический подход к измерению качества жизни населения региона / О.А. Козлова, Т.В. Гладкова, М.Н. Макарова, Е.Х. Тухтарова // Экономика региона. 2015. № 2. С. 183–193. <https://doi.org/10.17059/2015-2-15> EDN VHRTJL
10. Interdependence of Quality of Life and Happiness of the Population in Southeast European Countries / D. Pupavac, M. Delibasic, J. Pupavac, J. Streimikis // Montenegrin Journal of Economics. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 7–15. <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1>

11. Bagavandas M. Development of multifactor index for assessing quality of life of a tribal population of India: multilevel analysis approach // BMC Public Health. 2021. No. 383. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10338-2>
12. Yerezhopova A., Dauliyeva G., Maisanova R. Human Development Index as an integral indicator of the quality of life of the population // Problems of AgriMarket. 2023. No. 3. P. 191–201. <https://doi.org/10.46666/2023-3.2708-9991.19>
13. Payne S.L., Lloyd S., Francis B. Regional Inclusive Growth Through Systems Philanthropy in Essex County, Massachusetts // The Foundation Review. 2020. Vol. 12. Issue 4. P. 58–72. <https://doi.org/10.9707/1944-5660.1543>
14. Galiullina G. Comparative analysis of operational frameworks of special economic areas in Russia // R-Economy. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 25–37. <https://doi.org/10.15826/recon.2019.5.1.004> EDN ZBMLML
15. Galiullina G.F., Mansurova T.G., Gallyamova E.F. Qualitative assessment of the potential of innovative development of territories // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. Vol. 7. No. Special Issue. P. 1195–1199. EDN EXJDIL
16. Коротяев А.В., Малков С.Ю., Мусиева Дж. К оптимизации глобальных демографических процессов // История и современность. 2022. № 4(46). С. 81–103. EDN IYSVMA
17. Кузнецов Б.Л., Кузнецова С.Б. Высокие технологии – стратегия развития моногородов // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2017. № 1(74). С. 60–68. EDN YPCZMB
18. Афанасьев А.А. Становление ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России: понятие, этапы, существенные характеристики // Экономические отношения. 2022. Том 12. № 3. С. 345–366. <https://doi.org/10.18334/eo.12.3.115123> EDN PDDYOX
19. Романова О.А., Сиротин Д.В. От индустрии 4.0 к индустрии 5.0: проблемы и возможности развития металлургии России // Сталь. 2024. № 1. С. 46–52. EDN BVIPGV
20. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 1 // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_163_171 EDN DBRIAR
21. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 2 // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 371–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_371_384 EDN TXTDDK
22. Migration in a Globalizing World: Perspectives from Ghana / ed. by M. Awumbila, D. Badasu, J. Teye. Legon-Accra, Ghana: Sub-Saharan Publishers, 2018. ISBN 978-9988-8829-1-4 <https://doi.org/10.2307/j.ctvh8r2m4>
23. Вицентий И.В., Попова О.Н. Миграционные намерения и качество жизни населения Мурманской области // Теория и практика общественного развития. 2023. № 10. С. 71–76. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.10.7> EDN BFIPNV
24. Александрова О.А. Проблема дефицита кадров в промышленном секторе экономики: причины и направления решения // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 150–162. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_150_162 EDN BGVYET
25. Якушева М.С. Эволюция понятия качества трудовой жизни // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 4(36). С. 63–72. EDN XHNHTZ

Информация об авторах:

Ольга Александровна Романова – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН

(SPIN-код: 7848-9423) (РИНЦ Author ID: 138737) (ResearcherID: K-3318-2018)

Гильдия Фагимовна Галиуллина – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН; заведующий кафедрой экономики предприятий и организаций, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжский) федерального университета

(SPIN-код: 1156-6068) (РИНЦ Author ID: 517986) (ResearcherID: A-1762-2018)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Гильдия Фагимовна Галиуллина.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Shamaeva E.F. On Methodological Approaches to Modeling the Quality of Life. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(1):87–101. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.7> (In Russ.)
2. Bobkov V.N. The Level and Quality of Life in Russian Society (2014–2016). *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2017;6:79–94 (In Russ.)
3. Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktyukhina. N.V., Shamaeva. E.F. (eds.), et al. *Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniya Rossii: ot Real'nosti k Proektirovaniyu Budushchego*. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
4. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. *Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2023 god*. Yearbook. Iss. 2(203). Moscow: Institute of Economics RAS; 2024. 182 p. ISBN 978-5-9940-0734-1 (In Russ.)
5. Okrepilov V.V., Gagulina N.L. Development of Estimating Quality of Life of Regional Population. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii=Russian Journal of Economic Theory*. 2019;16(3):318–330. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.1> (In Russ.)
6. Okrepilov V.V., Gagulina N.L. Modeling and Assessment of the Quality of Life in Macro-Regions of Russia Based on the Methodology of Quality Economics. *Prostranstvennaya Ekonomika=Spatial Economics*. 2023;19(4): 170–186. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.170-186> (In Russ.)

7. Spiridonov A.Yu., Naydenova A.A. Quality of Life: Approaches to Definition, Data Collection System and Assessment Techniques. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2024;11(8):1159–1180. <https://doi.org/10.18334/et.11.8.1214388> (In Russ.)
8. Ustinova O.E. Quality of Life: Approaches to The Definition and Features of the Motivation of the Population. *Kreativnaya ekonomika=Creative Economy*. 2022;16(7):2873–2890. <https://doi.org/10.18334/ce.16.7.114894> (In Russ.)
9. Kozlova O.A. Methodical Approach to Measuring the Life Quality in Region. *Ehkonomika regiona=Economy of Regions*. 2015;(2):183–193. <https://doi.org/10.17059/2015-2-15> (In Russ.)
10. Pupavac D., Delibasic M., Pupavac J., et al. Interdependence of Quality of Life and Happiness of the Population in Southeast European Countries. *Montenegrin Journal of Economics*. 2020;16(4):7–15. <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1>
11. Bagavandas M. Development of Multifactor Index for Assessing Quality of Life of a Tribal Population of India: Multilevel Analysis Approach. *BMC Public Health*. 2021;(383). <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10338-2>
12. Yezhepova A., Dauliyeva G., Maisanova R. Human Development Index as an Integral Indicator of the Quality of Life of the Population. *Problemy agrorynka=Problems of AgriMarket*. 2023;(3):191–201. <https://doi.org/10.46666/2023-3.2708-9991.19>
13. Payne S.L., Lloyd S., Francis B. Regional Inclusive Growth Through Systems Philanthropy in Essex County, Massachusetts. *The Foundation Review*. 2020;12(4):58–72. <https://doi.org/10.9707/1944-5660.1543>
14. Galiullina G. Comparative Analysis of Operational Frameworks of Special Economic Areas in Russia. *R-Economy*. 2019;5(1):25–37. <https://doi.org/10.15826/recon.2019.5.1.004>
15. Galiullina G.F., Mansurova T.G., Gallyamova E.F. Qualitative Assessment of the Potential of Innovative Development of Territories. *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019;7(Sp. Iss.):1195–1199.
16. Korotaev A.V., Malkov S.Yu., Musieva Dzh. Towards the Optimization of Global Demographic Processes. *Istoriya i sovremennost'*. 2022;(4(46)):81–103. (In Russ.)
17. Kuznetsov B.L., Kuznetsova S.B. High Technology - Development Strategy Monocities. *Sotsial'no-ehkonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizatsiya=Social-economic and Technical Systems: Research, Design and Optimization*. 2017;(1(74)):60–68. (In Russ.)
18. Afanasev A.A. Limited Open Sovereign Economy in Modern Russia: Concept, Stages, Characteristics. *Ekonomicheskie otnosheniya=Journal of International Economic Affairs*. 2022;12(3):345–366. <https://doi.org/10.18334/eo.12.3.115123> (In Russ.)
19. Romanova O.A., Sirotin D.V. From Industry 4.0 to Industry 5.0: Problems and Opportunities for the Metal Industry Development in Russia. *Steel in Translation*. 2024;54(2):120–126. <https://doi.org/10.3103/S0967091224700438>
20. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S. Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 1. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 (In Russ.)
21. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S. Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 2. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):371–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_4_371_384 (In Russ.)
22. Awumbila M., Badasu D., Teye J. (eds.), et al. Migration in a Globalizing World: Perspectives from Ghana. Legon-Accra, Ghana: Sub-Saharan Publishers; 2018. ISBN 978-9988-8829-1-4 <https://doi.org/10.2307/j.ctvh8r2m4>
23. Vicentiy I.V., Popova O.N. Migration Intentions and Quality of Life of the Murmansk Region Population. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*. 2023;(10):71–76. <https://doi.org/10.24158/ti-por.2023.10.7> (In Russ.)
24. Aleksandrova O.A. The problem of Personnel Shortage in the Industrial Sector of the Economy: Reasons and Directions for Solution. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):150–162. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162 (In Russ.)
25. Yakusheva M.S. Evolution of the Concept of “Quality of Working Life”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika=Tomsk State University Journal of Economics*. 2016;(4(36)):63–72. (In Russ.)

Information about the authors:

Ol'ga A. Romanova – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (SPIN-code: 7848-9423) (RSCI Author ID: 138737) (ResearcherID: K-3318-2018)

Gyl'ya F. Galiullina – PhD in Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Head of the Department of Economics of Enterprises and Organizations, Kazan Federal University – Naberezhnye Chelny Institute (SPIN-code: 1156-6068) (RSCI Author ID: 517986) (ResearcherID: A-1762-2018)

Authors' declared contribution: all authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Gyl'ya F. Galiullina.

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Оригинальная статья

УДК 330.3

JEL H52

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529

EDN DSBCOC

Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры

Наталья Геннадьевна Яковлева¹, Анастасия Максимовна Шафранская²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,

^{1,2} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

¹ (tetrn@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7839-8467>)

² (amshafranskaya@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0007-3304-5298>)

Аннотация

В нынешних условиях одной из важных задач становится разработка сбалансированной системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, отвечающей тактическим и стратегическим задачам российской экономики и, в первую очередь, – обеспечению технологического суверенитета. Для снижения зависимости от иностранных технологий и комплектующих в условиях санкционных ограничений сегодня запускаются собственные производства в различных отраслях, что ставит новые задачи перед системой образования. К числу системных рисков экономики относится именно нехватка высококвалифицированных специалистов. В принятых в последние годы документах стратегического развития особое внимание уделяется состоянию кадрового обеспечения, но решение данной задачи не носит системный характер. *Цель исследования* заключается в определении приоритетных мер государственной политики в сфере подготовки квалифицированных кадров в целях обеспечения технологического суверенитета российской экономики. *Задачами являются:* исследование дефицита кадров в российской экономике; анализ государственной политики в сфере подготовки квалифицированных кадров; определение основных направлений решения задачи подготовки квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета. *Методологическая основа исследования:* метод анализа, синтеза, дедукции, индукции, системный подход, нормативный метод, диалектический метод. *Информационные источники* – научные труды ведущих отечественных учёных, нормативно-правовые акты Российской Федерации, отчёты Правительства РФ, министерств, ведомств, материалы научных конференций, периодических изданий, статистические данные, Интернет-ресурсы. *Основные результаты исследования:* по результатам проведённого анализа изменений на трудовом рынке, вызванного острой нехваткой кадров, предложены первоочередные меры для преодоления дефицита квалифицированных кадров в целях обеспечения технологического суверенитета российской экономики. Отмечается, что для решения тактических и стратегических задач обеспечения технологического суверенитета необходимо создание системы стратегического планирования, поскольку подготовка квалифицированных кадров может вестись только параллельно с планированием технологического развития страны.

Ключевые слова: подготовка кадров, высшее образование, квалифицированные кадры, дефицит кадров, государственная политика, технологический суверенитет, российская экономика

Для цитирования: Яковлева Н.Г., Шафранская А.М. Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 515–529. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529 EDN DSBCOC

RAR (Research Article Report)

JEL H52

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529

Training of Qualified Personnel to Ensure Technological Sovereignty of the Russian Economy: Priority Measures

Natal'ya G. Yakovleva¹, Anastasiya M. Shafranskaya²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^{1,2} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (tetrn@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7839-8467>)

² (amshafranskaya@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0007-3304-5298>)

Abstract

In the current conditions, one of the important tasks is to develop a balanced system of training and retraining of qualified personnel that meets the tactical and strategic objectives of the Russian economy and, first of all, ensuring technological sovereignty. In order to reduce dependence on foreign technologies and components in the context of sanctions, our own production facilities are being launched in various industries, which poses new challenges for the education system. The systemic risks of the economy include the shortage of highly qualified specialists. In the strategic development documents adopted in recent years, special attention is paid to the state of personnel provision, but the solution to this problem is not systemic. The purpose of the study is to determine the priority measures of state policy in the field of training qualified personnel in order to ensure the technological sovereignty of the Russian economy. The objectives are: study of the personnel shortage in the Russian economy; analysis of state policy in the field of training qualified personnel; determination of the main directions for solving the problem of training qualified personnel to ensure technological sovereignty. Methodological basis of the study: method of analysis, synthesis, deduction, induction, systems approach, normative method, dialectical method. Information sources – scientific works

of leading domestic scientists, regulatory legal acts of the Russian Federation, reports of the Government of the Russian Federation, ministries, departments, materials of scientific conferences, periodicals, statistical data, Internet resources. Main results of the study: based on the results of the analysis of changes in the labor market caused by an acute shortage of personnel, priority measures are proposed to overcome the shortage of qualified personnel in order to ensure the technological sovereignty of the Russian economy. It is noted that in order to solve tactical and strategic problems of ensuring technological sovereignty, it is necessary to create a strategic planning system, since the training of qualified personnel can only be carried out in parallel with the planning of the country's technological development.

Keywords: personnel training, higher education, qualified personnel, personnel shortage, state policy, technological sovereignty, Russian economy

For citation: Yakovleva N.G., Shafranskaya A.M. Training of Qualified Personnel to Ensure Technological Sovereignty of the Russian Economy: Priority Measures. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):515–529. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529 (In Russ.)

Введение. Теоретические основы исследования проблемы

Геополитические проблемы последних лет, с одной стороны, обострили противоречия, которые проявились в российской модели социально-экономического развития постсоветского периода, с другой стороны, открывают возможности для разрешения этих противоречий. Одним из основных противоречий, которое необходимо разрешить в самой ближайшей перспективе – это противоречие между острой необходимостью сохранения и развития человеческого потенциала страны, в том числе кадрового и сформированной за последние три десятилетия и доказавшей свою неэффективность коммерческо-бюрократической моделью развития секторов социальной сферы, в первую очередь – образования, здравоохранения, культуры и науки¹, а также низким уровнем их финансирования². Без разрешения данного противоречия будет невозможно решить проблему дефицита кадров и задачи обеспечения национальной безопасности и технологического суверенитета.

Ведущие учёные нашей страны на протяжении последних 20 лет указывали на необходимость более интенсивного развития социальной сферы [5; 6; 7; 8; 9] и сферы науки [10], основных секторов «экономики знаний» [11] и в целом на переход российской модели социально-экономического развития к «стратегии опережающего развития», основой которой является развитие человеческого потенциала [12]. Однако, за последние четверть века в российской экономике сформировалась модель развития, ориентированная, в первую очередь, на макрофинансовую стабильность, а динамика производства во многом определялась доходами от внешнеэкономической деятельности [13]. Всё это привело к отставанию

¹ Более подробно см.: [1; 2].

² Отметим, что данное противоречие характерно не только для России, но и для многих стран капиталистической системы [3; 4].

экономики нашей страны от ведущих экономик мира по показателям инновационности и научно-технологического развития [14].

К этому следует добавить негативные последствия коммерческо-бюрократической модели развития социальной сферы и, прежде всего, социогуманитарного сектора – образования, здравоохранения, культуры и науки, который является основным пространством формирования человеческого потенциала, в том числе кадрового.

В результате использования данной модели развития в сфере образования российская экономика испытывает различные негативные последствия³ [15]. Отметим лишь те, которые важны в разрезе темы статьи:

- несоответствие между подготовкой кадров и спросом со стороны работодателей⁴;

- спрос на образовательные программы главным образом диктуется абитуриентами и их родителями на основе личных представлений о престижности профессий (учат и учатся тому, что

³ Необходимо отметить, что коммерциализация образования является международной тенденцией и её негативные последствия, такие как неравенство в доступе к образованию, процессы элитаризации образования, сегрегация участников образовательного процесса и образовательных учреждений и др., проявляются во многих странах мирах с различными социально-экономическими моделями, от США до Китая и т.д. [16; 17; 18; 19].

⁴ По данным НИУ ВШЭ лишь 65% выпускников 2019–2021 гг. выпуска (по всем уровням подготовки) трудоустроились на первую работу на рабочие места, связанные с полученной специальностью или профессией, при этом выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования (СПО) по программам подготовки специалистов среднего звена – 58%, а выпускников СПО по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 55%. Уровень безработицы в возрастной группе от 20–24 лет, а это как раз выпускники, достаточно высокий и в 2022 г. составил всего по всем уровням образования – 13,5%, имеющих высшее образование – 13,6, выпускников СПО по программам подготовки специалистов среднего звена – 9,8, выпускников СПО по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 8,4%. См.: Индикаторы образования: 2024: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. С. 131–132.

«модно» и потенциально может принести больший заработок)⁵;

– дефицит предложения квалифицированных рабочих и избыток специалистов высшего уровня подготовки (в обществе сформировалась установка, что высшее образование – это залог успеха для будущей реализации себя в обществе)⁶ и др.

По данным Росстата уровень безработицы в России сейчас рекордно сокращается и в апреле 2024 года составил 2,6%⁷, что является исторически низким уровнем данного показателя и для этого есть объективные причины. В то же время, по оценке учёных Института экономики РАН, дефицит кадров в экономике России в 2023 году составил около 4,8 млн человек [20], а во II квартале 2024 года обеспеченность кадрами обновила очередной минимум за всю историю наблюдений.

Несмотря на накопившиеся противоречия в социально-экономическом развитии России, в ближайшие 10 лет для страны будут открываться новые возможности для ускорения технологического развития:

– в связи с сокращением импорта и уходом иностранных компаний возможна локализация высокотехнологичных производств;

– благодаря использованию и внедрению уже имеющихся научно-технических достижений возможно создание полномасштабных серийных производств необходимых технологий в различных отраслях экономики;

– привлечение к решению задачи ускорения технологического развития инженерно-технологических кадров. Сильные инженерные и физико-математические школы, существующие в стране,

⁵ В структуре российских выпускников высшего образования по всем программам подготовки в 2022 г. наблюдается следующая ситуация: доля обучающихся по направлениям подготовки «Бизнес, управление и право» – 24,3%, «Инженерные, обрабатывающие и строительные отрасли» – 21,5, «Социальные науки, журналистика и информатика» – 13,8, «Образование» – 10,8, «Естественные науки, математика и статистика» – 4,8. См.: Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова [и др.]. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. С. 65–66.

⁶ По данным НИУ ВШЭ в период начало 2000-х–2018 гг.: численность руководителей увеличилась в 2,2 раза, специалистов высшего уровня квалификации – почти в 1,5 раза, работников сферы обслуживания – на 36,2%, специалистов среднего уровня квалификации – на 12%. К 2018 году 62% трудовой деятельности приходится на долю представителей беловоротничковых (офисные работники и сфера обслуживания) и лишь 38% – синеворотничковых (рабочих) профессий. См.: Система профессионального образования: как научиться слышать сигналы рынка труда? / Ф.Ф. Дудырев, О.А. Романова, А.И. Шабалин; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 44 с.

⁷ Социально-экономическое положение России (январь-апрель 2024 года) // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-04-2024.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

могут способствовать удержанию и завоеванию позиций в сфере технологий⁸.

В этих условиях одной из важных задач становится разработка *сбалансированной системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров*, отвечающей тактическим и стратегическим задачам российской экономики и, в первую очередь, – обеспечению технологического суверенитета.

Объектом исследования является система подготовки квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики. Предмет исследования: государственная политика в сфере образования. Цель исследования заключается в определении приоритетных мер государственной политики в сфере подготовки квалифицированных кадров в целях обеспечения технологического суверенитета российской экономики. Гипотеза исследования: создание сбалансированной системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для приоритетных отраслей экономики является одним из основных направлений государственной политики в области стратегического планирования для решения задач обеспечения технологического суверенитета российской экономики в современных геополитических и геоэкономических условиях.

Материалы и методы

Информационную основу исследования составили нормативно-правовые акты РФ, регламентирующие вопросы технологического развития, в т.ч. науки и технологий, национальной безопасности, системы высшего образования, рынка труда.

В качестве фактических данных использовались данные российской статистики, отчёты Правительства РФ, результаты мониторингов Банка России по указанным выше проблемам.

Теоретическую основу исследования составили разработки российских и зарубежных учёных и экспертов, отражённые в статьях, монографиях, книгах и открытых источниках сети Интернет.

В качестве методов исследования использованы следующие: метод анализа, синтеза, дедукции, индукции, системный подход, нормативный метод, диалектический метод.

Результаты исследования

Дефицит кадров в российской экономике и меры государственной политики по его устранению

Практика последних 20 лет показала, что развитие и оперативное внедрение передовых технологий

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.».

является ключевым фактором социально-экономического развития стран. При этом внедрение новых технологий направлено как на развитие и модернизации существующих производств, так и на создание новых. Сегодня технологии являются основой для привлечения инвестиций. При этом рост капитализации компаний в основном обеспечивается результатами интеллектуальной деятельности в сфере передовых технологий. Так, инвестиционная активность, ориентация компаний на развитие инновационных технологий определяет их конкурентоспособность и устойчивое развитие⁹.

Наша страна по показателям инвестиционной активности, уровню внедрения и разработке инноваций, производству и экспорту высокотехнологичной продукции отстаёт от экономик стран-лидеров. Так, например, по показателям 2020–2021 гг. на долю России приходилось 0,3% мирового экспорта высокотехнологических товаров и услуг, в то время как у Китая 6%, у Германии – 15, у США – 39. Россия занимает 47 место в международном рейтинге (132 страны) по глобальному инвестиционному индексу¹⁰, впереди нас Турция и Польша – 37 и 38 место соответственно, лидеры: США – 2 место, Великобритания – 4, Германия – 8. Уровень инновационной активности предприятий и организаций страны (по данным обследования 2014–2017 гг.) – 9,1 %, тогда

как в США – 64,7%, Германии – 63,7, Великобритании – 58,7% [14].

Низкая инновационная активность способствует потере компаниями рынков сбыта и оттоку высококвалифицированных кадров.

На сегодняшний день согласно оценке Банка России инвестиционная активность в российской экономике после достигнутого в I квартале 2024 г. исторического максимума (9,3 %) во II квартале 2024 г. снизилась до 7,6 %, что соответствует среднему уровню за 2023 год (рисунок 1). Одним из факторов, ограничивающим инвестиционную активность, является дефицит кадров, в том числе высококвалифицированных. Знания, которые дают в вузах, особенно специалистам ИТ-сферы, устаревают быстрее, чем их внедряют в образовательные программы. Помимо этого, многие выпускники высших учебных заведений не работают по специальности – половина всех выпускников высших учебных заведений занята в 4 основных отраслях: образование, наука, обрабатывающие производства и торговля¹¹. Также можно отметить недостаточную переподготовку кадров, являющуюся ключевым фактором для сохранения кадровой базы¹². Она помогает работникам оставаться востребованными на рынке труда и расти по карьерной лестнице.

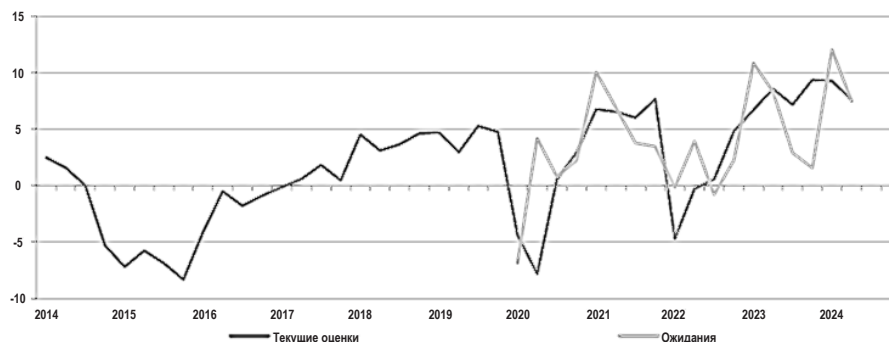

Рисунок 1. Оценка изменения инвестиционной активности, баланс ответов, %
Figure 1. Assessment of Changes in Investment Activity, Balance of Responses, %

Источник: Банк России¹³.

Согласно данным Банка России, проблема дефицита кадров различной квалификации усилилась в 2024 г. Обеспеченность работниками во II квартале 2024 г. снизилась до исторического минимума (-30,8%). Наиболее остро дефицит продолжали испытывать обрабатывающие пред-

приятия, производящие продукцию инвестиционного и потребительского назначения.

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.».

¹⁰ Индекс составлен Всемирной ассоциацией интеллектуальной собственности и рассчитывается на основе 81 показателя – институты, человеческий капитал, исследования, инфраструктура, развитость рынка или бизнеса и др.

¹¹ Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы / Н.К. Емелина, К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 106.

¹² Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова [и др.]. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. С. 82.

¹³ Мониторинг предприятий: информационно-аналитический комментарий. № 7(26). Июль 2024 года. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2024. С. 14. URL: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49342/0724.pdf> (дата обращения: 16.07.2024).

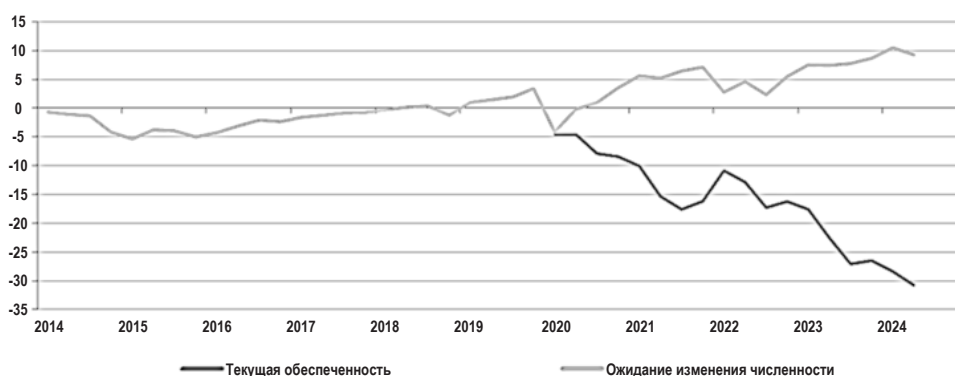

Рисунок 2. Оценки обеспеченности предприятий работниками и ожидания изменения численности работников, баланс ответов, %
Figure 2. Assessments of the Provision of Enterprises with Employees and Expectations of Changes in the Number of Employees, Balance of Responses, %

Источник: Банк России¹⁴.

В 2023 году Распоряжением Правительства Российской Федерации определены приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики страны¹⁵. К приоритетным направлениям проектов технологического суверенитета отнесены 13 отраслей промышленности, затрагивающих разные сферы экономики: автомобилестроение, авиационная, станкоинструментальная, химическая, медицинская промышленность, нефтегазовое, железнодорожное, сельскохозяйственное, специ-

ализированное машиностроение, судостроение, электроника, энергетика и фармацевтика. К числу проектов структурной адаптации, согласно Распоряжению, отнесены проекты по созданию и модернизации инфраструктуры, направленные на переориентацию транспортно-логистических потоков в дружественные России страны¹⁶. Таким образом, приоритетными направлениями развития в целях достижения технологического суверенитета для государства являются промышленность, машино-, станко- и судостроение, электроника и энергетика.

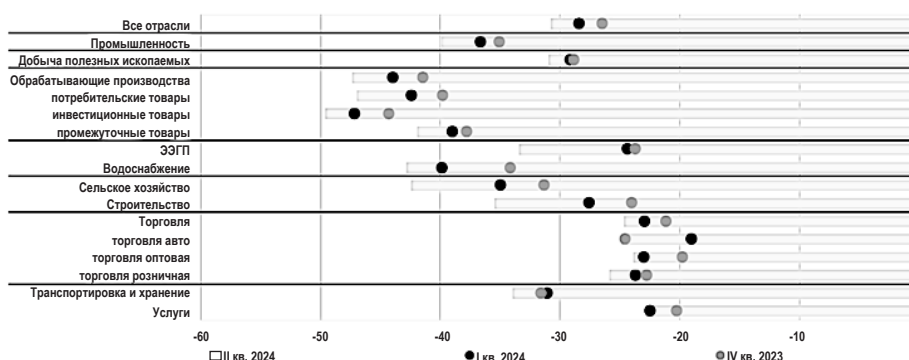

Рисунок 3. Оценки обеспеченности предприятий работниками, баланс ответов, %
Figure 3. Assessment of the Provision of Enterprises with Workers, Balance of Responses, %

Источник: Банк России¹⁷.

¹⁴ Мониторинг предприятий: информационно-аналитический комментарий. № 7(26). Июль 2024 года. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2024. С. 16. URL: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49342/0724.pdf> (дата обращения: 16.07.2024).

¹⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.».

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 года № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации».

¹⁷ Мониторинг предприятий: информационно-аналитический комментарий. № 7(26). Июль 2024 года. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2024. С. 16. URL: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49342/0724.pdf> (дата обращения: 16.07.2024).

На данный момент имеются различные оценки по определению дефицита кадров в разрезе отраслей приоритетного направления проектов технологического суверенитета.

Так, российская авиационная промышленность по-прежнему испытывает острый дефицит инженерно-технических кадров, в том числе конструкторов и технологов. Отрасли не хватает свыше 14 тысяч человек¹⁸.

В отношении машиностроения в России также наблюдается острая нехватка квалифицированных научных, инженерных и рабочих кадров. Проблема существует как в сфере непосредственного производства автомобилей, так и у поставщиков компонентов и материалов. По оценкам экспертов, существующие программы подготовки инженерных кадров недостаточно актуальны для высокотехнологичных отраслей, в том числе автомобильной электроники¹⁹.

Отрасль железнодорожного машиностроения испытывает дефицит кадров сразу на двух уровнях. Проблемы наблюдаются как в специалистах среднего звена, так и в ИТ-специалистах и инженерных кадрах, способных принимать рациональные управленческие решения с использованием инструментов цифровизации²⁰.

По оценкам Министерства промышленности и торговли, в отраслевом разрезе наиболее острую кадровую проблему ощущает высокотехнологичное производство в авиа- и железнодорожном машиностроении, на предприятиях, выпускающих электрооборудование и радиоэлектронику, а также в оборонно-промышленном комплексе²¹.

Изменения на трудовом рынке, вызванные острой нехваткой кадров, в разных сферах проявляются по-разному, но негативно сказываются на экономике в целом и являются серьёзным фактором, тормозящим её рост [20]. В первую очередь, дефицит кадров не позволяет производить необходимый объём товаров и услуг, что, в свою очередь, сказывается на снижении темпов роста ВВП и увеличивает инфляцию. Во-вторых, дан-

ный фактор затрудняет перестройку экономики в условиях санкционных ограничений.

Проблемы подготовки квалифицированных кадров для достижения целей технологического суверенитета страны в течение нескольких последних лет всё чаще поднимается на высоком уровне. На решение данной проблемы направлены президентские указы, стратегии развития, а также экспертные дискуссии.

В принятой в 2021 году новой Стратегии национальной безопасности вопросы подготовки кадров поднимаются в двух подразделах – экономическая безопасность и научно-технологическое развитие. Так, в рамках экономической безопасности целями выступают: устранение кадровых диспропорций, включая дефицит инженерных и рабочих кадров, взятие под контроль неформальной занятости, повышение уровня подготовки кадров, приоритетное трудоустройство российских специалистов. В данной Стратегии также отмечается, что для достижения указанных целей необходима подготовка как высококвалифицированных специалистов, так и научных и научно-педагогических кадров в разрезе приоритетных направлений научно-технологического развития страны²².

В мае 2023 года был подписан президентский Указ, направленный на совершенствование системы высшего образования и подготовки кадров. Документ направлен на обеспечение долгосрочных потребностей экономики. Реализация пилотного проекта направлена на изменение уровней высшего образования. В шести выбранных вузах страны должны быть разработаны новые образовательные стандарты в разрезе двух уровней – базового и специализированного высшего образования²³. Реализация Указа призвана построить гибкую образовательную систему, которая, с одной стороны, продолжит обеспечивать получение фундаментальных знаний по специальностям, а, с другой, позволит своевременно трансформировать образовательные программы под изменяющиеся условия и потребности экономики. Возможность получения базового высшего образования позволяет специалистам быстрее выйти на рынок труда.

Общественностью проводятся локальные обсуждения кадровых проблем в разных отраслях промышленности. Так, в сентябре 2023 года в Общественной палате РФ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова про-

¹⁸ Патрушев заявил об остром дефиците инженеров и конструкторов в авиапроме // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20230203/aviatsiya-1849575983.html> (дата обращения: 21.07.2024).

¹⁹ Эксперт рассказал о нехватке кадров в российской автоиндустрии // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1561152/2023-08-18/ekspert-rasskazal-o-nekhvatke-kadrov-v-rossiiskoi-avtoindustrii> (дата обращения: 23.07.2024).

²⁰ Кадровый голод и проблемы дефицита трудовых железнодорожных ресурсов // Вагон-груз программный комплекс: [сайт]. URL: <https://wagon-cargo.ru/news/kadrovyy-golod-i-problemy-defitsita-trudovykh-zheleznodorozhnykh-resursov/> (дата обращения: 21.07.2024).

²¹ Мантуров оценил спрос промышленности в кадрах до 2030 года // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19434887> (дата обращения: 17.05.2024).

²² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

²³ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования».

вёл круглый стол «Кадровые проблемы в отраслях пищевой промышленности: пути решения». Участники круглого стола были едины в решении о необходимости возрождения подготовки инженерных кадров, конструкторов и проектировщиков, способных создавать инновационную отечественную технику и оборудование. Также эксперты отметили, что в стране необходимо развивать более глубокую интеграцию университетов с производством, широко привлекать представителей предприятий к разработке образовательных программ, организации практик и стажировок студентов²⁴.

Подобный дискурс имеет место и на правительственном уровне. В апреле 2023 года в ходе отчёта о работе Правительства РФ его председатель М. Мишустин подчеркнул, что для достижения технологического суверенитета наша экономика должна стать экономикой квалифицированных кадров²⁵. В январе 2024 года председатель Правительства также провёл стратегическую сессию по развитию вузов, занимающихся подготовкой инженерных специальностей и ведущих научную деятельность в целях обеспечения технологического суверенитета страны. Среди участников были члены Правительства РФ, председатели комитетов Государственной Думы, руководители стратегических предприятий и ведущих вузов страны²⁶. Председателем Правительства отмечалось, что укрепление технологического суверенитета невозможно без развития науки. Для решения задачи подготовки высококвалифицированных кадров необходимо выработать комплекс необходимых мер, призванный в том числе и для оперативного реагирования на изменяющиеся запросы экономики.

В условиях санкционных ограничений российских предприятия испытывают острую потребность в специалистах, которые способны разрабатывать новые образцы техники и технологий, программистах, а также целом ряде других специальностей, призванных укрепить технологический суверенитет страны. Для снижения зависимости от иностранных технологий и комп-

²⁴ РЭУ им. Г.В. Плеханова: подготовка кадров для обеспечения технологического суверенитета в отраслях промышленности // РЭУ им. Г.В. Плеханова: [сайт]. URL: <https://www.pfu.ru/news/35617-sohranenie-duhovno-nravstvennyih-tsennostey-rossii-kruglyiy-stol-v-obschestvennoy-palate> (дата обращения: 12.07.2024).

²⁵ Ежегодный отчёт Правительства в Государственной Думе // Правительство Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://government.ru/news/51246/> (дата обращения: 15.05.2024).

²⁶ Список участников стратегической сессии по развитию вузов, обеспечивающих подготовку инженерных кадров и научных разработок для обеспечения технологического суверенитета России, 10 января 2024 года // Правительство Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/mgaBfareF96q1AS8SEsAAWgS9vwdLmNM.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

лекующих сегодня запускаются собственные производства в различных отраслях – станкостроении, авиации, радиоэлектронике, что ставит новые задачи перед системой образования, ведь обеспечение передовых производств высококвалифицированными кадрами должно происходить не в будущем, а в режиме реального времени.

В нашей стране существуют флагманские учебные заведения по подготовке специалистов для ведущих отраслей экономики, но в нынешних условиях им предстоит серьёзная работа по внедрению новых методов работы, внесению изменений в образовательные программы и направления научной работы, с одной стороны, и по обновлению преподавательского состава, с другой.

Предполагается, что ведущие вузы страны станут экспериментальными площадками для внедрения новых методов работы, которые впоследствии будут распространяться на все регионы страны. В вузах должны появиться собственные программы развития, увязанные с потребностями рынка труда, а также стратегическими инициативами, государственными программами и национальными проектами. В качестве флагмана работы в данном направлении был выбран МГТУ имени Баумана. В рамках заседания была представлена стратегия развития вуза до 2030 года и принято решение по разработке подробного плана по его реализации²⁷.

В рамках реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в 2017–2021 гг. достигнуты определённые результаты по обеспечению сферы науки и в целом экономики страны научными кадрами: повышение уровня заработной платы в научном секторе по отношению к корпоративному, увеличение доли молодых учёных и исследователей (до 39 лет) [21, с. 10]. Принимаются определённые усилия по повышению статуса российской науки²⁸.

Вместе с тем имеются и проблемы [21, с. 15–18]:

– последние 20 лет в России снижается количество исследователей, тогда как в ведущих странах растёт – по показателю численности исследователей в эквиваленте полной занятости в 2020 году Россию (численность исследователей в эквиваленте полной занятости оценивается в 397,2 тыс. чел.) опережают Китай (2109,5 тыс. чел.), США (1554,9 тыс. чел.), Япония (681,8 тыс. чел.), Германия (450,7 тыс. чел.), Республика Корея (430,7 тыс. чел.);

²⁷ Михаил Мишустин дал поручения по развитию вузов, обеспечивающих подготовку инженерных кадров и научных разработок для создания технологического суверенитета // Правительство Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/50803/> (дата обращения: 03.06.2024).

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий».

– за последние десять лет общая численность учёных снизилась более чем на 20 тыс. человек, а число исследователей в возрасте до 29 лет сократилось на 20%;

– наблюдается постоянный отток учёных, по данным «Росстата» в 2020 г. из России эмигрировали почти 43,7 тыс. чел. с высшим образованием (304 кандидата и доктора наук)²⁹, при этом отток научных кадров связан не только с отставанием заработной платы, которая значительно ниже, чем в развитых странах, но и с проблемами в области возможностей для реализации научного потенциала.

В связи с этим пока ещё рано говорить о повышении привлекательности научной карьеры в целом³⁰.

В принятой в феврале 2024 года новой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации также поднимается проблема подготовки высококвалифицированных кадров. Отмечается, что необходимо создать благоприятные условия для молодых специалистов в области науки и технологий, внести изменения в систему подготовки и переподготовки кадров по приоритетным направлениям научно-технологического развития. Также требуется повышение эффективности в системе управления наукой, технологиями и производством с помощью научно-технологического прогнозирования, что позволит учитывать различные сценарии развития социально-экономических процессов, отвечать на новые вызовы, своевременно внедрять передовые технологические решения и совершенствовать механизмы подготовки кадров. Стратегия ставит своей целью до 2030 года и на дальнейшую перспективу переход на новую системы подготовки кадров для высокотехнологичных и наукоёмких секторов экономики³¹.

В послании Федеральному Собранию в феврале 2024 года Президент РФ В. Путин поставил задачу вхождение России в четвёрку крупнейших экономик мира, отметив при этом нехватку квалифицированных кадров и собственных передовых технологий³². Данная проблема поднималась в Правительстве РФ на заседании Бюро Союза машиностроителей и Лиги содействия оборонным

предприятиям, где был представлен доклад о подготовке кадров для достижения технологического суверенитета в рамках реализации задач послания. На заседании отмечалось, что вхождение страны в четвёрку крупнейших экономик мира возможно достичь, только обеспечив национальную экономику высокопрофессиональными кадрами³³.

В мае 2024 года Президентом был подписан Указ, устанавливающий национальные цели развития России до 2030 года и на перспективу до 2036 года. В рамках указа одной из целей является создание к 2030 году эффективной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов для удовлетворения потребности приоритетных отраслей экономики. В связи с этим при участии Государственного Совета должен быть разработан и представлен Совету при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам национальный проект «Кадры»³⁴. Нацпроект планируется запустить в 2025 году, и он будет состоять из 4 федеральных проектов, посвящённых отдельным блокам проблем рынка труда: по трудоустройству выпускников, по переобучению уже работающих, по снижению травматизма на производстве и сокращению потерь от временной нетрудоспособности работников, по вовлечению молодёжи в предпринимательскую деятельность³⁵.

В принятых в последние годы документах стратегического развития по отраслям, которые во многом соответствуют приоритетным направлениям проектов технологического суверенитета, также уделяется существенное внимание кадровому обеспечению. Так, в Комплексной программе развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года особое внимание уделяется состоянию кадрового обеспечения и прогнозу потребности штатной численности летного и технического потенциала. Также отмечается, что к числу системных рисков, ставящих под угрозу реализацию данной программы, относится именно нехватка специалистов для производства, обслуживания и эксплуатации воздушных судов³⁶.

³³ Валерий Фальков обозначил стратегические направления в работе Минобрнауки по подготовке кадров для обеспечения технологического суверенитета // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81646/> (дата обращения: 11.05.2024).

³⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

³⁵ Проектное управление трудом // ИД «Коммерсантъ»: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6790037> (дата обращения: 29.06.2024).

³⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2022 г. № 1693-р «Об утверждении комплексной программы развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года».

²⁹ Обследования по формам статистического наблюдения № 1-ВЫБ «Сведения о выбывших гражданах Российской Федерации» и № 1-ПРИБ-ИнГр «Сведения о прибывших иностранцах и лицах без гражданства».

³⁰ См. более подробно: [22].

³¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

³² Послание Президента Федеральному Собранию // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 12.06.2024)

В Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года также присутствует раздел, касающийся кадрового обеспечения. Отмечается, что в отрасли сохраняется острый дефицит кадров. Нехватку квалифицированных научных, инженерных и рабочих кадров ощущают как автопроизводители, так и производители материалов и комплектующих.

Согласно оценке экспертов в России совокупная численность инженеров и разработчиков в автомобильной отрасли, включая сопутствующие производства, составляет менее 10 тыс. сотрудников, или 7 специалистов на 100 тыс. человек населения, тогда как аналогичный показатель в зарубежных странах – 167 человек в Германии, 46 – в Чехии, 35 – в Венгрии, 24 – в Италии, 17 – в Польше. Подобный разрыв можно назвать критичным в контексте достижения технологического суверенитета, так как нехватка высококвалифицированных кадров особенно ощутима для высокотехнологичных производств. Так, отрасли автомобильной электроники требуются инженеры и ИТ-специалисты³⁷.

В то же время в Стратегии развития транспортного машиностроения до 2030 года одной из основных задач указывается совершенствование кадровой политики в отрасли и обеспечение её квалифицированными кадрами. В соответствующем разделе отмечается, что дефицит квалифицированных кадров возможно устранить только с помощью создания комплексной системы профессионального и дополнительного образования в профильных учебных заведениях отрасли железнодорожного машиностроения³⁸.

Своя стратегия имеется и в обрабатывающей промышленности, рассчитанная до 2030 года и на период до 2035 г. Одной из её целей также является обеспечение отрасли квалифицированными кадрами. В документе представлен развернутый план необходимых мероприятий и изменений кадровой политики, среди которых:

- внесение изменений в образовательные стандарты;
- разработка новых образовательных программ как для среднего, так и высшего образования с использованием цифровых технологий;
- подготовка кадров для приоритетных отраслей промышленности³⁹.

³⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2022 г. № 4261-р «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года».

³⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2017 г. № 1756-р «Об утверждении Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года».

³⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июня 2020 г. № 1512-р «Об утверждении Сводной стра-

Как видно из представленного материала в России на государственном уровне запланирован и частично уже реализуется комплекс мер по устранению дефицита кадров. При этом данный процесс не носит системного характера. При проведении исследования и подборе материалов для данной статьи авторы столкнулись с отсутствием в открытом доступе информации о критичности дефицита кадров в разных отраслях экономики, в том числе в приоритетных.

Выступая в сентябре 2023 года на Госсовете по теме развития рынка труда В. Путин подчеркнул, что ежегодно, начиная с 2024 года, должен разрабатываться пятилетний прогноз кадровых потребностей экономики страны. Так, начиная с 2025–2026 гг., будут рассчитываться параметры подготовки кадров со средним и высшим профессиональным образованием⁴⁰.

По мнению экспертов, необходим не только прогноз потребностей в кадрах на уровне всей экономики, но и ежегодный прогноз по приоритетным отраслям экономики. Это позволит организовать системный процесс определения востребованных профессий и специальностей, а также выявить причины нехватки кадров. Кроме того, данная информация может быть использована работодателями, студентами, а также специалистами, ищущими работу или желающими сменить место работы⁴¹.

Основные направления решения задачи подготовки квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета

На основе разработок учёных нашей страны [12; 23; 24], в частности «стратегии опережающего развития», опыта России [25; 26; 27; 29] и других стран мира в обеспечении технологической независимости [30; 31; 32; 33; 34], в том числе решения задач подготовки и переподготовки кадров, а также учитывая цели, которые заявлены российским правительством в Концепции технологического развития на период до 2030 г. определено, что обеспечение технологического суверенитета российской экономики предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач, включая: *развитие собственно технологий, экономические механизмы развития технологий, обеспечение первого*

тегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года».

⁴⁰ Расширенное заседание Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации», 21 сентября 2023 года. // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319> (дата обращения: 29.05.2024).

⁴¹ Правительству предложили создать перечень отраслей с указанием дефицита кадров // Деловое издание «Ведомости»: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/26/997062-pravitelstvu-predlozhili-sozdat-perechen> (дата обращения: 11.05.2024).

и второго со стороны квалифицированных кадров и государственного управления. Эти четыре блока должны рассматриваться системно в рамках целевой стратегической программы, которая может обеспечить решение основополагающей задачи – обеспечения технологического суверенитета российской экономики с выделением этапов и подсистем по решению каждой из выделенных задач.

Если говорить об одной из подсистем целевой стратегической программы по обеспечения технологического суверенитета российской экономики, а именно о кадровом обеспечении, то эта задача может решаться только в рамках постановки проблемы чёткого определения основных направлений, по которым будут решаться задачи обеспечения технологического суверенитета российской экономики. В частности, это предполагает выделение основных направлений и отраслей экономики, по которым будут решаться эти задачи, этапов развития этих задач, соотношения тактических и стратегических вопросов.

Следующая проблема, которую необходимо решать, это вопрос о том, в какой мере предполагается импортозамещение: за счёт развития внутренних ресурсов и производства внутри страны, за счёт изменения потоков по обеспечению современными технологиями при поддержке дружественных по отношению к России стран. И наконец, есть ещё одно направление, которое предполагает развитие приоритетных технологий, в которых Россия будет занимать позиции технологического лидера и по которым третьи страны будут зависеть от России. Именно эти технологические направления должны быть обеспечены в первую очередь, поскольку зависимость других стран от технологического развития России создаст наиболее прочный фундамент для технологического суверенитета российской экономики.

Соответственно, подготовка квалифицированных кадров должна строиться, исходя из обеспечения следующих технологических приоритетов. Высший приоритет – прорывные технологии, в которых Россия будет технологическим лидером и где остальные страны будут зависеть от прогресса нашей страны. Второй по приоритетности блок задач – это ключевые технологии, которые будут развиваться внутри России, обеспечивая независимость от внешних источников. Третий приоритет – технологии, где Россия будет выполнять роль, комплементарную по отношению к дружественным странам, поставляющим наши технологии. Наконец, может существовать четвёртый блок технологий, где у нас будет происходить снижение технологического уровня развития, но где также необходимо будет обеспечивать кадровый потенциал для решения

этой задачи. Соответственно, приоритетность этих задач должна отражаться и в системе подготовки квалифицированных кадров.

Следует учесть, что тактически наиболее простой и быстро решаемой является последняя задача. И здесь приоритетом станет восстановление системы начального профессионального образования и имеющегося потенциала в области среднего профессионального и высшего образования. В последнем первоочередной задачей является подготовка инженеров и специалистов для производства и подготовки специалистов для научно-исследовательской работы в отраслевых и прикладных конструкторских бюро и научно-исследовательских центрах, подготовки специалистов, способных решать задачи фундаментального развития. Важное место в этом процессе занимает подготовка преподавателей для дальнейшего обучения и переобучения квалифицированных кадров в соответствующих сферах.

Следующая задача – задача кооперации с дружественными странами – может решаться за счёт относительно более простых шагов, но и здесь требуются определённые подвижки в области образования. В частности, переориентация поставок оборудования в Россию с США и Западной Европы, на Китай и другие страны Востока потребует подготовки большого количества кадров, знакомых со спецификой этих стран, и это касается не только языка, но и цивилизационных особенностей, стратегии экономического, технологического и социального развития этих стран и т.д. В данном случае набор профессиональных синологов, специалистов по Индии и т.д. будет принципиально значимой и достаточно трудно решаемой задачей. Причём это задача, которая будет решаться прежде всего в сфере высшего образования, хотя начинаться языковая и отчасти культурная подготовка может и в старших классах школы, но приоритетом являются вузы, причём гуманитарные.

Задача создания отечественных разработок близких к мировому уровню или на мировом уровне, предполагает приоритетную работу в области высшего образования. Причём это потребует существенной ориентации на технологии завтрашнего дня, поскольку кадры для этой сферы могут быть созданы в течение минимум четырёх, а в оптимальной программе шести лет. Необходимо учитывать, что сегодняшние технологии мирового уровня будут устаревшими через 6–8 лет, когда эти кадры начнут работать. Поэтому, при подготовке кадров для решения этой задачи, необходимо ориентироваться на следующий цикл технологического развития, определяя соответствующие отрасли, направления, сферы.

Для решения задачи создания квалифицированных кадров для технологического прогресса уже сейчас возможно обеспечение системы переподготовки, которая позволит использовать уже существующие инженерно-технические кадры, учёных прикладных и фундаментальных направлений. Массовая система переподготовки может осуществляться не только за счёт государственного бюджета, но и за счёт ресурсов корпораций и отчасти даже на волонтерском базисе. Это не оптимальный, но возможный вариант ускоренного решения стратегически сложной задачи, которая должна быть решена не в долгосрочной перспективе, а в течение 1–2 лет, а в определённых сферах – незамедлительно.

В любом случае потребуются приоритетное государственное финансирование наиболее важных отраслей экономики, но главное даже не финансовое, а организационно-институциональное обеспечение – создание «правил игры» – социально-психологической атмосферы, идейно-культурных приоритетов и т.д. Это играет большую роль при подготовке кадров, т.к. это кадры, которые должны обладать высоким человеческим потенциалом, прежде всего – это творческий потенциал, а для них культурное развитие, престижность труда, формирование уважения к сфере, в которой они трудятся, является одними из важных стимулов, в ряде случаев не менее значимых, чем материальное стимулирование. В том числе это касается и решения такой важной задачи, как возврат кадров из-за рубежа.

Что касается наиболее сложной задачи – создания в России технологий, опережающих мировые разработки, то такие технологии в России разрабатываются, но, как правило, находятся в достаточно сложной ситуации за исключением ВПК и связанных с ним отраслей. Причина этого – сложность организационного, финансового, кадрового обеспечения, долгосрочность и масштабность решения задачи.

В данном случае можно использовать в качестве аналогии исторический опыт решения задачи создания атомной промышленности и атомного проекта в СССР. Подробно данный опыт описан в работе А.К. Круглова «Как создавалась атомная промышленность в СССР». Тогда решение данной задачи потребовало усилий практически всей страны: создания специальных наукоградов, переориентация сфер промышленности, то есть это была задача, аналогичная созданию крупной отрасли промышленности. Другой пример – создание космической промышленности. Данный опыт рассмотрен в работе В. Глушко «Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР». Тогда многие технические вузы, прикладные и фун-

даментальные НИИ и сотни предприятий были переориентированы на решение данной задачи, в результате чего в течение чуть более десяти лет в Советском Союзе удалось создать огромной важности сферу, имеющие достижения выше или на мировом уровне, с большим запасом прочности, поскольку до сих пор эти достижения используются в мировой космической индустрии. Такие прорывные технологии создаются только таким образом. Похожего рода стратегические проекты нужны сейчас России для решения задач стратегического технологического опережающего развития в определённых сферах.

Для решения всех указанных задач, возвращаясь к обеспечению условий для этого в сфере экономики, необходимо создание системы планирования [35], поскольку подготовка квалифицированных кадров в данном случае может вестись только параллельно с планированием технологического развития. Здесь мы подходим к вопросу об экономических механизмах и сопряжении планов технологического развития, планов экономического обеспечения технологического развития и планов подготовки квалифицированных кадров, планов научных исследований. Эти планы должны составлять единую программу, которая будет включать в себя обязательные задания для государственного сектора с разбивкой по годам на 5 лет и стратегическую перспективу на 15–25 лет, а также включать косвенные методы регулирования при помощи промышленной политики. В частности, льготы в области кредитования, финансирования, институциональную поддержку, сопряженные государственные инвестиции в рамках государственно-частного партнёрства, защиту от недобросовестной конкуренции и многие другие шаги. В любом случае надо понимать, что такого рода задачи требуют большой перспективы и стабильных институтов, «правил игры» как минимум на 5 лет, а в определённых вопросах на 10–15 лет.

В данном случае уместно привести пример создания высокотехнологичного производства в Китае [30; 36; 37; 38; 39]. В этой стране подобная задача решалась в рамках программ с большими государственными ресурсами, с жёсткими «правилами игры» для частного сектора, с применением административных мер как поощрения, так и наказания. Надо отметить, что несмотря на то что Китай добился впечатляющих успехов в научно-технологическом развитии, он не останавливается на достигнутом и продолжает работу по наращиванию потенциала научно-технических кадров. Так, например, 14-й пятилетний план социально-экономического развития КНР (2021–2025 гг.) акцентирует внимание на привлечении и удержании талантов [40], молодых учёных, формировании исследователь-

ских коллективов, а также специалистов прикладных направлений [41].

В то же время тактические задачи могут решаться только рыночными методами за счёт создания условий для развития стартапов, инновационных проектов, грантов для творческих коллективов и т.д. Необходимо иметь в виду, что в этой сфере большая часть проектов приведёт к негативным результатам, позитивные результаты даст в лучшем случае 10–15% начинающих разработок, хотя поддерживать придётся все, но только некоторые из них дадут по-настоящему большой результат, который затем может быть развернут в программу мирового масштаба как это произошло с корпорацией «Майкрософт» (Microsoft), начавшейся с малого бизнеса [42; 43].

Следует подчеркнуть, что одной из важнейших подсистем решения всех блоков задач станет подготовка соответствующих педагогических кадров, которая в настоящее время находится на достаточно низком уровне⁴².

Заключение

Структурные сдвиги в российской экономике в связи с задачами обеспечения технологического суверенитета должны обеспечиваться за счёт превращения России из страны, которая экспор-

тирует «мозги», кадровый и творческий потенциал, в страну, которая будет притягивать студентов, талантливых учёных и специалистов для реализации своего потенциала. Основой государственной социально-экономической политики для достижения этой цели должна стать система мер, стимулирующих рост инвестиций в сферы формирования человеческого потенциала – образование, здравоохранение, культуру и науку.

Как показало проведённое исследование выдвинутая авторами гипотеза полностью подтверждается – для решения проблемы дефицита кадров необходимо незамедлительно принять меры по созданию сбалансированной системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для приоритетных отраслей экономики, которая должна стать одной из подсистем государственной целевой стратегической программы. Для решения тактических и стратегических задач обеспечения технологического суверенитета необходимо создание системы стратегического планирования, поскольку подготовка квалифицированных кадров может вестись только параллельно с планированием технологического развития страны.

Список литературы

1. Яковлева Н.Г., Бузгалин А.В. Социальная сфера в эпоху позднего капитализма: про/регресс человеческого потенциала // Российский экономический журнал. 2024. № 1. С. 4–22. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_1_4 EDN SFENQH
2. Яковлева Н.Г. Социализация социальной сферы современной экономики как фактор развития человеческого потенциала // Седьмой международный экономический симпозиум–2023, 20–22 апреля 2023, Санкт-Петербург, Россия. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2023. С. 163–168. ISBN 978-5-00197-111-5 EDN PRUXPT
3. Abrams S.E. Education and the Commercial Mindset. Harvard University Press, 2018. 432 p. ISBN 9780674986848
4. Ravitch D. Slaying Goliath: The Passionate Resistance to Privatization and the Fight to Save America's Public Schools. Knopf, 2020. 352 p. ISBN 978-0525655374
5. Александрова О.А. Рыночная трансформация образования и качество народонаселения // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 2. С. 167–177. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.1> EDN XXYWHB
6. Аганбегян А.Г. О целях и мерах реформирования здравоохранения в России // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 149–157. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-2-149-157> EDN RVHNSJ
7. Музычук В.Ю. Обратная сторона патернализма в сфере культуры: провалы сервисного государства // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 9–28. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00030> EDN YWYRGO
8. Смолин О.Н. Высшее образование и наука: некоторые системные проблемы // Ректор ВУЗа. 2020. № 5. С. 4–23. EDN PCIQVA
9. Чубарова Т.В. Государство социальных инвестиций – новый поворот в социальной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 14–28. EDN VCHAGX
10. Ленчук Е.Б. Научно-технологическое развитие как стратегический национальный приоритет России // Экономическое возрождение России. 2022. № 1(71). С. 58–65. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65> EDN JSHPNL
11. Аганбегян А.Г. О приоритетном развитии сферы экономики знаний // Экономическое возрождение России. 2021. № 1(67). С. 15–22. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-1-67-15-22> EDN XBZHNY

⁴² Так, например, по данным на 2020 г. «в российских школах усиливается дефицит педагогических кадров. По данным обследования Общероссийского народного фронта, более половины учителей сообщили о нехватке в своих школах педагогов-предметников». «Нехватка учителей характерна для многих дисциплин: математики, иностранного языка, русского языка, физики. ... Кадровый дефицит вызван сочетанием разнообразных процессов, среди которых – общее старение педагогических кадров, обуславливающее их объективное выбытие. Более четверти педагогов в России старше 55 лет, а доля молодых кадров в последние годы не увеличивается». См.: Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Мониторинг экономики образования: информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. № 18. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 1, 16–17.

12. Бузгалин А.В., Колганов А.И. О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 34–50. EDN YZKGYR
13. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики: научный доклад / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; А.А. Широков, Б.Н. Порфирьев, И. Н. Шокин [и др.]; под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широкова. М.: Арт-Принт, 2024. 264 с. ISBN 978-5-605-18411-9 <https://doi.org/10.47711/sr1-2024> EDN QITVMS
14. Анализ финансовых механизмов предоставления мер социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации: научный доклад / Научно-исследовательский финансовый институт; В.В. Трубин, М.А. Буранкова, Л.В. Журавлева [и др.]; под ред. В.В. Трубина. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2015. 94 с. EDN UWNUT
15. Аганбегян А.Г. Россия: от отсталого государственно-олигархического капитализма к передовому социальному государству с развитым рынком и научно-технологическими инновациями // Вопросы политической экономии. 2023. № 3. С. 29–58. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8319974> EDN FVTPZU
16. Яковлева Н.Г. Образование: роль в формировании человеческого потенциала, технологической и социально-экономической модернизации России // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 30–47. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-30-47> EDN CRIPKD
17. Marketisation of Higher Education: Concepts, Cases, and Criticisms / ed. by J.D Branch., B. Christiansen. London–New York: Palgrave Macmillan, 2021. 466 p. ISBN 978-3-030-67440-3
18. Mok K.H. Education market with the Chinese characteristics: the Rise of Minban and Transnational Higher Education in China // Higher Education Quarterly. 2021. Vol. 75. Issue 3. P. 398–417. <https://doi.org/10.1111/hequ.12323>
19. Kezar A., Bernstein-Sierra S. Commercialization of Higher Education // Second Handbook of Academic Integrity. Springer International Handbooks of Education / ed. by S.E. Eaton Cham: Springer, 2024. P. 1867–1887. ISBN 978-3-031-54143-8 https://doi.org/10.1007/978-3-031-54144-5_59
20. Chao R.Y. Private Higher Education in the Asia-Pacific Overview, Development, and Challenges // International Handbook on Education Development in the Asia-Pacific / ed. by W.O. Lee, P. Brown, A.L. Goodwin, A. Green. Singapore: Springer, 2023. P. 1–18. ISBN 978-981-16-2327-1 https://doi.org/10.1007/978-981-16-2327-1_127-1
21. Аханкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7–25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_7_25 EDN COHFFG
22. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию; Институт исследований и экспертизы ВЭБ: научный доклад. М.: РУДН, 2024. 140 с. ISBN 978-5-209-12311-8
23. Долматова С.А. Проблемы реализации человеческого потенциала в сфере науки: глобальные вызовы и российские реалии // Общество и экономика. 2023. № 12. С. 15–28. <https://doi.org/10.31857/S020736760029160-5> EDN WRFHXM
24. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с. ISBN 978-5-6041071-1-9 EDN VQDBYV
25. Аганбегян А.Г., Порфирьев Б.Н., Широков А.А. О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Том 227. № 1. С. 193–213. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-193-213> EDN ADNTBF
26. Колганов А.И. Смешанная экономика СССР: уроки для России // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 101–115. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-101-115> EDN WZXJQE
27. Цельникер С.С. Госзаказы в промышленности // НЭП и хозрасчет / под ред. Н.Я. Петракова [и др.]. М.: Экономика, 1991. С. 294–307.
28. Багаутдинова Н.Г. Эффективность подготовки кадров высшей квалификации: проблемы и решения. Казань: Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, 2001. 142 с.
29. Лютых Л.Л. Исторический опыт КПСС по созданию и развитию советской профессионально-технической школы. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 129 с.
30. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста: к русскому экономическому чуду. М.: 2021, 360 с. ISBN 978-5-9243-0299-7
31. Колганов А.И. Сравнительное исследование современных социально-экономических моделей достижения технологической независимости // Российский экономический журнал. 2023. № 5. С. 19–35. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_5_19 EDN DLNOZQ
32. Дмитриев С.С. Американско-китайское технологическое соперничество: от «высокомерия» к бойкоту // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64. № 12. С. 70–77. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77> EDN OQIDMP
33. Лебедева И.П. Роль государства в экономической модернизации / Япония: опыт модернизации / рук. проекта Э.В. Молодякова. М.: АИРО-XXI. 2011. С. 107–124.
34. Поспелова Т.В., Ярыгина А.Б. Трансформация инновационных процессов и социокультурной специфики Южной Кореи в рамках четвертой промышленной революции // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Том 10. № 1. С. 54–65. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.54-65> EDN SEVXHR
35. Ясинский В.А., Кожевников М.Ю. «Двойная циркуляция» – модель роста китайской экономики в ближайшие 15 лет // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1(190). С. 162–173. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-162-173> EDN GAXXXV
36. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: творчески используя наследие СССР (к 100-летию Госплана СССР). Доклад на международной научной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем (к 100-летию Госплана СССР)», 25–26 марта 2021, Москва, Россия. М., 2021. 74 с.
37. Расулов Р. 156 ключевых промышленных проектов КНР // Вестник науки и образования. 2020. № 14-3(92). С. 35–37. <https://doi.org/10.24411/2312-8089-2020-11405> EDN GDXFWP
38. Коледенкова Н.Н. Развитие промышленной робототехники в Китае в 13-й пятилетке / Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020): сборник статей / сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 177–190. EDN FQHFVK
39. Шуан С. Нелёгкие достижения // Китай. 2021. № 4. С. 30–33.
40. Сазонов С.Л. Инновации в железнодорожном транспорте Китая // 40 лет экономических реформ в КНР / сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 238–251. EDN UADGWC

41. Яцзин С., Круглов Д.В. Управление талантами в процессе формирования кадрового резерва в Китае // Экономика труда. 2022. Том 9. № 2. С. 363–376. <https://doi.org/10.18334/et.9.2.114185> EDN PFNIVV
42. Чэнь Я. Кузница специалистов прикладных направлений // Китай. 2022. № 1(193). С. 48–50.
43. Ichbiah D., L. Knepper S.L. The Making of Microsoft: How Bill Gates and His Team Created the World's Most Successful Software Company. Prima Pub, 1991. 304 p. ISBN 9781559580717
44. Cusumano M.A., Selby R.W. Microsoft Secrets: How the World's Most Powerful Software Company Creates Technology, Shapes Markets, and Manages People. Simon and Schuster, 1998. 512 p. ISBN 9780684855318

Информация об авторах:

Наталья Геннадьевна Яковлева – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук; доцент, ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 8081-9884) (РИНЦ Author ID: 488861)

Анастасия Максимовна Шафранская – младший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 6787-5301) (РИНЦ Author ID: 1167871)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Геннадьевна Яковлева.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Yakovleva N.G., Buzgalin A.V. The Social Sphere in the Era of Late Capitalism: Progress/Regression of Human Potential. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2024;(1):4-22. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_1_4 (In Russ.)
2. Yakovleva N.G. Socialization of the Social Sphere of the Modern Economy as a Factor of Human Potential Development. Seventh International Economic Symposium Proceedings – 2023; April 20–22, 2023; Saint Petersburg, Russia. Saint Petersburg: LTD «Skifiya-print». 2023:163-168. ISBN 978-5-00197-111-5 (In Russ.)
3. Abrams S.E. Education and the Commercial Mindset. Harvard University Press; 2018. 432 p. ISBN 9780674986848
4. Ravitch D. Slaying Goliath: The Passionate Resistance to Privatization and the Fight to Save America's Public Schools. Knopf; 2020. 352 p. ISBN 978-0525655374
5. Aleksandrova O.A. Market Transformation of Education and Quality of Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(2):167-177. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.1> (In Russ.)
6. Aganbegyan A.G. On Goals and Measures of Health Care Reform in Russia. *Voprosy ehkonomiki*. 2014;(2):149-157. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-2-149-157> (In Russ.)
7. Muzychuk V.Yu. The Reverse Side of Paternalism in the Sphere of Culture: The Falures of The Service State. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(2):9-28. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00030> (In Russ.)
8. Smolin O.N. Vysshee Obrazovanie i Nauka: Nekotorye Sistemnye Problemi. *Rektor VUZa*. 2020;(5):4-23 (In Russ.)
9. Chubarova T.V. Social Investment State: a New Shift in Social Policy? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'=Social Sciences and Contemporary World*. 2015;(6):14-28 (In Russ.)
10. Lenchuk E.B. Science and Technology Development as a Strategic National Priority of Russia. *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia*. 2022;(1(71)):58-65. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65> (In Russ.)
11. Aganbegyan A.G. On Priority Development of Knowledge Economy. *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia*. 2021;(1(67)):15-22. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-1-67-15-22> (In Russ.)
12. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. O Strategii Operezhayushchego Razvitiya Rossii. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*. 2017;(7):34-50 (In Russ.)
13. Shirov A.A. (ed.), Porfir'ev B.N., Shokin I.N., et al. Rossiya 2035: k Novomu Kachestvu Natsional'noi Ehkonomiki. Scientific Paper. Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Artik Print; 2024. 264 p. ISBN 978-5-605-18411-9 <https://doi.org/10.47711/sr1-2024> (In Russ.)
14. Trubin V.V. (ed.), Burankova M.A., Zhuravleva L.V., et al. Analiz Finansovykh Mekhanizmov Predostavleniya Mer Sotsial'noi Podderzhki Semei s Det'mi v Rossiiskoi Federatsii. Scientific Paper. Financial Research Institute. Moscow: Financial Research Institute; 2015. 94 p. (In Russ.)
15. Aganbegyan A.G. Russia: from a Backward State - Oligarchic Capitalism to an Advanced Welfare State with a Developed Market and Scientific-Technical Innovations. *Voprosy politicheskoi ehkonomii=Problems in Political Economy*. 2023;(3): 29-58. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8319974> (In Russ.)
16. Yakovleva N.G. Education: The Role in the Formation of Human Potential, Technological and Socio-economic Modernization of Russia. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2022;(4):30-47. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-30-47> (In Russ.)
17. Branch J.D., Christiansen B. (eds.) Marketisation of Higher Education: Concepts, Cases, and Criticisms. London–New York: Palgrave Macmillan; 2021. 466 p. ISBN 978-3-030-67440-3
18. Mok K.H. Education market with the Chinese characteristics: The Rise of Minban and Transnational Higher Education in China. *Higher Education Quarterly*. 2021;75(3):398-417. <https://doi.org/10.1111/hequ.12323>
19. Kezar A., Bernstein-Sierra S. Commercialization of Higher Education. In: Eaton S.E. (ed.) Second Handbook of Academic Integrity. Springer International Handbooks of Education. Cham: Springer; 2024. P. 1867–1887. ISBN 978-3-031-54143-8 https://doi.org/10.1007/978-3-031-54144-5_59
20. Chao R.Y. Private Higher Education in the Asia-Pacific Overview, Development, and Challenges. In: Lee W.O., Brown P., Goodwin A.L., et al. (eds.) International Handbook on Education Development in the Asia-Pacific. Singapore: Springer; 2023. P. 1–18. ISBN 978-981-16-2327-1 https://doi.org/10.1007/978-981-16-2327-1_127-1

21. Akhupkin N.Yu. Russian Economy under Sanctions: Dynamics and Structural Changes. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(6):7-25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_7_25 (In Russ.)
22. Ehkonomika Nauchno-tehnologicheskogo Proryva i Suvereniteta: Mezhdovedomstvennaya Rabochaya Gruppya po Tekhnologicheskomu Razvitiyu pri Pravitel'stvennoi Komissii po Modernizatsii Ehkonomiki i Innovatsionnomu Razvitiyu; Institut Issledovaniy i Ehksperitzy VEHB. Scientific Paper. Moscow: RUDN; 2024. 140 p. ISBN 978-5- 209-12311-8 (In Russ.)
23. Dolmatova S.A. The Problems of Fulfilling Human Potential in the Field of Scientific Research: Global Challenges and Russian Realities. *Obshchestvo i ehkonomika=Society and Economics*. 2023;(12):15-28. <https://doi.org/10.31857/S020736760029160> (In Russ.)
24. Glaz'ev S.Yu. Ryvok v Budushchee. Rossiya v Novykh Tekhnologicheskome i Mirokhozyaistvennom Ukladakh. Moscow: Publishing House «Knizhnyi mir»; 2018. 768 p. ISBN 978-5-6041071-1-9 (In Russ.)
25. Aganbegyan A.G., Porfiryev B.N., Shirov A.A. Recovery from the Current Crisis and Development Paths of the Russian Economy. *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii=Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;227(1):193-213. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-193-213> (In Russ.)
26. Kolganov A.I. The Mixed Economy of the USSR: Lessons for Russia. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2022;(5):101-115. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-101-115> (In Russ.)
27. Tsel'niker S.S. Goszakazy v Promyshlennosti. In: Petrakov N.Ya (ed.), et al. NEHP i Khozraschet. Moscow: Ehkonomika; 1991. P. 294–307. (In Russ.)
28. Bagautdinova N.G. Ehffektivnost' Podgotovki Kadrov Vysshei Kvalifikatsii: Problemy i Resheniya. Kazan': Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev; 2001. 142 p. (In Russ.)
29. Lyutykh L.L. Istoricheskii opyt KPSS po Sozdaniyu i Razvitiyu Sovetskoi Professional'no-tekhnicheskoi Shkoly. Voronezh: Publishing House Voronezh State University; 1985. 129 p. (In Russ.)
30. Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov M.O. Kristall Rosta: k Russkomu Ehkonomicheskome Chudu. Moscow; 2021. 360 p. ISBN 978-5-9243-0299-7 (In Russ.)
31. Kolganov A.I. Comparative Study of Modern Socio-economic Models of Achieving Technological Independence. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2023;(5):19-35. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_5_19 (In Russ.)
32. Dmitriev S.S. U.S. – China Technological Rivalry: from “Arrogance” to Boycott. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia=World Economy and International Relations*. 2020;64(12):70-77. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77> (In Russ.)
33. Lebedeva I.P. Rol' Gosudarstva v Ehkonomicheskoi Modernizatsii. In: Eh.V. Molodyakova (ch.) Yaponiya: Opyt Modernizatsii. Moscow: AIRO-KHKHI, 2011:107-124 (In Russ.)
34. Pospelova T.V., Yarygina A.B. Transformation of Innovation Processes and Socio-Cultural Specificity of South Korea in the framework of the Fourth Industrial Revolution. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)=MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019;10(1):54-65. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.54-65> (In Russ.)
35. Yasinskii V.A., Kozhevnikov M.Yu. Double Circulation: Growth Model for the Chinese Economy in the Next Fifteen Years. *Problemy prognozirovaniya*. 2022;(1(190)):162-173. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-162-173> (In Russ.)
36. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Planirovanie v Ehkonomike XXI veka: Tvorcheski Ispol'zuya Nasledie SSSR (k 100-letiyu Gosplana SSSR). Report. Mezhdunarodnaya Nauchnaya Konferentsiya «Planirovanie v Rynochnoi Ehkonomike: Vospominaniya o Budushchem (k 100-letiyu Gosplana SSSR)»; March 25-26; 2021; Moscow, Russia. 2021. Moscow; 2021. 74 p. (In Russ.)
37. Rasulov R. 156 Key Industrial Projects of PRC. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2020;(14-3(92)):35-37. <https://doi.org/10.24411/2312-8089-2020-11405> (In Russ.)
38. Koledenkova N.N. Development of Industrial Robotics in China in the 13th Five-Year Plan. In: Kamennov P.B. (comp.), Ostrovskii A.V. (ed.-in-ch.) The PRC Economy in the Period of the 13th Five Year Plan (2016–2020). Collection of scientific papers. Moscow: IFES RAS; 2020. P. 177–190. (In Russ.)
39. Shuan S. Nelegkie Dostizheniya. *Kitai*. 2021;(4):30-33. (In Russ.)
40. Sazonov S.L. Innovation in Chinese Railway Complex. In: Kamennov P.B. (comp.), Ostrovskii A.V. (ed.-in-ch.) 40 Years of Economic Reforms in China. Collection of scientific papers. Moscow: IFES RAS; 2020. P. 238–251. (In Russ.)
41. Yatszin S., Kruglov D.V. Talent Management in the Formation of a Talent Pool in China. *Ehkonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(2):363-376. <https://doi.org/10.18334/et.9.2.114185> (In Russ.)
42. Chehn' Ya. Kuznitsa Spetsialistov Prikladnykh Napravlenii. *Kitai*. 2022;(1(193)):48-50. (In Russ.)
43. Ichbiah D., L. Knepper S.L. The Making of Microsoft: How Bill Gates and His Team Created the World's Most Successful Software Company. Prima Pub.; 1991. 304 p. ISBN 9781559580717
44. Cusumano M.A., Selby R.W. Microsoft Secrets: How the World's Most Powerful Software Company Creates Technology, Shapes Markets, and Manages People. Simon and Schuster; 1998. 512 p. ISBN 9780684855318

Information about the authors:

Natal'ya G. Yakovleva – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Leading Researcher, Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 8081-9884) (RSCI Author ID: 488861)

Anastasiya M. Shafranskaya – Junior Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 6787-5301) (RSCI Author ID: 1167871)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Natal'ya G. Yakovleva.

The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Оригинальная статья

УДК 330.59, 366.2

JEL E21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_4_530_542

EDN GIYUZU

Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления

Алефтина Александровна Гулюгина

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Аннотация

Статья посвящена монетарным условиям формирования потребительских расходов населения и его покупательной способности по расходам в период 2014–2023 гг. Информационную основу составили макроэкономические данные государственной статистики, таможенной статистики, мониторинговых исследований в области доходов и уровня жизни населения, проводимых в Институте экономики РАН. В статье выделено 4 направления исследования – потребительские расходы как компонент структуры денежных расходов населения; потребительские расходы в контексте розничного товарооборота и импорта потребительских товаров; среднестатистическая структурная модель потребления; покупательная способность населения по расходам на потребление. По всем направлениям исследования выявлено ухудшение положения в кризисные 2015, 2020, 2022 годы. Показано, что в эти годы у населения формировалась кризисная стратегия экономии на потреблении. Объёмы розничного товарооборота в годы кризисов падали на фоне сокращения потоков товарного импорта, а потери от продаж в условиях их глубокого снижения восполнялись устойчивым ростом потребительских цен, что имело негативные последствия для экономики расходов на потребление. Показано, что в товарной структуре импорта доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) понизилась, а доля текстиля, текстильных изделий и обуви, напротив, повысилась. Установлено, что среднестатистическая структурная модель потребления в рассматриваемом периоде не претерпела радикальных изменений, но в кризисных условиях она ухудшалась в связи с изменением потребительского поведения населения и ростом в этих условиях доли расходов на питание. Определено, что покупательная способность населения по потребительским расходам, идентифицирующая уровень жизни по потреблению и измеряемая с привлечением потребительской корзины прожиточного минимума, дифференцирована по секторам потребительского рынка (продовольственные и непродовольственные товары, услуги). Наиболее низкой она сложилась в продовольственном секторе. В кризисных условиях уровень показателя был подвержен снижению во всех секторах потребительского рынка.

Ключевые слова: доходы, потребительские расходы, покупательная способность, прожиточный минимум, розничный товарооборот, импорт, кризис, стратегия экономии на потреблении, уровень жизни

Для цитирования: Гулюгина А.А. Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 530–542. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_4_530_542 EDN GIYUZU

RAR (Research Article Report)

JEL E21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_4_530_542

Consumer Spending and Purchasing Power of the Russian Population under Sanctions: Level, Structure, Crisis Manifestations

Aleftina A. Gulyugina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Abstract

The article is devoted to the monetary conditions for the formation of consumer spending of the population and its purchasing power for spending in the period 2014–2023. The information base was formed by macroeconomic data of state statistics, customs statistics, monitoring studies in the field of income and living standards of the population, conducted at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The article highlights 4 areas of research – consumer spending as a component of the structure of monetary spending of the population; consumer spending in the context of retail turnover and import of consumer goods; average structural model of consumption; purchasing power of the population for consumption spending. In all areas of the study, a deterioration in the situation was revealed in the crisis years of 2015, 2020, 2022. It is shown that during these years the population developed a crisis strategy of saving on consumption. The volumes of retail turnover during the years of crisis fell against the background of a reduction in the flow of commodity imports, and losses from sales in the conditions of their deep decline were compensated by an accelerated growth in consumer prices, which had negative consequences for saving on consumption expenses. It is shown that in the commodity structure of imports the share of food products and agricultural raw materials (except textiles) decreased, and the share of textiles, textile products and footwear, on the contrary, increased. It was found that the average statistical structural model of consumption in the period under review did not undergo radical changes, but in crisis conditions it worsened due to changes in consumer behavior of the population, as evidenced by the growth in the share of food expenses. It was determined that the purchasing power of the population for consumer expenses, identifying the standard of living by consumption and measured using the consumer basket of the subsistence minimum, is differentiated by sectors of the consumer market

(food and non-food products, services). It was the lowest in the food sector. In crisis conditions, the level of the indicator was subject to a decrease in all sectors of the consumer market.

Keywords: income, consumer spending, purchasing power, cost of living, retail turnover, import, crisis, consumption savings strategy, standard of living

For citation: Gulyugina A.A. Consumer Spending and Purchasing Power of the Russian Population under Sanctions: Level, Structure, Crisis Manifestations. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):530–542. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_4_530_542 (In Russ.)

Введение

В системе показателей уровня и качества жизни важное место занимают потребительские расходы населения, характеризующие доступность потребительских благ и её изменения под влиянием разных факторов. Повторяющиеся кризисы последнего десятилетия и связанные с этим трансформации в экономике и социальной сфере вызывают необходимость у населения адаптироваться в расходах на потребление к новым условиям с учётом факторов риска и неопределённости. Эта особенность современных российских реалий обуславливает актуальность и социальную значимость исследований, направленных на изучение номинальных и реальных возможностей расходов на потребление в их динамике, на выявление угроз для целевых стратегически важных параметров в области уровня и качества жизни населения.

В своих исследованиях российские учёные рассматривают потребительские расходы, в основном, с позиции комплексного изучения проблем в области уровня и качества жизни [1; 2], развития экономики [3], продовольственной безопасности [4], формирования потребительских рынков [5], инфляции [6], импортозамещения [7] и других.

Для развития российской экономики сложившаяся структура потребительского спроса остаётся, как показано в статье [3], значимым ограничением. В период кризиса 2022 г. появились все признаки дальнейшего ухудшения структуры потребления – при сохранении относительно стабильного спроса на продовольствие значительно «просели» расходы на отдельные непродовольственные товары, что до определённой степени было связано со скачком цен на импортную продукцию и ограничениями по её поставкам в Россию. В среднесрочной перспективе¹ имеющаяся зависимость от потребительского импорта, по мнению автора, не может быть преодолена,

¹ Среднесрочный период – период, следующий за текущим годом, продолжительностью от трёх до шести лет включительно. Источник: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

а «в дискуссии о том, что должно инициировать новый цикл экономического роста, не существует рационального выбора между инвестициями и потреблением населения. Новая экономическая политика должна обеспечить модернизацию производства на базе фронтального роста потребительской и инвестиционной активности» [3, с. 11–12].

Инфляция является одним из основных индикаторов, на основе которых можно установить, как экономики стран справляются с новыми реалиями. На это указывают авторы статьи [6], посвящённой вопросам измерения инфляции в условиях новой геополитической ситуации. В статье отмечается, что на фоне существенных структурных сдвигов в мировом производстве и потреблении из-за разрушения логистических связей и, как следствие, роста инфляции в странах коллективного Запада (более 9% в США и 10% в еврозоне и Великобритании) в России инфляция приобрела немонетарный тип, характерный для случаев, когда инструментами стабилизации становятся методы «ручного» управления и усиливающееся государственное вмешательство в экономику. Авторы предлагают новый подход к оценке инфляции, учитывающей динамику цен в наиболее значимых народнохозяйственных комплексах, в том числе в потребительском, которые оказывают значительное влияние на потребительское, инвестиционное и финансовое поведение населения и бизнеса [6, с. 49, 58].

Научный интерес для исследователей представляют потребительские расходы как компонент денежных расходов, а также факторы, влияющие на сочетание потребительского и сберегательного поведений. Сохранение привычного уровня жизни, в том числе за счёт кредитов, характерно при ситуационном снижении доходов, в то время как ожидание длительного их спада вызывает сокращение потребления и одновременный рост сбережений. Об этом свидетельствуют результаты исследования роли геополитических рисков и фактора неопределённости в сочетании сберегательного и потребительского поведения населения России, опубликованные в

статье [8]. В 2014–2023 гг. достаточно пессимистично выглядели восприятие населением прошлой динамики доходов и ожидания изменения в материальном положении в ближайшем будущем. Автором статьи отмечается, что у россиян специальная военная операция (СВО) воспринимается как серьёзный и потенциально видоизменяющий привычную жизнь фактор, который массово стал учитываться в поведенческих стратегиях, при этом сберегательное поведение свидетельствует о том, что население страны готовится к тяжёлым и длительным испытаниям [8, с. 71–72, 78].

В центре внимания российских и зарубежных специалистов источники для обеспечения потребления и модели потребления, неравенство в потреблении [9; 10; 11; 12; 13]. Также в фокусе внимания учёных влияние коронавирусной пандемии на расходы и модель потребления [14; 15; 16].

Как показывают результаты исследования авторов статьи [10], посвящённой потребительскому поведению представителей российского среднего класса в условиях кризиса, в случае падения доходов сокращаются расходы на досуг и отдых, однако более серьёзной проблемой является вынужденная экономия на повседневных тратах и отсутствие возможностей для оплаты услуг образования и связанных со здоровьем.

В большинстве российских регионов модель патриархальной адаптации к потреблению в условиях кризисов за счёт интенсификации доходов от личного подсобного хозяйства уходит в прошлое – на это указывают авторы статьи [9], рассматривая долю продуктов питания в структуре расходов на потребление как индикатор уровня жизни и модернизации потребления населения регионов России.

В странах ЕС в средних расходах домохозяйств большая часть в общей структуре расходов традиционно приходится на электричество, отопление, водоснабжение, продовольствие и неалкогольные напитки, транспорт. Они занимали в 2018 г. больше половины суммарных расходов практически во всех странах ЕС, за исключением Великобритании и Мальты, при этом на продовольствие и неалкогольные напитки приходилось 17,3% расходов населения в среднем по ЕС [11, с. 7–13].

В США затраты на продукты питания составляли в 2021 г. в среднем 10,3% располагаемого личного дохода, когда резко подорожало продовольствие из-за сбоя в цепочках поставок в условиях пандемии коронавируса и высоких цен на энергоносители. При этом у домохозяйств с самым низким доходом доля расходов на продукты питания составляла 30,6% располагаемого дохода, а у домохозяйств с самым высоким доходом 7,6%

располагаемого личного дохода. Среди населения США растёт популярность питания вне дома и потребление продуктов в переработанном виде, получает распространение новая форма питания: таблет-питание (в комплектовании полностью приготовленных для потребления блюд с сохранением их температуры), появилось новое направление: 3D-печать еды с использованием цифровых технологий [12].

Сравнительный анализ особенностей потребления российских и китайских домохозяйств, представленный в статье [17], показывает, что в Китае доля расходов на питание в общем объёме потребительских расходов сокращается быстрее, но острее ощущается проблема неравенства, которая обусловлена возрастными и классовыми различиями.

В аналитическом докладе Всемирного банка [18], посвящённом результатам оценивания тенденций в области глобальной бедности и всеобщего процветания, наиболее значительными за последние десятилетия были признаны глобальные последствия COVID-19. При этом в 2020 г. обострилась проблема глобального неравенства доходов, а прогресс в сокращении глобальных масштабов крайней нищеты практически остановился. Быстрому восстановлению препятствовал рост цен на продовольствие и энергоносители, вызванный климатическими потрясениями и конфликтами между крупнейшими производителями продовольствия в мире.

В России принципы Стратегии экономического развития России до 2035 года специалисты связывают с совершенствованием монетарной политики совместно с реализацией протекционистских принципов во внешней торговле. Предполагается, что это должно привести, в том числе, к стабилизации цен и повышению благосостояния населения². Ожидается, что при развитии импортозамещения доля импорта к 2030 г. сократится до 17% ВВП, и в гораздо больших объёмах будут производиться потребительские и другие товары³.

Череда кризисов последнего десятилетия, связанных с неослабевающим санкционным давлением на все сферы жизни, неустойчивость с обеспечением потребительского рынка вызывают необходимость более детально анализировать происходящие процессы на потребительском

² Принципы Стратегии экономического развития России до 2035 года // me-forum.ru: [сайт]. URL: <https://me-forum.ru/upload/iblock/5fc/5fc23ac290e1f5456e0a0f7a3e568da4.pdf> (дата обращения: 25.08.2024).

³ Послание Президента Федеральному Собранию // kremlin.ru: [сайт]. 29 февраля 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 25.08.2024).

рынке, определять векторы изменений в уровне и структуре потребительских расходов, в покупательной способности населения на потребительском рынке. Это углубляет понимание проблемных сторон в обеспечении устойчивости в потреблении, необходимое для предотвращения возможных угроз.

Объект исследования – уровень жизни населения России, *предмет* исследования – покупательная способность населения по потребительским расходам.

Цель исследования – проанализировать монетарные ограничения в формировании потребительских расходов населения России в период 2014–2023 гг., определить покупательную способность населения в разных секторах потребительского рынка, выявить признаки кризисных проявлений.

Задачи исследования:

1) проанализировать уровень и динамику потребительских расходов населения во взаимосвязи с денежными доходами, потребительскими ценами и выявить условия формирования стратегии «экономии на потреблении»;

2) оценить тренды розничного товарооборота, цен потребительского рынка и объёмов импорта в их взаимосвязи и кризисных проявлениях;

3) определить среднестатистическую структурную модель потребления в формате продовольственные товары–непродовольственные товары–услуги и её проявления в условиях кризисов;

4) определить покупательную способность населения по расходам на потребительском рынке, включая его отдельные сектора (продовольственные товары, непродовольственные товары, услуги), и её проявления в условиях кризисов.

Гипотеза исследования – покупательная способность населения по потребительским расходам к 2023 г. не восстановилась до уровня 2014 г.

Основные теоретические и методологические положения

Потребление является основой категории «уровень жизни» – одной из компонентов уровня и качества жизни, в составе которых учитываются также такие категории, как «качество общества»; «качество трудовой жизни»; «качество социальной инфраструктуры»; «безопасность жизнедеятельности»; «качество окружающей среды»; «удовлетворённость людей уровнем и качеством их жизни» [19, с. 13].

По методологии российской статистики потребительские расходы населения представляют собой расходы физических лиц на покупку товаров и оплату услуг, а также платежи за товары (ра-

боты, услуги) зарубежным поставщикам за безналичный и наличный расчёт.⁴

В статье выделено 4 направления исследования – потребительские расходы как компонент структуры использования денежных доходов; потребительские расходы в контексте розничного товарооборота и импорта потребительских товаров; среднестатистическая структурная модель потребления; покупательная способность населения по расходам на потребление.

Монетарные факторы влияния на потребительские расходы основываются на балансе общего объёма денежных доходов по источникам поступления и их расходов⁵. Направления использования денежных доходов помимо потребительских расходов на товары и услуги включают также обязательные платежи и разнообразные взносы (налоги и сборы, уплаченные проценты за кредиты и др.), прочие расходы, изменения в сбережениях (наличных денег, во вкладах, в ценных бумагах, на счетах индивидуальных предпринимателей, в расходах на покупку недвижимости и др.)⁶. Потребительские расходы и показатель прироста сбережений лежат в основе формирования потребительской и сберегательной стратегий населения. Активизация сберегательной стратегии в условиях ограниченности потребительских расходов и роста потребительских цен предопределяет стратегию «экономии на потреблении». Для изучения признаков её проявления в разных условиях в статье использовано соотношение показателя прироста сбережения к потребительским расходам.

Потребительские расходы населения непосредственно связаны с оборотом розничной торговли, изменения которого позволяют определить вектор потребительского поведения в разных секторах потребительского рынка. Дополняют эту картину изменения в объёмах импорта потребительских товаров, учитывая сохраняющуюся зависимость от него отечественного рынка.

Распределение потребительских расходов на продовольственные товары, непродовольственные товары и услуги представляет собой структурную модель потребления. Основным признаком ухудшения модели потребления является рост доли расходов на питание, исходя из законо-

⁴ Методологические положения по расчёту показателей денежных доходов и расходов населения, утверждённые Приказом Росстата от 02.07.2014 № 465 с изменениями и дополнениями от 20.11.2018 № 680. С. 13.

⁵ Баланс денежных доходов и расходов населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024).

⁶ Методологические положения по расчёту показателей денежных доходов и расходов населения, утверждённые Приказом Росстата от 02.07.2014 № 465 с изменениями и дополнениями от 20.11.2018 № 680. С. 13, 23.

мерности изменения этой доли в разнородных группах населения⁷.

Реальные возможности потребительских расходов характеризует покупательная способность населения на потребительском рынке в целом и в отдельных его секторах (продовольственные товары, непродовольственные товары, услуги). Она определяется применительно к прожиточному минимуму и оценивается в целом для потребительского рынка количеством потребительских корзин прожиточного минимума [20, с. 12], для секторов потребительского рынка количеством наборов соответствующих групп товаров или услуг, приходящихся на заданный размер потребительских расходов. В настоящей работе этот показатель рассматривается как идентификатор уровня жизни населения по потреблению.

Данные и методы

Информационную основу для исследования составили данные государственной статистики, федеральной таможенной службы, а также результаты мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения, проводимых в Институте экономики РАН.

В связи с тем, что с 2021 г. официальный порядок исчисления величины прожиточного ми-

нимума изменился, данные по этому показателю за 2021–2023 гг. являются расчётными. Они соответствуют методологии 2013–2020 гг. и применяются в мониторинговых исследованиях доходов и уровня жизни населения [20, с. 102–103].

Исследование проводилось на макроэкономическом уровне.

Период исследования: 2014–2023 гг.

Методы исследования – общенаучные, эмпирические, экономико-статистического анализа, систематизации, обобщения.

Результаты

Потребительские расходы населения России в номинальном выражении в период 2014–2023 гг. заметно выросли, как и денежные доходы. В среднем на душу потребительские расходы увеличились в 2023 г. до 41502 руб. (+85,1% к 2014 г.), а денежные доходы достигли 52139 руб. (+94,4% к 2014 г.) (рисунок 1). Повысился уровень и других составляющих структуры использования денежных доходов населения. В частности, среднедушевые расходы на обязательные платежи и разнообразные взносы вместе с прочими расходами увеличились до 7811 руб. (+87,4% к 2014 г.), а прирост сбережений в 2023 г. составил 3826 руб. (рост в 5,15 раз к 2014 г.).

Рисунок 1. Уровень денежных доходов населения и основных структурных компонентов их использования, рассчитанных в среднем на душу населения, руб. в месяц. Россия. 2014–2023 гг.

Figure 1. The Level of Monetary Income of the Population and the Main Structural Components of Their Use, Calculated on Average per Capita, Rubles per Month. Russia. 2014–2023

Источники: расчёты автора на основе данных Росстата⁸.

⁷ Структура потребительских расходов домашних хозяйств по 10-процентным группам населения в зависимости от величины среднедушевых располагаемых ресурсов // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 25.08.2024).

⁸ Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024).

Доля потребительских расходов в структуре использования денежных доходов занимала от 75,4% (2022 г.) до 82,0% (2014 г.). В то же время доля расходов на сбережения составляла от 2,7% (2014 г.) до 9,1% (2015 г. и 2020 г.), свидетельствуя не только о наличии монетарных условий для роста потребительских расходов, но и о значительной вариативности в потребительской и сберегательной стратегиях. Расчёты показывают, что соотношение показателя прироста сбережений и потребительских расходов составляло от 3,3% (2014 г.) до 12,0% (2020 г.) (таблица 1).

Повышенная активность в потребительских расходах населения отмечалась в 2017–2019 гг. В этот период было зафиксировано превышение темпов роста потребительских расходов над темпами роста цен, а также наблюдался ус-

тойчивый рост доли потребительских расходов в структуре денежных расходов при одновременном сокращении соотношения показателя прироста сбережений с потребительскими расходами.

Значительное ослабление потребительского поведения было зафиксировано в кризисные 2015, 2020, 2022 годы, когда существенно сократились доли потребительских расходов в структуре денежных расходов населения (не менее, чем на 4,8 п.п.), что указывало на формирование стратегии экономии на потреблении. Это происходило на фоне высоких темпов прироста сбережений и резкого роста соотношения показателя прироста сбережений с потребительскими расходами (соответственно, в 3,5; 2,5 и 2,2 раз; до 11,4% и выше).

Таблица 1

Изменение потребительских расходов, прироста сбережений и потребительских цен в России в 2014–2023 гг.

Table 1

Changes in Consumer Spending, Savings Growth and Consumer Prices in Russia in 2014–2023

Годы	Доля потребительских расходов в общих денежных расходах, %	Отношение прироста сбережений к потребительским расходам, %	Темп роста / снижения, %		Индекс потребительских цен, % к концу предыдущего года
			потребительских расходов	прироста сбережений	
2014	82,0	3,3	108,2	65,9	111,4
2015	77,2	11,7	103,8	367,6	112,9
2016	77,5	11,2	102,2	97,8	105,4
2017	79,1	8,6	105,4	80,5	102,5
2018	80,8	5,2	106,8	64,8	104,3
2019	80,9	4,8	106,4	97,5	103,0
2020	75,7	12,0	95,4	239,3	104,9
2021	80,2	5,3	117,7	52,2	108,4
2022	75,4	11,4	111,6	240,4	111,9
2023	78,1	9,2	116,1	93,7	107,4
в среднем	78,7	8,3	107,2	113,0	107,2

Источники: данные Росстата⁹, расчёты автора.

Стратегия экономии на потреблении была сопряжена с падением оборота розничной торговли (рисунок 2). Наиболее значительно сократился объём оборота розничной торговли в сопоставимых ценах в 2015 г. (-10%), что сопровождалось высоким темпом роста потребительских цен

(112,9%), максимальным для рассматриваемого периода. Также существенным, хотя и менее глубоким, было снижение физического объёма оборота розничной торговли в 2022 г. (-6,5%), при котором темп роста цен (111,9%) уступал лишь максимальному значению. Снижение объёма розничной торговли отмечалось также в 2016 и 2020 годах, но оно было менее существенным (-4,8% и -3,2%, соответственно), а темпы роста цен (105,4% и 104,9%) были ниже средних для рассматриваемого периода (107,2%).

В розничном товарообороте *непродовольственных* товаров кризисное падение было более

⁹ Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.08.2024).

значительным, чем по *продовольственным* товарам. Так, в 2015 г. по непродовольственным товарам снижение оборота розничной торговли в сопоставимых ценах составило 10,9%, в то время как по пищевым продуктам, включая напитки и табачные изделия (далее *сокр. авт.* «по пищевым

продуктам») оно было равно 9,0%. Аналогичная картина наблюдалась в 2020 г. (-4,6% по непродовольственным товарам и -1,6% по пищевым продуктам) и в 2022 г. (-10,6% и -1,7%, соответственно).¹⁰

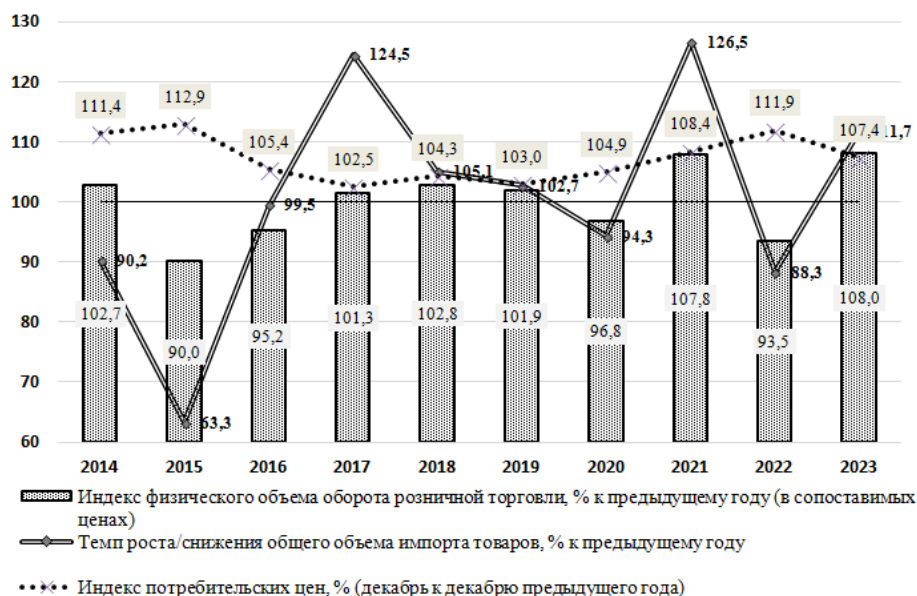

Рисунок 2. Темпы роста/снижения оборота розничной торговли (в сопоставимых ценах), потребительских цен и общего объема импорта товаров, % к предыдущему году. Россия. 2014–2023 гг.
Figure 2. Growth/decline rates of retail trade turnover (in comparable prices), consumer prices and total volume of goods imports, % to the previous year. Russia. 2014–2023

Источники: данные Росстата¹¹, расчёты автора.

Неустойчивая динамика оборота розничной торговли формировалась на фоне существенных колебаний объёмов товарного импорта. В период 2014–2023 гг. пять лет из десяти объём товарного импорта падал (2014–2016, 2020, 2022 гг.). Особенно глубоким было падение импорта в 2015 г. (-36,7%). Более высокая зависимость потребительского рынка от импорта сложилась по продовольственным товарам. Так, в 2023 г. доля этой группы товаров с учётом сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) составила в общей структуре импорта товаров 12,3% при 6,7% по группе непродовольственных товаров – таких

как текстиль, текстильные изделия, обувь¹². При этом доля первой группы сократилась в 2023 г. к 2014 г. на 1,6 п.п., а доля второй группы, напротив, увеличилась на 0,1 п.п.

Среди отдельных групп продуктов питания доля импорта в их товарных ресурсах, согласно последним опубликованным статистическим данным (ограниченным 2021 годом), сократилась наиболее существенно (не менее, чем на 14 п.п. в 2021 г. к 2014 г.) по разным видам мяса, а также по сухому молоку со сливками (таблица 2). Особенно снизилась доля импорта в товарных ресурсах говядины, включая субпродукты (на 32,6 п.п. или до 24,7%). В то же время не ослабевает импортозависимость по таким продуктам как мука, крупа, растительные масла. Наиболее значительно выросла доля импорта по растительным маслам в их товарных ресурсах (+3,2 п.п. или до 17,6%).

¹⁰ Индекс физического объема оборота розничной торговли // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 25.08.2024).

¹¹ Индекс физического объема оборота розничной торговли // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 25.08.2024); Итоги внешней торговли со всеми странами // ФТС России: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 25.08.2024); Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.08.2024).

¹² Итоги внешней торговли со всеми странами // ФТС России: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 25.08.2024); Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам // ФТС России: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/502> (дата обращения: 25.08.2024).

Таблица 2

Изменение доли импорта отдельных продовольственных товаров в соответствующих объемах товарных ресурсов в 2021 г. по сравнению с 2014 г. в России, %

Table 2

Change in the Share of Imports of Individual Food Products in the Corresponding Volumes of Commodity Resources in 2021 Compared to 2014 in Russia, %

	Доля импорта продовольственных товаров в соответствующих объемах товарных ресурсов, %		Изменение в 2021 г., п.п.
	2014 г.	2021 г.	
Мясо и птица, включая субпродукты	19,6	5,3	-14,3
Говядина, включая субпродукты	57,3	24,7	-32,6
Свинина, включая субпродукты	16,6	0,3	-16,3
Мясо птицы, включая субпродукты	10,0	4,6	-5,4
Консервы мясные	13,7	8,7	-5,0
Изделия колбасные	2,2	1,3	-0,9
Масла животные	34,3	28,5	-5,8
Сыры	37,3	30,4	-6,9
Мука	0,9	1,1	0,2
Крупа	0,5	1,2	0,7
Масла растительные	14,4	17,6	3,2
Сухие молоко и сливки	49,4	31,2	-18,2
Кондитерские изделия	9,3	8,1	-1,2
Сахар	7,4	2,3	-5,1

Источники: данные Росстата.¹³

В 2023 г. общий объем импорта товаров в России после снижения годом ранее вырос на 11,7% (до 285,1 млрд долл. США). Сохраняющаяся зависимость России от импорта товаров связана с перераспределением их потоков на межстрановом уровне, что влияет на качественные и ценовые характеристики импортных товаров, поступающих на отечественный потребительский рынок. В настоящее время более половины импорта товаров поступает в Россию из стран Азии. В 2023 г. объем импорта товаров из этих стран вырос по сравнению с 2022 г. на 29,2%, а его доля в общем объеме импорта товаров увеличилась до 65,8%. Также повысился в 2023 г. объем товарного импорта из стран Африки (+8,6%), но его доля в общей структуре импорта товаров несколько понизилась (-0,03 п.п., до 1,18%) из-за отставания в темпе роста. Заметное сокращение объемов товарного импорта в 2023 г. было зафиксировано из стран Европы, Америки, Океании. Так, из стран Европы объем импорта сократился на 12,3% (в общей структуре импорта товаров доля составила 27,5%), из стран Америки он уменьшился на

¹³ Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации (по данным ФТС России) // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 25.08.2024); Доля импорта в объеме товарных ресурсов розничной торговли по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения: 25.08.2024); Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения: 25.08.2024).

11,0% (в структуре импорта доля составила 5,3%), из стран Океании понизился на 58,2% (в структуре импорта доля составила 0,06%).¹⁴

В среднестатистической структурной модели потребления, сложившейся в 2014–2023 гг., расходы на продовольственные товары занимали от 35,2 до 37,8%. Доля расходов на непродовольственные товары была выше (от 37,9 до 40,4%), чем доля расходов на продовольственные товары, а на услуги, напротив, она была ниже (от 21,2 до 22,8%) (рисунок 3). Доля расходов на оплату товаров (работы, услуги), произведенные за рубежом, была незначительной – от 1,4 до 4,0%¹⁵.

¹⁴ Расчёты автора на основе данных: Итоги внешней торговли со всеми странами. Январь–декабрь 2023 // Федеральная таможенная служба: [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁵ Статья расходов на платежи за товары (работы, услуги) зарубежным поставщикам, определяемая на основе данных Банка России, отражается Росстатом в балансе денежных доходов, расходов и сбережений населения в части формирования потребительских расходов. В данной статье расходов учитывается сальдо трансграничной Интернет-торговли с корректировкой общего объема покупок через иностранные Интернет-магазины на величину покупок товаров для последующей перепродажи на территории Российской Федерации и на покупки, приобретенные в российских Интернет-магазинах. Также в данной статье расходов учитывается сальдо денежных средств, израсходованных резидентами в поездках за пределами Российской Федерации и аналогичных средств, израсходованных нерезидентами на территории Российской Федерации. Источник: Методологические положения по расчёту показателей денежных доходов и расходов населения, утверждённые Приказом Росстата от 02.07.2014 № 465 с изменениями и дополнениями от 20.11.2018 № 680.

Высокая чувствительность к кризисам проявилась в структурах потребления 2015, 2020, 2022 годов, когда ощутимо выросли доли расходов на

продовольственные товары (+0,9 п.п.; +2,5 п.п.; +1,3 п.п., соответственно).

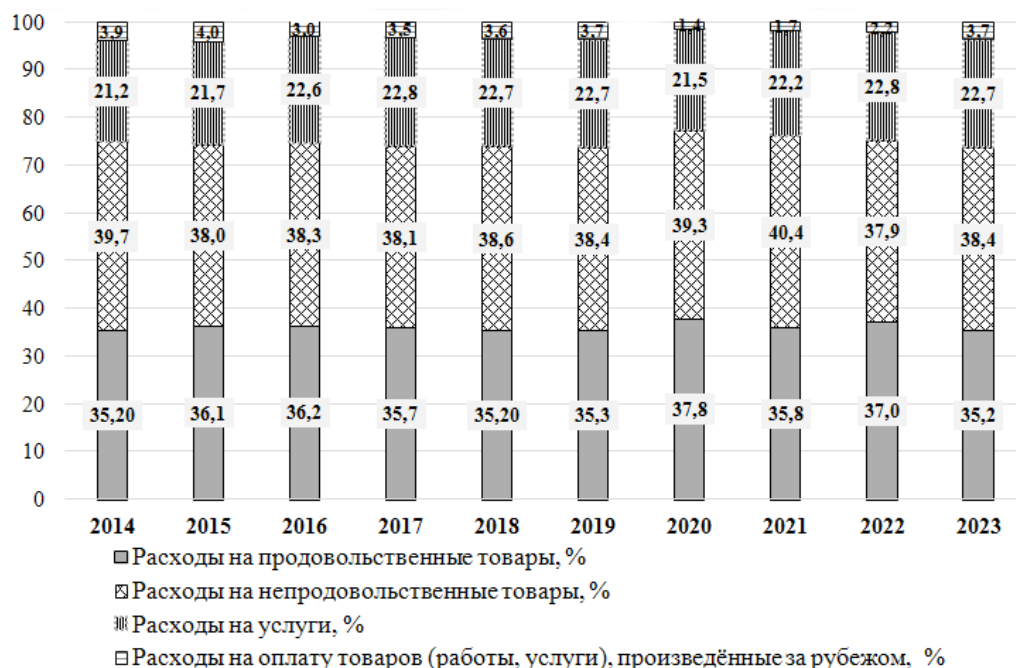

Рисунок 3. Среднестатистическая структурная модель потребления, % к итогу. Россия. 2014–2023 гг.
Figure 3. Average Statistical Structural Model of Consumption, % of Total. Russia. 2014–2023

Источники: расчёты автора на основе данных Росстата¹⁶.

В условиях коронавирусной пандемии доля расходов на питание в 2020 г. достигла своего наибольшего для рассматриваемого периода значения (37,8%). Также поддерживалось потребление непродовольственных товаров – доля расходов (39,3%) в числе наиболее высоких. В то же время доля расходов на услуги сократилась до одного из наиболее низких своих значений (21,5%), а доля расходов на оплату товаров (работы, услуги), произведённые за рубежом, упала до минимального значения (1,4%). В отличие от коронакризисного 2020 г. стратегия экономии на потреблении в 2015 и 2022 гг. была направлена исключительно на сокращение доли расходов на непродовольственные товары (-1,7 п.п. и -2,5 п.п., соответственно). Сформировавшаяся в 2023 г. структура потребления свидетельствует о преодолении кризисной ситуации - доля расходов на продовольственные товары снизилась до наиболее низкого для рассматриваемого периода значения (35,2%), а доли

других структурных составляющих были в числе наиболее высоких.

Покупательная способность населения по потребительским расходам, измеряемая на основе потребительской корзины прожиточного минимума и её составляющих (минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров, услуг) и сложившаяся в период 2014–2023 гг.¹⁷, показана на рисунке 4.

Расчёты показывают, что в среднедушевом измерении покупательная способность населения по потребительским расходам, включающим расходы на продовольственные товары, непродовольственные товары и услуги, составила от 2,58 (2015 и 2020 гг.) до 3,00 (2014 г.) наборов потребительских корзин прожиточного минимума (ПК ПМ). Наиболее низкой она сложилась по

¹⁶ Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Баланс денежных доходов и расходов населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Макроструктура оборота розничной торговли годы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁷ Покупательная способность населения по потребительским расходам рассчитана как отношение потребительских расходов к стоимостной величине потребительской корзины прожиточного минимума (методология 2013–2020 гг.). Применительно к конкретному сектору потребительского рынка (продовольственные товары, непродовольственные товары, услуги) покупательная способность населения по потребительским расходам определена как отношение величины потребительских расходов в данном секторе потребительского рынка к стоимостной величине набора соответствующей группы товаров из состава потребительской корзины прожиточного минимума.

расходам на продовольственные товары – от 1,85 (2015 г.) до 2,11 (2014 г.) минимальных наборов продуктов питания ПК ПМ. По расходам на услуги покупательная способность населения составила от 2,23 (2020 г.) до 2,65 (2023 г.) минимальных наборов услуг ПК ПМ. Наиболее высокий уровень показателя отмечается по расходам на

непродовольственные товары – от 3,95 (2015 г.) до 4,78 (2014 г.) минимальных наборов непродовольственных товаров ПК ПМ, что указывает на более значительный потенциал этой составляющей по сравнению с другими составляющими для формирования кризисной стратегии экономии на потреблении.

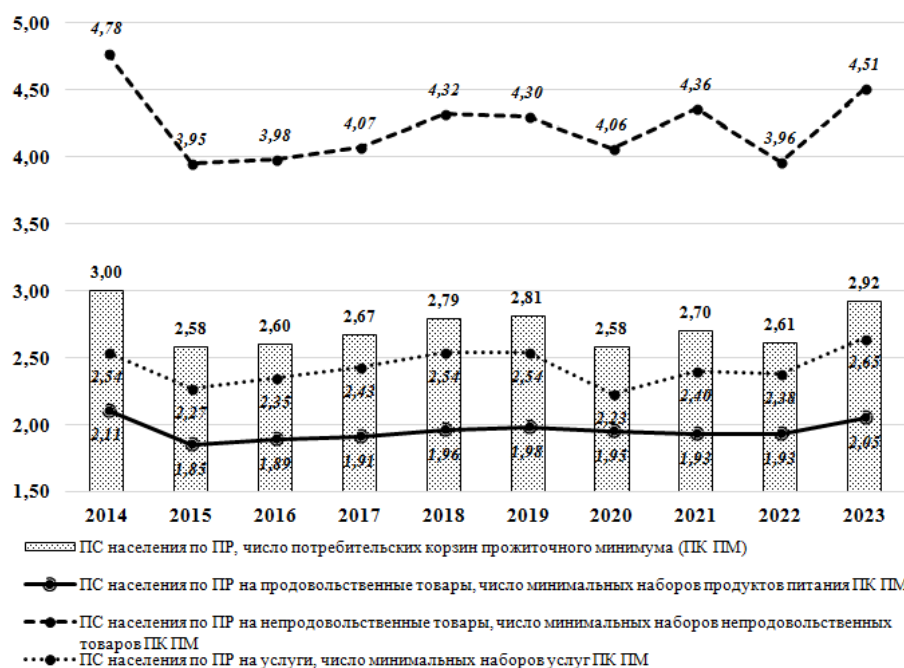

Рисунок 4. Покупательная способность населения (ПС) по потребительским расходам (ПР) в целом и в разных секторах потребительского рынка, измеренная в наборах потребительской корзины прожиточного минимума (ПК ПМ) и её составляющих. Россия. 2014–2023 гг.

Figure 4. Purchasing Power of the Population (PP) for Consumer Expenditures (CE) in General and in Different Sectors of the Consumer Market, Measured in Sets of the Consumer Basket of the Subsistence Minimum (CB PM) and Its Components. Russia. 2014–2023

Источники: расчёты автора на основе данных Росстата¹⁸, [20].

Сравнительно слабая вариация покупательной способности населения по расходам на продовольственные товары свидетельствует о том, что население в меньшей степени готово экономить на питании. На это указывает и менее глу-

бокое падение уровня показателя по сравнению с покупательной способностью населения по общим потребительским расходам в кризисные 2015 г. и 2020 г. В 2022 г. не наблюдалось падения покупательной способности населения по расходам на продовольственные товары, она осталась на уровне предыдущего года. Особенно неблагоприятным был 2015 г., когда покупательная способность населения снизилась одновременно более чем на 10% во всех секторах потребительского рынка.

В 2023 г. темпы роста покупательной способности населения по потребительским расходам сложились наиболее высокими в рассматриваемом периоде (106% и более, достигая 113,9% в секторе непродовольственных товаров). Тем не менее, покупательная способность населения как

¹⁸ Расчёты выполнены с привлечением данных Росстата: Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Баланс денежных доходов и расходов населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.08.2024); Доклад "Социально-экономическое положение России" 2014, 2015...2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 25.08.2024). Также использованы результаты расчётов величины прожиточного минимума и его компонентов за 2021–2023 гг., выполненных по методологии 2013–2020 гг. в рамках мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения России [20].

в целом по потребительским расходам, так и по расходам на продовольственные и непродовольственные товары продолжала оставаться ниже значений показателя 2014 г. В то же время покупательная способность населения по расходам на услуги в 2023 г. обновила свой максимум для рассматриваемого периода.

Заключение

Основные результаты исследования, проведённого на базе средних значений показателей, заключаются в следующем.

1) Номинальные потребительские расходы населения ограничиваются достигнутым уровнем и динамикой денежных доходов. С учётом ограниченности потребительских расходов при опережающем росте показателя сбережений и неуклонном росте цен потребительского рынка формируется стратегия экономии на потреблении. Она является неперенным атрибутом кризисов. В период 2014–2023 гг. стратегия экономии на потреблении сопровождала кризисы 2015, 2020, 2022 гг.

2) Тренды розничного товарооборота и цен потребительского рынка высоко чувствительны к кризисным явлениям. Зависимость потребительского рынка от импорта остаётся значительной, особенно по продовольственным товарам. Для кризисов было характерно падение объёмов товарного импорта, что усугубляло ситуацию на потребительском рынке. В условиях глубоких кризисных изменений ускоренные темпы роста потребительских цен обеспечивали восполнение потерь прибыли от продаж, что негативно влияло на экономию на потреблении.

3) В среднестатистической структурной модели потребления радикальных изменений не наблюдалось. Общим признаком кризисных проявлений был рост доли расходов на продовольственные товары. По этому признаку наиболее неблагоприятным был коронакризисный 2020 г., но

уже в 2023 г. доля расходов на продовольственные товары сократилась до наиболее низкого значения в рассматриваемом периоде и соответствовала показателям 2014 и 2018 гг.

4) Покупательная способность населения по потребительским расходам существенно различается в разных секторах потребительского рынка. В кризисных условиях уровень показателя был подвержен сокращению во всех секторах. Сохраняющаяся на более низком по сравнению с 2014 г. уровне покупательная способность населения по потребительским расходам, кроме расходов на услуги, свидетельствует о том, что уровень жизни по потреблению к 2023 г. ещё не восстановился.

Таким образом, гипотеза о том, что покупательная способность населения по потребительским расходам к 2023 г. не восстановилась до уровня 2014 г., подтвердилась.

Позитивные изменения, сложившиеся в 2023 г., создают основу для роста уровня жизни населения по расходам на потребление. Особенностью современного этапа является объективная необходимость в ускорении социально значимого и качественного импортозамещения наряду со стабильным ростом денежных доходов и снижением уровня инфляции. Это позволит создать условия для формирования сберегательных стратегий населения, защищающих от социальных рисков и не снижающих уровень жизни населения по потреблению. Кроме того, для результативности социальной политики важным является разработка социальных инструментов, и, прежде всего, социальных стандартов потребления, соответствующих современным моделям жизни с разным уровнем как доходов, так и расходов на потребление. Развитие указанных направлений будет содействовать достижению целевых стратегических параметров в области уровня и качества жизни населения.

Список литературы

1. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
2. Чернявский С.В., Ростовцев А.И., Фатуллаев С.Т. Изменение приоритетов качества жизни в условиях санкций и политики импортозамещения // *Вестник МИРБИС*. 2023. № 4. С. 39–44. <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2023.4.4> EDN LJQWHG
3. Широ А.А. Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // *Проблемы прогнозирования*. 2023. № 2(197). С. 6–17. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-6-17> EDN ABIVYY
4. Ушаев И.Г., Колесников А.В. Экономическая доступность продовольствия для населения Российской Федерации // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 4. С. 59–77. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_59_77 EDN DJFHLB
5. Воронов А.А., Ильенкова К.М., Бянь С. Международные санкции как фактор формирования и развития региональных потребительских рынков Российской Федерации // *Экономические науки*. 2023. № 218. С. 10–17. <https://doi.org/10.14451/1.218.7> EDN VLEKZS

6. Мониторинг инфляции в условиях новой геополитической реальности / Т.А. Бурцева, А.А. Френкель, Б.И. Тихомиров, А.А. Сурков // Мир новой экономики. 2023. Том 17. № 2. С. 48–61. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-2-48-61> EDN MGGGVV
7. Казанцев С.В. Реакция на антироссийские санкции: последствия сокращения объёма внешней торговли и рост объёмов производства в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2022. Том 16. № 4. С.34–44. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-34-44> EDN НХОАРА
8. Тихонова Н.Е. Сберегательная активность россиян: динамика и факторы // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 67–79. <https://doi.org/10.31857/S013216250028533-9>
9. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 2. С. 61–68. 2019. EDN WWAWGQ
10. Пишняк А., Халина Н., Рогачева А. Адаптация среднего класса к изменяющимся социально-экономическим условиям в период кризиса // Журнал исследований социальной политики. 2023. Том 21. № 1. С. 121–136. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-121-136>
11. Павлюшина В., Музыченко Е, Хейфец Е. Неравенство в потреблении домохозяйств стран ЕС. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Выпуск № 54, март 2020. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 19 с.
12. Коротких А.А. Стимулирование спроса на здоровое питание в США и диверсификация американского продовольственного рынка // Россия и Америка в XXI веке. 2023. Выпуск № 5. <https://doi.org/10.18254/S207054760028388-3> EDN НУВDTQ
13. Deal R. Urban and Rural Food Deserts: Health Variables Associated with Limited Food Access // UC Merced Undergraduate Research Journal. 2024. Vol. 16. Issue 2. <https://doi.org/10.5070/M416263490>
14. Бурдяк А.Я. Потребление товаров и услуг в 2020 г.: пандемическая модель // Экономическое развитие России. Февраль 2021. Том 28. № 2. С. 65–68. EDN ТМYSYD
15. Effects of COVID-19 on income, consumption and savings: Evidence from the Luxembourg Household Finance and Consumption Survey / T.Y. Mathä, A. Montes-Vinas, G. Pulina, M. Ziegelmeyer // BCL Bulletin Analyses. 2023. Vol. 2023-2. P. 50–59.
16. Diversification of student consumption during the pandemic – Albania, Poland and Portugal / M. Grzywińska-Rapca, N. Duarte, A. Kulli, G. Enkelejda // Central European Economic Journal. 2022. Vol. 9. Issue 56. P. 309–322. <https://doi.org/10.2478/ceej-2022-0018>
17. Justice and inequality in the household consumption in Russia and China: A comparative analysis / P.M. Kozyreva, Di. Zhu, A.E. Nizamova, A.I. Smirnov // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 50–67. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-50-67> EDN FKORLN
18. Poverty and Shared Prosperity 2022: Correcting Course. Washington, DC: World Bank, 2022. 243 p. ISBN 978-1-4648-1893-6 <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1893-6>
19. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
20. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России–2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с. ISBN 978-5-9940-0734-1

Информация об авторе:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук

(SPIN-код: 8187-0889) (РИНЦ Author ID: 305797) (ResearcherID: H-2175-2018)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
2. Chernyavskiy S.V., Rostovtsev A.I., Fatullaev S.T. Changing Priorities of The Quality of Life in Conditions of Sanctions and Import Substitution Policy. *Vestnik MIRBIS*. 2023;(4):39–44. <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2023.4.4> (in Russ.)
3. Shirov A.A. Development of the Russian Economy in the Medium Term: Risks and Opportunities. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(2):159-166. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-6-17> (in Russ.)
4. Ushachev I.G., Kolesnikov A.V. Economic Availability of Food for The Population of The Russian Federation. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(4):59-77. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_59_77 (In Russ.)
5. Voronov A.A., Ilyenkova K.M., Bjanj S. International Sanctions as a Factor in the Formation and Development of Regional Consumer Markets in The Russian Federation. *Ehkonomicheskie nauki=Economic Sciences*. 2023;(218):10-17. <https://doi.org/10.14451/1.218.7> (In Russ.)

6. Burtseva T.A., Frenkel A.A., Tikhomirov B.I., Surkov A.A. Monitoring of Inflation in the New Geopolitical Reality. *Mir novoj ekonomiki=The World of New Economy*. 2023;17(2):48-61. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-2-48-61> (In Russ.)
7. Kazantsev S.V. Anti-Russian Sanctions Impact: Aftermath of a Reduction in Foreign Trade and Production Growth in The Russian Federation. *Mir novoj ekonomiki=The World of the New Economy*. 2022;16(4):34-44. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-34-44> (In Russ.)
8. Tikhonova N.E. Savings Activity of Russians: Dynamics and Factors. *Sotsiologicheskie Issledovaniia=Sociological Studies*. 2023;(11):67-79. <https://doi.org/10.31857/S013216250028533-9> (In Russ.)
9. Zubarevich N.V., Safronov S.G. The Share of Food in Total Consumption of The Population of Russian Regions as An Indicator of The Standard of Living and Consumption Modernization. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia=Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. 2019;(2):61-68. (In Russ.)
10. Pishnyak A., Khalina N., Rogacheva A. Adaptation of the Middle Class to Changing Socio-economic Conditions in Crisis. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*. 2023;21(1):121-136. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-121-136> (In Russ.)
11. Pavlyushina V., Muzychenko E., Heifets E. Neravenstvo v Potreblenii Domokhozyaistv Stran ES. *Bulletin on Current Trends in The Global Economy*. 2020;(54). Analytical Center under the Government of the Russian Federation. 19 p. (In Russ.)
12. Korotkikh A. Encouraging Demand on Healthy Food in The United States and The Diversification of The U.S. Food Market. *Rossiia i Amerika v XXI veke=Russia and America in the XXI century*. 2023;(5). <https://doi.org/10.18254/S207054760028388-3> (In Russ.)
13. Deal R. Urban and Rural Food Deserts: Health Variables Associated with Limited Food Access. *UC Merced Undergraduate Research Journal*. 2024;16(2). <https://doi.org/10.5070/M416263490>
14. Burdyak A.Ya. Consumption Of Goods and Services In 2020: A Pandemic Model. *Ehkonomicheskoe razvitie Rossii=Russian Economic Developments*. February 2021;28(2):65-68. (In Russ.)
15. Mathä T.Y., Montes-Vinas A., Pulina G., et al. Effects Of COVID-19 on Income, Consumption and Savings: Evidence from The Luxembourg Household Finance and Consumption Survey. *BCL Bulletin Analyses*. 2023;2023-2:50-59.
16. Grzywińska-Rapca M., Duarte N., Kulli A., et al. Diversification of Student Consumption During The Pandemic – Albania, Poland And Portugal. *Central European Economic Journal*. 2022;9(56):309-322. <https://doi.org/10.2478/ceej-2022-0018>
17. Kozyreva P.M., Zhu Di, Nizamova A.E., et al. Justice and Inequality in The Household Consumption in Russia and China: A Comparative Analysis. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(1):50-67. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-50-67>
18. Poverty and Shared Prosperity 2022: Correcting Course. Washington, DC: World Bank; 2022. 243 p. ISBN 978-1-4648-1893-6 <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1893-6>
19. Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktyukhina. N.V., Shamaeva. E.F. (eds.), et al. Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniya Rossii: ot Real'nosti k Proektirovaniyu Budushchego. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
20. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2023 god. Yearbook. Iss. 2(203). Moscow: Institute of Economics RAS; 2024. 182 p. ISBN 978-5-9940-0734-1 (In Russ.)

Information about the author:

Aleftina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 8187-0889) (RSCI Author ID: 305797) (ResearcherID: H-2175-2018).
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Оригинальная статья

УДК 365

JEL I31, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_5_543_554

EDN GTAASK

Качество жилищных условий домохозяйств с детьми: двадцатилетняя ретроспектива

Елена Валерьевна Одинцова¹, Татьяна Викторовна Чащина², Мария Борисовна Козлова³, Денис Александрович Мочалов⁴

^{1,2,3,4} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

¹ (odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

² (Chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

³ (kozlovamb@my.msu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6684-9718>)

⁴ (d3nmochalov@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0008-3466-2148>)

Аннотация

Статья посвящена проблеме качества жилищных условий российских домохозяйств с детьми, которая рассматривается применительно к двум их группам с учётом возраста детей, определяющим ракурс исследования проблемы с точки зрения 20-летней ретроспективы. Первую группу составляют домохозяйства с ребёнком (детьми) в возрасте до полутора лет (родившимися в начале 2020-х гг.), вторую группу – домохозяйства с ребёнком (детьми) в возрасте 15–17 лет (родившимися в начале 2000-х гг.). Качество жилищных условий домохозяйств с ребёнком (детьми) младшей и старшей возрастных групп выявляется на основе оригинальной системы социальных стандартов, идентифицирующих жилищные условия от наиболее плохих до хороших на основе оценивания комплекса параметров жилища (размер площади, просторность, благоустроенность жилища и др.). Анализ базируется на данных комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (2022 г.). Выявлено качество жилищных условий домохозяйств с ребёнком (детьми) исследуемых возрастных групп. Показано, что среди домохозяйств с ребёнком (детьми) в возрасте до полутора лет в сравнении с домохозяйствами с ребёнком (детьми) в возрасте 15–17 лет меньше доля имеющих жилищные условия, не удовлетворяющие двум низким стандартам (64,6% против 72,5%), в том числе доля имеющих наиболее плохие жилищные условия, не достигающие минимального стандарта, (25,6% против 41,4%). С учётом выявленных особенностей распределения по качеству жилищных условий рассмотрены характеристики домохозяйств, определяющие различия по параметрам места проживания, числа детей, уровня денежных доходов, собственности на жильё. Для домохозяйств двух изучаемых групп, имеющих наиболее плохие и плохие жилищные условия, также выявлены их субъективные оценки имеющихся жилищных условий – потребность в улучшении жилищных условий и стратегии, предпочитаемые для решения жилищного вопроса.

Ключевые слова: домохозяйства с детьми, домохозяйства с детьми в возрасте до полутора лет, домохозяйства с детьми в возрасте 15–17 лет, жилище, жилищные условия, качество жилищных условий, социальные стандарты жилищной обеспеченности

Благодарность: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00537, <https://rscf.ru/project/23-18-00537/>, в Институте экономики Российской академии наук.

Для цитирования: *Одинцова Е.В., Чащина Т.В., Козлова М.Б., Мочалов Д.М.* Качество жилищных условий домохозяйств с детьми: двадцатилетняя ретроспектива // *Уровень жизни населения регионов России.* 2024. Том 20. № 4. С. 543–554. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_5_543_554 EDN GTAASK

RAR (Research Article Report)

JEL I31, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_5_543_554

The Quality of Housing Conditions for Households with Children: a Twenty-year Retrospective

Elena V. Odintsova¹, Tat'yana V. Chashchina², Mariya B. Kozlova³, Denis A. Mochalov⁴

^{1,2,3,4} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

² (Chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

³ (kozlovamb@my.msu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6684-9718>)

⁴ (d3nmochalov@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0008-3466-2148>)

Abstract

The article is devoted to the problem of the quality of housing conditions of Russian households with children, which is considered in relation to two groups of them, taking into account the age of children, determining the angle of the problem from the point of view of a 20-year retrospective. The first group consists of households with a child (children) under the age of one and a half years (born in the early 2020s), the second group consists of households with a child (children) aged 15–17 years (born in the early 2000s). The quality of housing conditions of households with a child (children) of younger and older age groups is revealed on the basis of an original system of social standards that identify housing conditions from the worst to good based on an assessment of a set of housing parameters (area size, spaciousness, amenities, etc.). The analysis is based on data from a Comprehensive monitoring of living conditions of Rosstat (2022). The quality of housing conditions of households with a child (children) of the studied age groups was revealed. It is shown that among households with a child (children) under the age of one and a half years, in comparison with households with a child (children) aged 15–17 years, the proportion of those with housing conditions that do not meet two low standards is lower (64.6% vs. 72.5%), including the proportion with the worst hous-

ing conditions that do not reach the minimum standard (25.6% vs. 41.4%). Taking into account the identified features of the distribution of housing conditions by quality, the characteristics of households that determine differences in the parameters of the place of residence, the number of children, the level of monetary income, and ownership of housing are considered. For the households of the two studied groups with the worst and poor housing conditions, their subjective assessments of existing housing conditions were also revealed – the need to improve housing conditions and the strategies preferred to solve the housing issue.

Keywords: households with children, households with children under the age of one and a half years, households with children aged 15–17 years, housing, housing conditions, quality of housing conditions, social standards of housing security

Acknowledgements: the reported study was funded by Russian Science Foundation grant No. 23-18-00537, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00537/>, at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Odintsova E.V., Chashchina T.V., Kozlova M.B., Mochalov D.M. The Quality of Housing Conditions for Households with Children: A Twenty-year Retrospective. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):543–554. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_5_543_554 (In Russ.)

Введение

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 закреплены уточнённые национальные цели развития России на период до 2030–2036 гг., характеризующие их достижение целевые показатели и задачи, в том числе в части повышения качества жизни через улучшение жилищной обеспеченности (национальная цель «Комфортная и безопасная среда для жизни»).¹ Так, в соответствии с данным Указом обеспеченность граждан общей площадью жилья (на человека) должна увеличиться, как минимум, до 38 кв.м. к 2036 г., т.е. в 1,3 раза относительно 2023 г. (28,8 кв.м. – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, на конец года²).

За прошедшее время с начала 2000-х гг., по оценкам исследователей, уже произошли определённые позитивные изменения в сфере жилищных условий россиян [1], в том числе снизился уровень жилищной бедности, характеризующий долю населения, проживающего в жилище, не отвечающего минимальным нормативным требованиям к размеру площади жилища и его благоустроенности [2]. Качественные позитивные изменения, по оценкам экспертов, стали следствием роста объёмов жилищного строительства, развития рынков жилья, ипотечного кредитования, происходивших в период 2005–2019 гг.³,

с учётом «реакции» в кризис 2008–2009 гг., 2014–2015 гг. Развивалась государственная политика, направленная на улучшение жилищных условий граждан: например, с 2002 г. реализуется программа переселения граждан из аварийного жилищного фонда, с 2007 г. – программа материнского (семейного) капитала, семейная ипотека – с 2018 г. В 2020–2024 гг. в условиях внешних шоков (коронакризис, усиление внешних санкций) для поддержки отрасли жилищного строительства и экономики в целом, повышения доступности жилья для граждан были введены программы льготного ипотечного кредитования.⁴ В целом, как следует из данных мониторинговых измерений доступности жилья, её показатели за период с начала 2000-х годов улучшились.⁵ Вместе с тем, многое ещё предстоит сделать для повышения качества жилищных условий россиян.

вития, достижения, проблемы и прогнозы // РИА Новости. Недвижимость: [сайт]. 05.09.2012. URL: <https://realty.ria.ru/20120905/398385878.html> (дата обращения: 07.08.2024).

⁴ Чижова С. Как менялся рынок жилой недвижимости за 20 лет // Элитный квартал: [сайт]. URL: <http://elitny.ru/kak-menyalysya-rynok-zhiloy-nedvizhimosti-za-20-let/> (дата обращения: 07.08.2024); Жилищная потребность и спрос на жильё в России. М.: Фонд «Институт экономики города», 2022. 26 с. URL: https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/zhilishchnaya_potrebност_i_spros_na_zhile_v_rossii_oktyabr_2022.pdf (дата обращения: 07.08.2024).

⁵ Например, коэффициент доступности жилья (показывающий число лет, в течение которых семья может накопить на квартиру при предположении, что все получаемые денежные доходы будут откладываться на приобретение квартиры) снизился с 5,0 в 2000 г. до 3,7 в 2023 г. (на вторичном рынке – с 4,3 до 3,5, на первичном рынке – с 5,7 до 3,9); доля семей, имеющих возможность приобрести жильё, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями (54 кв.м. для семьи из 3 человек), с помощью собственных и заёмных средств увеличилась с 18,6% в 2006 г. до 54,5% в 2023 г. См.: Мониторинг доступности жилья в России, а также в разрезе регионов и крупнейших городских агломераций // Институт экономики города: [сайт]. URL: <https://www.urbanomics.ru/research/project/monitoring-dostupnosti-zhilya-v-rossii-takzhe-v-razreze-regionov-i-krupneyshih> (дата обращения: 07.08.2024).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

² Жилищные условия // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 07.08.2024).

³ Чижова С. Как менялся рынок жилой недвижимости за 20 лет // Элитный квартал: [сайт]. URL: <http://elitny.ru/kak-menyalysya-rynok-zhiloy-nedvizhimosti-za-20-let/> (дата обращения: 07.08.2024); Жилищная потребность и спрос на жильё в России. М.: Фонд «Институт экономики города», 2022. 26 с. URL: https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/zhilishchnaya_potrebност_i_spros_na_zhile_v_rossii_oktyabr_2022.pdf (дата обращения: 07.08.2024); Ипотеке в РФ 15 лет: история раз-

Как показывают мониторинговые исследования, в период с начала 2000-х годов, несмотря на снижение доли жилищной бедности, у большей части (более 80%) населения не обеспечены социально приемлемые или хорошие жилищные условия, определяемые размерами площади жилища, просторностью, благоустроенностью⁶, их жилищные условия являются наиболее плохими, плохими или ниже социально приемлемых [2]. Имеются проблемы с благоустройством жилища в сельской местности [напр., 3], доступности ипотеки [напр., 4], недостаточного развития системы социальной аренды [напр., 5] для улучшения жилищных условий.

Данная работа направлена на рассмотрение жилищных условий домохозяйств с детьми, которые, как следует из ранее полученных оценок авторов, у более 70% (2022 г.) характеризуются как наиболее плохие или плохие [6]. Домохозяйства с детьми являются наиболее уязвимыми с точки зрения рисков снижения качества жилищных условий в силу объективных причин: с появлением первого (последующего) ребёнка при неизменных характеристиках жилища количественно измеряемые показатели жилищных условий (размер площади жилища на человека) будут «ухудшаться», сохраняясь на «сниженном» уровне пока ребёнок (дети) проживает совместно с родителями или домохозяйство не переберётся в более просторное жилище. Цель данной работы состояла в выявлении качества жилищных условий, идентифицируемого на основе оригинальной системы социальных стандартов, в домохозяйствах с учётом возраста ребёнка (детей).

Объектом исследования выступают российские домохозяйства с ребёнком (детьми), составляющие две их «крайние» группы, имея в виду возраст ребёнка (детей): первая группа – домохозяйства с ребёнком (детьми) в возрасте от 0 до 1,5 лет, т.е. родившимися в начале 2020-х годов; вторая группа – домохозяйства с ребёнком (детьми) в возрасте 15–17 лет, т.е. родившимися в начале 2000-х годов, которые в тот период соответствовали условиям определения первой группы. Предмет исследования – жилищные условия. Таким образом, жилищная проблема рассматривается почти в 20-летней ретроспективе: определяются «стартовые» жилищные условия для домохозяйств, в которых только появился ребёнок (дети) (первая группа), а также жилищные условия домохозяйств, у которых

ребёнок (дети) появился 15–17 лет назад (вторая группа), и которые могли за прошедшее время изменить свои «стартовые» жилищные условия, которые у них были на момент рождения первого ребёнка.

Гипотеза исследования заключалась в том, что распределение по качеству жилищных условий в домохозяйствах с детьми младшей возрастной группы (до полутора лет) в положительную сторону отличается от аналогичного распределения в домохозяйствах с детьми старшей возрастной группы (15–17 лет).

Результаты исследования могут быть востребованы при актуализации программно-целевого инструментария государственной политики, направленного на достижение национальных целей в области жилищной обеспеченности на период до 2030–2036 гг.

Теоретические и методологические положения

Жилищные условия в научно-исследовательской практике анализируются на основе широкой палитры измерителей: тип жилья, проживания, размер площади жилища, его благоустроенность и пр. [напр., 7; 8; 9]. Характеристики жилья также служат основой для проведения различных классификаций, основываясь на анализе тех или иных параметров [10; 11; 12 и др.]. Например, на основе градации параметров площади жилья, стеснённости проживания, субъективных оценок жилищных условий, наличия помимо основного жилья другого недвижимого имущества идентифицируется качественно различающиеся модели уровня жизни [13]. Комплексный взгляд на параметры жилья позволяет идентифицировать различное качество жилищных условий, к примеру, выявлять тяжёлые жилищные условия при наличии показателей жилищных лишений, перенаселённости жилища и др. [14; 15], или низкое качество жилья при отсутствии доступа к элементарным санитарным услугам и воздействию загрязняющих веществ от отопления [16]. Оценивание качества жилья может также базироваться на индексном подходе [17; 18].

В данной работе *качество жилищных условий* идентифицируется на основе применения оригинальной системы социальных стандартов для сопоставления фактических параметров жилища с нормативными, заложенными в стандартах разного уровня (таблица 1). Стандарты позволяют дифференцировать жилищные условия по их качеству – от наиболее плохих до хороших – на основе оценивания жилища по комплексу его параметров [19].

⁶ Не менее 23 кв.м. на чел., не менее 1 комнаты на чел., наличие благоустройств (централизованного электро-, водоснабжения, центрального отопления и централизованной канализации, горячего водоснабжения, ванны/душа, напольной плиты (газовой/ электрической), а также наличие доступа в Интернет) [2].

Таблица 1

Социальные стандарты жилищной обеспеченности: уровень, параметры и требования

Table 1

Social Standards of Housing Security: Level, Parameters and Requirements

Уровень стандарта	Параметры стандарта	Требования стандарта	Качество жилищных условий ***
Минимальный	Размер площади жилища	Жилая площадь не менее 6 м ² /чел.	Наиболее плохие / Плохие
	Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания	Наличие централизованного электроснабжения, канализации, централизованного водоснабжения (или из индивидуальной артезианской скважины*), центрального отопления (или от индивидуальных установок, котлов*)	
Низкий	Размер площади жилища	Общая площадь не менее 16 м ² /чел.	Плохие / Ниже социально приемлемых
	Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания	Не ниже требований минимального стандарта, а также: наличие центрального горячего водоснабжения (или от местных (индивидуальных) водонагревателей*), напольной плиты (газовой/ электрической), наличие в жилище в индивидуальном доступе** кухни, душа/ванны и туалета	
	Безопасность условий проживания	Проживание не в аварийном жилом многоквартирном доме. Отсутствие для жилья (индивидуальный дом) опасности возникновения наводнений, паводков, подтоплений, пожароопасной ситуации	
Социально приемлемый	Размер площади жилища	Общая площадь не менее 23 м ² /чел.	Ниже социально приемлемых / Социально приемлемые
	Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания, безопасность условий проживания	Не ниже требований низкого стандарта, а также наличие доступа в Интернет	
	Просторность жилища	Количество жилых комнат (К) в жилище соответствует числу проживающих (n): К = n	
Высокий	Размер площади жилища	Общая площадь не менее 40 м ² /чел.	Социально приемлемые / Хорошие
	Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания, безопасность условий проживания	Не ниже требований социально приемлемого стандарта	
	Просторность жилища	Количество жилых комнат (К) в жилище превышает число проживающих (n): К > n	

Примечания: * Для сельских населенных пунктов. ** Находятся не в местах общего пользования/ в отдельном строении/ в дворовой постройке. *** Качество жилищных условий на основе сопоставления фактических параметров жилища с требованиями стандартов: в случае несоответствия / в случае соответствия.

Источник: составлено на основе [19].

Данные и методы

Эмпирическую основу для реализации цели исследования составили данные Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), проводимого Росстатом. Были востребованы наиболее актуальные на момент проведения исследования данные – собранные в 2022 г. КОУЖ было организовано во всех субъектах с охватом

60 тыс. домохозяйств.⁷ Для реализации замысла исследования в выборке КОУЖ-2022 были отобраны домохозяйства с ребёнком (детьми), возраст которого(-ых) составляет от 0 до 1,5 лет или от 15 до 17 лет (всего – более 3,5 тыс. домохозяйств).

⁷ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 01.06.2024).

Для отобранных домохозяйств проводилось оценивание качества жилищных условий (объективное измерение) на основе сравнения фактических параметров жилища с установленными в требованиях социальных стандартов (таблица 1). Кроме того, для домохозяйств с выявленными наиболее плохими и плохими жилищными условиями, т.е. с качеством жилищных условий, свидетельствующим на основе объективного измерения о необходимости его повышения, дополнительно рассматривался субъективный срез проблемы – через субъективные оценки самими домохозяйствами потребности и стратегий улучшения жилищных условий.

Результаты исследования

Проведённое оценивание на данных КОУЖ-2022 показало, что композиция распределения домохозяйств по качеству жилищных условий, учитывающего возраст ребёнка (детей) (таблица 2), схожа с ранее выявленным распределением по домохозяйствам с ребёнком (детьми) в целом [6]: преобладают жилищные условия, которые идентифицируются как наиболее плохие или плохие.

Так, среди домохозяйств с ребёнком (детьми) в возрасте до полутора лет доля имеющих наиболее плохие или плохие жилищные условия составила в 2022 г. 64,6%, в том числе доля проживающих в состоянии жилищной бедности (с наиболее плохими жилищными условиями) – 25,6%. Среди домохозяйств с ребёнком (детьми) в возрасте 15–17 лет аналогичное качество жилищных условий встречается чаще. Доля домохозяйств, жилище которых не отвечает минимальному или низкому социальным стандартам, в случае наличия ребёнка (детей) старшей возрастной группы (15–17 лет) повышается до 72,5% (+7,9 п.п.), в том числе доля имеющих наиболее плохие жилищные условия – до 41,4% (+15,8 п.п.).

В случае наличия ниже социально приемлемых жилищных условий ситуация обратная: 20,3% среди домохозяйств с ребёнком (детьми) 15–17 лет, что на 8,4 п.п. меньше по сравнению с домохозяйствами с ребёнком (детьми) младшей возрастной группы (28,7%). Доля имеющих социально приемлемые или хорошие жилищные условия сопоставимы – 6,7% в первой группе и 7,2% во второй группе рассматриваемых домохозяйств.

Таблица 2

Качество жилищных условий на основе социальных стандартов домохозяйств с ребенком (детьми) в возрасте до 1,5 лет и 15–17 лет с учётом места их проживания, %, 2022 г.

Table 2

The Quality of Housing Conditions Based on Social Standards of Households with a Child (Children) under the Age of 1.5 Years and 15–17 Years, Taking into Account Their Place of Residence, %, 2022

Качество жилищных условий	Домохозяйства с ребёнком (детьми) до 1,5 лет	В том числе проживающие:		Домохозяйства с ребёнком (детьми) 15–17 лет	В том числе проживающие:	
		в городских населённых пунктах	в сельских населённых пунктах		в городских населённых пунктах	в сельских населённых пунктах
Наиболее плохие или плохие	64,6	60,5	89,0	72,5	64,5	92,6
В том числе:						
Наиболее плохие	25,6	17,7	72,7	41,4	24,2	84,9
Ниже социально приемлемых	28,7	32,0	9,0	20,3	26,0	6,1
Социально приемлемые или хорошие	6,7	7,5	2,0	7,2	9,5	1,3

Источник: оценка на основе данных КОУЖ-2022.

Полученное распределение по качеству жилищных условий для домохозяйств с ребёнком (детьми) разных возрастных групп можно объяснить их социально-демографическим портретом. Среди домохозяйств с ребёнком (детьми) старшей возрастной группы (15–17 лет), проживающих в сельских населённых пунктах, почти в два раза больше (28,4%) по сравнению с группой домохозяйств (14,3%) с ребёнком (детьми) младшей возрастной группы (до 1,5 лет). Для сельских жителей в отличие от городских, как выявлено в

более ранних исследованиях, показатели распространённости качества жилищных условий, не удовлетворяющих минимальному или низкому социальным стандартам, более высокие, и связаны, прежде всего, с более низким уровнем благоустроенности их жилищ [20].

Вместе с тем, проведённое рассмотрение качества жилищных условий в двух выделенных группах домохозяйств в разрезе места их проживания в целом подтвердило полученные «усреднённые» данные, не учитывающие данный

фактор. В домохозяйствах с ребёнком (детьми) старшей возрастной группы (15–17 лет) показатели наличия наиболее плохих или плохих жилищных условий более высокие – как в городе, так и на селе (таблица 2). В частности, доля имеющих наиболее плохие жилищные условия среди городских домохозяйств с детьми в случае наличия ребёнка (детей) в возрасте до полутора лет и 15–17 лет составляет 17,7% и 24,2% (+6,5 п.п.), среди аналогичных групп сельских домохозяйств – 72,7% и 84,9% (+12,2 п.п.).

На оцениваемые количественные параметры жилища влияет численный состав домохозяйств. В данном социально-демографическом срезе рассматриваемых домохозяйств имеются различия. В домохозяйствах с ребёнком (детьми) до полутора лет, как правило, только один ребёнок (более 90%). Среди домохозяйств с ребёнком (детьми)

в возрасте 15–17 лет, помимо домохозяйств с одним ребёнком (54,5%) также есть домохозяйства с двумя детьми (30,9%) и многодетные домохозяйства (14,6%). Это может частично объяснять более низкие показатели качества жилищных условий при «прочих равных условиях» в аспекте состава домохозяйств (в данном исследовании не рассматривается число взрослых членов домохозяйств). Проведённое дополнительное рассмотрение качества жилищных условий в двух группах домохозяйств при заданных равных условиях в аспекте числа детей (таблица 3) – только с одним ребёнком соответствующего возраста – показало для домохозяйств с ребёнком старшей возрастной группы более высокую долю имеющих наиболее плохие жилищные условия (34,9%, +9,9 п.п.), а также социально приемлемые или хорошие условия (12,2%, +5,0 п.п.).

Таблица 3

Качество жилищных условий на основе социальных стандартов домохозяйств с ребенком (детьми) в возрасте до 1,5 лет и 15–17 лет: в целом и только с одним ребенком соответствующего возраста, %, 2022 г.

Table 3

The Quality of Housing Conditions Based on Social Standards of Households with a Child (Children) under the Age of 1.5 Years and 15–17 Years: in General and with Only One Child of the Appropriate Age, %, 2022

Качество жилищных условий	Домохозяйства с ребёнком (детьми) до 1,5 лет	В том числе с одним ребёнком	Домохозяйства с ребёнком (детьми) 15–17 лет	В том числе с одним ребёнком
Наиболее плохие или плохие	64,6	62,7	72,5	60,4
В том числе:				
Наиболее плохие	25,6	25,0	41,4	34,9
Ниже социально приемлемых	28,7	30,1	20,3	27,4
Социально приемлемые или хорошие	6,7	7,2	7,2	12,2

Источник: оценка на основе данных КОУЖ-2022.

При этом по уровню душевых денежных доходов⁸ домохозяйства с ребёнком (детьми) до 1,5 лет и 15–17 лет находятся в сопоставимых условиях. Распределение в двух группах домохозяйств схоже – преобладают (55–60%) низкообеспеченные (с доходами от 1 до 2 границ бедности (ГБ)), наименее обеспеченные (доходы менее 1 ГБ) составляют 16–20%, а средне- и высокообеспеченные (доходы не менее 3,1 ГБ) – только 5–6% (рисунок 1). Соответственно, независимо от трудового положения домохозяйств (наличие и число работающих, уровень их доходов от занятости и пр.), наличия и уровня доходов из других источников помимо трудовой деятельности, перераспределение

имеющихся доходов в домохозяйствах с учётом фактической иждивенческой нагрузки в целом примерно выравнивает ситуацию в двух рассматриваемых группах домохозяйств.

В то же время домохозяйства находятся в разных условиях с точки зрения расходов на жильё (ипотека, аренда), а также возможности распоряжаться жильём для решения задач улучшения жилищных условий, которые у большинства рассматриваемых домохозяйств являются наиболее плохими или плохими. У домохозяйств с детьми старшей возрастной группы (15–17 лет) жильё, как правило, находится в собственности (более 90%), только около 7% проживают в жильё, которое им не принадлежит (социальный найм, аренда и пр.) (таблица 4). За прошедшее время после рождения (первого) ребёнка у них уже сформиро-

⁸ Для оценивания уровня доходов были востребованы стандарты денежных доходов [21], границы которых с учётом данных КОУЖ для сравнения с фактическими доходами применялись в пересчёте к величине границы бедности.

ровалась («устоялась») модель условий проживания. В частности, они уже могли (в случае объективных возможностей и субъективных потребностей) улучшить качество жилищных условий,

в том числе в рамках действующих мер государственной поддержки. Так, около 7–9% (с учётом качества жилищных условий) в 2022 г. продолжали выплачивать ипотечные кредиты за жильё.

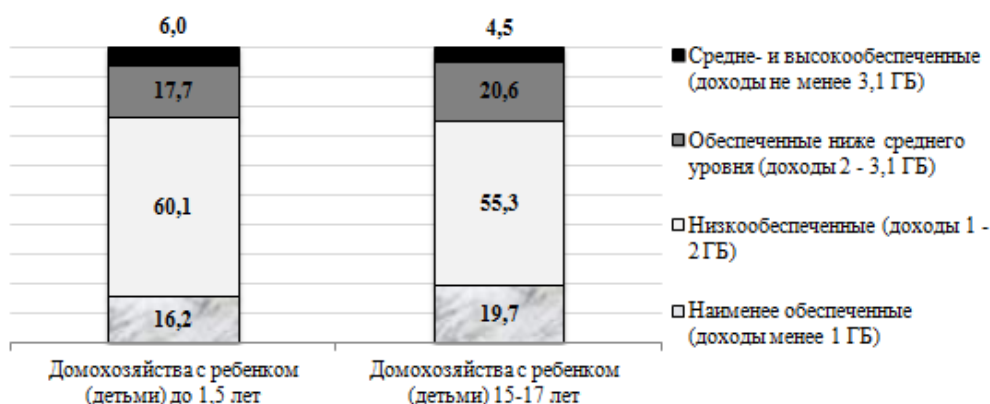

Рисунок 1. Группировка домохозяйств с ребёнком (детьми) в возрасте до 1,5 лет и 15–17 лет по уровню душевых денежных доходов, %, 2022 г.

Figure 1. Grouping of Households with a Child (Children) under the Age of 1.5 Years and 15–17 Years by the Level of Per Capital Monetary Income, %, 2022

Примечание: ГБ – граница бедности.

Источник: оценка на основе данных КОУЖ-2022.

Домохозяйства с детьми до полутора лет находятся только в начале своего жизненного цикла. Среди данной группы домохозяйств относительно группы домохозяйств с детьми старшей возрастной группы меньше доля (около 70–75% с учётом качества жилищных условий) владеющих

жильём, но больше доля (около 15–20%) выплачивающих ипотеку за жильё. Также среди них кратко больше доля (порядка 25–30%) проживающих в жильё, которое им не принадлежит (социальный найм, аренда и пр.).

Таблица 4

Наличие собственности на жильё у домохозяйств с ребёнком (детьми) в возрасте до 1,5 лет и 15–17 лет, %, 2022 г.

Table 4

Ownership of Housing in Households with a Child (Children) under the Age of 1.5 Years and 15–17 Years, %, 2022

	Домохозяйства с ребёнком (детьми) до 1,5 лет	Домохозяйства с ребёнком (детьми) 15–17 лет
I. Домохозяйства в целом		
Жильё находится в собственности домохозяйства, всего	75,2	92,6
в том числе с использованием ипотечных средств (ипотека выплачивается)	18,9	8,8
Жильё находится в собственности государства, муниципалитета, юридического или частного лица	24,8	7,4
II. Домохозяйства с наиболее плохими и плохими жилищными условиями		
Жильё находится в собственности домохозяйства, всего	70,4	92,7
в том числе с использованием ипотечных средств (ипотека выплачивается)	14,2	7,2
Жильё находится в собственности государства, муниципалитета, юридического или частного лица	29,6	7,3

Источник: оценка на основе данных КОУЖ-2022.

Для домохозяйств с наиболее плохими и плохими жилищными условиями, т.е. у которых жилище не удовлетворяет требованиям минимального или низкого социальных стандартов, также рассматривались их субъективные оценки имеющихся жилищных условий. Полученные данные

показали, что из числа имеющих объективные показатели к улучшению качества жилищных условий не все домохозяйства считают это необходимым в настоящее время, при этом они выбирают разные стратегии решения жилищного вопроса (таблица 5).

Таблица 5

Распределение домохозяйств с ребенком (детьми) в возрасте до 1,5 лет и 15–17 лет, имеющих наиболее плохие и плохие жилищные условия, по наличию потребности и стратегиям улучшения жилищных условий, %, 2022 г.

Table 5

Distribution of Households with a Child (Children) under the Age of 1.5 Years and 15–17 Years, with Poor and Worst Housing Conditions, by Need and Strategies for Improving Housing Conditions, %, 2022

	Домохозяйства с ребёнком (детьми) до 1,5 лет	Домохозяйства с ребёнком (детьми) 15–17 лет
Домохозяйства с наиболее плохими или плохими жилищными условиями на основе сопоставления параметров жилища с требованиями стандартов	64,6	72,5
из них:		
Указали на потребность в настоящее время в улучшении жилищных условий	46,3	39,9
в том числе указали на необходимость в настоящее время улучшить жилищные условия посредством:		
ремонта, перепланировки имеющегося жилья	21,7	39,1
увеличения площади, переезда в более комфортабельный, удобный дом, район	56,4	45,5
разделения площади, дополнительного отдельного жилья	6,2	6,4
переезда в другую местность (в другой регион)	5,7	2,3
другого улучшения	10,0	6,7
Собираются улучшить свои жилищные условия в ближайшие 2–3 года	35,5	22,5
в том числе предполагают следующие варианты улучшения жилищных условий в ближайшие 2–3 года:		
вселиться в жилое помещение, строительство которого ведётся в настоящее время (или участвуют в долевым строительстве)	7,6	8,8
подать документы для постановки на очередь и/или ожидают прохождения очереди на улучшение жилищных условий (в т.ч. полностью за счёт субсидии на покупку жилого помещения и др.)	5,3	5,0
получение нового жилья в связи со сносом дома	7,5	4,4
купить (построить) другое жильё (в т.ч. частично с использованием субсидии на покупку жилого помещения и др.)	45,0	22,0
снимать (арендовать) жильё	6,6	2,4
другой способ (капитальный ремонт, перепланировка и др.)	28,0	57,4

Источник: оценка на основе данных КОУЖ-2022.

Так, среди домохозяйств с ребёнком (детьми) до полутора лет, чьи жилищные условия на основе сопоставления с требованиями социальных стандартов являются наиболее плохими или плохими (64,6%), заявили о потребности в настоящее время улучшить жилищные условия только 46,3%. Те, кто не указали на такую потребность в настоящее время, вероятно, планируют это

сделать в ближайшей перспективе (35,5%). Или, возможно, уже это сделали – 14,2% выплачивают ипотечный кредит (таблица 4), который, видимо, позволил им приобрести жильё недостаточной (по требованиям социальных стандартов) площади, но обеспечил домохозяйству с малолетним ребёнком возможность жить в отдельном жилье. Те домохозяйства, которые указали на текущую

потребность улучшить жилищные условия, прежде всего, нуждаются в увеличении площади, переезде в более комфортабельный, удобный дом, район (56,4%) или ремонте, перепланировке имеющегося жилья (21,7%) (таблица 5). Те, кто планируют улучшить жилищные условия в ближайшие 2–3 года, собираются купить (построить) другое жильё (45,0%) или ожидают получения нового жилья (15,1%) – которое уже строится (7,6%) или будет предоставлено взамен имеющегося после его сноса (7,5%). 5,3% рассчитывают решить жилищный вопрос как «очередники», 6,6% – за счёт аренды другого жилья. 28,0% рассматривают другой способ улучшения жилищных условий – капитальный ремонт, перепланировка и т.п.

Домохозяйства с ребёнком (детьми) 15–17 лет, проживающие в жилище, характеризующемся наиболее плохими или плохими жилищными условиями (72,5%), которое в подавляющем большинстве находится у них в собственности (92,7%, таблица 4), реже относительно домохозяйств с ребёнком (детьми) до 1,5 лет заявляют о наличии потребности улучшить жилищные условия (39,9%, -6,4 п.п.) (таблица 5). Те же, кто указывают на такую потребность, чаще говорят о необходимости ремонта (перепланировки) жилья (39,1%, +17,4%) и реже о необходимости увеличения площади, переезда в более комфортабельный, удобный дом, район (45,5%, -10,9%). 22,5% домохозяйств с ребёнком (детьми) старшей возрастной группы собираются улучшить жилищные условия в ближайшие 2–3 года. Прежде всего, они планируют сделать это за счёт капитального ремонта, перепланировки и т.п. (57,4%, +29,4%) или же покупки (строительства) другого жилья (22,0%, -23,0 п.п.). В данной группе домохозяйств, в отличие от имеющих ребёнка (детей) до 1,5 лет, среди тех, кто собираются в перспективе 2–3 лет купить (построить) другое жильё, вероятно, есть те домохозяйства, которые планируют это для своих детей, которые к этому времени уже станут совершеннолетними.

Заключение

Качество жилищных условий выступает одним из индикаторов качества жизни домохозяйств с детьми, условий, в которых растут и воспитываются дети, формируется человеческий потенциал, который будет определять перспективы развития страны, её экономики. В данной работе представлены результаты рассмотрения качества жилищных условий домохозяйств с детьми в зависимости от их возраста: для домохозяйств, в которых ребёнок (дети) появился в начале 2020-х гг., и домохозяйств, в которых ребёнок (дети) появился в начале 2000-х гг. Данный методологический приём позволил взглянуть на

жилищную проблему в ракурсе 20-летней ретроспективы, рассмотрев «стартовые» жилищные условия для современных домохозяйств, в которых ребёнок только появился, а также для домохозяйств, которые вступили в аналогичный этап жизненного цикла почти 20 лет назад и уже прошли определённый путь в формировании жилищной обеспеченности после изменения состава домохозяйства (появление ребёнка).

Полученные результаты позволяют сделать следующие предварительные выводы, которые должны быть проверены в ходе дальнейших более детальных исследований.

В домохозяйствах, в которых ребёнок появился в начале 2020-х гг. (первая группа), менее распространены наиболее плохие и плохие жилищные условия по сравнению с домохозяйствами, в которых ребёнок (дети) появились в начале 2000-х гг. (вторая группа). Это может свидетельствовать о снижении рисков бедности и низко обеспеченности по жилищным условиям за прошедший почти 20-летний период на фоне развития жилищной политики государства, инструментов улучшения жилищных условий населения. Позитивные изменения в жилищных условиях населения фиксируются как при оценивании показателей (размер площади жилища, благоустроенность и пр.) жилищной обеспеченности на уровне домохозяйств/населения [1; 2; 21], так и на уровне макропоказателей⁹. Выявленные более высокие риски проживания в жилище более низкого качества для домохозяйств с ребёнком (детьми), которые родились в начале 2000-х гг., могут быть следствием действия различных факторов, в том числе изменения социально-демографического профиля домохозяйств с детьми. Среди домохозяйств с ребёнком (детьми), который родился в начале 2000-х гг., в отличие от домохозяйств, в которых ребёнок (дети) появился в начале 2020-х гг., больше доля проживающих на селе. Это соответствует тенденции перемещения населения из сельской в городскую местность, сокращения численности сельского и увеличения доли городского населения (с 27% и 73% в начале 2000-х гг. до 25% и 75% в начале 2020-х гг.¹⁰). В сельской местности,

⁹ Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года) увеличилась в среднем с 19,2 кв.м. в 2000 г. до 28,8 кв.м. в 2023 г., в городской местности – с 18,9 до 28,3 кв.м., в сельской местности – с 19,9 до 30,4 кв.м.; удельный вес площади жилых помещений, оборудованной одновременно водопроводом, водоотведением (канализацией), отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами, в среднем вырос с 49,4% в 2001 г. до 73,1% в 2023 г., в городских поселениях – с 61,9% до 83,4%, в сельской местности – с 16,6% до 44,3%. См.: Жилищные условия // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁰ Численность населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.08.2024).

как правило, по сравнению с городом выше риски жилищной бедности и низкообеспеченности, обусловленные низким уровнем благоустроенности жилища [1; 20]. Данные риски, выявленные для сельских домохозяйств с детьми в двух рассматриваемых группах, подтверждают сохраняющуюся актуальность проблемы обеспечения жилища на селе разными видами благоустройств.

Место жительства (городские/сельские населённые пункты, их размер и т.д.) в целом является существенным «фактором», определяющим потребности и возможности улучшения жилищных условий для домохозяйств с детьми – износ жилищного фонда, состояние рынка недвижимости (первичной, вторичной), жилой аренды, меры и программы поддержки в области улучшения жилищных условий (расселение аварийного жилья, предоставление жилья состоящим на учёте в качестве нуждающихся и пр.) и др. Важным «фактором» также являются общие экономические условия в области повышения жилищной обеспеченности – инструменты улучшения жилищных условий, цены на рынке недвижимости, ставки по ипотечным кредитам и пр. За прошедшие 20 лет все эти «стартовые» условия, в которых приходится действовать домохозяйствам с детьми для улучшения своих жилищных условий, изменились. В частности, материнский капитал на улучшение жилищных условий стали выдавать с 2007 г., семейная ипотека появилась в 2018 г., льготная ипотека – в 2020 г. Помимо внешних, имеют место и внутренние «стартовые» условия, влияющие на потребности и возможности домохозяйств улучшить свои жилищные условия – качество жилищных условий родителей на момент рождения ребёнка, а также доступность механизмов улучшения жилищных условий (аренда, ипо-

тека и т.п.), требующих привлечения собственных ресурсов домохозяйств (доходная обеспеченность, наличие ликвидного имущества и пр.). «Сумма» всех этих внешних и внутренних обстоятельств определяет для домохозяйств с детьми начала 2000-х и 2020-х гг. имеющиеся жилищные условия. Их динамика в дальнейшем будет определять возможности улучшения жилищных условий в домохозяйствах с детьми – условия развития и воспитания детей младшей возрастной группы, жилищные «перспективы» детей старшей возрастной группы, а также для создания новых семей (будущее поколение).

Поддержка со стороны государства в решении жилищного вопроса для домохозяйств с детьми имеет большое значение, поскольку не все домохозяйства с детьми, у которых есть потребность улучшить жилищные условия, располагают достаточными ресурсами для решения данной задачи через ипотечные программы. По оценкам авторов, среди домохозяйств с детьми, имеющих наиболее плохие и плохие жилищные условия, большинство (около 80%) имеют душевые денежные доходы менее одно- или двукратной величины регионального прожиточного минимума [6], т.е. повышение качества жилищных условий через рыночные механизмы для них затруднительно. Для таких домохозяйств должны быть проработаны неипотечные механизмы улучшения жилищных условий. Соответствующее поручение профильным министерствам уже дано председателем Правительства России М.В. Мишустинным в рамках завершения подготовки нового национального проекта «Семья» – инструменты улучшения жилищных условий с указанием источников финансового обеспечения расходов на эти цели должны быть проработаны до 1 сентября 2024 г.¹¹

Список литературы

1. Тихонова Н.Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоёв населения России: 2003–2018 гг // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Том 6. № 3(23). С. 7–25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000> EDN YAVJLF
2. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одицова Е.В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 78–107. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107> EDN YGFLOH
3. Шнейдерман И.М., Пилипенко И.В. Модернизация системы водоснабжения и водоотведения в сельской местности как фактор повышения качества жизни населения России // Народонаселение. 2023. Том 26. № 1. С. 147–159. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.12> EDN SZILDL

¹¹ Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии, посвящённой новому национальному проекту «Семья» // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/news/> (дата обращения: 08.08.2024).

4. Мирошниченко Т.А. Сельская ипотека: первые итоги, проблемы и способы повышения финансовой доступности для сельских жителей // *Аграрный вестник Урала*. 2022. № 2(217). С. 90–100. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-217-02-90-100> EDN PYGZEY
5. Нацун Л.Н. Оценка потребности и возможностей семей с детьми в улучшении жилищных условий // *Проблемы развития территории*. 2023. Том 27. № 5. С. 150–167. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.10> EDN YXARJO
6. Odintsova E.V., Chashchina T.V., Mochalov D.A. Features of the Standard of Living and Labor Situation in Households with Children and without Them // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023. Vol. 16. No. 5. P. 155–171. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.9> EDN YEQLZL
7. Жилищная и имущественная обеспеченность домохозяйств / И.М. Шнейдерман, В.И. Гришанов, А.К. Гузанова, Н.Н. Ноздрин // *Народонаселение*. 2016. № 1(71). С. 42–53. EDN VRCRPR
8. Скальная М.М. Комфортная среда на селе через призму жилищных условий // *Экономика сельского хозяйства России*. 2023. № 7. С. 121–128. <https://doi.org/10.32651/237-121> EDN SEXACF
9. Housing Wellbeing and Settlement Intentions of Skilled Migrants in China: the Effects of Subjective Housing Feelings and Objective Housing Outcomes / H. Du, M. Xu, Y. Wang, L. Chen // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 983–1015. <https://doi.org/10.1007/s12061-024-09573-y>
10. Караваева Е.Ю., Черкашина Т.Ю. Жилищные отношения, политика и условия // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2015. № 6(130). С. 118–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.07> EDN VVTPCV
11. Alipour S., Meshkini A. Livable Housing: Representation of Life in Urban Neighborhoods Housing, Karaj Metropolis, Iran // *Environment, Development and Sustainability*. 2024. 6 March. <https://doi.org/10.1007/s10668-024-04552-2>
12. Marçal K.E., Fowler P.J., Barr N. A Typology of Family Housing Insecurity: Impacts of Caregiver Depression and Substance Use. *Journal of Child and Family Studies*. 2023. Vol. 32. Issue 10. P. 3288–3298. <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02642-9>
13. Малева Т.М., Бурдяк А.А., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. № 3(27). С. 109–139. EDN UKWDDV
14. Developing a Methodology for Identifying Urban Neighborhoods with Severe Housing Deprivation in Iran / E. Zebardast, H. Mazaherian, M. Rahmani, M.J. Nouri // *Social Indicators Research*. 2024. Vol. 172. Issue 1. P. 29–58. <https://doi.org/10.1007/s11205-023-03297-1>
15. Hick R., Pomati M., Stephens M. Severe Housing Deprivation in the European Union: a Joint Analysis of Measurement and Theory // *Social Indicators Research*. 2022. Vol. 164. Issue 1. P. 1271–1295. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02987-6>
16. Hajdu T., Kertesi G., Szabó B. Poor Housing Quality and the Health of Newborns and Young Children // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article No. 12890. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-63789-z>
17. Chambon D., Gerszten J. A Statistical Framework for Analyzing Housing Quality: a Case Study of New York City // *Computational Statistics*. 2023. Vol. 38. No. 4. P. 1669–1685. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01394-w>
18. Shen X., Luo S., Zhang M. House Quality Index Construction and Rent Prediction in New York City with Interactive Visualization and Product Design // *Computational Statistics*. 2023. Vol. 38. No. 4. P. 1629–1641. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01391-z>
19. Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Особенности имущественной обеспеченности семей с детьми в городе и на селе // *АПК: экономика, управление*. 2023. № 9. С. 107–116. <https://doi.org/10.33305/239-107> EDN GKDVOM
20. Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. Features of Housing Provision for Rural and Urban Populations // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91. Issue 4. P. 473–481. <https://doi.org/10.1134/S1019331621040122>
21. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год: [ежегодник] / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, И.Б. Колмаков [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. Вып. 1(202). М.: ИЭ РАН, 2023. 166 с. ISBN 978-5-9940-0736-5 EDN YYFJOY

Информация об авторах:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, руководитель научного проекта, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 1866-4793) (РИНЦ Author ID: 999153) (ResearcherID: U-7061-2019)

Татьяна Викторовна Чащина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 1770-4231) (РИНЦ Author ID: 591597) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

Мария Борисовна Козлова – младший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 6857-0195) (РИНЦ Author ID: 1266659) (ResearcherID: JEZ-5874-2023)

Денис Александрович Мочалов – стажер-исследователь, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики Российской академии наук

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Одинцова – постановка проблемы, разработка концепции статьи, обзор исследований и публикаций, анализ данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Т.В. Чащина – обзор исследований и публикаций, анализ результатов исследования.

М.Б. Козлова – подготовка, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования.

Д.А. Мочалов – подготовка, обработка и анализ данных, графическое и табличное представление данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Елена Валерьевна Одинцова.

Статья поступила в редакцию 31.08.2024; одобрена после рецензирования 08.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Tikhonova N.E. Dynamics of Socio-Economic Position of Russian Mass Strata: 2003–2018. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2018;6(3(23)):7-25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000> (In Russ.)
2. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Social Consequences of Thirty Years of Capitalist Reforms in Russia. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2022;(1):78–107. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107> (In Russ.)
3. Schneiderman I.M., Pilipenko I.V. Upgrading Water Supply and Wastewater Collection Systems in Rural Areas as a Way to Improve Quality of Life of the Population of Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2022;26(1):147-159. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.12> (In Russ.)
4. Miroshnichenko T.A. Rural Mortgage: the First Results, Problems and Ways to Increase Financial Accessibility for Rural Residents. *Agrarnyi vestnik Urala=Agrarian Bulletin of the Urals*. 2022;(2(217)):90–100. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-217-02-90-100> (In Russ.)
5. Natsun L.N. Assessing the Needs and Opportunities of Families with Children in Improving Housing Conditions. *Problemy razvitiya territoriy=Problems of Territory's Development*. 2023;27(5):150–167. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.10> (In Russ.)
6. Odintsova E.V., Chashchina T.V., Mochalov D.A. Features of the Standard of Living and Labor Situation in Households with Children and without Them. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(5):155–171. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.9>
7. Schneiderman I.M., Grishanov V.I., Guzanova A.K. Housing and Property Provision of Households. *Narodonaselenie=Population*. 2016;(1(71)):42-53. (In Russ.)
8. Skalnaia M.M. Mechanisms of Targeted Social Protection of Various Social Groups of the Poor Rural Population. *Ehkonomika sel'skogo khozyaystva Rossii=Economics of Agriculture of Russia*. 2023;(7):121-128. <https://doi.org/10.32651/237-121> (In Russ.)
9. Du H., Xu M., Wang Y., et al. Housing Wellbeing and Settlement Intentions of Skilled Migrants in China: the Effects of Subjective Housing Feelings and Objective Housing Outcomes. *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2024;17(3):983–1015. <https://doi.org/10.1007/s12061-024-09573-y>
10. Karavaeva E., Cherkashina T. Housing Relations, Policies and Conditions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015;(6(130)):118-135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.07> (In Russ.)
11. Alipour S., Meshkini A. Livable Housing: Representation of Life in Urban Neighborhoods Housing, Karaj Metropolis, Iran. *Environment, Development and Sustainability*. 2024;(March 6). <https://doi.org/10.1007/s10668-024-04552-2>
12. Marçal K.E., Fowler P.J., Barr N.A. Typology of Family Housing Insecurity: Impacts of Caregiver Depression and Substance Use. *Journal of Child and Family Studies*. 2023;32(10):3288–3298. <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02642-9>
13. Maleva T.M., Burdyak A.Ya., Tyndik A.O. Middle Classes at Different Stages of Life Course. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=The Journal of the New Economic Association*. 2015;(3(27)):109-139. (In Russ.)
14. Zebardast E., Mazaherian H., Rahmani M., et al. Developing a Methodology for Identifying Urban Neighborhoods with Severe Housing Deprivation in Iran. *Social Indicators Research*. 2024;172(1):29–58. <https://doi.org/10.1007/s11205-023-03297-1>
15. Hick R., Pomati M., Stephens M. Severe Housing Deprivation in the European Union: a Joint Analysis of Measurement and Theory. *Social Indicators Research*. 2022;164(3):1271–1295. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02987-6>
16. Hajdu T., Kertesi G., Szabó B. Poor Housing Quality and the Health of Newborns and Young Children. *Scientific Reports*. 2024;14(12890). <https://doi.org/10.1038/s41598-024-63789-z>
17. Chambon D., Gerszten J. A Statistical Framework for Analyzing Housing Quality: a Case Study of New York City. *Computational Statistics*. 2023;38(4):1669–1685. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01394-w>
18. Shen X., Luo S., Zhang M. House Quality Index Construction and Rent Prediction in New York City with Interactive Visualization and Product Design. *Computational Statistics*. 2023;38(4):1629–1641. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01391-z>
19. Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. Features of Property Security of Families with Children in Urban and Rural Areas. *APK: ehkonomika, upravlenie=AIC: Economics, Management*. 2023;(9):107-116. <https://doi.org/10.33305/239-107> (In Russ.)
20. Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. Features of Housing Provision for Rural and Urban Populations. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(4):473-481. <https://doi.org/10.1134/S1019331621040122>
21. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Kolmakov I.B., et al. *Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2022 god. Yearbook. Issue 1(202)*. Moscow: Institute of Economics of the RAS; 2023. 166 p. ISBN 978-5-9940-0736-5

Information about the authors:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Head of Scientific Project, Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1866-4793) (RSCI Author ID: 999153) (ResearcherID: U-7061-2019)

Tat'yana V. Chashchina – PhD in Economics, Senior Researcher, Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1770-4231) (RSCI Author ID: 591597) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

Mariya B. Kozlova – Junior Researcher, Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 6857-0195) (RSCI Author ID: 1266659) (ResearcherID: JEZ-5874-2023)

Denis A. Mochalov – Intern Researcher, Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Authors' declared contribution:

Elena V. Odintsova – formulation of the problem, development of the concept of the article, review of research and publications, data analysis, analysis of research results, formulation of research conclusions.

Tat'yana V. Chashchina – review of research and publications, analysis of research results.

Mariya B. Kozlova – preparation, processing and analysis of data, analysis of research results.

Denis A. Mochalov – preparation, processing and analysis of data, graphical and tabular representation of data.

The authors declare that there is no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Elena V. Odintsova.

The article was submitted 11.08.2024; approved after reviewing 08.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Оригинальная статья

УДК 365.2

JEL I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_6_555_570

EDN HWEVAS

Государственная политика по улучшению жилищных условий семей с детьми в современной России (2002–2024 гг.)

Татьяна Викторовна Чашчина

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(Chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Аннотация

Исследование посвящено проблеме жилищной обеспеченности российских семей с детьми. В данной статье освещаются методы государственного регулирования в области жилищной политики, направленные на улучшение жилищных условий семей с детьми. Рассмотрены нормативные законодательные акты, регулирующие жилищные отношения в современной России. Объектом исследования выступают семьи с детьми, предметом исследования – государственное регулирование в области социальной жилищной политики. Целью исследования явилось обобщение основных мер государственной поддержки, которыми могут воспользоваться семьи с детьми для улучшения своих жилищных условий, выявление динамики принятых мер государственной поддержки (изменений действующих мер – уточнение категорий получателей, условий). Информационную основу для реализации цели исследования составили федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации: федеральные законы; указы и другие акты президента РФ; постановления, распоряжения правительства РФ, регулирующие жилищные отношения в России. Выявлены основные государственные механизмы обеспечения жильём нуждающихся семей с детьми, даётся комплексное представление о состоянии жилищных программ в России в 20-летней ретроспективе. Сделаны выводы, что результате совершенствования законодательства государства в области жилищной политики значительно расширился инструментарий, механизмы и финансирование жилищной обеспеченности семей с детьми. Однако, несмотря на комплексные усилия государства по решению проблемы улучшения жилья, проблема жилищной обеспеченности семей с детьми всё ещё остро стоит в современной России, что свидетельствует о необходимости оптимизации мер государственной поддержки по улучшению жилищных условий. Результаты исследования могут быть востребованы при реализации мер финансовой государственной поддержки по улучшению жилищной обеспеченности населения, в том числе при реализации национальных проектов и государственных программ.

Ключевые слова: государственная жилищная политика, жильё, жилищная обеспеченность, социальная политика, приоритетные национальные проекты, социальная поддержка, жилищные программы

Для цитирования: Чашчина Т.В. Государственная политика по улучшению жилищных условий семей с детьми в современной России (2002–2024 гг.) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 4. С. 555–570. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_6_555_570
EDN HWEVAS

RAR (Research Article Report)

JEL I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_6_555_570

The State Policy for the Improvement of the Housing Conditions of Families with Children in Modern Russia (2002–2024 years)

Tat'yana V. Chashchina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(Chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Abstract

The research is devoted to the problem of housing security of Russian families with children. This article highlights the methods of state regulation in the field of housing policy aimed at improving the housing conditions of families with children. The normative-legislative acts regulating housing relations in Russia are considered. The object of the study is families with children, the subject of the research is government regulation in the field of social housing policy. The aim of the study was to summaries the main measures of state support available to families with children to improve their housing conditions, identification of the dynamics of adopted measures of state support (changes in existing measures - clarification of categories of recipients, conditions). The information basis for realization of the research objective was formed by federal legal and subordinate normative legal acts of the Russian Federation: federal laws; decrees and other acts of the President of the Russian Federation; decrees, orders of the Government of the Russian Federation regulating housing relations in Russia. The results of the study reveal the main state mechanisms for providing housing for families with children in need, and give a comprehensive view of the state of housing programmes in Russia in the 20-year retrospective. The conclusions are drawn that as a result of the improvement of the state legislation in the field of housing policy the tools, mechanisms and financing of housing security of families with children have significantly expanded. However, despite the comprehensive efforts of the state to solve the problem of housing improvement, the problem of housing security of families with children is still acute in modern Russia, which indicates the need to optimise the measures of state support to improve housing conditions. The results of the study may be in demand in the implementation of measures of financial state support to improve the housing security of the population, including the implementation of national projects and government programmes.

Keywords: state housing policy, housing, housing security, social policy, priority national projects, social support, housing programs

For citation: Chashchina T.V. The State Policy for the Improvement of the Housing Conditions of Families with Children in Modern Russia (2002–2024 years). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):555–570. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_6_555_570 (In Russ.)

Введение

Жилищная обеспеченность семей с детьми традиционно является одной из важнейших социальных задач, стоящих перед государством. Наиболее острой жилищная проблема стоит перед молодыми семьями с детьми. Настоящая работа посвящена рассмотрению комплекса мероприятий, проводимых государством, направленных на реализацию социальных задач по улучшению жилищных условий семей с детьми в 20-летней ретроспективе.

В представленном исследовании рассматривается острая проблема жилищной обеспеченности семей с детьми. Анализ исследований ряда российских учёных [1; 2; 3; 4] показывает, что для большинства семей с детьми из-за низкого уровня дохода улучшение жилищных условий без помощи государства недоступно. Решение жилищного вопроса рассматривается как условие демографической безопасности России [5; 6; 7]. Для решения социальных задач по улучшению жилищных условий семьям с детьми невозможно обойтись без таких государственных инструментов, как субсидирование [8]. Жилищные льготы различного вида и уровня (субсидирование, программы льготного кредитования, предоставление социального жилья и др.) предоставляет своим нуждающимся гражданам практически каждая страна в мире [9; 10; 11].

Имеющийся пробел в научном знании состоит в оценивании приращения/или его отсутствия в инструментах, механизмах и финансировании решения жилищной проблемы семей с детьми в период с 2000-х годов по н. время.

Объектом исследования выступают семьи с детьми, предметом исследования – государственное регулирование в области социальной жилищной политики.

Государственная поддержка в области улучшения жилищных условий с начала 2000-х годов претерпела значительные изменения. Целью данного исследования явилось обобщение основных мер государственной поддержки, которыми могут воспользоваться семьи с детьми для улучшения своих жилищных условий, выявление динамики принятых мер государственной поддержки (изменений действующих мер – уточнение категорий получателей, условий).

Гипотеза исследования, которая проверяется автором – в результате совершенствования законодательства государства в области жилищной политики значительно расширился инструментарий, механизмы и финансирование жилищной обеспеченности семей с детьми.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационную основу для реализации цели исследования составили федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации: федеральные законы; указы и другие акты президента РФ; постановления, распоряжения правительства РФ, регулирующие жилищные отношения в России.

В нормативных правовых актах Российской Федерации по улучшению жилищных условий граждан автором рассматривался следующий перечень мер государственной финансовой поддержки:

1. Социальная помощь в виде субсидии.
2. Материнский капитал.
3. Льготные ипотечные программы.

В качестве комплекса методов исследования использованы следующие: метод анализа, синтеза, системный подход, нормативный метод. Были произведены группировки по тематическим блокам вопросов (виды мер государственной поддержки), которые решались в нормативных правовых актах, а также по временным периодам внутри тематических блоков с 2000-х годов по н.вр.

Результаты исследования

Значимым событием в сфере государственной жилищной политики начала двухтысячных годов стало утверждение Правительством РФ основного документа программно-целевого планирования – федеральной целевой программы (ФЦП) «Жилище¹» сроком действия с 2002 по 2010 гг. Срок действия данной программы был продлён до 2015 г.², а затем ещё на 5 лет – до 2020 г.³ В 2015–2016 гг. в рамках ФЦП «Жилище» для граждан РФ, покупающих от застройщиков квартиры в строящихся или сданных новостройках, действовала программа «Ипотека с господдержкой»⁴ с пониженной процентной ставкой. Подпрограммами ФЦП «Жилище» являлись «Обеспечение жильём молодых семей» и «Жильё для российс-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 17.09.2001 № 675 «О федеральной целевой программе "Жилище" на 2002–2010 годы» (с изм. на 15.12.2010).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2010 № 1050 «О федеральной целевой программе "Жилище" на 2011–2015 годы».

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2015 № 889 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050».

⁴ Постановление Правительства РФ от 13 марта 2015 г. № 220 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу "ДОМ.РФ" на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам)» (с изменениями и дополнениями)

кой семьи»⁵. С 2018 г. они вошли в государственную программу РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».⁶

С 2019 г. молодые семьи имеют право воспользоваться субсидией на приобретения жилья.⁷ Условия программы отличаются в разных регионах. В 2020 г. были расширены возможности субсидирования государственной программы «Обеспечение жильём молодых семей»⁸.

С 2019 г. многодетные семьи получили право на помощь со стороны государства в выплате ипотеки по программе ипотечной субсидии для многодетных семей.⁹ В 2021 г.¹⁰ и 2024¹¹ г. срок программы продлили.

С 2002 г. начала свою реализацию подпрограмма "Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда", входящая в состав ФЦП "Жилище",¹² с 2007 г. эта подпрограмма трансформировалась в

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 404 «О некоторых вопросах реализации программы "Жильё для российской семьи" в рамках государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"»

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2017 № 1243 «О реализации мероприятий федеральных целевых программ, интегрируемых в отдельные государственные программы Российской Федерации».

⁷ Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"».

⁸ Постановление Правительства РФ от 15.06.2020 г. № 1042 «О внесении изменений в особенности реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"».

⁹ Федеральный закон от 3 июля 2019 г. № 157-ФЗ «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13.2 Федерального закона "Об актах гражданского состояния"».

¹⁰ Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 118-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.07.2024 № 1025 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

¹² Постановление Правительства РФ от 22.01.2002 г. № 33 «О подпрограмме "Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда", входящей в состав федеральной целевой программы "Жилище" на 2002–2010 годы"».

В каждом регионе действует собственная программа, предусматривающая поэтапное переселение граждан и снос аварийных домов с учётом возможности финансирования за счёт федерального, областного и местного бюджетов. Очерёдность расселения определяется по дате признания домов аварийными. Собственники помещений в аварийном доме могут получить (если это предусмотрено региональной программой) на выбор равноценное помещение либо денежную компенсацию.

программу «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда» национального проекта «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда»¹³, а с 2019 г. входит в национальный проект «Жильё и городская среда»¹⁴.

С 2005 г. действует государственная программа ипотеки с льготной ставкой на приобретение квартиры для военнослужащих. Она рассчитана на граждан РФ, проходящих военную службу по контракту и включённых в реестр участников накопительно-ипотечной системы (НИС).¹⁵ В 2022¹⁶–2023¹⁷ гг. были существенно расширены возможности использования военнослужащими участия в НИС.

С 2006 г. социальной выплатой в форме государственного жилищного сертификата (ГЖС) на покупку квартиры имеют право воспользоваться определённые категории граждан: граждане РФ, признанные нуждающимися в улучшении жилищных условий и льготники (жители Крайнего Севера, ветераны Великой Отечественной войны, чернобыльцы, сотрудники органов внутренних дел и МЧС и др.).¹⁸

С 2007 г. появилась принципиально новая мера государственной поддержки семей с детьми – выплата на рождение второго либо последующего ребёнка (материнский капитал)¹⁹. Лица, получившие сертификат, могли направить средства в том числе и на улучшение жилищных условий. С этого времени условия получения и порядок расхода

¹³ Федеральный закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства».

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

¹⁵ Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

¹⁶ Федеральный закон от 4.11.2022 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих"».

¹⁷ Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих"».

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 21.03.2006 № 153 «Об утверждении Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации комплекса процессных мероприятий "Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильём отдельных категорий граждан" государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"».

¹⁹ Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

ния средств неоднократно расширялись и дополнялись. В 2009²⁰–2010 гг.²¹ условия расходования выплаты на улучшение жилищных условий были расширены. В 2020 г. был внесён ряд серьёзных изменений в государственную программу материнского капитала:²² с 2021 г. сократились сроки оформления материнского капитала; упростилась процедура распоряжения и расширились возможности использования в части улучшения жилищных условий; продлён срок действия программы. С 2021 г. размер материнского (семейного) капитала ежегодно индексируется с учётом фактической инфляции²³. В 2024 г. уточнён круг лиц, имеющих право на получение материнского (семейного) капитала²⁴.

С 2010 г. предусмотрены социальные выплаты на приобретение жилых помещений²⁵ для молодых научных работников. В 2023 г. расширено толкование категории молодых учёных, претендующих на данную выплату.²⁶

В 2018 г. в России были разработаны и приняты национальные проекты федерального масштаба, в частности, национальный проект «Жильё и городская среда»²⁷. Ключевые цели этого проекта – обеспечение доступным жильём семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита, увеличение объёма жилищного строительства, повышение комфортности городской среды, создание механизма прямого участия граждан в формировании

комфортной городской среды, обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда.

С 2018 г. кредитом по льготной ставке до 6% годовых на покупку жилья по программе «Семейная ипотека» в рамках национального проекта «Демография» могут воспользоваться семьи, в которых после 1 января 2018 года родился второй или последующий ребёнок²⁸. В 2021 г. расширились условия расходования средств²⁹ и список участников программы.³⁰ В 2022 г. также произошло расширение списка участников программы.³¹ В 2024 г. произошло уточнение условий программы и продление её сроков до 2030 г.

Разработанной в 2019 г. в рамках национального проекта «Жильё и городская среда» программой Дальневосточной ипотеки³² предусматривалось приобретение жилья в сельской местности участникам программы «Дальневосточный гектар» и семьям (родителям-одиночкам) младше 36 лет по льготной ставке 2%. В 2020 г. были уточнены условия программы дальневосточной ипотеки³³. В 2021 г. программа распространилась на приобретение вторичного жилья в моногородах

²⁸ Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 г. № 1711 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу "Агентство ипотечного жилищного кредитования" на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей».

²⁹ Постановление Правительства РФ от 14.04.2021 г. № 587 «О внесении изменений в Правила возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу "ДОМ.РФ" недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей».

³⁰ Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 г. № 1060 «Об отдельных вопросах возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

³¹ Постановление Правительства РФ от 28.12.2022 года № 2485 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам жилищного (ипотечного) кредитования граждан Российской Федерации».

³² Постановление Правительства РФ от 7.12.2019 г. № 1609 «Об утверждении условий программы "Дальневосточная и арктическая ипотека", Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу "ДОМ.РФ" в виде вкладов в имущество акционерного общества "ДОМ.РФ", не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам, предоставленным гражданам Российской Федерации на приобретение или строительство жилых помещений на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а также на сухопутных территориях Арктической зоны...»

³³ Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 года № 1513 «О внесении изменений в условия программы Дальневосточная ипотека».

²⁰ Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 288-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей"».

²¹ Федеральный закон от 28.07.2010 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о порядке предоставления единовременной выплаты за счёт средств материнского (семейного) капитала».

²² Федеральный закон от 01.03.2020 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала».

²³ Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²⁴ Федеральный закон от 25.12.2023 № 634-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей"».

²⁵ Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 года № 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы РФ "Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан РФ"».

²⁶ Постановление Правительства РФ от 26.01.2023 года № 90 «О внесении изменений в приложение № 2 к особенностям реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"».

²⁷ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

ДФО³⁴. В 2022 г. расширился список категорий граждан-участников программы.³⁵ В 2023 г. программа переименована в «Дальневосточную и Арктическую ипотеку».³⁶ В 2024 г. расширен состав участников программы³⁷.

В 2020 г. была запущена новая общероссийская льготная ипотечная программа³⁸ на приобретение жилья на первичном рынке для граждан РФ с льготной ставкой 6,5%. За весь срок данной программы (реализовывалась до 1.07.2024 г.) процентная ставка варьировалась от 7% в 2021 г.³⁹ до 12%, в 2022 г.⁴⁰

Льготная программа «Сельская ипотека»⁴¹ с 2020 г. позволяет гражданам РФ оформить кредит под льготную ставку до 3% годовых на приобретение и строительство жилья в сельских населенных пунктах и агломерациях до 30 000 человек. В 2020 г.⁴² были уточнены условия программы.

³⁴ Постановление Правительства РФ от 18.10.2021 года № 1759 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.2019 г. № 1609».

³⁵ Постановление Правительства РФ от 17.06.2022 года № 1100 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.2019 г. № 1609».

³⁶ Постановление Правительства РФ от 29.11.2023 года № 2023 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам жилищного (ипотечного) кредитования граждан Российской Федерации».

³⁷ Решение Минфина России от 20.06.2024 № 22-67374-00473-Р «О порядке предоставления субсидии АО "ДОМ.РФ" на цели возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам РФ по ставке до 8 процентов годовых».

³⁸ Постановление Правительства РФ от 23.04.2020 г. № 566 «Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020–2024 годах».

³⁹ Постановление от 30.06.2021 года № 1060 «Об отдельных вопросах возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

⁴⁰ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 года № 508 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

⁴¹ Постановление Правительства РФ от 30.11.2019 г. № 1567 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу "ДОМ.РФ" на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации на строительство (приобретение) жилого помещения (жилого дома) на сельских территориях (сельских агломерациях)».

⁴² Постановление Правительства РФ от 27.10.2020 г. № 1748 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу "ДОМ.РФ" на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации на строительство (приобретение) жилого помещения (жилого дома) на сельских территориях (сельских агломерациях)" (с изменениями и дополнениями)».

С 2023 г. ставка по сельской ипотеке для приграничных территорий снижена до 0,1%.⁴³ В 2023 г. увеличен максимальный размер кредита, расширены цели его использования, увеличен срок строительства на период службы заёмщика или его близкого родственника в специальной военной операции (СВО).⁴⁴

В 2022 г. были утверждены параметры льготной ипотечной программы для IT-специалистов.⁴⁵ В этом же году скорректированы требования по зарплате таких специалистов,⁴⁶ в 2023 г. расширены параметры программы,⁴⁷ в 2024 г. скорректированы условия программы.

С 2023 г. начала свою работу программа льготной ипотеки на территориях новых субъектов Российской Федерации.⁴⁸ В 2024 г. в ипотеку

⁴³ Постановление Правительства РФ от 20.01.2023 г. № 49 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу "ДОМ.РФ" на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации на строительство (приобретение) жилого помещения (жилого дома) на сельских территориях (сельских агломерациях)».

⁴⁴ Постановление Правительства РФ от 28.06.2023 года № 1055 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

⁴⁵ Постановление Правительства РФ от 30.04.2022 г. № 805 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу "ДОМ.РФ" в виде вклада в имущество акционерного общества "ДОМ.РФ"».

⁴⁶ Постановление Правительства РФ от 30.06.2022 года № 1177 «О внесении изменений в Правила возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным работникам аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий».

⁴⁷ Постановление Правительства РФ от 23.01.2023 года №72 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 805».

⁴⁸ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2565 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу "ДОМ.РФ" в виде вкладов в имущество акционерного общества "ДОМ.РФ", не увеличивающих его уставный капитал, на цели возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов Российской Федерации, и возмещения российским страховым организациям понесенных ими расходов на страховые выплаты в связи с гибелью (утратой) либо повреждением объектов недвижимости, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, и (или) причинением вреда жизни или здоровью заёмщиков по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на указанных территориях, Правил возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на территории

включено вторичное жильё,⁴⁹ распространена на Белгородскую область.

Поддержка специалистов различных отраслей экономики в области улучшения жилищных условий регламентируется различными ведомственными актами, законами и постановлениями на региональном и муниципальном уровнях.

До конца 2024 г. комплекс мер социальной поддержки граждан в случае улучшения жилищных условий разработан Правительством Российской Федерации в рамках государственных программ «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», «Социальная поддержка граждан», «Демография», «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа», «Комплексное развитие сельских территорий».

В мае 2024 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным были определены национальные цели развития страны до 2030 года⁵⁰. Названы следующие национальные цели развития РФ: «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности», «Комфортная и безопасная среда для жизни», «Экологическое благополучие», «Устойчивая и динамичная экономика», «Технологическое лидерство», «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». Документом также закреплены целевые показатели и задачи, выполнение которых необходимо для достижения национальных

целей. Например, планируется обеспечить граждан жильём общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 году и не менее 38 кв. метров к 2036 году.

целей. Например, планируется обеспечить граждан жильём общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 году и не менее 38 кв. метров к 2036 году.

Для достижения национальных целей были определены следующие национальные проекты: «Продолжительная и активная жизнь»; «Семья»; «Молодёжь и дети»; «Кадры»; «Инфраструктура для жизни»; «Эффективная транспортная система»; «Экологическое благополучие»; «Эффективная и конкурентная экономика»; «Туризм и гостеприимство»; «Международная кооперация и экспорт»; «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Правительству Российской Федерации поручено до 31 декабря 2024 г. разработать единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Реализация новых национальных проектов начнётся с 2025 г.

В национальный проект «Семья», который является преемником проекта «Демография», войдут федеральные проекты «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры»⁵¹. В рамках реализации нацпроекта продолжится программа материнского капитала, льготной программы семейной ипотеки, будут предложены непотечные инструменты улучшения жилищных условий семей с детьми, разрабатываются инструменты доступности для многодетных семей жилья в новостройках, планируется увеличить количество заключённых социальных контрактов для многодетных семей. Финансирование из федерального бюджета на национальный проект «Семья» в 2025 году будет самым масштабным по сравнению с другими национальными проектами и составит 2,83 трлн рублей, в 2026 году – 2,88 трлн рублей, в 2027 году – 2,84 трлн рублей⁵².

Новый национальный проект «Инфраструктура для жизни» является преемником национальных проектов «Жильё и городская среда», «Безопасные качественные дороги», к ним добавят несколько других федеральных проектов.

В разрабатываемом национальном проекте планируется реализация механизма комплексного развития территорий, включающего в себя строительство социальной, транспортной

ях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов Российской Федерации, и Правил возмещения российским страховым организациям понесённых ими расходов на страховые выплаты в связи с гибелью (утратой) либо повреждением объектов недвижимости, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, и (или) причинением вреда жизни или здоровью заемщиков по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на указанных территориях».

⁴⁹ Решение Минфина России от 14.03.2024 № 24-68903-01277-Р «О порядке предоставления субсидии АО "ДОМ.РФ" на цели возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам РФ для приобретения или строительства жилых помещений на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов РФ, и возмещения российским страховым организациям понесённых ими расходов на страховые выплаты в связи с гибелью (утратой) либо повреждением объектов недвижимости, расположенных на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, и (или) причинением вреда жизни или здоровью заёмщиков по указанным кредитам (займам).»

⁵⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

⁵¹ Татьяна Голикова представила нацпроект «Семья» на международной выставке-форуме «Россия» // Правительство РФ: [сайт]. 04 июля 2024 года. URL: <http://government.ru/gov/persons/12/events/?dt.since=04.07.2024&dt.till=04.07.2024> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵² Законопроект № 727320-8 «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8> (дата обращения: 03.11.2024).

и инженерной инфраструктуры, а также на расселение аварийного жилья. Вводится понятие опорных населённых пунктов – точек роста, изменения в которых помогут добиться поставленных целей (города и городские агломерации с населением от 250 тыс. человек, административные центры регионов, а также стратегически важные населённые пункты), разрабатываются инструменты по дополнительным способам улучшения жилищных условий граждан, включающие в себя развитие институтов жилищных сбережений, жилищно-накопительных кооперативов и социальной ипотеки, прорабатываются вопросы уточнения механизмов и условий переселения граждан, в том числе актуализации критериев аварийности многоквартирных домов. Помимо этого, в национальном проекте «Инфраструктура для жизни» ставятся задачи обновления к 2030 году жилищного фонда не менее чем на 20% по сравнению с показателями 2019 года.

Национальный проект «Инфраструктура для жизни» находится на втором месте по величине бюджетного финансирования национальных проектов после проекта «Семья». Государство планирует выделить на него 1,17 трлн руб. в 2025 году, 1,36 трлн руб. в 2026 году, 1,41 трлн руб. в 2027 году⁵³.

Информация об основных мерах государственной поддержки в сфере улучшения жилищных условий, которыми могут воспользоваться семьи с детьми с учётом соответствия условиям предоставления, и их изменениях в период с начала 2000-х гг. по н. вр. обобщены в Приложении.

Заключение

Роль государственного регулирования в жилищной сфере чрезвычайно высока, поскольку она обеспечивает реализацию одного из важнейших прав человека – права на доступное и достойное жилище. В настоящем исследовании был проанализирован комплекс мер государственной жилищной политики в современной России за 20 лет, направленный на обеспечение доступности жилья семьям с детьми, включающий в себя льготные ипотечные программы, субсидирование на улучшение жилья, материнский капитал.

В период с 2002 по 2024 гг. государственная поддержка семей с детьми в области улучшения жилищных условий претерпела значительные изменения. В 2009 г. появилась возможность направлять средства материнского капитала на погашение кредита на приобретение или строительство жилья. В коронакризисном 2020 г. и в 2022 г. в связи введением антироссийских экономических санкций были значительно расширены условия по уже существующим программам по улучшению жилья, появились новые программы льготной ипотеки для различных категорий граждан, увеличился список категорий граждан, имеющих право получить субсидию на улучшение жилищных условий, заработал такой государственный инструмент как жилищный социальный контракт для малоимущих граждан.

В период с 2000 по 2023 гг. общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя Российской Федерации, неуклонно росла от 19,2 м² в 2000 г. до 28,8 м² в 2024 г. (рисунок 1).

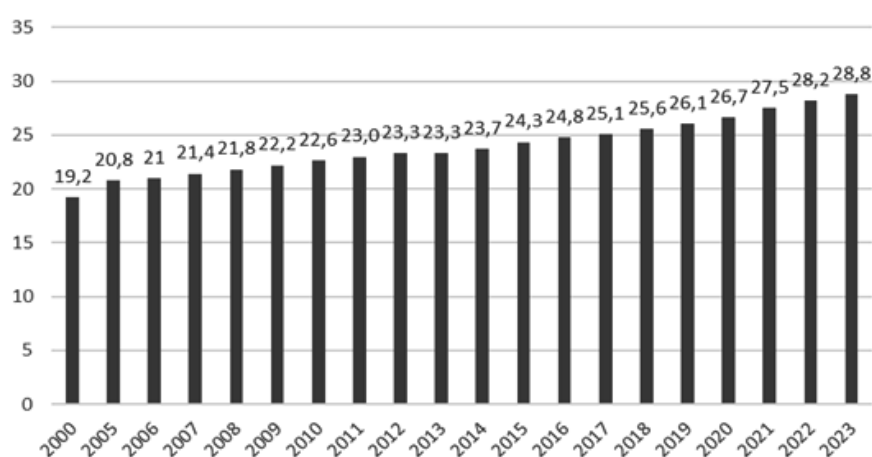

Рисунок 1. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), м²
Figure 1. Total Floor Area of Residential Premises Per Inhabitant on Average (end of year), m²

Источник: данные Росстата⁵⁴.

⁵³ Законопроект № 727320-8 «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8> (дата обращения: 03.11.2024).

⁵⁴ Жилищные условия // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 05.11.2024)

Всё это подтверждает гипотезу исследования, что в результате совершенствования законодательства государства в области жилищной политики значительно расширился инструментарий, механизмы и финансирование жилищной обеспеченности семей с детьми.

Однако наряду с достигнутыми результатами существуют и проблемные вопросы, свидетельствующие о необходимости оптимизации мер государственной поддержки по улучшению жилищных условий.

Согласно разработанным научным коллективом под руководством д.э.н., профессора В.Н. Бобкова стандартам по жилищной обеспеченности [12; 13; 14], в социально-экономической структуре населения по жилищной обеспеченности суммарная доля населения с хорошими жилищными условиями составляла 4,7% в 2022 г. и 4,3% в 2021 г.; суммарная доля населения с соци-

ально-приемлемыми жилищными условиями составляла 12,5% в 2022 г. и 10,6% в 2021 г.; доля населения с жилищными условиями ниже требуемый социально приемлемого стандарта составляла 21,9% в 2022 г. и 22,3% в 2021 г.; доля населения с плохими жилищными условиями насчитывала 27,7% в 2022 г. и 26,6% в 2021 г.; доля населения с наиболее плохими жилищными условиями составляла в 2022 г. 33,2% и 36,2% в 2021 г. Совокупные масштабы данных групп в пять раз превышали суммарную (17,2% в 2022 г.) долю населения с социально приемлемыми (12,5%) и хорошими (4,7%) жилищными условиями [15; 16].

Таким образом, несмотря на комплексные усилия государства по решению проблемы улучшения жилья, проблема жилищной обеспеченности семей с детьми всё ещё остро стоит в современной России.

Список литературы

1. Нацун Л.Н. Оценка потребности и возможностей семей с детьми в улучшении жилищных условий // Проблемы развития территории. 2023. Том 27. № 5. С. 150–167. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.10>
2. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
3. Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Система социальной поддержки, направленной на активизацию выхода из бедности, в регионах Российской Федерации // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2014. № 19. С. 87–102.
4. Гузанова А.К. Проблемы жилищной обеспеченности домохозяйств в современной России // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28 марта 2023 года. Москва: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 277–282. EDN XYQWEL
5. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22–31. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.2> EDN YTJZQV.
6. Буянова А.В. Правовое регулирование жилищной поддержки молодых семей // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 65–68. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-65-68> EDN AVAZEP
7. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад–2022 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова, А.Р. Абдульязов [и др.]. Москва: Перспектива, 2022. 220 с. ISBN 978-5-88045-556-0 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022> EDN URJOYC
8. Torab E.S. A law or just a hypothesis? A critical review of supply and demand effect on the affordable residential markets in developing countries // Alexandria Engineering Journal. 2018. Vol. 57. Issue 4. P. 4081–4090. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2018.10.010>
9. Nicolaidis P. State aid implications of public investment in land development and social housing // Journal of European Competition Law and Practice. 2019. Vol. 10. Issue 10. P. 609–617. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpz056>
10. Needham B. Institutions for Housing Supply // International Encyclopedia of Housing and Home / ed. by S. Smith. Burlington: Elsevier Science, 2012. 2012. P. 99–108. ISBN 9780080471631 <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-047163-1.00399-4>
11. Eikelenboom M., Long T.B., Jong G. Circular strategies for social housing associations: Lessons from a Dutch case // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 292. No. 126024. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126024>
12. Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Том 14. № 2. С. 8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> EDN XWEPSP
13. Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности / В.Н. Бобков, П. Херрманн, И.Б. Колмаков, Е.В. Одинцова // Экономика региона. 2018. Том 14. Вып. 4. С. 1061–1075. <https://doi.org/10.17059/2018-4-1> EDN YRPZWP
14. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова, М.А. Вершинина [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF

15. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год: [Ежегодник]. Вып. 1(202) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, И.Б. Колмаков [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2023. 166 с. ISBN 978-5-9940-0736-5 EDN YFFJOY
16. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, И.Б. Колмаков [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с. ISBN 978-5-9940-0734-1 EDN KGTONL

Информация об авторе:

Татьяна Викторовна Чащина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук (SPIN-код: 1770-4231) (РИНЦ Author ID: 591597) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

- Natsun L.N. Assessing the Needs and Opportunities of Families with Children in Improving Housing Conditions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*. 2023;27(5):150–167. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.10> (In Russ.)
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
- Ovcharova L.N., Prokof'eva L.M. Sistema Sotsial'noi Podderzhki, Napravlennoi na Aktivizatsiyu Vykhoda iz Bednosti, v Regionakh Rossiiskoi Federatsii. *Sotsial'naya Politika: Ehkspertiza, Rekomendatsii, Obzory*. 2014;19:87–102. (In Russ.)
- Guzanova A.K. Problems of Housing Provision of Households in Modern Russia. Saving Russian Population: Health, Employment, Standards and Quality of Life Proceedings of the International Scientific and Practical Conference VI Rimashevskaya Readings; Moscow, 28 March 2023; Moscow, Russia. Moscow: FCTAS RAS. 2023: 277–282. (In Russ.)
- Rostovskaya T.K., Kniazkova E.A. State Policy Towards a Young Family: Expert Review. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2022;(1):22–31. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.2> (In Russ.)
- Buyanova A.V. Legal Regulation of Housing Support for Young Families. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(3):65–68. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-65-68> (In Russ.)
- Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Abdul'zhanov A.R., et al. Demograficheskoe Samochuvstvie Regionov Rossii. *Natsional'nyi Demograficheskii Doklad–2022*. Moskva: Publishing house Perspektiva; 2022. 220 p. ISBN 978-5-88045-556-0 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022> (In Russ.)
- Torab E.S. A Law or Just a Hypothesis? A Critical Review of Supply and Demand Effect on the Affordable Residential Markets in Developing Countries. *Alexandria Engineering Journal*. 2018;57(4):4081–4090. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2018.10.010>
- Nicolaides P. State aid Implications of Public Investment in Land Development and Social Housing. *Journal of European Competition Law and Practice*. 2019;10(10): 609–617. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpz056>
- Needham B. Institutions for Housing Supply. In: Smith S. (ed.). *International Encyclopedia of Housing and Home*. Burlington: Elsevier Science; 2012. P. 99–108. ISBN 9780080471631 <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-047163-1.00399-4>
- Eikelenboom M., Long T.B., Jong G. Circular Strategies for Social Housing Associations: Lessons from a Dutch Case. *Journal of Cleaner Production*. 2021;292(3):126024. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126024>
- Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Odintsova E.V. Social Structure of Russian Society in Terms of Housing Security: Criterion and Quantitative Identification, the Guidelines for State Policy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;14(2):8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> (In Russ.)
- Bobkov V.N., Herrmann P., Kolmakov, I.B., et al. Two-Criterion Model of the Russian Society Stratification by Income and Housing Security. *Ekonomika regiona=Economy of Region*. 2018;14(4):1061–1075. <https://doi.org/10.17059/2018-4-1> (In Russ.)
- Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktyukhina. N.V., Shamaeva. E.F. (eds.), et al. *Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniya Rossii: ot Real'nosti k Proektirovaniyu Budushchego*. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Kolmakov I.B. et al. *Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2022 god*. Yearbook. Issue 1(202). Moscow: Institute of Economics of the RAS; 2023. 166 p. ISBN 978-5-9940-0736-5 (In Russ.)
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. *Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2023 god*. Yearbook. Issue 2(203). Moscow: Institute of Economics of the RAS; 2024. 182 p. ISBN 978-5-9940-0734-1 (In Russ.)

Information about the author:

Tat'yana V. Chashchina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1770-4231) (RSCI Author ID: 591597) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Приложение
Меры государственной поддержки в области улучшения жилищных условий
Measures of state support in the field of improving housing conditions

Мера государственной поддержки	Первоначальные условия	Изменения условий
<p>Обеспечение жильём молодых семей 2002 г. – по н. вр.</p>	<p><i>Право на получение:</i> – не имеет ограничений по составу семьи; – возраст супругов (или одного родителя) не более 35 лет; – оба или один из супругов должны быть гражданами РФ; – семья должна быть поставлена на учёт в качестве нуждающейся в улучшении жилищных условий либо признана органами местного самоуправления нуждающейся в жилье; – у семьи должны быть подтверждённые доходы, позволяющие оплатить остаток стоимости жилья.</p> <p><i>Субсидия:</i> не менее 30% стоимости жилья молодым семьям, не имеющим детей; не менее 35% жилья молодым семьям, где есть один ребёнок или более, а также неполным молодым семьям, состоящим из одного родителя и ребёнка (нескольких детей).</p> <p><i>Цели получения субсидии:</i> – приобретение жилого помещения экономкласса; – строительство индивидуального жилого дома; – на уплату первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита или займа на приобретение жилья или строительство индивидуального жилого дома; – на погашение основной суммы долга и уплату процентов по этим ипотечным жилищным кредитам или займам.</p>	<p>2020 г. – н. вр. Расширены возможности субсидирования: – рефинансирование ранее взятой ипотеки; – приобретение жилья комфорткласса.</p>
<p>Программа переселения граждан из аварийного жилищного фонда 2002 г. – по н. вр.</p>	<p><i>Право на получение:</i> гражданин РФ, проживающий в признанном в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу или реконструкции в связи с физическим износом в процессе их эксплуатации жильё.</p> <p><i>Условия:</i> согласно региональной программе, предусматривающей поэтапное переселение граждан и снос аварийных домов с учётом возможности финансирования за счёт федерального, областного и местного бюджетов. Очередность расселения определяется по дате признания домов аварийными. Собственники помещений в аварийном доме могут получить (если это предусмотрено региональной программой) на выбор равноценное помещение либо денежную компенсацию.</p>	<p>Согласно изменениям регионального законодательства.</p>

Продолжение приложения

Мера государственной поддержки	Первоначальные условия	Изменения условий
Программа ипотеки с льготной ставкой на приобретение квартиры для военнослужащих 2004 г. – по н. вр.	<p><i>Право на получение:</i> гражданин РФ, проходящий военную службу по контракту через 3 года после включения в реестр участников накопительно-ипотечной системы (НИС).</p> <p><i>Цели:</i> безвозмездный денежный заем на: – квартиру на вторичном рынке; – квартиру в новостройке; – частный дом с земельным участком; – таунхаус площадью более 70 кв. м; – участок для возведения дома на ипотечные средства (для заёмщиков со стажем службы от 20 лет).</p>	<p>2022 г. – лица, принимающие (принимавшие) участие в боевых действиях, операциях, боевых заданиях, в т. ч. выполняющие боевые задачи за пределами России, сразу после включения в реестр участников НИС; – лица, общая продолжительность военной службы которых составляет более 20 лет, могут получать средства в период прохождения военной службы, но не более одного раза в год.</p> <p>2023 г. – лица, поступившие в добровольном порядке на военную службу из запаса, если они были исключены из реестра участников и не получили выплату, восстановят накопления независимо от даты увольнения.</p>
ГЖС на покупку квартиры 2006 г. – по н. вр.	<p><i>Право на получение:</i> – граждане РФ, нуждающиеся в улучшении жилищных условий; – льготные категории граждан (жители Крайнего Севера, ветераны Великой Отечественной войны, чернобыльцы, сотрудники органов внутренних дел и МЧС, вынужденные переселенцы и др.)</p> <p><i>Цели:</i> улучшение жилищных условий, а именно: – покупка изолированной комнаты, имеющей отдельный вход; – покупка квартиры в многоквартирном доме; – покупка жилого помещения в доме блокированной застройки из трёх и более блоков; – покупка индивидуального жилого дома с сопутствующими дворовыми постройками. Сумма жилищного сертификата рассчитывается как произведение положенной семье площади и рыночной стоимости 1 кв. метра жилой площади, которая устанавливается каждое полугодие приказом Минстроя России. Норма жилой площади на семью не может быть меньше 33 кв. м на одного чел.; 42 кв. м на двух чел.; по 18 кв. метров на чел. для семей из трёх человек и более.</p>	<p>2007 г. Увеличен перечень льготных категорий: включены граждане, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, на производственном объединении "Маяк", пострадавших в результате этих аварий, и ветеранов подразделений особого риска</p> <p>2009 г. – в перечень категорий включены вдовы и члены семей сотрудников органов внутренних дел, органов уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы МЧС России, погибших (умерших) во время прохождения службы; – в алгоритм расчёта размера выплаты включены положения, которые позволяют гражданам, имеющим жилые помещения, принадлежащие им и (или) членам его семьи на праве собственности, не сдавать данное жильё.</p> <p>2018 г. – предоставлено право на получение ГЖС гражданам, подлежащим переселению с территории комплекса «Байконур»; – изменилась методика расчёта размера социальной выплаты в отношении граждан, проживающих в жилых помещениях на условиях договора социального найма.</p> <p>2019 г. Появилась возможность использовать ГЖС для участия в долевом строительстве.</p> <p>2020 г. – средства перераспределяются между регионами распоряжениями Правительства, что ускоряет процесс их направления в регионы; – возможность использования ГЖС на приобретение жилья не только по договору</p>

Продолжение приложения

Мера государственной поддержки	Первоначальные условия	Изменения условий
		<p>долевого участия, но и по договору уступки права требования; – упрощено получение ГЖС гражданами с инвалидностью. 2022 г. При предоставлении жилого помещения членам семьи погибшего погибших (умерших) в период прохождения военной службы, и членам семей граждан, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы, размер площади жилого помещения, принимаемый для расчёта размера социальной выплаты, определяется исходя из состава семьи военнослужащего на дату его гибели (смерти), а также с учётом рождения ребёнка (детей) в семье военнослужащего после его гибели (смерти), в отношении которого установлено отцовство.</p>
<p>Материнский капитал 2007 г. – по н. вр.</p>	<p><i>Право на получение:</i> – женщины, родившие (усыновившие) второго ребёнка начиная с 1 января 2007 года; – женщины, родившие (усыновившие) третьего ребёнка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки; – мужчины, являющиеся единственными усыновителями второго, третьего ребёнка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 года. <i>Условия расходования на улучшение жилищных условий:</i> на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели.</p>	<p>С 2009 г. – по н. вр. Возможность направлять средства на погашение кредита на приобретение или строительство жилья. 2010 г. – по н. вр. Возможность компенсировать за счёт средств материнского капитала затраты на строительство или реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства. 2020 г. – по н. вр. Право на получение материнского капитала у семей при появлении первого ребёнка, который родился или был усыновлен после 1 января 2020 г.; проиндексирована стоимость материнского капитала для семей, в которых с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2019 г. родился второй или последующие дети. 2021 г. – по н. вр. Сократились сроки оформления материнского капитала; упростилась процедура распоряжения материнским капиталом на улучшение жилищных условий; появилась возможность использовать маткапитал при возведении жилья на садовом участке, а также в качестве первоначального взноса по сельской ипотеке; срок действия программы материнского капитала был продлен до 31 декабря 2026 г. 2021 г. – по н. вр. Принято решение о ежегодном индексировании размера материнского (семейного) капитала с учётом фактической инфляции. 2024 г. – по н. вр. Правом на материнский капитал могут воспользоваться только граждане Российской Федерации, дети при этом должны иметь гражданство России по рождению.</p>

Продолжение приложения

Мера государственной поддержки	Первоначальные условия	Изменения условий
Социальные выплаты молодым учёным на приобретение жилых помещений 2010 г. – по н. вр.	<i>Право на получение:</i> молодые научные работники, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, которые проработали в научных организациях и вузах, подведомственных Минобрнауки научным сотрудником не менее пяти лет	2023 г. Выплата полагается не только для научных, но и для научно-педагогических работников научных организаций и вузов вне зависимости от их ведомственной принадлежности.
	и имеют учёную степень кандидата или доктора наук. При этом кандидат наук должен быть не старше 35 лет, а доктор наук не старше 40 лет.	
Жильё для российской семьи 2014–2017 гг.	<i>Право на получение:</i> граждане в возрасте 25–40 лет, имеющие постоянную занятость, нуждающиеся в улучшении жилищных условий при условии, что доход всех членов семьи позволяет получить ипотечный кредит на приобретение жилого помещения. <i>Цели:</i> строительство жилья экономкласса по цене, не превышающей 30 тыс. рублей за 1 кв. м. и 80% от оценки рыночной стоимости.	2015–2017 гг. Увеличена цена 1 кв. м жилья экономкласса с 30 тыс. рублей до 35 тыс. рублей.
Ипотека с господдержкой 2015–2017 гг.	<i>Условия:</i> – заёмщик должен оплатить за счёт собственных средств не менее 20 процентов стоимости приобретаемого жилого помещения; – ставка кредитования, предусмотренная кредитным договором (договором займа), не может превышать 13% годовых; – срок действия кредитного договора (договора займа) составляет до 362 месяцев включительно.	
Программа ипотечной субсидии на приобретение жилья в рамках программы «Молодая семья» 2017 г. – по н.вр.	<i>Право на получение:</i> семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий: – супруги с российским гражданством в возрасте исключительно до 35 лет с наличием или отсутствием детей; – молодые семьи с наличием одного и более детей, даже если один из супругов не имеет российского гражданства; – родители-одиночки в возрасте до 35 лет с наличием одного ребёнка. <i>Цели субсидии:</i> – на оплату квартиры по договору купли-продажи на вторичном рынке; – на последний паевый взнос для членов жилищного кооператива; – на оплату по договору строительного подряда на возведение жилого дома. Размер такой социальной выплаты: 30% от расчётной стоимости жилья – для супругов без детей, 35% от расчётной стоимости жилья – для семьи или родителя с детьми.	Согласно изменениям регионального законодательства.

Продолжение приложения

Мера государственной поддержки	Первоначальные условия	Изменения условий
Семейная ипотека 2018 г. – по н.вр.	<p><i>Право на получение:</i> семьи, в которых с 1 января 2018 года родился второй или последующий ребёнок.</p> <p><i>Условия:</i> ставка по кредиту на покупку дома или квартиры на первичном рынке жилья не более 6%. Первоначальный взнос составляет от 15% стоимости жилья. Максимальная сумма кредита зависит от региона.</p>	<p>2021 г. Кредит можно получить не только на покупку готового жилья, но и на строительство частного дома и приобретение земельного участка.</p> <p>Принять участие могут семьи с одним ребёнком, рождённым после 1 января 2018 года по 31 декабря 2022.</p> <p>2022 г. Принять участие могут семьи, где есть два ребёнка, которым ещё не исполнилось 18 лет.</p> <p>2023 г. Семьям с детьми-инвалидами предоставлена возможность покупки жилья на вторичном рынке.</p> <p>2024 г. Принять участие могут: – семьи, где есть хотя бы один ребёнок в возрасте до 6 лет; – семьи, проживающие в малых городах численностью до 50 тыс. человек и имеющие двух несовершеннолетних детей; – семьи, проживающие в регионах с низким объёмом строительства или проживающие в регионах, имеющие индивидуальные программы развития, имеющие двух несовершеннолетних детей.</p>
Дальневосточная (Дальневосточная и Арктическая) ипотека 2019 – по н. вр.	<p><i>Право на получение:</i> – семьи, в которых оба супруга младше 36 лет; – родители-одиночки младше 36 лет с детьми младше 19 лет; – участники программы «Дальневосточный гектар».</p> <p>Льготная ставка по данной программе составила 2%, ипотеку можно взять для приобретения жилья в сельской местности. Кредит на срок до 20 лет. Первоначальный взнос составляет 20% от стоимости жилья.</p>	<p>2020 г. – стала доступна покупка жилья на вторичном рынке на всей территории Магаданской области и Чукотского автономного округа; – право на получение получили граждане РФ, переехавшие на Дальний Восток в рамках программы повышения мобильности трудовых ресурсов.</p> <p>2021 г. Стала доступна покупка вторичного жилья в моногородах ДФО.</p> <p>2022 г. Право на получение получили педагоги и медики, проработавшие на Дальнем Востоке не менее пяти лет.</p> <p>2023 г. Действие распространено на Арктическую зону России.</p> <p>2024 г. Право на получение получили педагоги и медики без учёта стажа работы, участники СВО и члены семей военнослужащих, погибших при выполнении задач в ходе СВО.</p>
Программа ипотечной субсидии для многодетных семей 2019 г. – по н. вр.	<p><i>Право на получение:</i> гражданин РФ – мать или отец, у которых в период с 1 января 2019 года по 31 декабря 2022 года родились третий ребёнок или последующие дети и которые являются</p>	<p>2021 г. – третий или последующие дети родились в период до 31 декабря 2023 г., срок заключения кредита продлён до 1 июля 2024 г. срок заключения кредита;</p>

Продолжение приложения

Мера государственной поддержки	Первоначальные условия	Изменения условий
	<p>заёмщиками по ипотечному жилищному кредиту (займу).</p> <p><i>Цель:</i> субсидия для полностью или частичного погашения ипотечного кредита.</p> <p>Субсидия выдаётся однократно. Максимальный размер субсидии – 450 тыс. рублей. Указанные средства направляются на погашение задолженности по основному долгу, а в случае, если такая задолженность меньше 450 тыс. рублей, оставшиеся средства направляются на погашение процентов, начисленных за пользование этим кредитом (займом).</p>	<p>– возможность погасить задолженность оплаты неотделимых улучшений, оплату ремонта и уплату страховых премий по договорам страхования, заключение которых предусмотрено кредитными договорами.</p> <p>2024 г. Третий ребёнок или последующие дети родились в период с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2030 года; срок заключения договора продлён и должен быть заключён до начала июля 2031 г.</p>
<p>Льготная ипотечная программа 2020 г. – июль 2024 г.</p>	<p><i>Право на получение:</i> гражданин РФ</p> <p><i>Условия:</i> Покупка жилья на первичном рынке. Кредитная ставка до 6,5% Первоначальный взнос не менее 20% от стоимости жилья. Сумма кредита: для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей до 8 млн руб., для остальных регионов – до 3 млн руб. Первоначальный взнос не менее 20% от стоимости жилья. Кредит на срок до 30 лет.</p>	<p>2020 г. Увеличен максимальный размер кредита: для жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей до 12 млн руб., для жителей других регионов – до 6 млн руб.</p> <p>2021 г. – процентная ставка увеличена до 7%; – стала доступна покупка либо стройка частного дома.</p> <p>2022 г. Процентная ставка увеличена до 12%, затем понижена до 9%, с июня 2022 г. снижение процентной ставки до 7%.</p>
<p>Сельская ипотека 2020 г. – по н. вр.</p>	<p><i>Право на получение:</i> гражданин РФ</p> <p><i>Условия:</i> Льготная ставка до 3% на покупку земельного участка и строительство на нём жилья, квартиры в новостройке, готового частного дома, а также на строительство жилья на уже имеющемся участке только в специально одобренных сельских населённых пунктах и агломерациях до 30 000 человек. Срок строительства – не более 2-х лет. Участник программы должен заключить договор с застройщиком либо подрядчиком. Для жителей Ленинградской области и Дальневосточного федерального округа максимальная сумма кредита определена в 5 млн рублей, в остальных регионах – 3 млн рублей.</p>	<p>2020 г. – обладать правом собственности на участок не обязательно, достаточно договора аренды; – ограничение этажности дома для покупки квартиры – не выше пяти этажей; – для жителей ЯНАО максимальная сумма кредита увеличилась до 5 млн руб. 2023 г. – для приграничных территорий ставка снижена до 0,1%; – увеличен максимальный размер кредита до 6 млн руб.;</p> <p>– разрешено приобретать по льготной ипотеке квартиры в многоэтажных домах не выше 5 этажей, которые расположены в опорных регионах России; – разрешено строительство жилого дома своими силами с использованием готовых домокомплектов отечественного производителя; – увеличен срок строительства на период службы заёмщика или его близкого родственника в СВО.</p>
<p>Льготная ипотечная программа для IT-специалистов 2022 г. – по н.вр.</p>	<p><i>Право на получение:</i> работники аккредитованных IT-компаний в возрасте от 22 до 45 лет.</p> <p><i>Условия:</i> Льготная ставка до 5%. Зарплата специалиста должна быть не ниже 150 тыс. рублей в месяц в регионах</p>	<p>2022 г. – зарплата от 150 тыс. рублей в месяц в городах-миллионниках и не менее 100 тыс. рублей – в остальных населённых пунктах; – максимальный размер кредита в регионах-миллионниках увеличен с 18 млн руб. до 30 млн руб., в остальных – с 9 млн до 15 млн</p>

Мера государственной поддержки	Первоначальные условия	Изменения условий
	<p>свыше миллиона жителей, и не ниже 100 тыс. рублей – в остальных субъектах РФ. Максимальный размер кредита для жителей регионов с численностью населения не менее 1 млн человек – 18 млн рублей, для остальных регионов – 9 млн рублей. Первоначальный взнос 20%.</p>	<p>руб., при этом сумма льготного кредита остаётся на уровне 18 млн руб. и 9 млн руб. соответственно, но теперь можно сочетать с дополнительной суммой, взятой по рыночной или другой субсидируемой ставке.</p> <p>2023 г.</p> <ul style="list-style-type: none"> – уровень зарплаты снизился со 150 до 120 тыс. рублей для городов-миллионников, со 100 до 70 тыс. рублей – для других населённых пунктов. <p>2024 г.</p> <ul style="list-style-type: none"> – возраст от 18 до 50 лет; – повышение базовой ставки до 6%; – исключена возможность покупки жилья в Москве и Санкт-Петербурге; – максимальный размер кредита 9 млн руб.
<p>Льготная ипотека на территориях новых субъектов Российской Федерации 2023 г. – по н. вр.</p>	<p><i>Право на получение:</i> Граждане РФ.</p> <p><i>Условия:</i> Льготная ставка 2%. Строительство и приобретение частного дома, в том числе с земельным участком, квартиры в новостройке на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов Российской Федерации, утверждённых постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2565. Первоначальный взнос – 10%. Максимальный размер кредита – 6 млн руб.</p>	<p>2024 г.</p> <ul style="list-style-type: none"> – жильё на вторичном рынке; – действие распространено на Белгородскую область, а именно собственники жилья, признанного «непригодным для проживания в результате обстрелов со стороны сопредельного государства».

Источник: составлено автором на основе анализа федеральных законных и подзаконных нормативных правовых актов РФ, регулирующих жилищные отношения в России с 2000 г. по н. вр.

Оригинальная статья

УДК 614.2; 338.4

JEL I10, I11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_7_571_584

EDN JDMCMC

Неудовлетворенность пациентов в государственных и частных медицинских организациях: влияние индивидуальных характеристик

Ольга Анатольевна Кислицына

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(olga.kislitsyna@gmail.com), (<http://orcid.org/0000-0002-4144-237X>)

Аннотация

Удовлетворённость/неудовлетворённость потребителей становится ключевым индикатором качества медицинских услуг и эффективности работы систем здравоохранения. Цель данного исследования заключалась в том, чтобы изучить уровень неудовлетворённости полученной медицинской помощью и связанные с ним индивидуальные факторы среди пациентов в государственных и частных медицинских учреждениях.

Информационная основа исследования – Выборочное наблюдение состояния здоровья населения, проведённое Росстатом в 2023 г. и охватившее в общей сложности чуть больше 120 тыс. респондентов, из которых для дальнейшего анализа были отобраны участники старше 18 лет, которые пользовались услугами здравоохранения в течение последних 12 месяцев (около 90 тыс.). Неудовлетворённость пациентов рассматривалась как зависимая переменная в многомерных логистических регрессиях. Социально-демографические и экономические характеристики участников опроса, характеристики их здоровья и места жительства использовались в качестве независимых переменных.

Установлено, что значительная часть пациентов удовлетворены медицинским обслуживанием, которое они получили, при этом уровень неудовлетворённости был выше в государственных медицинских организациях (21,8%), чем в частных (7,6%). Женщины, респонденты более старшего возраста, состоящие в браке и/или имеющие детей до 18 лет, получившие среднее или высшее образование, занятые в частном секторе экономики или имеющие свой бизнес, имеющие плохое здоровье и жалобы на плохое материальное положение, проживающие в городе и в таких федеральных округах, как Сибирский, Дальневосточный, Южный, Северо-Западный, Приволжский, с большей вероятностью высказывали неудовлетворённость медицинской помощью, полученной в государственных медицинских организациях. В то время как неудовлетворённость услугами в частных учреждениях связана только с пятью факторами: возрастом, состоянием здоровья, материальным положением, типом поселения и округом проживания. Сопоставлены причины неудовлетворённости медицинскими услугами в государственных и частных медицинских организациях. Выявлены группы населения, неудовлетворённые медицинской помощью по конкретным причинам.

Ключевые слова: удовлетворённость, общественное мнение, медицинские услуги, медицинская помощь, определяющие факторы, государственные медицинские организации, частные медицинские организации, Выборочное наблюдение состояния здоровья населения

Для цитирования: Кислицына О.А. Неудовлетворенность пациентов в государственных и частных медицинских организациях: влияние индивидуальных характеристик // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 571–584. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_7_571_584 EDN JDMCMC

RAR (Research Article Report)

JEL I10, I11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_7_571_584

Patient Dissatisfaction in Public and Private Healthcare Organizations: the Influence of Individual Characteristics

Ol'ga A. Kislitsyna

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(olga.kislitsyna@gmail.com), (<http://orcid.org/0000-0002-4144-237X>)

Abstract

Consumer satisfaction/dissatisfaction is becoming a key indicator of the quality of medical services and the effectiveness of health systems. The purpose of this study was to examine the level of dissatisfaction with received medical care and the individual factors associated with it among patients in public and private health care institutions.

The information base of the study was a Sample observation of the health status of the population conducted by Rosstat in 2023 and covered a total of just over 120 thousand respondents, of which participants over 18 years of age who used health services during the past 12 months (about 90 thousand) were selected for further analysis. Patient dissatisfaction was considered as a dependent variable in multivariate logistic regressions. Socio-demographical and economical characteristics of the survey participants, their health characteristics and place of residence were used as independent variables.

It was found that a significant proportion of patients were satisfied with the medical care they received, while the level of dissatisfaction was higher in public health organizations (21,8%) than in private ones (7,6%). Women, older respondents, those who were married and/or had children under 18, who have received secondary or higher education, were employed in the private sector of the economy or had their own business, had poor health and complains about poor financial situation, lived in the city and in such Federal Districts as Siberian, Far Eastern, Southern, Northwestern, Volga, were more likely to express dissatisfaction with the medical care received in public health organizations. While dissatisfaction with services in private institutions was associated with only five factors: age, health, financial situation, type

of settlement and district of residence. The reasons for dissatisfaction with medical services in public and private health organizations were compared. Population groups dissatisfied with medical care for specific reasons were identified.

Keywords: satisfaction, public opinion, medical services, medical healthcare, determining factors, public health organizations, private health organizations, Sample observation of the health status of the population

For citation: Kislitsyna O.A. Social Patient Dissatisfaction in Public and Private Healthcare Organizations: the Influence of Individual Characteristics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):571–584. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_7_571_584 (In Russ.)

Введение

Объект исследования. Взрослое население Российской Федерации, использующее услуги здравоохранения в течение последних 12 месяцев.

Предмет исследования. Удовлетворённость/неудовлетворённость медицинской помощью.

Гипотеза исследования. Существует различие в удовлетворённости медицинской помощью в государственных и частных медицинских организациях. Удовлетворённость медицинской помощью связана с индивидуальными характеристиками потребителей.

В последние годы удовлетворённость/неудовлетворённость потребителей становится ключевым индикатором качества медицинских услуг и эффективности работы систем здравоохранения во многих странах [1]. В России с 2022 г. дополнительный целевой показатель, характеризующий удовлетворённость населения медицинской помощью, включён в новый федеральный проект по развитию первичного звена здравоохранения¹. В литературе существует два основных направления исследований удовлетворённости потребителей: одно сосредоточено на удовлетворённости системой здравоохранения в целом (например, [2; 3]), другое – на удовлетворённости пациентов полученной медицинской помощью (например, [4]). Удовлетворённость пациентов фокусируется только на пользователях медицинских услуг, в то время как общая удовлетворённость включает мнения как пользователей, так и не пользователей. Оба эти показателя являются важным аспектом, который следует учитывать при реформировании системы здравоохранения.

Оценка удовлетворённости пациентов медицинской помощью имеет ряд преимуществ, которые, возможно, делают её более приоритетной по сравнению с общей удовлетворённостью населения системой здравоохранения. Во-первых, удовлетворённость пациентов напрямую связана с их личным опытом взаимодействия с медицинскими

работниками, диагностическими процедурами и лечением, что позволяет выявить конкретные проблемы и улучшить качество обслуживания. Во-вторых, удовлетворённость пациентов приводит к более высокому уровню их вовлечённости в процесс лечения (например, [5]). В-третьих, информация об удовлетворённости пациентов может способствовать более эффективному распределению ресурсов и уменьшению нагрузки на систему.

За последние десятилетия интерес к проблеме удовлетворённости/неудовлетворённости пациентов значительно возрос, о чём свидетельствует увеличение числа публикаций на эту тему, в том числе и среди российских учёных (например, [6; 7]), однако эмпирических исследований в нашей стране проведено недостаточно (например, [8; 9]). К сожалению, большинство традиционных опросов удовлетворённости пациентов посвящены конкретным медицинским учреждениям, методологически слабы, ориентированы на руководителей или врачей и/или не являются надёжными [10; 11]. Чтобы понять факторы, влияющие на удовлетворённость общей системой оказания медицинской помощи, необходимы опросы, репрезентативные в национальном масштабе [11].

Частные поставщики медицинской помощи играют всё более значимую роль в системе амбулаторной помощи населению во многих странах, в том числе и в России. При этом не утихают дебаты о преимуществе частных медицинских услуг по сравнению с государственными (например, [12; 13; 14]). Однако существует согласие в том, что улучшение качества как государственных, так и частных поставщиков медицинских услуг, может оказать значительное воздействие на результаты в области здравоохранения [15].

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы, используя общенациональную репрезентативную выборку, изучить уровень неудовлетворённости медицинской помощью и связанные с ним индивидуальные факторы среди пациентов государственных и частных медицинских учреждений.

Понимание удовлетворённости/неудовлетворённости пациентов в государственном и

¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.06.2022 г. № 495 «Об утверждении методики расчёта дополнительного показателя "Оценка общественного мнения по удовлетворённости населения медицинской помощью, процент" федерального проекта "Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации", входящего в национальный проект "Здравоохранение"».

частном секторе позволит выявить различия в качестве оказания медицинской помощи, что может способствовать улучшению услуг в обоих секторах.

Теоретические и методологические положения

Удовлетворённость пациента медицинской помощью – сложный многогранный концепт, который охватывает различные аспекты взаимодействия пациента с медицинской системой. Существует много разных определений [16], обобщая которые можно сделать вывод, что удовлетворённость – субъективное чувство, при котором человек сравнивает свою собственную оценку (т.е. опыт) медицинской помощи со своими ожиданиями [17]. Первоначальные ожидания являются основным фактором удовлетворённости, и, если воспринимаемое качество обслуживания ниже ожиданий, результатом неизбежно будет неудовлетворённость обслуживанием [18]. Т.е. удовлетворённость медицинской помощью не означает её превосходное качество, а скорее достижение уровня, соответствующего ожиданиям пациента, которые в свою очередь зависят от социально-демографических характеристик и опыта пациента [6].

Исследования свидетельствуют о том, что факторы, влияющие на удовлетворённость пациентов медицинской помощью, делятся на две широкие категории [6; 19; 20]: связанные с поставщиком медицинских услуг и с самим пациентом. Факторы, имеющие отношение к поставщикам медицинских услуг, включают характеристики организации (например, администрация, соотношение докторов и пациентов) и физической среды (например, комфорт, чистота, оборудование и инфраструктура), технические аспекты ухода (например, профессионализм медицинского персонала), качество обслуживания, межличностные аспекты ухода (например, доброта, уважение, внимательность), доступность, стоимость, время ожидания, коммуникацию (например, продолжительность консультации). Детерминанты, связанные с пациентом, включают пол, возраст, образование, семейное положение, доход, социально-экономический статус, место проживания, статус занятости, состояние здоровья пациента, результат ухода и опыт пациента. При этом взаимосвязи между удовлетворённостью/неудовлетворённостью и индивидуальными характеристиками являются наиболее противоречивыми [20], сила и направление эффектов разнятся, что объясняется разнообразием концепций и измерений удовлетворённости, различиями культурного фона и систем здравоохранения в разных странах.

В данном исследовании будут рассматриваться факторы, связанные с индивидуальными характеристиками пользователей медицинской помощи, доступные в обследовании.

Данные и методы

Информационная основа исследования – Выборочное наблюдение состояния здоровья населения, проведённое Росстатом в 2023 г.² и охватившее в общей сложности чуть больше 120 тыс. респондентов, из которых для дальнейшего анализа были отобраны участники старше 18 лет, использовавшие услуги здравоохранения в течение последних 12 месяцев (около 90 тыс.).

Переменной интереса в исследовании являлась неудовлетворённость медицинскими услугами, полученными в государственных и частных медицинских организациях. Участников обследования спросили, в какие медицинские организации (поликлиники, больницы, центры и т.д.) они обращались в течение последних 12 месяцев (государственные и/или частные), и попросили ответить, удовлетворены ли они оказанной в них медицинской помощью (да/нет). В случае, если респонденты были не удовлетворены, их попросили из перечня возможных причин выбрать, что их не устраивает (да/нет).

Независимые переменные были сгруппированы в пять категорий: демографические данные; проблемы, связанные с семьёй, финансами, здоровьем; место проживания. Демографические переменные включали пол (мужчины/женщины), возраст (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60 и старше), образование (низкое (среднее общее или ниже), среднее (среднее профессиональное или неполное высшее профессиональное), высокое (высшее профессиональное или выше)). Проблемы, связанные с семьёй, представляли тип семьи, определяющий структуру семьи с точки зрения брачных отношений и детей и включающий 4 категории – одинокий; одинокий с детьми до 18 лет; супружеская пара; супружеская пара с детьми до 18 лет. Проблемы со здоровьем представляли самооценку по пятибалльной шкале, дихотомизированную, как плохое (плохое и очень плохое) и неплохое (удовлетворительное, хорошее и очень хорошее) здоровье. Финансовые проблемы включали тип занятости (занятость в государственном или бюджетном секторе, частном секторе/свой бизнес, неработающий) и материальное положение семьи, представляющее самооценку и включающее 5 категорий – нет никаких материальных затруднений; особых материальных затруднений нет, но не все покупки по карману; денег хватает

² Итоги Выборочного наблюдения состояния здоровья населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 10.08.2024).

лишь на основные продукты питания и одежду; денег не хватает на продукты питания, лекарства, одежду; живу в крайней нужде. Место проживания включало тип поселения (город/село) и федеральный округ (ФО) страны.

Статистический анализ влияния индивидуальных характеристик пациентов на неудовлетворённость медицинской помощью проведён с помощью многомерных моделей логистической регрессии пакета SPSS.

Результаты

Из 98194 взрослых участников обследования 86,3% пользовались услугами государственных и 26,5% – частных медицинских организаций (вместе не 100%, т.к. респонденты в течение последних 12 месяцев могли посещать как государственные, так и частные медицинские учреждения). Среди обратившихся в соответствующие медицинские организации, неудовлетворённость полученной

помощью составила 21,8% в государственных учреждениях и 7,6% – в частных учреждениях.

Уровень неудовлетворённости различными компонентами медицинской помощи

Среди основных причин неудовлетворённости среди пациентов государственных медицинских учреждений – долгое ожидание в регистратуре, записи на исследование (73,6%), отсутствие оборудования и лекарств (48,1%), непрофессионализм врачей (46,8%), некомфортные условия (20,6%) и грубое отношение персонала (19,3%) (Таблица 1). Пациенты частных медицинских организаций больше всего жаловались на непрофессионализм врачей (61,1%) и долгое ожидание (61%), отсутствие оборудования и лекарств (49,2%), грубое отношение персонала (22,7%), требование оплаты медицинских услуг или лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно (21,4%) и некомфортные условия (20,5%).

Таблица 1

Уровень неудовлетворённости различными компонентами медицинской помощи в государственных и частных медицинских организациях (% от числа неудовлетворённых)

Table 1

Dissatisfaction with Various Components of Medical Care in Public and Private Medical Organizations (% from the number of dissatisfied)

	Государственные	Частные
Длительность ожидания в регистратуре поликлиники, записи на исследование	73,6	61,0
Некомфортные условия (отсутствие достаточного количества сидячих мест и нормальной вентиляции)	20,6	20,5
Отсутствие необходимого оборудования и лекарств	48,1	49,2
Непрофессионализм врачей (неправильно поставленный диагноз или неверно назначенное лечение)	46,8	61,1
Плохие санитарные условия	8,0	8,8
Грубое отношение медицинского персонала	19,3	22,7
Требование оплаты медицинских услуг или лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно	10,0	21,4
Запись в карточку/медицинской документации большего количества процедур/услуг, чем было сделано во время приёма	8,3	13,2
Другое	8,1	13,8

Источник: рассчитано автором.

Факторы, связанные с уровнем неудовлетворённости пациентов в частных и государственных медицинских учреждениях

Результаты логистической регрессии (Таблица 2) позволили установить, что все рассмотренные индивидуальные факторы связаны с неудовлетворённостью услугами в государственных медицинских учреждениях. Женщины (1,21***), респонденты более старшего возраста (например, 50–59 лет (1,49***), 60 лет и старше (1,45***)), одинокие без детей (1,09**), состоящие в браке без детей (1,11***) или имеющие детей (1,15***), получившие среднее (1,20***) или высшее (1,29***) образование, занятые

в частном секторе/имеющие свой бизнес (1,29***), имеющие плохое здоровье (1,71***) и жалобы на плохое материальное положение (например, крайне нуждающиеся (4,03***)), проживающие в городе (1,53***) и в таких ФО, как Сибирский (1,35***), Дальневосточный (1,25***), Южный (1,18***), Северо-Западный (1,09**), Приволжский (1,08**) с большей вероятностью высказывали неудовлетворённость медицинской помощью, полученной в государственных организациях. С меньшей вероятностью неудовлетворены медицинскими услугами в государственных учреждениях проживающие в Северо-Кавказском (0,88***) ФО.

Неудовлетворённость услугами в частных медицинских организациях связана только с пятью факторами: возрастом, состоянием здоровья, материальным положением, типом поселения и округом проживания. Чаще всего высказывали неудовлетворение респонденты старше 30 лет (например, 50–59 лет (1,72***), 60 лет и старше (1,54***)), имеющие плохое здоровье (1,73***), плохое материальное положение

(особенно те, кому не хватает денег на продукты, лекарства, одежду (3,81***), или крайне нуждающиеся (3,46***)), проживающие в городе (1,10*). С меньшей вероятностью не удовлетворены медицинской помощью в частных организациях проживающие в Северо-Западном (0,71***), Южном (0,78***), Приволжском (0,72***), Уральском (0,56***), Сибирском (0,84**) ФО.

Таблица 2

Детерминанты неудовлетворенности россиян полученной медицинской помощью в государственных и частных медицинских организациях (коэффициенты шансов (OR) логистической регрессии с 95-% доверительными интервалами (CI))

Table 2

Determinants of Dissatisfaction of Russians with Medical Care Received in Public and Private Medical Organizations (Odds Ratios (OR) of Logistic Regression with 95% Confidence Intervals (CI))

	Государственные		Частные	
	OR	CI	OR	CI
Пол (Женщины vs Мужчины)	1,21***	(1,17–1,26)	1,01	(0,91–1,12)
Возраст				
18–29	1		1	
30–39	1,17***	(1,09–1,27)	1,41***	(1,15–1,74)
40–49	1,30***	(1,21–1,40)	1,49***	(1,22–1,83)
50–59	1,49***	(1,39–1,61)	1,72***	(1,41–2,11)
60 и старше	1,45***	(1,35–1,56)	1,54***	(1,26–1,89)
Тип семьи				
Одинокий	1		1	
Одинокий с детьми до 18 лет	1,09**	(1,00–1,19)	0,89	(0,71–1,12)
Супружеская пара	1,11***	(1,06–1,15)	1,00	(0,89–1,12)
Супружеская пара с детьми до 18 лет	1,15***	(1,08–1,21)	1,00	(0,86–1,16)
Образование				
Низкое	1		1	
Среднее	1,20***	(1,15–1,26)	0,94	(0,81–1,09)
Высшее	1,29***	(1,22–1,36)	0,95	(0,81–1,11)
Здоровье (Плохое vs Хорошее)	1,71***	(1,61–1,81)	1,73***	(1,47–2,03)
Занятость				
Государственный сектор	1		1	
Частный сектор/Бизнес	1,29***	(1,23–1,35)	0,99	(0,87–1,12)
Неработающий	1,03	(0,97–1,09)	1,10	(0,94–1,29)
Материальное положение				
Нет проблем	1		1	
Особых проблем нет, но не все покупки по карману	1,71***	(1,59–1,84)	1,38***	(1,14–1,67)
Денег хватает лишь на основные продукты питания и одежду	2,41***	(2,23–2,59)	2,36***	(1,94–2,87)
Денег не хватает на продукты питания, лекарства, одежду	3,16***	(2,89–3,45)	3,81***	(2,99–4,85)
Крайняя нужда	4,03***	(3,34–4,86)	3,46***	(1,88–6,40)
Тип поселения (Город vs Село)	1,53***	(1,47–1,59)	1,10*	(1,00–1,23)
Федеральный округ				
Центральный	1		1	
Северо-Западный	1,09**	(1,03–1,16)	0,71***	(0,59–0,84)

	Государственные		Частные	
	OR	CI	OR	CI
Южный	1,18***	(1,12–1,26)	0,78***	(0,66–0,91)
Северо-Кавказский	0,88***	(0,81–0,95)	0,90	(0,75–1,09)
Приволжский	1,08**	(1,03–1,14)	0,72***	(0,63–0,84)
Уральский	0,95	(0,89–1,02)	0,56***	(0,44–0,71)
Сибирский	1,35***	(1,28–1,43)	0,84**	(0,71–0,99)
Дальневосточный	1,25***	(1,16–1,35)	1,06	(0,87–1,29)

Значимость ***P<0,001; **P<0,005; *P<0,05

Источник: рассчитано автором.

Группы населения, неудовлетворённые конкретными аспектами медицинской помощи

В Таблице 3 представлены результаты логистической регрессии, позволяющие выявить группы населения, неудовлетворённые медицинской помощью по конкретным причинам.

Долгим ожиданием с большей вероятностью не довольны имеющие среднее образование (1,10*), занятые в частном секторе (1,10*), не имеющие особых материальных проблем, но не все покупки им по карману (1,19**) или денег хватает лишь на основные продукты питания и одежду (1,23**), проживающие в городе (1,15***), в Северо-Западном (1,47***), Южном (1,44***), Сибирском (1,28***), или Приволжском (1,23***). Проживающие в Северо-Кавказском (0,75***), или Дальневосточном (0,76***). ФО с меньшей вероятностью имеют жалобы на долгое ожидание.

Некомфортные условия в качестве причины неудовлетворённости медицинской помощью чаще отмечают имеющие высшее образование (1,12*), плохое здоровье (1,20***), занятые в частном секторе (1,33***), или неработающие (1,26***), проживающие в городе (1,19***), Южном (1,29***), или Северо-Кавказском (1,80***). ФО. С меньшей вероятностью выражают неудовлетворение одинокие с детьми (0,82*), супружеские пары без детей (0,88**) или с детьми (0,87*), проживающие в Уральском (0,80***), или Дальневосточном (0,82*) ФО.

Отсутствие оборудования или лекарств стало причиной неудовлетворённости респондентов старше 30 лет (например, группы 60 лет и старше (1,43***)), состоящих в браке с детьми (1,19***), сообщивших о плохом здоровье (1,28***), имеющих материальные проблемы, особенно испытывающих крайнюю нужду (1,68***), живущих в Северо-Кавказском (1,31***). ФО. С меньшей вероятностью причиной неудовлетворённости медицинской помощью называли отсутствие оборудования и лекарств жители городов (0,79***), Северо-Западного (0,74***), Приволжского (0,81***), Уральского (0,61***). ФО.

Профессионализмом врачей не удовлетворены респонденты старшей возрастной группы 50–59 лет (1,19**), имеющие высшее (1,30***), или среднее (1,30***), образование, сообщившие о плохом здоровье (1,34***), имеющие плохое материальное положение (особенно крайне нуждающиеся (1,70***)), проживающие в городе (1,32***), в Уральском (1,26***). ФО. С меньшей вероятностью непрофессионализм в качестве причины неудовлетворённости назвали проживающие в Северо-Западном (0,69***), или Приволжском (0,76***). ФО.

Плохие санитарные условия были причиной неудовлетворённости среди работающих в частном секторе (1,30***), имеющих крайнюю материальную нужду (1,90***), проживающих в городе (1,39***). Реже имели жалобы на санитарные условия те, у кого нет материальных проблем, но не все покупки по карману (0,74*), проживающие в Северо-Западном (0,62***), Приволжском (0,65***), Уральском (0,57***), Сибирском (0,73***), Дальневосточном (0,49***). ФО.

На *грубость медицинского персонала* имеют жалобы женщины (1,16***), имеющие плохое здоровье (1,23***), занятые в частном секторе (1,14*), крайне нуждающиеся (1,44*), проживающие в городе (1,15***). По сравнению с Центральным ФО реже жалуются на грубое отношение жители Северо-Западного (0,70***), Южного (0,86*), Приволжского (0,76***), Уральского (0,80*), Сибирского (0,88*) ФО.

Требованием оплаты медицинских услуг или лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно, не довольны респонденты от 30 до 59 лет (например, старшая возрастная группа 50–59 лет (1,39**)), имеющие плохое здоровье (1,62***), испытывающие крайнюю материальную нужду (1,55*), проживающие в городе (1,56***), Северо-Кавказском ФО (2,09***). С меньшей вероятностью не удовлетворены медицинской помощью по причине требования оплаты за то, что должно предо-

ставляться бесплатно, жители Северо-Западного (0,80**), Приволжского (0,67***), Уральского (0,46***), Сибирского (0,74***), Дальневосточного (0,69***) ФО.

Запись большего количества услуг с большей вероятностью вызывает неудовлетворение среди женщин (1,14*), молодых людей в возрасте 30–39 лет (1,29*), имеющих высшее (1,61***) или среднее (1,44***) образование, сообщивших о плохом здоровье (1,32***), неработающих (1,20*) или ра-

ботающих в частном секторе (1,16*), которым не все покупки по карману (1,33*) или денег хватает лишь на основные продукты питания и одежду (1,48***), проживающих в городе (1,89***), в Северо-Кавказском (1,41***) или Приволжском (1,27***) ФО. С меньшей вероятностью неудовлетворённость по причине записи большего количества услуг высказывают одинокие с детьми до 18 лет (0,75*), проживающие в Сибирском (0,81*) или Дальневосточном (0,71**) ФО.

Таблица 3

Детерминанты неудовлетворенности россиян полученной медицинской помощью в соответствии с разными причинами

(коэффициенты шансов (OR) логистической регрессии с 95-% доверительными интервалами (CI))

Table 3

Determinants of Dissatisfaction of Russians with the Medical Care According to Different Reasons (Odds Ratios (OR) of Logistic Regression with 95% Confidence Intervals (CI))

	Долгое ожидание	Некомфортные условия	Отсутствие оборудования	Непрофессионализм врачей	Плохие санитарные условия	Грубое отношение	Требование оплаты	Запись большего количества услуг
Пол (Женщины vs Мужчины)	1,06 (0,99–1,14)	1,01 (0,94–1,10)	1,06 (0,99–1,13)	1,00 (0,94–1,07)	0,90 (0,80–1,01)	1,16*** (1,07–1,26)	1,05 (0,95–1,17)	1,14* (1,01–1,28)
Возраст								
18–29	1	1	1	1	1	1	1	1
30–39	1,02 (0,87–1,18)	1,06 (0,90–1,25)	1,23*** (1,07–1,41)	1,10 (0,96–1,26)	0,97 (0,77–1,23)	1,17 (0,99–1,39)	1,31* (1,04–1,66)	1,29* (1,01–1,64)
40–49	0,95 (0,82–1,10)	1,00 (0,85–1,17)	1,25*** (1,10–1,43)	1,11 (0,97–1,26)	0,93 (0,74–1,17)	1,10 (0,93–1,30)	1,26* (1,00–1,58)	1,06 (0,84–1,34)
50–59	0,96 (0,83–1,11)	0,90 (0,77–1,06)	1,48*** (1,29–1,69)	1,19** (1,04–1,35)	0,81 (0,64–1,03)	0,98 (0,83–1,16)	1,39** (1,10–1,75)	1,10 (0,87–1,39)
60 и старше	1,03 (0,89–1,19)	0,88 (0,75–1,03)	1,43*** (1,25–1,63)	1,05 (0,93–1,20)	0,80 (0,63–1,00)	0,99 (0,84–1,17)	1,20 (0,95–1,52)	0,82 (0,65–1,05)
Тип семьи								
Одинокий	1	1	1	1	1	1	1	1
Одинокий с детьми до 18 лет	0,93 (0,79–1,09)	0,82* (0,69–0,99)	1,14 (0,98–1,31)	1,10 (0,95–1,27)	0,97 (0,74–1,25)	0,96 (0,80–1,15)	1,13 (0,89–1,43)	0,75* (0,57–0,97)
Супружеская пара	1,00 (0,93–1,08)	0,88** (0,81–0,96)	1,04 (0,97–1,11)	0,99 (0,92–1,06)	0,92 (0,80–1,05)	0,98 (0,90–1,07)	0,99 (0,88–1,11)	1,02 (0,90–1,15)
Супружеская пара с детьми до 18 лет	0,95 (0,85–1,06)	0,87* (0,77–0,98)	1,19*** (1,08–1,32)	1,05 (0,95–1,16)	1,00 (0,84–1,19)	0,93 (0,82–1,05)	1,05 (0,89–1,24)	0,91 (0,77–1,09)
Образование								
Низкое	1	1	1	1	1	1	1	1
Среднее	1,10* (1,01–1,21)	1,08 (0,97–1,20)	1,08 (0,99–1,18)	1,15*** (1,06–1,25)	1,00 (0,86–1,17)	0,95 (0,86–1,05)	1,04 (0,91–1,20)	1,44*** (1,22–1,70)
Высшее	1,02 (0,92–1,14)	1,12* (1,00–1,26)	1,08 (0,98–1,19)	1,30*** (1,18–1,43)	1,12 (0,94–1,33)	0,96 (0,85–1,08)	1,16 (0,99–1,36)	1,61*** (1,34–1,93)
Здоровье (Плохое vs Хорошее)	0,96 (0,86–1,06)	1,20*** (1,07–1,35)	1,28*** (1,16–1,41)	1,34*** (1,22–1,48)	1,12 (0,94–1,34)	1,23*** (1,09–1,38)	1,62*** (1,40–1,87)	1,32*** (1,11–1,56)
Занятость								
Государственный сектор	1	1	1	1	1	1	1	1
Частный сектор/Бизнес	1,10* (1,01–1,21)	1,33*** (1,20–1,48)	1,03 (0,95–1,12)	1,00 (0,92–1,09)	1,30*** (1,11–1,51)	1,14* (1,02–1,26)	1,09 (0,95–1,25)	1,16* (1,00–1,34)

	Долгое ожидание	Некомфортные условия	Отсутствие обслуживания	Непрофессионализм врачей	Плохие санитарные условия	Грубое отношение	Требование оплаты	Запись большего количества услуг
Неработающий	1,04 (0,93–1,16)	1,26*** (1,11–1,43)	1,04 (0,94–1,14)	1,04 (0,94–1,15)	1,13 (0,94–1,37)	1,07 (0,94–1,22)	1,06 (0,89–1,25)	1,20* (1,00–1,44)
Материальное положение								
Нет проблем	1	1	1	1	1	1	1	1
Особых проблем нет, но не все покупки по карману	1,19** (1,03–1,37)	0,98 (0,83–1,15)	1,20** (1,04–1,37)	1,24** (1,08–1,42)	0,74* (0,59–0,94)	0,90 (0,76–1,07)	0,81 (0,65–1,00)	1,33* (1,01–1,74)
Денег хватает лишь на основные продукты питания и одежду	1,23** (1,06–1,42)	0,97 (0,82–1,14)	1,26*** (1,10–1,44)	1,21** (1,06–1,39)	0,90 (0,71–1,14)	1,02 (0,86–1,21)	0,94 (0,75–1,17)	1,48*** (1,13–1,94)
Денег не хватает на продукты питания, лекарства, одежду	1,06 (0,89–1,26)	1,15 (0,95–1,39)	1,54*** (1,31–1,80)	1,54*** (1,31–1,80)	0,91 (0,69–1,21)	1,10 (0,90–1,34)	1,03 (0,80–1,33)	1,33 (0,97–1,82)
Крайняя нужда	0,87 (0,63–1,19)	1,29 (0,91–1,83)	1,68*** (1,24–2,27)	1,70*** (1,26–2,29)	1,90*** (1,23–2,95)	1,44* (1,02–2,03)	1,55* (1,02–2,36)	1,39 (0,79–2,46)
Тип поселения (Город vs Село)	1,15*** (1,07–1,24)	1,19*** (1,09–1,29)	0,79*** (0,74–0,85)	1,32*** (1,23–1,41)	1,39*** (1,21–1,59)	1,15*** (1,05–1,26)	1,56*** (1,38–1,77)	1,89*** (1,63–2,19)
Федеральный округ								
Центральный	1	1	1	1	1	1	1	1
Северо-Западный	1,47*** (1,30–1,67)	1,00 (0,87–1,14)	0,74*** (0,67–0,83)	0,69*** (0,62–0,77)	0,62*** (0,50–0,76)	0,70*** (0,60–0,80)	0,80** (0,67–0,95)	0,93 (0,77–1,14)
Южный	1,44*** (1,28–1,62)	1,29*** (1,14–1,46)	1,02 (0,92–1,13)	0,94 (0,85–1,04)	1,08 (0,91–1,28)	0,86* (0,76–0,98)	0,86 (0,73–1,02)	0,90 (0,74–1,09)
Северо-Кавказский	0,75*** (0,65–0,87)	1,80*** (1,54–2,10)	1,31*** (1,14–1,51)	1,08 (0,94–1,24)	0,88 (0,69–1,14)	1,14 (0,97–1,35)	2,09*** (1,74–2,51)	1,41*** (1,11–1,78)
Приволжский	1,23*** (1,12–1,36)	1,04 (0,93–1,16)	0,81*** (0,74–0,89)	0,76*** (0,69–0,83)	0,65*** (0,55–0,77)	0,76*** (0,68–0,86)	0,67*** (0,58–0,78)	1,27*** (1,09–1,47)
Уральский	1,00 (0,87–1,14)	0,80*** (0,67–0,94)	0,61*** (0,54–0,69)	1,26*** (1,12–1,43)	0,57*** (0,45–0,74)	0,80** (0,68–0,94)	0,46*** (0,36–0,59)	0,88 (0,70–1,11)
Сибирский	1,28*** (1,14–1,43)	1,01 (0,89–1,14)	0,96 (0,87–1,06)	0,96 (0,87–1,06)	0,73*** (0,60–0,87)	0,88* (0,78–1,00)	0,74*** (0,63–0,88)	0,81* (0,67–0,98)
Дальневосточный	0,76*** (0,67–0,86)	0,82* (0,69–0,96)	0,93 (0,83–1,06)	1,12 (0,99–1,27)	0,49*** (0,37–0,64)	0,93 (0,79–1,08)	0,69*** (0,55–0,85)	0,71** (0,55–0,91)

Значимость ***P<0,001; **P<0,005; *P<0,05

Источник: рассчитано автором.

Обсуждение и сравнение с другими исследованиями

Проведённое исследование показало, что пациенты частных медицинских организаций больше удовлетворены полученной помощью по сравнению с пациентами государственных организаций. Этот результат соответствует другим исследованиям [21; 22; 23; 24; 25; 26]. Возможная причина может заключаться в том, что частные клиники часто могут предложить более высокий уровень сервиса, что даёт пациенту большее удов-

летворение медицинским обслуживанием. Пациенты частных медицинских учреждений обычно имеют высокие ожидания относительно медицинских услуг, которые они получают, что влияет на их уровень удовлетворённости [27]. Однако, установлено, что обращение за помощью в частные медицинские учреждения не избавляет пациентов от таких проблем, как непрофессионализм врачей; запись большего количества услуг, чем было предоставлено; требование оплаты за то, что должно предоставляться бесплатно; грубое отно-

шение персонала и плохие санитарные условия. Единственная проблема, на которую реже жалуются пациенты частных медицинских организаций по сравнению с государственными – долгое ожидание в регистратуре, записи на исследование. Не утихают дебаты между сторонниками частной системы здравоохранения, которые отстаивают её преимущества как достижение одновременно максимизации прибыли и эффективности, и сторонниками государственной системы. Последние [14] высказывают опасение по поводу того, что частное здравоохранение поддерживает культуру, ориентированную на бизнес, усугубляет проблему доступа к медицинской помощи и создаёт недобросовестную конкуренцию с государственными некоммерческими медицинскими организациями. Оно рассматривает здравоохранение как товар, а не как основное право человека. Обзор, проведённый в нескольких экономически развитых странах [28], показал, что переход к приватизации услуг государственных медицинских учреждений с целью повышения качества медицинской помощи за счёт усиления рыночной конкуренции и преимуществ более гибкого и ориентированного на пациента частного сектора привёл к ухудшению качества ухода и результатов для пациентов. Исследователи приходят к выводу, что государственные медицинские организации более эффективны, чем частные [29; 30; 31; 32]. Основные преимущества государственного здравоохранения заключаются в том, что оно предоставляет услуги всем гражданам независимо от их финансового положения, что делает доступ к медицине более равным; меньше зависит от прибыли, что позволяет сосредоточиться на здоровье населения; подвержено строгим экономическим и этическим стандартам, обеспечивающим более высокую степень защиты пациентов. Не коммерциализация здравоохранения, а увеличение государственных расходов может быть одним из способов создания более эффективной и доступной системы оказания медицинской помощи.

Установлено, что женщины по сравнению с мужчинами с большей вероятностью не удовлетворены полученной медицинской помощью, что подтверждает выводы предыдущих исследователей [24; 33], и отчасти может быть связано с тем, что женщины по сравнению с мужчинами больше сталкиваются с трудностями в доступе к медицинским услугам из-за обязанностей по уходу за детьми или другими членами семьи. Женщины более чувствительны к эмоциональной стороне взаимодействия с врачами; ожидают больше внимания к своим чувствам и потребностям.

Предыдущие исследования связи между неудовлетворённостью медицинской помощью и

возрастом показали противоречивые результаты. Некоторые установили, что пожилые пациенты имеют более высокий уровень удовлетворённости [11; 23; 34]. Другие показали, что уровень неудовлетворённости в пожилом возрасте выше, чем в более молодом [24; 33], что соответствует полученным в проведённом исследовании результатам и может объясняться несколькими факторами. С возрастом у людей часто развиваются хронические болезни, требующие более сложных и постоянных медицинских вмешательств, что может привести к ощущению недостаточной эффективности медицинской помощи. Пожилые пациенты могут сравнивать свои ощущения с тем, как они чувствовали себя в молодости, что может привести к более критичному взгляду на качество услуг. Пожилые могут сталкиваться с финансовыми трудностями, связанными с высокими затратами на лечение и лекарства, что усиливает ощущение неудовлетворённости, если они не могут позволить себе необходимую помощь.

По сравнению с одиночными респондентами состоящие в браке и/или имеющие детей до 18 лет с большей вероятностью не удовлетворены медицинской помощью, что противоречит результатам ранее проведённых исследований, показавших, что состоящие в браке респонденты чаще удовлетворены медицинскими услугами [26; 35] по сравнению с одиночными. Состоящие в браке и имеющие детей могут сталкиваться с более сложными потребностями в медицинской помощи, поскольку им необходимо заботиться не только о себе, но и о здоровье своих близких, что может привести к большей ответственности, стрессу и ожиданиям от системы здравоохранения. Семейные люди часто имеют меньше времени, что затрудняет доступ к медицинской помощи и вызывает недовольство в случае невозможности получения её вовремя. Семьи с детьми могут сталкиваться с финансовыми трудностями, что может повлиять на их восприятие доступности и качества медицинских услуг.

С повышением уровня образования удовлетворённость медицинской помощью снижается, что подтверждает выводы других исследователей [23; 36; 37] и объясняется тем, что люди с высшим образованием часто лучше осведомлены о своих правах и доступных медицинских возможностях, более критично относятся к качеству предоставляемых услуг, что может привести к меньшей удовлетворённости, даже если фактический уровень медицинской помощи высокий. Кроме того, образованные пациенты могут быть более осведомлены о других вариантах лечения, что может сделать их менее удовлетворёнными стандартной медицинской помощью.

Плохое состояние здоровья связано с неудовлетворённостью оказанной медицинской помощью, что согласуется с ранее полученными в других исследованиях результатами [11; 33; 35]. Это объясняется тем, что люди с плохим здоровьем чаще обращаются в медицинские организации и более осведомлены о качестве и доступности медицинских услуг, а также о недостатках системы здравоохранения. Наличие проблем со здоровьем побуждает людей быть более активными в поиске информации о своих болезнях и методах лечения, а также о правах пациентов, что делает их более критичными к медицинской системе. Если методы лечения не приносят ожидаемого результата, это может вызывать разочарование. Наконец, люди с плохим состоянием здоровья могут испытывать нехватку материальных ресурсов, что ограничивает их доступ к медицинским услугам.

Предыдущие исследования показали, что уровень удовлетворённости выше среди работающих пациентов, чем у безработных [24; 38]. Однако согласно полученным результатам, существует разница в удовлетворённости между работниками разных секторов экономики. По сравнению с работающими в государственном секторе с большей вероятностью высказывают неудовлетворённость занятые в частной организации или имеющие свой бизнес, что, возможно, связано с тем, что в частном секторе или бизнесе могут быть более длительные часы работы, высокая степень ответственности, менее стабильное рабочее место, что приводит к нехватке времени и хроническому стрессу, негативно сказывается не только на общем уровне счастья и удовлетворённости работой, но и на удовлетворённости предоставляемыми услугами, включая медицинскую помощь.

Исследование установило, что чем хуже материальное положение, тем выше неудовлетворённость медицинской помощью, что соответствует выводам других исследователей [11; 35; 39; 40]. Хотя некоторые исследования показали, что люди из низшего социального класса более удовлетворены предоставленным лечением [41]. Неблагоприятное материальное положение увеличивает стресс и тревогу, что негативно сказывается на восприятии пациентами качества медицинского обслуживания; ограничивает доступ к высококачественным медицинским услугам: например, люди с низким доходом могут обращаться в менее квалифицированные учреждения или сталкиваться с длительными сроками ожидания помощи.

В отличие от предыдущих исследований, которые не выявили существенной разницы в удовлетворённости медицинской помощью в зависимости от таких факторов, как регион страны или тип поселения [11], проведённый анализ показал,

что место проживания тесно связано с неудовлетворённостью медицинскими услугами.

Проживающие в городе по сравнению с сельскими жителями с большей вероятностью высказывают неудовлетворённость помощью и в государственных, и в частных медицинских организациях. Это может быть обусловлено тем, что в городах чаще наблюдается переполненность медицинских учреждений и длинные очереди к врачам; в городах более высокие расходы на лечение, что также сказывается на уровне удовлетворённости. Несмотря на то, что сельские жители могут сталкиваться с проблемами доступа к медицинским услугам, они часто имеют более стабильные отношения с местными медицинскими работниками и могут меньше акцентировать внимание на определённых аспектах качества услуг.

Менее всего выражают неудовлетворённость медицинской помощью в государственных медицинских организациях проживающие в Северо-Кавказском ФО. Регионы этого округа, согласно исследованиям [42; 43], при не очень высоком качестве системы здравоохранения (низкие государственные расходы) отличаются высокой результативностью (показатели состояния здоровья населения) и входят в топ рейтинга деятельности системы здравоохранения. С большей вероятностью выражают неудовлетворённость медицинской помощью в государственных медицинских организациях проживающие в Сибирском и Дальневосточном ФО, что связано с тем, что большая часть регионов, входящих в эти округа, занимают последние места в рейтинге регионов по деятельности здравоохранения [42].

Разные группы населения могут иметь разные предпочтения и потребности. Выявлены группы населения, неудовлетворённые медицинской помощью по конкретным причинам. Две наиболее уязвимые категории населения, очевидно, сталкивающиеся со множеством барьеров в доступе к качественным медицинским услугам – имеющие плохое здоровье и материальные проблемы. Имеющие плохое здоровье чаще всего не удовлетворены медицинской помощью по причинам требования оплаты, непрофессионализма врачей, записи большего количества услуг, отсутствия оборудования и лекарств, грубого отношения персонала и некомфортных условий. Испытывающие крайнюю материальную нужду с большей вероятностью не удовлетворены медицинскими услугами по причине плохих санитарных условий, непрофессионализма врачей, отсутствия оборудования и лекарств, требования оплаты и грубого отношения медицинского персонала. Женщины не удовлетворены медицинскими услугами по причине грубого отношения персонала и записи большего

количества услуг. Старшие возрастные группы от 50 лет чаще жалуются на отсутствие оборудования и лекарств, требование оплаты и непрофессионализм врачей. Состоящие в браке и имеющие детей с большей вероятностью высказывают неудовлетворённость по причине отсутствия оборудования и лекарств. Жители городов не довольны медицинской помощью по всем причинам кроме отсутствия оборудования и лекарств. В Северо-Западном ФО неудовлетворённость жителей медицинской помощью обусловлена долгими очередями; в Южном ФО – очередями и некомфортными условиями; в Северо-Кавказском ФО – требованием оплаты, некомфортными условиями, записью большего количества услуг, отсутствием оборудования и лекарств; в Приволжском ФО – записью большего количества услуг, долгими очередями; в Уральском ФО – непрофессионализмом врачей; в Сибирском ФО – долгими очередями.

Заключение

Проведённое исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, поскольку оно опирается на перекрёстное обследование, оно не позволяет выявить причинно-следственные отношения. Во-вторых, в литературе удовлетворённость измеряется несколькими способами, и нет установленного определения этого понятия. В-третьих, в исследовании не рассматривались важные факторы, оказывающие влияние на удовлетворённость, например, факторы, связанные с медицинскими организациями, по причине отсутствия

таких переменных в обследовании. Необходимо, чтобы будущие обследования состояния здоровья населения включили эти факторы для проверки более сложных моделей удовлетворённости медицинской помощью.

Несмотря на эти ограничения, проведённое исследование имеет важное значение, так как использует общенациональную репрезентативную выборку для предоставления информации об уровне удовлетворённости/неудовлетворённости пациентов государственных и частных медицинских организаций и индивидуальных факторах, которые влияют на неудовлетворённость медицинской помощью.

Государственные медицинские организации, несущие ответственность за обеспечение медицинской помощи для большей части населения, что ограничивает их способность предоставлять качественную помощь каждому пациенту, должны бороться за повышение уровня удовлетворённости потребителей предоставляемыми услугами. Во-первых, особое внимание следует уделять причинам неудовлетворённости пациентов, на которые могут воздействовать поставщики медицинских услуг, например, сокращение времени ожидания медицинской помощи, изменение поведения медицинских работников, улучшение инфраструктуры. Во-вторых, система здравоохранения может рассмотреть возможность персонализированных программ медицинских услуг, учитывающих особенности и потребности каждого пациента, особенно уязвимых групп населения.

Список литературы

1. Bleich S.N., Özaltın E., Murray C.J.L. How Does Satisfaction with Healthcare System Relate to Patient Experience? // *Bulletin of the World Health Organization*. 2009. Vol. 87. No. 4. P. 271–278. <https://doi.org/10.2471/blt.07.050401>
2. Satisfaction with Health Systems in Ten Nations / R.J. Blendon, R. Leitman, I. Morrison, K. Donelan // *Health Affairs*. 1990. Vol. 9. No. 2. P. 185–192. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.9.2.185>
3. Public Satisfaction with Health System after Healthcare Reform in China / L. Kang, T. Zhang, B. Xian, et al. // *Health Research Policy and Systems*. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 128. <https://doi.org/10.1186/s12961-023-01067-6>
4. Patient Satisfaction Revisited: a Multilevel Approach / K.D. Hekkert, S. Cihangir, S.M. Kleefstra, et al. // *Social Science and Medicine*. 2009. Vol. 69. No. 1. P. 68–75. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.04.016>
5. Hall J.A., Milburn M.A., Epstein A.M. A Causal Model of Health Status and Satisfaction with Medical Care // *Medical Care*. 1993. Vol. 31. No. 1. P. 84–94. <https://doi.org/10.1097/00005650-199301000-00007>
6. Удовлетворённость качеством медицинской помощи: «всем не угодишь» или «пациент всегда прав»? / М.А. Садовой, О.С. Кобякова, И.А. Деев [и др.] // *Бюллетень сибирской медицины*. 2017. Том 16. № 1. С. 152–161. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-152-161> EDN YLMLHJ
7. Харитонов С.В., Лямина Н.П., Зайцев В.П. Факторы формирования удовлетворённости больных медицинской помощью // *Клиническая медицина*. 2020. Том 98. № 2. С. 98–105. <https://doi.org/10.30629/0023-2149-2020-98-2-98-105> EDN ZXTHK
8. Удовлетворённость медицинской помощью в Российской Федерации: факторы, влияющие на оценку / Д.С. Тюфилин, В.П. Чигрина, В.А. Медведев [и др.] // *Менеджер здравоохранения*. 2023. № 8. С. 68–80. <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-8-68-80> EDN QDHJRS
9. Удовлетворённость пациентов Архангельской области первичной медико-санитарной помощью / Л.И. Меньшикова, М.Г. Дьячкова, А.М. Вязьмин [и др.] // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2013. № 5(33). С. 5. EDN RJDQXQ

10. *Sitzia J.* How Valid and Reliable are Patient Satisfaction Data? An Analysis of 195 Studies // *International Journal for Quality in Health Care.* 1999. Vol. 11. No. 4. P. 319–328. <https://doi.org/10.1093/intqhc/11.4.319>
11. *Deshpande S.P., Deshpande S.S.* Factors Influencing Consumer Satisfaction with Health Care // *The Health Care Manager (HCM).* 2014. Vol. 33 No. 3. P. 261–266. <https://doi.org/10.1097/HCM.000000000000024>
12. Is Private Health Care the Answer to the Health Problems of the World's Poor? / K. Hanson, L. Gilson, C. Goodman, et al. // *PLoS Medicine.* 2008. Vol. 5. No. 11. e233. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0050233>
13. Evaluating Trends in Private Equity Ownership and Impacts on Health Outcomes, Costs, and Quality: Systematic Review / A. Borsa, G. Bejarano, M. Ellen, J.D. Bruch // *BMJ.* 2023. Vol. 382. e075244. <https://doi.org/10.1136/bmj-2023-075244>
14. *Kaabi S., Varughese B., Singh R.* Public and Private Healthcare System in Terms of both Quality and Cost: A Review // *Journal of Clinical and Diagnostic Research.* 2022. Vol. 16. No. 8. P. 1–8. <https://doi.org/10.7860/JCDR/2022/55387.16742>
15. Quality of Private and Public Ambulatory Health Care in Low and Middle Income Countries: Systematic Review of Comparative Studies / S. Berendes, P. Heywood, S. Oliver, P. Garner // *PLoS Medicine.* 2011. Vol. 8. No. 4. e1000433. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1000433>
16. *Kalaja R.* Determinants of Patient Satisfaction with Health Care: A Literature Review // *European Journal of Nuclear Medicine.* 2022. Vol. 6. No. 1. P. 43–54. <https://doi.org/10.2478/ejnsnm-2023-0005>
17. *Farahani M.F., Shamsikhani S., Hezaveh M.S.* Patient Satisfaction with Nursing and Medical Care in Hospitals Affiliated to Arak University of Medical Sciences in 2009 // *Nursing and Midwifery Studies.* 2014. Vol. 3. No. 3. e14022. <https://doi.org/10.17795/nmsjournal14022>
18. *Tam J.* Linking Quality Improvement with Patient Satisfaction: a Study of a Health Service Center // *Marketing Intelligence and Planning.* 2007. Vol. 25. No. 7. P. 732–745 <https://doi.org/10.1108/02634500710834197>
19. *Akthar N., Nayak S., Pai P.Y.* Determinants of Patient Satisfaction in Asia: Evidence from Systematic Review of Literature // *Clinical Epidemiology and Global Health.* 2023; Vol. 23. No. 4. P. 101393. <https://doi.org/10.1016/j.cegh.2023.101393>
20. Determinants of Patient Satisfaction: a Systematic Review / E. Batbaatar, J. Dorjdagva, A. Luvsannyam, et al. // *Perspectives in Public Health.* 2017. Vol. 137. No. 2. P. 89–101. <https://doi.org/10.1177/1757913916634136>
21. *Tateke T., Woldie M., Ololo S.* Determinants of Patient Satisfaction with Outpatient Health Services at Public and Private Hospitals in Addis Ababa, Ethiopia // *African Journal of Primary Health Care and Family Medicine.* 2012. Vol. 4. No. 1. P. 384. <https://doi.org/10.4102/phcfm.v4i1.384>
22. Patient Satisfaction and Loyalty to the Private Hospitals in Sana'a, Yemen / A. Anbori, S.N. Ghani, H. Yadav, et al. // *International Journal for Quality in Health Care.* 2010. Vol. 22. No. 4. P. 310–315. <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzq029>
23. Predictive Factors for Patient Satisfaction in Public and Private Hospitals in Kosovo (Original Research) / R. Hoxha, E. Kosevska, M. Berisha, et al. // *South Eastern European Journal of Public Health.* 2019. Vol. 12. <https://doi.org/10.56801/seejph.vi.144>
24. *Akbar F., Rivai F., Awang A.* The Differences of Patient Satisfaction Level in Public and Private Hospitals in Makassar, Indonesia // *Enfermeria Clínica.* 2020. Vol. 30. P. 165–169. <https://doi.org/10.1016/j.enfcli.2020.06.038>
25. Comparison of Patient's Satisfaction Levels in Public and Private Tertiary Care Centres / A. Ghazanfar, I.N. Idress, Z. Zia, et al. // *Journal of the Pakistan Medical Association.* 2017. Vol. 67. No. 8. P. 1305–1308.
26. Comparative Study of Enrollee Satisfaction with Private and Public Health Care Providers of Community Based Health Insurance Scheme in Edu LGA, Kwara State / I. Sheshi, Y. Issa, S. Aderibigbe, et al. // *Current Journal of Applied Science and Technology.* 2020. Vol. 39. No. 32. P. 77–84. <https://doi.org/10.9734/cjast/2020/v39i3231003>
27. Service Quality of Private Hospitals: the Iranian Patients' Perspective / A. Zarei, M. Arab, A.R. Froushani, et al. // *BMC Health Services Research.* 2012. Vol. 12. P. 31. <http://dx.doi.org/10.1186/1472-6963-12-31>
28. *Goodair B., Reeves A.* The Effect of Health-care Privatisation on the Quality of Care // *Lancet Public Health.* 2024. Vol. 9. No. 3. e199–e206. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(24\)00003-3](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(24)00003-3)
29. *Hollingsworth B., Dawson P.J., Maniadakis N.* Efficiency Measurement of Health Care: a Review of Nonparametric Methods and Applications // *Health Care Management Science.* 1999. Vol. 2. No. 3. P. 161–172. <https://doi.org/10.1023/a:1019087828488>
30. *Hollingsworth B.* Non-parametric and Parametric Applications Measuring Efficiency in Health Care // *Health Care Management Science.* 2003. Vol. 6. No. 4. P. 203–218. <https://doi.org/10.1023/a:1026255523228>
31. *Hollingsworth B.* Non-parametric and Parametric Applications Measuring Efficiency in Health Care Delivery // *Health Economics.* 2008. Vol. 17. No. 10. P. 1107–1128. <https://doi.org/10.1002/hec.1391>
32. *Lee K., Yang S., Choi M.* The Association Between Hospital Ownership and Technical Efficiency in a Managed Care Environment // *Journal of Medical Systems.* 2009. Vol. 33. No. 4. P. 307–315. <https://doi.org/10.1007/s10916-008-9192-2>
33. Factors Determining Inpatient Satisfaction with Care / P.L. Nguyen Thi, S. Briançon, F. Empereur, F. Guillemin // *Social Science and Medicine.* 2002. Vol. 54. No. 4. P. 493–504. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(01\)00045-4](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(01)00045-4)
34. *Jaipaul C.K., Rosenthal G.E.* Are Older Patients More Satisfied with Hospital Care than Younger Patients? // *Journal of General Internal Medicine.* 2003. Vol. 18. No. 1. P. 23–30. <https://doi.org/10.1046/j.1525-1497.2003.20114.x>
35. *Xiao H., Barber J.P.* The Effect of Perceived Health Status on Patient Satisfaction // *Value in Health.* 2008. Vol. 11. No. 4. P. 719–725. <https://doi.org/10.1111/j.1524-4733.2007.00294.x>
36. *Dayasiri M.B., Lekamge E.L.* Predictors of Patient Satisfaction with the Quality of Healthcare in Asian Hospitals // *Australasian Medical Journal.* 2010. Vol. 3. P. 739–744. <https://doi.org/10.4066/AMJ.2010.37>
37. Patient's experiences and satisfaction from surgical outpatient department of a tertiary care teaching hospital / A. Jawaid, N. Ahmed, S.N. Alam, et al. // *Pakistan Journal of Medical Sciences.* 2009. Vol. 25. No. 3. P. 439–442.
38. *Akbar F.H., Ayuandyka U.* Gender and Age Differences in Patient Satisfaction with Dental Care in the Urban and Rural Areas of Indonesia: Pilot Pathfinder Survey // *Pesquisa Brasileira em Odontopediatria e Clínica Integrada.* 2018. Vol. 18. No. 1. P. 1–9. <https://doi.org/10.4034/PBOCI.2018.181.80>
39. *Yuan Y.* Public Satisfaction with Health Care System in 30 Countries: the Effects of Individual Characteristics and Social Contexts // *Health Policy.* 2021. Vol. 125. No. 10. P. 1359–1366. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2021.08.005>
40. *Becker G., Newsom E.* Socioeconomic Status and Dissatisfaction with Health Care Among Chronically Ill African Americans // *American Journal of Public Health.* 2003. Vol. 93. No. 5. P. 742–748. <https://doi.org/10.2105/ajph.93.5.742>

41. Patient Satisfaction; an Experience at IIMC-T Railway Hospital / K. Danish, U. Khan, T. Chaudhry, M. Naseer // *Rawal Medical Journal*. 2008. Vol. 33. No. 2. P. 245–248.
42. Кислицына О.А., Чубарова Т.В. Оценка системы здравоохранения в России: опыт построения регионального рейтинга // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 3. С. 35–71. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_35_71 EDN ZRDISP
43. Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б. Рейтинг эффективности систем здравоохранения регионов РФ в 2019 г. // *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ*. 2021. Том 7. № 1(23). С. 4–16. <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2021-7-1-4-16> EDN CYPGYM

Информация об авторе:

Ольга Анатольевна Кислицына – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук

(SPIN-код: 7120-4122) (РИНЦ Author ID: 76704) (ResearcherID: E-3767-2012) (Scopus Author ID: 8852460000 15)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

- Bleich S.N., Özaltın E., Murray C.J.L. How Does Satisfaction with Healthcare System Relate to Patient Experience? *Bulletin of the World Health Organization*. 2009;87(4):271–278. <https://doi.org/10.2471/blt.07.050401>
- Blendon R.J., Leitman R., Morrison I., et al. Satisfaction with Health Systems in Ten Nations. *Health Affairs*. 1990;9(2):185–192. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.9.2.185>
- Kang L., Zhang T., Xian B., et al. Public Satisfaction with Health System after Healthcare Reform in China. *Health Research Policy and Systems*. 2023;21(2):128. <https://doi.org/10.1186/s12961-023-01067-6>
- Hekkert K.D., Cihangir S., Kleefstra S.M., et al. Patient Satisfaction Revisited: a Multilevel Approach. *Social Science and Medicine*. 2009;69(1):68–75. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.04.016>
- Hall J.A., Milburn M.A., Epstein A.M. A Causal Model of Health Status and Satisfaction with Medical Care. *Medical Care*. 1993;31(1):84–94. <https://doi.org/10.1097/00005650-199301000-00007>
- Sadovoy M.A., Kobyakova O.S., Deev I.A., et al. Patient Satisfaction with Medical Care. *Byulleten' sibirskoj mediciny=Bulletin of Siberian Medicine*. 2017;16(1):152–161. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-152-161> (In Russ.)
- Kharitonov S.V., Lyamina N.P., Zaitsev V.P. Factors of Patient Satisfaction with Medical Care. *Klinicheskaya medicina=Clinical Medicine*. 2020;98(2):98–105. <https://doi.org/10.30629/0023-2149-2020-98-2-98-105> (In Russ.)
- Tyufilin D.S., Chigrina V.P., Medvedev V.A., et al. Satisfaction with Medical Care in the Russian. *Menedzher zdravoohraneniya=Manager Zdravoohraneniya*. 2023;(8):68–80. <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-8-68-80> (In Russ.)
- Menshikova L.I., Dyachkova M.G., Vyazmin A.M., et al. Patient Satisfaction with Primary Health Care in the Arkhangelsk Region. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*. 2013;(5(33)):5. (In Russ.)
- Sitzia J. How Valid and Reliable are Patient Satisfaction Data? An Analysis of 195 Studies. *International Journal for Quality in Health Care*. 1999;11(4):319–328. <https://doi.org/10.1093/intqhc/11.4.319>
- Deshpande S.P., Deshpande S.S. Factors Influencing Consumer Satisfaction with Health Care. *The Health Care Manager (HCM)*. 2014;33(3):261–266. <https://doi.org/10.1097/HCM.0000000000000024>
- Hanson K., Gilson L., Goodman C., et al. Is Private Health Care the Answer to the Health Problems of the World's Poor? *PLoS Medicine*. 2008;5(11):e233. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0050233>
- Borsa A., Bejarano G., Ellen M., et al. Evaluating Trends in Private Equity Ownership and Impacts on Health Outcomes, Costs, and Quality: Systematic Review. *BMJ*. 2023;382:e075244. <https://doi.org/10.1136/bmj-2023-075244>
- Kaabi S., Varughese B., Singh R. Public and Private Healthcare System in Terms of both Quality and Cost: A Review. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. 2022;16(8):1–8. <https://doi.org/10.7860/JCDR/2022/55387.16742>
- Berendes S., Heywood P., Oliver S., et al. Quality of Private and Public Ambulatory Health Care in Low and Middle Income Countries: Systematic Review of Comparative Studies. *PLoS Medicine*. 2011;8(4):e1000433. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1000433>
- Kalaja R. Determinants of Patient Satisfaction with Health Care: A Literature Review. *European Journal of Nuclear Medicine*. 2022;6(1):43–54. <https://doi.org/10.2478/ejnsm-2023-0005>
- Farahani M.F., Shamsikhani S., Hezaveh M.S. Patient Satisfaction with Nursing and Medical Care in Hospitals Affiliated to Arak University of Medical Sciences in 2009. *Nursing and Midwifery Studies*. 2014;3(3):e14022. <https://doi.org/10.17795/nmsjournal14022>
- Tam J. Linking Quality Improvement with Patient Satisfaction: a Study of a Health Service Center. *Marketing Intelligence and Planning*. 2007;25(7):732–745 <https://doi.org/10.1108/02634500710834197>
- Akthar N., Nayak S., Pai P.Y. Determinants of Patient Satisfaction in Asia: Evidence from Systematic Review of Literature. *Clinical Epidemiology and Global Health*. 2023;23(4):101393. <https://doi.org/10.1016/j.cegh.2023.101393>
- Batbaatar E., Dorjdagva J., Luvsannyam A., et al. Determinants of Patient Satisfaction: a Systematic Review. *Perspectives in Public Health*. 2017;137(2):89–101. <https://doi.org/10.1177/1757913916634136>
- Tateke T., Woldie M., Ololo S. Determinants of Patient Satisfaction with Outpatient Health Services at Public and Private Hospitals in Addis Ababa, Ethiopia. *African Journal of Primary Health Care and Family Medicine*. 2012;4(1):384. <https://doi.org/10.4102/phcfm.v4i1.384>
- Anbori A., Ghani S.N., Yadav H., et al. Patient Satisfaction and Loyalty to the Private Hospitals in Sana'a, Yemen. *International Journal for Quality in Health Care*. 2010;22(4):310–315. <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzq029>

23. Hoxha R., Kosevska E., Berisha M., et al. Predictive Factors for Patient Satisfaction in Public and Private Hospitals in Kosovo (Original Research). *South Eastern European Journal of Public Health*. 2019;12. <https://doi.org/10.56801/seejph.vi.144>
24. Akbar F., Rivai F., Awang A. The Differences of Patient Satisfaction Level in Public and Private Hospitals in Makassar, Indonesia. *Enfermería Clínica*. 2020;30:165–169. <https://doi.org/10.1016/j.enfcli.2020.06.038>
25. Ghazanfar A., Idress I.N., Zia Z., et al. Comparison of Patient's Satisfaction Levels in Public and Private Tertiary Care Centres. *Journal of the Pakistan Medical Association*. 2017;67(8):1305–1308
26. Sheshi I., Issa Y., Aderibigbe S., et al. Comparative Study of Enrollee Satisfaction with Private and Public Health Care Providers of Community Based Health Insurance Scheme in Edu LGA, Kwara State. *Current Journal of Applied Science and Technology*. 2020;39(32):77–84. <https://doi.org/10.9734/cjast/2020/v39i3231003>
27. Zarei A., Arab M., Froushani A.R., et al. Service Quality of Private Hospitals: the Iranian Patients' Perspective. *BMC Health Services Research*. 2012;12:31. <http://dx.doi.org/10.1186/1472-6963-12-31>
28. Goodair B., Reeves A. The Effect of Health-care Privatisation on the Quality of Care. *Lancet Public Health*. 2024;9(3):e199–e206. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(24\)00003-3](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(24)00003-3)
29. Hollingsworth B., Dawson P.J., Maniadakis N. Efficiency Measurement of Health Care: a Review of Nonparametric Methods and Applications. *Health Care Management Science*. 1999;2(3):161–172. <https://doi.org/10.1023/a:1019087828488>
30. Hollingsworth B. Non-parametric and Parametric Applications Measuring Efficiency in Health Care Delivery. *Health Care Management Science*. 2003;6(4):203–218. <https://doi.org/10.1023/a:1026255523228>
31. Hollingsworth B. The Measurement of Efficiency and Productivity of Health Care Delivery. *Health Economics*. 2008;17(10):1107–1128. <https://doi.org/10.1002/hec.1391>
32. Lee K., Yang S., Choi M. The Association Between Hospital Ownership and Technical Efficiency in a Managed Care Environment. *Journal of Medical Systems*. 2009;33(4):307–315. <https://doi.org/10.1007/s10916-008-9192-2>
33. Nguyen Thi P.L., Briançon S., Empereur F., et al. Factors Determining Inpatient Satisfaction with Care. *Social Science and Medicine*. 2002;54(4):493–504. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(01\)00045-4](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(01)00045-4)
34. Jaipaul C.K., Rosenthal G.E. Are Older Patients More Satisfied with Hospital Care than Younger Patients? *Journal of General Internal Medicine*. 2003;18(1):23–30. <https://doi.org/10.1046/j.1525-1497.2003.20114.x>
35. Xiao H., Barber J.P. The Effect of Perceived Health Status on Patient Satisfaction. *Value in Health*. 2008;11(4):719–725. <https://doi.org/10.1111/j.1524-4733.2007.00294.x>
36. Dayasiri M.B., Lekamge E.L. Predictors of Patient Satisfaction with the Quality of Healthcare in Asian Hospitals. *Australasian Medical Journal*. 2010;3:739–744. <https://doi.org/10.4066/AMJ.2010.375>
37. Jawaid A., Ahmed N., Alam S.N., et al. Patient's Experiences and Satisfaction from Surgical Outpatient Department of a Tertiary Care Teaching Hospital. *Pakistan Journal of Medical Sciences*. 2009;25(3):439–442.
38. Akbar F.H., Ayuandyka U. Gender and Age Differences in Patient Satisfaction with Dental Care in the Urban and Rural Areas of Indonesia: Pilot Pathfinder Survey. *Pesquisa Brasileira em Odontopediatria e Clínica Integrada*. 2018;18(1):1–9. <https://doi.org/10.4034/PBOCI.2018.181.80>
39. Yuan Y. Public Satisfaction with Health Care System in 30 Countries: the Effects of Individual Characteristics and Social Contexts. *Health Policy*. 2021;125(10):1359–1366. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2021.08.005>
40. Becker G., Newsom E. Socioeconomic Status and Dissatisfaction with Health Care Among Chronically Ill African Americans. *American Journal of Public Health*. 2003;93(5):742–748. <https://doi.org/10.2105/ajph.93.5.742>
41. Danish K., Khan U., Chaudhry T., et al. Patient Satisfaction; an Experience at IIMC-T Railway Hospital. *Rawal Medical Journal*. 2008;33(2):245–248.
42. Kislitsyna O.A., Chubarova T.V. Estimation of the Healthcare System in Russia: Experience of Building a Regional Rating. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(3):35–71. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_35_71 (In Russ.)
43. Ulumbekova G.E., Ginoyan A.B. Rating of the Effectiveness of Healthcare Systems in the Regions of the Russian Federation in 2019. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ=Healthcare Management: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ*. 2021;7(1(23)):4–16. <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2021-7-1-4-16> (In Russ.)

Information about the author:

O'l'ga A. Kislitsyna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 7120-4122) (RSCI Author ID: 76704) (ResearcherID: E-3767-2012) (Scopus Author ID: 8852460000 15)
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Оригинальная статья

УДК 351.82, 332.025.1, 338.001.36, 338.1

JEL I32, I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596

EDN JJPCKB

Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности

Ольга Владимировна Селиванова¹, Владимир Михайлович Смирнов², Тамара Рашитовна Новикова³

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва, Россия

(ovselivanova@vcot.info) (<https://orcid.org/0000-0002-9628-409X>)

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

(SmirnovV1@yandex.ru) (<http://orcid.org/0000-0002-5587-3495>)

³ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва, Россия

(tnovikova@nifi.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-методологические и методические аспекты оценки программно-целевых инструментов государственного управления в субъектах Российской Федерации. Проанализированы различные подходы к определению эффективности государственного управления и его механизмов в историческом контексте. Целью исследования является анализ опыта программно-целевого управления в социальной сфере в части реализации региональных программ по сокращению уровня бедности в субъектах Российской Федерации. Предметом исследования являются региональные программы по сокращению уровня бедности и их исполнение. В ходе мониторинга 42 утверждённых региональных программ по сокращению уровня бедности, на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и иных источников информации была проведена оценка структурных элементов региональных программ, выявлены наиболее распространённые проблемы, связанные с их планированием. Выявлены меры, оказавшие наибольший эффект на сокращение показателей абсолютной бедности в субъектах РФ. Предложены направления совершенствования региональных программ, в том числе реализация дополнительных мер, направленных на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, не охваченных «майскими» указами Президента Российской Федерации, внедрение принципа клиентоцентричности при оказании государственных услуг центрами занятости населения, содействие в повышении профессиональных компетенций работающих граждан, являющихся малоимущими, в целях стимулирования роста уровня заработной платы таких работников. В целях совершенствования действующей системы социальной поддержки рекомендован пересмотр условий предоставления регионального материнского капитала, расширение спектра мер финансовой поддержки семей с детьми в зоне риска бедности.

Ключевые слова: бедность, оценка эффективности, региональные программы, программно-целевое управление, социальная помощь, социальная политика, малоимущие семьи, эффективная занятость, мониторинг

Для цитирования: Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р. Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 EDN JJPCKB

RAR (Research Article Report)

JEL I32, I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596

Regional Instruments for Program-Based Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction

Ol'ga V. Selivanova¹, Vladimir M. Smirnov², Tamara R. Novikova³

¹All-Russian Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia

(ovselivanova@vcot.info) (<https://orcid.org/0000-0002-9628-409X>)

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

(SmirnovV1@yandex.ru) (<http://orcid.org/0000-0002-5587-3495>)

³ Scientific and Research Financial Institute, Moscow, Russia

(tnovikova@nifi.ru)

Abstract

The article explores the theoretical, methodological, and methodical aspects of evaluating program-based instruments of public administration within the constituent entities of the Russian Federation. Various approaches to determining the effectiveness of public administration and its mechanisms in a historical context are analyzed. The purpose of the study is to analyze the experience with program-based management in the social sector in terms of implementing regional programs to reduce poverty in the regions of Russia. The focus of the research is on regional poverty reduction programs and their implementation. During the monitoring of 42 regional poverty reduction programs that have been approved, based on data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) and other relevant sources, a structural assessment of the programs was conducted, and the most prevalent challenges associated with their implementation were identified. Measures that have had the greatest impact on reducing absolute poverty in regions of the Russian Federation have been identified. Recommendations for improving regional programs have been proposed, including measures aimed at enhancing the incomes of working populations, such as increasing wages for public sector employees who are not “covered” by presidential decrees, and assisting vulnerable workers in improving

their professional skills to promote wage growth. In order to enhance the current social assistance system, it is proposed that the criteria for the provision of regional maternity capital be reviewed, and the scope of financial assistance measures for families at risk of poverty be expanded. Particular attention should be paid to the principle of customer-centeredness in the provision of public services by employment agencies.

Keywords: poverty, effectiveness evaluation, regional programs, program-target management, social assistance, social policy, poor families, effective employment, monitoring

For citation: Selivanova O.V., Smirnov V.M., Novikova T.R. Regional Instruments for Program-Based Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 (In Russ.)

Введение

Преодоление бедности входит в спектр первоочередных задач государственной социальной политики России. Последовательная реализация мер по преодолению бедности находит своё отражение в серии Указов Президента Российской Федерации¹, в соответствии с которыми управленческие команды субъектов Российской Федерации разрабатывают и реализуют региональные программы по сокращению уровня бедности. Важно подчеркнуть, что необходимым условием формирования этих программ являются учёт особенностей развития территорий при обязательном межведомственном взаимодействии всех уровней региональной исполнительной власти, а также привлечение и федеральных, и региональных бюджетных средств.

Существует достаточно много трактовок понятия «бедность», что объясняется её многоаспектностью. В данном исследовании мы опираемся на широко применяемое определение этого феномена, в содержании которого отражён такой существенный признак, как невозможность бедных людей в силу ограниченности своих ресурсов удовлетворять свои жизненные потребности и вести минимально приемлемый образ жизни, характерный для стран их проживания.

Измерение бедности строится, чаще всего, на абсолютном, относительном и субъективном подходах, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Черта бедности при этом может быть определена как в абсолютном выражении через определённый минимальный бюджет, так и в относительном выражении через установление определённой пропорции минимального дохода базовой величине, что характеризует некоторые минимальные стандарты конкретного общества

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

в определённый период времени. Сочетание этих подходов позволяет более комплексно взглянуть на масштабы и причины бедности, а значит выбрать наиболее оптимальные пути её преодоления.

В настоящее время на официальном уровне в России бедными (малоимущими) принято считать людей, чьи доходы ниже величины прожиточного минимума, установленного в каждом субъекте Российской Федерации для различных социально-демографических групп населения. Этим же людям гарантируется государственная социальная помощь.

По последним опубликованным данным Росстата, в 2023 году численность малоимущих россиян составляла 12,4 млн человек или 8,5% от общей численности населения. Ещё несколько миллионов россиян живут в так называемой «зоне риска бедности», располагая душевыми денежными доходами, не превышающими 1,5 кратной величины регионального прожиточного минимума. А это значит, что задачи, поставленные перед управленческими командами субъектов, связаны с жизнью огромного числа россиян, что обуславливает важность выбора наиболее эффективных инструментов сокращения бедности и успешного выполнения поставленных задач.

Проблемам, затронутым в статье, посвящено достаточно большое количество исследований, публикаций. Так, теоретико-методологические вопросы эффективности государственного управления рассмотрены в трудах Т.С. Хачатурова, С.Н. Растворцевой, Г.В. Атаманчука [1; 2; 3] и других учёных. Проблемы формирования и оценки государственных программ как базового инструментария программно-целевого управления находят своё отражение в работах И.Д. Аникиной, Н.Н. Белановой, А.Ю. Ульянова [4; 5; 6] и иных авторов. Поиск направлений совершенствования действующих механизмов государственного управления в контексте сокращения масштабов российской бедности входит в спектр научных интересов Е.И. Андреевой, В.Н. Бобкова, А.А. Разумова [7; 8; 9] и других современных отечественных исследователей.

Управленческие решения, совершаемые в рамках исполнения документов с большим горизонтом планирования, к которым относятся региональные программы по сокращению бедности, имеют долгосрочные последствия, не всегда очевидные в краткосрочной перспективе, что предполагает внедрение актуальных подходов к оценке их эффективности как с точки зрения расходования бюджетных средств, так и с учётом создания дополнительной ценности для их конечных получателей в виде повышения качества жизни населения и сокращения масштабов бедности. Высокие требования к процессу государственного планирования актуализируют необходимость непрерывного мониторинга исполнения инструментов программно-целевого управления.

Целью настоящего исследования является анализ инструментария программно-целевого управления в социальной сфере в части реализации региональных программ по сокращению уровня бедности в субъектах Российской Федерации. Объектом исследования является бедность в регионах России. Предмет исследования: региональные программы по сокращению уровня бедности в субъектах РФ и их исполнение.

Гипотеза исследования основывается на том, что эффективность региональной программы по сокращению уровня бедности может быть достигнута на основе комплексной оценки ситуации с бедностью в контексте социально-экономического и демографического развития территории. При этом повышению эффективности региональной программы будет способствовать тесная взаимосвязь составляющих элементов региональной программы и своевременная актуализация мероприятий при выявлении соответствующих пробелов и их причин.

Исследование проводилось с применением общенаучных методов познания, методов обработки статистической информации и др. В качестве источников данных использованы сведения, содержащиеся в утверждённых региональных программах по сокращению уровня бедности, результаты мониторинга исполнения региональных программ, осуществленного в 2023 году, статистическая информация Федеральной службы государственной статистики (Росстат), иные данные.

Теоретические и методологические подходы к оценке эффективности инструментов программно-целевого управления

В практике отечественного государственного управления переход от затратной модели бюджетирования к программно-целевому планированию произошел сравнительно недавно. Преимущества его очевидны: программно-целевой

подход позволяет оперативно реагировать на вызовы, совмещая задачи с имеющимися ресурсами, решать комплексные проблемы высокой общественной значимости.

Вместе с тем в научной литературе нет единых подходов к оценке эффективности программ с бюджетным финансированием, что тесно связано с различным пониманием эффективности управления на разных этапах общественного развития.

Современные подходы к определению эффективности управления были заложены выдающимся итальянским социологом и экономистом XIX века В. Парето, согласно которому под эффективностью предполагалось достижение такого оптимального результата, который приносит удовлетворение всем взаимодействующим сторонам, либо такое состояние, когда любое дальнейшее действие не приводит к получению дополнительных выгод.

Представители классической теории государственного управления (М. Вебер, Ф. Тейлор и др.), формулируя сущность эффективности управления предложили управленческий подход, согласно которому эффективность достигается через построение строгой иерархии целей, задач, методов управления, базирующихся на научном обосновании функционирования государственного аппарата.

Основоположники «Школы научного менеджмента» (Г. Форд, Г. Эмерсон и др.) рассматривали эффективность управления через соотношение чистой прибыли и затраченных ресурсов. В частности, американский экономист Пол Хейне отмечал, что «эффективность неизбежно является оценочной категорией. Эффективность всегда связана с отношением ценности результата к ценности затрат» [10, с. 170].

Этот экономический подход, первоначально предложенный для частного бизнеса, позднее нашёл свое отражение в концепции New Public Management (1980-е – начало 1990-х гг.), согласно которой повышение эффективности государственного управления осуществляется путём передачи значительной части функций государственного аппарата на региональный уровень с активным вовлечением в публичное управление некоммерческих и коммерческих организаций. Тем самым предполагалось существенное сокращение издержек на содержание бюрократической структуры и, соответственно, экономия бюджетных средств. Однако такой подход подразумевает фактическую децентрализацию публичной власти и обуславливает возникновение целого ряда рисков, связанных с неравномерным и зачастую несправедливым распределением общественных благ, фрагментацией и снижением качества услуг,

что закономерно приводит к росту социального напряжения.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. была предложена альтернативная концепция Good Governance, которая не умаляет роли государства в реализации общественно значимых целей, но предполагает его активное взаимодействие с гражданами и бизнес-сообществом, придерживаясь принципов прозрачности, подотчётности и результативности, что подразумевает оценку государственного управляющего воздействия, которая должна быть систематической и комплексной [11, с. 8].

В России повышение эффективности государственного управления тесно связано не только с переходом на качественно новый уровень оказания государственных услуг, но и с повышением уровня жизни населения в целом, что обуславливает неизменно высокий научный и общественный интерес к этой проблематике.

Согласно определению академика Т.С. Хачатурова, «Эффективность... и социальная, и экономическая представляет собой отношение экономического или социального эффекта к необходимым на его достижение затратам» [1, с. 22].

С.Н. Растворцева с соавторами рассматривает эффективность как с классических позиций (эффективность через соотношение результатов и затрат), так и через призму «формулы» Парето: когда дальнейшее перераспределение ресурсов не приводит к существенному улучшению уже достигнутых результатов [2].

Г.В. Атаманчук понимает под эффективностью государственного управления достижение общественно значимых целей при наиболее экономном расходовании средств для получения ожидаемого результата [3].

Таким образом, большинство исследователей определяют эффективность как комплексную категорию, что нашло своё отражение в российском законодательстве применительно к определению эффективности инструментов программно-целевого управления.

Согласно Бюджетному кодексу РФ², эффективность государственных программ предполагает два основных условия – экономность (efficiency) и результативность (effectiveness). Под экономностью понимается использование наименьшего объёма бюджетных средств для достижения планируемых результатов. Результативность предполагает достижение наилучшего результата в условиях ограниченного бюджета. Такие же критерии закладываются в алгоритмы оценки эффективности государственных программ.

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024, с изм. от 30.09.2024).

Согласимся с авторами [4; 5; 6; 12], отмечающими отсутствие в современной российской практике универсальных методик оценки эффективности реализации программ с государственным финансированием на уровне субъектов Российской Федерации. По мнению отечественных исследователей, правовая база, обеспечивающая реализацию инструментов программно-целевого управления, регулярно совершенствуется, но то количество мер, которое планируется к исполнению в регионах, не всегда соответствует реальным возможностям их финансирования [13]. Выбор целевых индикаторов нередко недостаточно обоснован [14], отсутствуют единые подходы к оценке качества контроля за ходом реализации программ [15] и так далее.

С одной стороны, отсутствие универсальных методик оценки эффективности инструментов программно-целевого управления нередко приводит к разным интерпретациям полученных результатов реализации схожих по направленности программ, что затрудняет или делает невозможным проведение межрегиональных сравнений. С другой стороны, отсутствие жёстко регламентированных требований к оценке создаёт «окно возможностей» для совершенствования действующих подходов к оценке и внедрению перспективных практик аудита эффективности программ, основанных на многокритериальной оценке механизмов управления, в том числе с учётом как положительного, так и отрицательно-международного опыта.

Так, широкое распространение в зарубежной практике получил метод PART (Program Assessment Rating Tool), разработанный в США для оценки эффективности федеральных программ в 2002 году и апробированный во многих странах мира. Согласно данному методу, предполагается комплексная оценка на основании четырёх блоков вопросов, охватывающих структуру программы и позволяющих определить степень конкретизации каждого из её элементов, ресурсную обеспеченность и достижимость поставленных целей³.

Однако, как отмечают исследователи [16; 17; 18], этот метод имеет существенные недостатки, связанные с субъективностью экспертных оценок и неочевидной достоверностью полученных результатов.

Значительно большей эффективности механизмов программно-целевого планирования управленческие команды в США достигают за счёт

³ Using the Program Assessment Rating Tool as a Management Control Process. Report No. 2007-P-00033. September 12, 2007 // U.S. Environmental Protection Agency: [сайт]. URL: <https://www.epa.gov/sites/default/files/2015-11/documents/20070912-2007-p-00033.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).

централизации планирования на высшем уровне исполнительной власти, подразумевающей формирование федерального бюджета на основе долгосрочных межведомственных целевых программ, разрабатываемых с использованием комплекса методов бюджетного прогнозирования (сценарного и программного планирования, экспертных оценок, имитационного моделирования и т.д.). Такой подход обеспечивает согласованность расходов федерального бюджета США с целями государственной политики на всех уровнях государственного управления [19].

В качестве практического инструмента для оценки документов стратегического планирования всё чаще применяется теория изменений, позволяющая определять результативность проводимой социальной политики. В основе теории изменений лежит концепция, предложенная К. Вайс, согласно которой целью программно-целевого планирования является получение ожидаемого экономического и социального результата. При этом разработка любого инструментария государственной политики основывается на выявлении и обосновании изменений, возникающих в результате того или иного управленческого воздействия, что в конечном счёте и определяет его эффективность [20]. В этом контексте теорию изменений следует рассматривать не как определённую теорию, а как совокупность различных методов трансформационного механизма управления [21; 22]. В отличие от широко применяемых логических моделей, теория изменений даёт возможность взаимоувязать сложные социально-экономические, политические, институциональные процессы с ожидаемыми социальными изменениями и на этой основе «построить» долгосрочную программу социальной направленности. Потенциал её применения уже используется в российской практике стратегического планирования и стратегического аудита⁴.

Вместе с тем ситуация с разработкой, исполнением и оценкой региональных программ в социальной сфере более разнообразна. Поиск оптимальных решений по повышению уровня жизни и сокращению бедности продолжается [7; 8; 9; 23; 24; 25; 26], а методы их оценки совершенствуются [27], что обуславливает дальнейшие исследования по данной тематике.

Материалы и методы

Начиная с 2020 года, ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России на постоянной основе про-

⁴ Применение теории изменений для стратегического аудита и стратегического планирования в России. Экспертная записка // Счётная Палата РФ: [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/news/kak-ispolzovat-teoriyu-izmeneniy-dlya-strategicheskogo-audita> (дата обращения: 10.09.2024).

водится мониторинг реализации региональных программ по борьбе с бедностью, общей целью которых является повышение уровня жизни населения. Речь идёт о достижении одной из национальных целей России, реализация которых запланирована на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года – снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 году и ниже 5% к 2036 году, в том числе уровня бедности многодетных семей до 12% к 2030 году и до 8% к 2036 году. Для этих целей предполагается осуществление комплекса мероприятий, направленных на решение задач по росту доходов работающего населения, развитию адресной социальной помощи, социальной адаптации малоимущих граждан.

В ходе мониторинга определяется соответствие целей и задач региональных программ целям государственной политики по повышению уровня жизни и сокращению масштабов бедности, проводится оценка целевых показателей региональной программы, главным из которых является «уровень бедности». С применением балльного метода оценивается полнота, комплексность, системность результатов проведённой работы по анализу текущей ситуации, связанной с уровнем жизни в субъекте РФ, являющейся основой для принятия управленческих решений.

Потенциальная результативность мероприятий программ оценивается по следующим параметрам:

- соответствие мероприятий поставленным целям и задачам;
- соответствие сроков исполнения мероприятий срокам реализации региональной программы;
- измеримость ожидаемых результатов;
- наличие ответственных исполнителей по каждому из мероприятий;
- ресурсная обеспеченность мероприятий программы.

В ходе определения соответствия мероприятий заявленным целям и задачам изучался региональный опыт реализации аналогичных по смысловой нагрузке мер с применением общенаучных методов познания, статистических методов обработки информации. В случае недостаточности статистических данных или их отсутствия для обоснования результативности мероприятий применялись методы теории изменений, включающие изучение причинно-следственных связей, возникающих при реализации той или иной меры или комплекса мер и приводящих к ожидаемым результатам, анализ рисков их недостижения. Важная роль отводилась изучению степени доказанности влияния той или иной меры или их совокупности на рост доходов населения и сокращение уровня бедности на основе релевантных

результатов отечественных и зарубежных исследований.

Комплексная оценка реализации региональных программ проводится с учётом оценки показателя «уровень бедности», сопоставления фактических и плановых значений каждого из иных целевых показателей региональных программ и затрат на их достижение в рассматриваемом отчётном периоде, а также оценки фактического исполнения запланированных мероприятий.

Региональные программы по сокращению бедности: результаты оценки текущего состояния

Региональные программы по сокращению бедности – относительно новые инструменты управления. Законодательной базой для их реализации является Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в котором, в числе прочего, приводится дефиниция государственной программы субъекта Российской Федерации. Эти программы формируются на основании соответствующих утверждённых приказами Минтруда России методических рекомендаций, определяющих порядок разработки и основные требования к содержанию региональных программ⁵.

В данной статье приводятся результаты мониторинга региональных программ по сокращению уровня бедности за 2023 год, в ходе которого была проведена экспертиза 42 региональных программ по сокращению уровня бедности

По итогам проведения мониторинга было установлено следующее.

Цели всех проанализированных документов соответствуют целям государственной политики в части достижения целевого показателя «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года».

Общим для системы показателей большинства региональных программ является целевой показатель «численность населения с денежными доходами ниже границы бедности» / «уровень бедности». Кроме того, используются и другие показатели, пример: «реальные располагаемые денежные доходы», «реальная заработная плата работников организаций» и так далее.

Расчёт целевых показателей региональных программ взаимосвязан со сроками исполнения конкретных мероприятий и расходными обяза-

тельствами, которые, как показал анализ, не всегда соответствуют срокам реализации региональных программ именно как комплекса взаимосвязанных мероприятий.

К примеру, расчёт целевого показателя региональной программы Брянской области «Число созданных мест дошкольного образования, просмотра и ухода за детьми дошкольного возраста в негосударственном секторе дошкольного образования за счёт субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации с учётом приоритетности региональных программ субъектов Российской Федерации» произведён на период до 2024 года, что не соответствует срокам реализации региональной программы (2030 год).

Расчёты целевых показателей региональной программы Самарской области «Количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, которым предоставлены жилые помещения из специализированного жилищного фонда области»; «количество многодетных семей, обеспеченных жилыми помещениями по договорам социального найма» определены на период до 2021 года, что не соответствует срокам реализации региональной программы (2030 год) и может свидетельствовать о риске недостижения целей региональной программы.

Характерной особенностью предмета исследования – региональных программ по сокращению уровня бедности – является их периодическая актуализация в соответствии с реалиями экономической и общественной жизни субъектов.

При сравнении с региональными программами, утверждёнными в 2020–2022 гг., актуализированные документы 2023 года содержат более комплексную и подробную информацию о ситуации с уровнем жизни. Однако проведённая в регионах работа по анализу текущей социально-экономической ситуации и её взаимосвязи с причинами и особенностями бедности неоднородна.

В большинстве программных документов содержится информация о численности малоимущего населения на региональном уровне, представлены сведения о факторах и причинах бедности, данные об охвате малоимущих мерами социальной помощи и соответствующие выводы о влиянии указанных мер на сокращение региональной бедности. Однако представленные сведения далеко не всегда позволяют оценить реальные масштабы и структуру бедности в разрезе муниципальных образований. Вместе с тем выявление поселенческих особенностей бедности, которые крайне разнообразны даже в пределах одного региона, – ключ к комплексному пониманию феномена бедности и основа для выбора наиболее эффективных способов её преодоления.

⁵ В 2020–2022 годах региональные программы разрабатывались и утверждались в соответствии с Методическими рекомендациями по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, утверждёнными Приказом Минтруда России от 11.06.2020 г. № 326 (далее – Методические рекомендации), начиная с 2023 года – методическими рекомендациями, утверждёнными Приказом Минтруда РФ от 03.03.2023 г. № 128.

В качестве примера приведём результаты комплексной аналитической работы по изучению масштабов и профиля бедности в муниципальных образованиях, отражённые в региональной программе Ростовской области⁶. Созданная на основе консолидированных данных территориальных органов управления и операторов сотовой связи цифровая платформа «Анализ профиля бедности» позволяет управленческой команде региона оценивать реальный уровень и структуру бедности в привязке к географии области и «в режиме реального времени» добиваться повышения результативности применяемых мер.

Важно подчеркнуть, что построение региональных программ по преодолению бедности предполагает, наряду с анализом текущей ситуации, оценку её динамики под влиянием действующих мер, направленных на улучшение качества жизни населения. Подобная оценка имеет важное значение как для выбора лучших практик по борьбе с бедностью, так и для выявления мер, эффект которых на сокращение бедности минимален или отсутствует.

Среди субъектов, представивших наиболее комплексные результаты анализа текущей социально-экономической и демографической ситуации в регионе и её влияния на бедность, отметим, наряду с Ростовской областью, Республику Крым, Республику Мордовия, Липецкую область. Разработчики региональных программ в этих субъектах исследовали взаимосвязь экономических и демографических процессов с уровнем доходов и бедностью, проанализировав вклад уже реализованных мероприятий в социальной сфере в повышение качества жизни населения и сокращение бедности. Эти документы позволяют исследовать особенности бедности не только на региональном уровне, но и в разрезе муниципальных образований. Несомненным плюсом указанных программ является предварительная работа по выявлению причин, по которым часть малоимущих не получает государственную социальную помощь.

Вместе с тем в некоторых региональных программах сведения о ситуации с бедностью в регионе представлены достаточно скупой и не позволяют в должной мере оценить адекватность выбранных мероприятий по преодолению бедности и росту доходов граждан текущему положению с уровнем жизни и бедностью.

Наиболее характерными недостатками проведённой аналитической работы в субъектах являются:

- отсутствие данных об уровне и структуре бедности в разрезе муниципальных образований;
- отсутствие данных о бедности в различных секторах экономики, среди пенсионеров, а также среди безработных граждан;
- отсутствие сведений о малоимущих гражданах, не получающих государственную социальную помощь, и оценки причин, почему это происходит;
- отсутствие оценки влияния региональных мер социальной поддержки на снижение бедности, а также соответствующих выводов о возможности перераспределения имеющихся ресурсов в пользу нуждающихся граждан.

В ходе мониторинга выявлено, что большинство мероприятий, содержащихся в 42 программных документах, соответствуют поставленным задачам. Вместе с тем во всех региональных программах есть мероприятия, сроки реализации и ресурсное обеспечение которых не соответствуют срокам реализации региональных программ, что обуславливает возможные риски недостижения целей региональных программ.

Во всех региональных программах содержится блок мер, направленных на повышение доходов работающих граждан. Обеспечение гарантий по оплате труда работников организаций достигается, преимущественно, путём заключения соответствующих региональных соглашений (Забайкальский край, Республика Крым и др.), мониторинга задолженности по зарплате (Ставропольский край, Республика Марий Эл и др.), легализации трудовых отношений (Пензенская область, Республика Татарстан и др.). Практически во всех региональных программах предусматриваются меры по индексации зарплат отдельных категорий работников бюджетной сферы. Однако меры, стимулирующие рост оплаты труда работников, на которых не распространяется действие «майских» указов Президента Российской Федерации, как правило, не предусмотрены.

Отметим, что во всех субъектах Российской Федерации накоплен большой положительный опыт реализации активных программ содействия занятости, нашедших отражение в содержании региональных программ по сокращению бедности. К ним относятся такие традиционные меры, как:

- профессиональное обучение и дополнительное образование граждан;
- помощь в поиске работы и трудоустройстве безработных граждан;
- содействие занятости женщин, воспитывающих детей;
- иные мероприятия.

Вместе с тем в рамках реализации большинства программ неочевидны такие направления работы, как определение актуальной потребности

⁶ Постановление Правительства Ростовской области от 30.06.2023 г. № 482 «Об утверждении региональной программы Ростовской области “Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности”».

в кадрах и формирование соответствующих прогнозов ситуации на рынке труда. Во многих программах отсутствуют мероприятия, связанные со стажировкой и/или трудоустройством подростков, выпускников образовательных учреждений, которые особенно актуальны в условиях дефицита кадров, наблюдаемого практически во всех регионах страны. Не уделяется достаточно внимания решениям, направленным на рост профессиональных компетенций работников с низкой оплатой труда, что актуально для регионов с высокими показателями бедности работающего населения. В планах мероприятий не отражены действия по внедрению клиентоцентричного подхода при оказании таких услуг.

Характерной чертой бедности во всех субъектах РФ является высокий удельный вес низкодоходных семей с детьми, в том числе многодетных, а также молодых и неполных семей. Меры социальной поддержки, включенные во все региональные программы, направлены на оказание материальной помощи именно таким категориям граждан. К ним относятся региональный материнский капитал, различные льготы и пособия из средств региональных бюджетов. Условия их предоставления существенно различаются в региональном разрезе. Однако, если предоставление льгот, чаще всего, имеет выраженный категориальный характер и не зависит от уровня доходов граждан, то денежные пособия ориентированы, преимущественно, на семьи с доходами ниже регионального прожиточного минимума. Соответственно, ими не могут воспользоваться многие семьи с детьми в группе риска бедности.

В рамках мероприятий по развитию системы социального контракта во всех регионах предусматривается помощь малоимущим в трудоустройстве или открытии собственного дела. Эта мера характеризуется невысоким охватом населения, и, очевидно, востребована наиболее активной частью малоимущего населения. Отметим, что благодаря постоянно совершенствующимся механизмам его реализации, во многих регионах страны (Тульская область, Чувашская Республика и др.) социальный контракт демонстрирует устойчивое повышение своей эффективности в контексте преодоления гражданами монетарной бедности и имеет существенный потенциал дальнейшего развития.

В процессе реализации региональных программ планы мероприятий периодически актуализируются. Например, в 2023 году в региональной программе Республики Адыгея появились новые меры, связанные с поддержкой субъектов малого и среднего предпринимательства, индивидуальной предпринимательской инициативы,

расширен блок мер социальной поддержки населения.

Некоторые мероприятия, имеющие обязательный к исполнению характер, были исключены из перечня мероприятий обновленной региональной программы Саратовской области. Например, существовавшее в редакции 2022 года мероприятие «Установление величины прожиточного минимума пенсионера в Саратовской области на очередной финансовый год в целях определения социальной доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом "О государственной социальной помощи"» имеет обеспечивающий характер и обязательно к исполнению, поэтому исключение его из программы не окажет влияния на эффективное исполнение остальных мероприятий.

Вместе с тем исключение обеспечивающего мероприятия «Проведение адресной индивидуальной работы с руководителями и собственниками предприятий и организаций всех форм собственности, выплачивающих заработную плату ниже среднеотраслевых показателей» из программы Саратовской области может привести к рискам неисполнения задачи по повышению доходов граждан, в том числе заработной платы, темпами, опережающими рост потребительских цен, к которой данное мероприятие относилось.

Интегральные оценки региональных программ субъектов РФ, рассчитанные на основе количественной оценки достижения плановых значений целевых показателей региональных программ и исполнения программных мероприятий, характеризовались высокой степенью неоднородности, что может быть связано, в первую очередь с разными подходами к поквартальному планированию реализации региональных программ, в ряде случаев не в достаточной степени отражающими взаимосвязь полученных промежуточных результатов с их плановыми значениями. При сравнительно высоком уровне выполнения мероприятий региональных программ в ряде случаев наблюдается их слабая взаимосвязь с целевыми показателями, что обуславливает недостаточное влияние результатов реализуемых мер на их динамику.

По сравнению с программами, утверждёнными в 2020–2022 годах, в 2023 году большинство субъектов усилило перечень мероприятий дополнительными мерами поддержки семей с детьми, содействия занятости, содействия деятельности субъектов малого и среднего бизнеса, индивидуальной предпринимательской инициативы и т.п. Вместе с тем далеко не в каждом регионе разрабатываются и реализуются меры, направленные на модернизацию действующих и создание новых высокотехнологичных производств. Не всег-

да очевидна работа по определению актуальной потребности в кадрах. Не всегда отмечается реализация совместной деятельности региональных центров занятости, работодателей и образовательных организаций по решению вопросов, связанных со стажировками и трудоустройством выпускников образовательных учреждений. Слабой стороной ряда программ является отсутствие мер поддержки фермерских хозяйств, иных мер, направленных на повышение качества жизни сельского населения.

Заключение

В научно-методическом аспекте данное исследование является составной частью решения более широкой проблемы, связанной с разработкой теоретических и практических положений трансформации региональных инструментов программно-целевого управления в социальной сфере.

В отечественной и мировой практике в основе оценки эффективности социальных программ лежит сопоставление затраченных ресурсов и социального эффекта, выраженного в наборе определённых количественных показателей, выбор которых взаимосвязан с комплексом мероприятий, направленных на достижение поставленных целей. Данный подход применим и к оценке региональных программ по сокращению уровня бедности.

Анализ планирования и исполнения региональных программ в субъектах Российской Федерации выявил их комплексный характер, направленность на достижение задач по повышению уровня благосостояния населения, что соответствует национальным целям развития России на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года и обуславливает высокую общественную значимость их успешной реализации.

Оценка мероприятий на этапе планирования и реализации таких программ тесно связана с пониманием ситуации с уровнем жизни в каждом конкретном регионе, анализом масштабов и характеристик социальных групп, на которых направлено государственное управленческое воздействие, изучением причинно-следственных связей, возникающих при реализации той или иной меры или комплекса мер и приводящих к ожидаемым результатам, анализом рисков их недостижения.

Наш анализ показал, что в ходе утверждения новых и актуализации действующих региональных программ управленческими командами совершенствуются подходы к оценке ситуации с бедностью в привязке к текущему социально-экономическому и демографическому положению территорий. Однако, такая работа не всегда ха-

рактеризуется комплексностью, что находит свое отражение в разнообразии региональных мер по сокращению бедности и степени их проработки.

Повышение благосостояния населения тесно связано с ростом трудовых доходов граждан. Этому будут способствовать активизация деятельности органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации в части создания условий для открытия новых и модернизации действующих производств, создания новых высокопроизводительных рабочих мест, развития субъектов малого и среднего бизнеса, самозанятости.

В условиях наблюдаемого роста потребительских цен важную роль приобретает разработка и реализация мер, направленных на повышение зарплат работников бюджетной сферы на уровень, превышающий потребительскую инфляцию. При этом речь идёт не только об отдельных категориях таких работников, но и о занятых, на которых не распространяется действие «майских» указов Президента Российской Федерации.

В субъектах Российской Федерации, характеризующихся низким уровнем оплаты труда работников организаций, важно обеспечить содействие в профессиональном обучении, переподготовке и повышении квалификации работающих граждан, являющихся малоимущими, в целях стимулирования роста уровня заработной платы таких работников.

В ходе реализации программ содействия занятости особое внимание следует уделить трудоустройству незанятых граждан, завершивших прохождение военной службы, выпускников высших и средних профессиональных образовательных организаций. Большую роль играет внедрение принципа клиентоцентричности, предполагающего оказание государственных услуг в соответствии с индивидуальной жизненной ситуацией человека, переход к проактивному предоставлению ряда сервисов и услуг.

Ключевым механизмом сокращения бедности в регионах является социальная поддержка нуждающегося населения. Среди мер адресной социальной поддержки, которые оказали наиболее существенное влияние на снижение уровня бедности в большинстве регионов Российской Федерации в 2023 году, выделяются региональный материнский капитал, ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка, социальный контракт.

В то же время сохраняется потенциал расширения их эффективности. В частности, это могут быть использование регионального материнского капитала на любые цели, дополнительная помощь низкодоходным семьям с детьми, которым по тем или иным причинам отказано в назначении еди-

ного пособия, обеспечение комплексной поддержки начинающих предпринимателей, заключивших социальный контракт, от разработки бизнес-плана до выхода ими на продуктивный уровень работы и так далее.

В России, в условиях роста бюджетных расходов, обусловленных турбулентностью мировых политических и экономических процессов и продолжающимся санкционным давлением, обеспечение устойчивого развития социальной сферы обуславливает актуализацию подходов к реализации государственных программ как основных инструментов государственного управления. Начиная с 2021 года, исполнение ряда государственных программ по приоритетным направлениям

государственной социальной политики осуществляется с применением принципов проектного управления. Это подразумевает чёткое разграничение полномочий участников, эффективное распределение ресурсов, внедрение гибких форм управления с использованием соответствующих информационных систем, благодаря которым достигается высокое качество межведомственного взаимодействия, осуществление мониторинга каждого из этапов исполнения таких программ⁷. Внедрение базовых принципов и инструментария проектного управления в практику реализации региональных программ по сокращению бедности может являться одним из перспективных направлений повышения их эффективности.

Список литературы

1. *Хачатуров Т.С.* Эффективность капитальных вложений. М.: Экономика, 1979. 335 с.
2. Социально-экономическая эффективность регионального развития / С.Н. Растворцева, В.В. Фаузер, В.Н. Задорожный, В.А. Залевский; отв. ред. С.Н. Растворцева. М.: Экон-Информ, 2011. 131 с. ISBN 978-5-9506-0691-5
3. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: курс лекций. 4-е изд., стереотип. М.: Омега-Л, 2009. 579 с.
4. *Аникина И.Д., Буханцев Ю.А., Кузьмина Э.В.* Анализ направлений развития контроля и оценки эффективности реализации госпрограмм и нацпроектов // *Фундаментальные исследования*. 2022. № 10-1. С. 7–13. <https://doi.org/10.17513/fr.43335>. EDN GYZKTD
5. *Беланова Н.Н.* Оценка эффективности государственных программ: ключевые индикаторы и показатели // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Том 10. № 3. С. 487–502. <https://10.18334/erpp.10.3.100712> EDN FPVVKG
6. *Ульянов А.Ю.* Проблемы оценки эффективности стратегического планирования в Российской Федерации // *Административное и муниципальное право*. 2023. № 6. С. 12–20. <https://10.7256/2454-0595.2023.6.39373> EDN НКDIFW
7. *Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А.* Региональный рейтинг эффективности социальной поддержки нуждающихся // *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 1(190). С. 55–64. <https://10.47711/0868-6351-190-55-64> EDN QMSOHV
8. *Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В.* О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
9. *Разумов А.А., Селиванова О.В.* Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах РФ // *Социально-трудовые исследования*. 2023. № 1(50). С. 83–93. <https://10.34022/2658-3712-2023-50-1-83-93> EDN LAOWFK
10. *Хейне П.* Экономический образ мышления. Изд. 2-е, стереотип. М.: Дело, при участии изд-ва «Gatallaxy», 1993. 704 с.
11. *Alkin M.C., Vo A.T., Christie C.A.* Evaluation essentials: From A to Z. Guilford Publications, 2024. 334 p.
12. *Артемяева С.С., Буянова Е.А.* Программно-целевое бюджетирование в субъектах Российской Федерации // *Вектор экономики*. 2020. № 3(45). С. 31. EDN BZNLKX
13. *Юзвович Л.И., Львова М.И.* Проблемы финансирования социально ориентированных программ на уровне региона // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Том 12. № 11. С. 2985–3006. EDN GHYXVQ
14. *Смирнов В.М., Селиванова О.В.* Совершенствование оценки региональных программ борьбы с бедностью // *Самоуправление*. 2021. № 2(124). С. 481–487. <https://10.18334/erpp.12.11.116498> EDN REBQCM
15. *Мастеров А.И., Михина Е.В.* Проблемы и пути совершенствования оценки эффективности государственных программ в российских регионах // *Социальные и экономические системы*. 2023. № 1-1(39). С. 254–265. EDN HBBUKQ
16. *White J.* Playing the Wrong PART: The Program Assessment Rating Tool and the Functions of the President's Budget // *Public Administration Review*. 2012. Vol. 72. Issue 1. P. 112–121. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02484.x>
17. *Moynihan D. P., Lavertu S.* Does Involvement in Performance Management Routines Encourage Performance Information Use? Evaluating GPRA and PART // *Public Administration Review*. 2012. Vol. 72. Issue 4. P. 592–602.
18. *Kasdin S., McCann A.* What Drives Program Terminations for the Federal Government? // *Public Budgeting and Finance*. 2022. Vol. 42. Issue 1. P. 28–44. <https://doi.org/10.1111/pbaf.12288>
19. *Шмиголь Н.С.* Повышение эффективности программного бюджетирования с учётом лучших зарубежных практик // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. Том 10. № 5. С. 114–125. EDN ZRWRNZ
20. *Weiss C.H.* Theory-based Evaluation: Past, Present, and Future // *New Directions for Evaluation*. 1997. No. 76. P. 41–55
21. *King J.* Expanding theory-based evaluation: Incorporating value creation in a theory of change // *Evaluation and Program Planning*. 2021. Vol. 89. P. 101963. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2021.101963>

⁷ Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 № 786 (ред. от 30.05.2024) «О системе управления государственными программами Российской Федерации».

22. Сергеева С.А. Повышение эффективности стратегического планирования: применение концепции «теории изменений» // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12. № 5А. С. 383–390. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.86.84.033> EDN XSVHAN
23. Вашаломидзе Е.В., Чаленко И.А. Инновационные механизмы социальной защиты населения на основе повышения эффективности взаимодействия органов публичной власти и бизнеса. М.: ООО «Директ-Медиа», 2023. 144 с. ISBN 978-5-4499-3665-3 EDN LPAXOZ
24. Гришина Е.Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // Финансовый журнал. 2024. Том 16. № 1. С. 45–60. <https://10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> EDN KMRVZJ
25. Овчинников В.Н. Нобелевская премия по экономике 2019 года: борьба с бедностью и эксперименты в экономике развития // Финансовый журнал. 2020. Том 12. № 2. С. 120–131. <https://10.31107/2075-1990-2020-2-120-131> EDN SLXFZL
26. Регионы с низкой финансовой устойчивостью: анализ и активизация развития / П.В. Строев, О.В. Пивоварова, Х.В. Шеожев, А.И. Дудник // Финансовый журнал. 2023. Том 15. № 1. С. 26–44. <https://10.31107/2075-1990-2023-1-26-44> EDN PGDPNA
27. Платыгин Д.Н., Смирнов В.М., Новиков П.Н. Теоретико-методологические аспекты организации и проведения мониторингов в социально-экономической сфере // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3(48). С. 8–17. <https://10.34022/2658-3712-2022-48-3-8-17> EDN CIYYMM

Информация об авторах:

Ольга Владимировна Селиванова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований социальной политики, Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации ВНИИ труда Минтруда России (SPIN-код: 1935-0274) (РИНЦ Author ID: 1084111) (ResearcherID: AID-4501-2022)

Владимир Михайлович Смирнов – доктор экономических наук, профессор Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (SPIN-код: 9981-8404) (РИНЦ Author ID: 638489)

Тамара Рашитовна Новикова – научный сотрудник Центра методологии бухгалтерского учёта, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (SPIN-код: 2002-1367) (РИНЦ Author ID: 729349)

Заявленный вклад авторов:

О.В. Селиванова – определение целей и задач исследования, обоснование теоретико-методологических положений, проведение исследования, формирование выводов.

В.М. Смирнов – постановка проблемы, научное руководство исследованием, разработка методологии исследования, содержательный анализ и интерпретация полученных результатов.

Т.Р. Новикова – подбор и анализ научной литературы, интерпретация полученных результатов, редактирование исследования.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Ольга Владимировна Селиванова.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Khachaturov T.S. *Ehffektivnost' Kapital'nykh Vlozhenii*. Moscow: Ehkonomika; 1979. 335 p. (In Russ.)
2. Rastvorceva S. N. (ex. ed.), Fauzer V.V., Zadorozhnyi V.N. et al. *Sotsial'no-ehkonomicheskaya Ehffektivnost' Regional'nogo Razvitiya*. Moscow: Publishing House Ekon-Inform; 2011. 131 p. ISBN 978-5-9506-0691-5 (In Russ.)
3. Atamanchuk G.V. *Teoriya Gosudarstvennogo Upravleniya*. Lecture Course. 4th ed., stereotype. Moscow: Publishing House Omega-L; 2009. 579 p. (In Russ.)
4. Anikina I.D., Bukhantsev Yu.A., Kuz'mina Eh.V. Analysis of the Directions of Development of Control and Evaluation of the Effectiveness of the Implementation of State Programs and National Projects. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*. 2022;(10-1);7-13. <https://doi.org/10.17513/fr.43335> (In Russ.)
5. Belanova N.N. Government Programs Efficiency Assessment: Key Indicators and Indices. *Ehkonomika, predprinimatel'stvo i parvo=Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2020;10(3);487-502 <https://10.18334/epp.10.3.100712> (In Russ.)
6. Ul'yanov A.Yu. The Problems of Assessing Effectiveness of Strategic Planning in the Russian Federation. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo=Administrative and Municipal Law*. 2023;(6);12-20 <https://10.7256/2454-0595.2023.6.39373> (In Russ.)
7. Andreeva E.I., Bychkov D.G., Feoktistova O.A. Rating of the Russian Regions by the Effectiveness of Social Support. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2022;33(1): 36-44. <https://10.1134/S1075700722010026> (In Russ.)
8. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
9. Razumov A.A., Selivanova O.V. The Impact of Child Benefits and Compensation Payments on Poverty Reduction in the Regions of Russia. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(1(50));83-93 <https://10.34022/2658-3712-2023-50-1-83-93> (In Russ.)
10. Heyne P. *The Economic Way of Thinking*. 4th ed., stereotype. Moscow: Publishing House Delo with the part. «Gatallaxy»; 1993. 704 p. (In Russ.)
11. Alkin M.C., Vo A.T., Christie C.A. *Evaluation Essentials: From A to Z*. Guilford Publications; 2024. 334 p.
12. Artem'eva S.S., Buyanova E.A. Program and Target Budgeting in the Subjects of the Russian Federation. *Vektor Ehkonomiki*. 2020;(3(45));31 (In Russ.)

13. Yuzvovich L.I., Lvova M.I. Problems of Financing Socially Oriented Programs at the Regional Level. *Ehkonomika, Predprinimatel'stvo i Pravo=Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(11);2985-3006. (In Russ.)
14. Smirnov V.M., Selivanova O.V. Improving the Evaluation of Regional Poverty Reduction Programmes. *Samoupravlenie*. 2021;(2(124));481-487 <https://doi.org/10.18334/epp.12.11.116498> (In Russ.)
15. Masterov A.I., Mikhina E.V. Problems and Ways to Improve Performance Evaluation of State Programs in Russian Regions. *Sotsial'nye i ehkonomicheskie sistemy=Social and Economic Systems*. 2023;(1-1(39));254-265 (In Russ.)
16. White J. Playing the Wrong PART: The Program Assessment Rating Tool and the Functions of the President's Budget. *Public Administration Review*. 2012;72(1):112-121. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02484.x>
17. Moynihan D. P., Lavertu S. Does Involvement in Performance Management Routines Encourage Performance Information Use? Evaluating GPRA and PART. *Public Administration Review*. 2012;72(4):592-602.
18. Kasdin S., McCann A. What Drives Program Terminations for the Federal Government? *Public Budgeting and Finance*. 2021;42(1):28-44. <https://doi.org/10.1111/pbaf.12288>
19. Shmigol' N.S. Increasing the Effectiveness of Program Budgeting Taking into Account Best Foreign Practices. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2017;10(5);114-125 (In Russ.)
20. Weiss C.H. Weiss C.H. Theory-Based Evaluation: Past, Present, and Future. *New Directions for Evaluation*. 1997;(76):41-55.
21. King J. Expanding Theory-Based Evaluation: Incorporating Value Creation in a Theory of Change. *Evaluation and Program Planning*. 2021;89:101963. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2021.101963>
22. Sergeeva S.A. Improving the Effectiveness of Strategic Planning: Applying the Concept of "Theory of Change". *Ehkonomika: vchera, segodnya, zavtra=Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;12(5A);383-390. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.86.84.033> (In Russ.)
23. Vashalomidze E.V., Chalenko I.A. Innovatsionnye Mekhanizmy Sotsial'noi Zashchity Naseleniya na Osnove Povysheniya Effektivnosti Vzaimodeystviya Organov Publichnoi Vlasti i Biznesa. Moscow: LTD Direkt-media; 2023. 144 p. ISBN 978-5-4499-3665-3 (In Russ.)
24. Grishina E.E. Financial Situation of Large Families and Factors of Their Income Growth. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2024;16(1);45-60 <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> (In Russ.)
25. Ovchinnikov V.N. Nobel Prize in Economic Sciences 2019: Poverty Alleviation and Experiments in Development Economics. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2020;12(2);120-131. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-2-120-131> (In Russ.)
26. Stroev P.V., Pivovarova O.V., Sheozhev Kh.V., et al. Regions with Low Financial Sustainability: Analysis and Enhancement of Development. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2023;15(1):26-44. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-1-26-44> (In Russ.)
27. Platygin D.N., Smirnov V.M., Novikov P.N. Theoretical and Methodological Aspects of Organizing and Conducting Monitoring in the Socio-Economic Sphere. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2022;(3(48));8-17 <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-8-17> (In Russ.)

Information about the authors:

O'l'ga V. Selivanova – PhD in Economics, Senior Researcher at the Center for Social Policy Research of the All-Russian Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation (SPIN-code: 1935-0274) (RSCI Author ID: 1084111) (ResearcherID: AID-4501-2022)

Vladimir M. Smirnov – Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 9981-8404) (RSCI Author ID: 638489)

Tamara R. Novikova – Researcher at the Center for Accounting Methodology of the Scientific Research of the Scientific and Research Financial Institute (SPIN-code: 9981-8404) (RSCI Author ID: 638489)

The declared contribution of the authors:

O'l'ga V. Selivanova – definition of research goals and objectives, substantiation of theoretical and methodological provisions, conducting research, formation of conclusions.

Vladimir M. Smirnov – problem statement, scientific management of the research, development of research methodology, meaningful analysis and interpretation of the results obtained.

Tamara R. Novikova – selection and analysis of scientific literature, interpretation of the results obtained, editing of the study.

Conflict of interest: the authors declare that there is no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is O'l'ga V. Selivanova.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 02.11.2024; accepted for publication 07.12.2024.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 314.1-314.7

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611

EDN KPBLSG

Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода

Владимир Алексеевич Ионцев¹, Юлия Анатольевна Узкая²

^{1,2} Высшая школа современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ (vaiontsev@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-9461-3542>)

² (yulia.uzkaya@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0001-5473-1197>)

Аннотация

В статье рассматривается один из важнейших вопросов демографического будущего России. Перед Россией остро стоит вопрос выбора пути демографического развития. А учитывая, что более тридцати лет Россия идёт по западному пути демографического развития, базовой моделью которого является глобально-либеральная модель демографического перехода, возникает вопрос: насколько этот путь учитывает национальные интересы России? По нашему мнению, этот путь демографического развития ведёт в тупик, к исчезновению российского населения. Эта модель описывается в концепции второго демографического перехода. Как альтернативу этой западной модели мы предложили «евразийский путь демографического развития». В статье достаточно подробно раскрываются идеи евразийства, современного неоевразийства, при этом, по мнению отдельных российских учёных, идея нового евразийства может рассматриваться как национальная идея, которая способствовала бы сплочению и подъёму суверенной России в «условиях жёсткой культурно-цивилизационной экспансии Запада». В работе доказывается, что только идя по евразийскому пути демографического развития, Россия ещё может с успехом выйти из сложной демографической ситуации, которая характеризуется нами понятием «демографический кризис», характерной и значимой чертой которого являются негативные качественные демографические изменения в населении нашей страны и особенно среди молодёжи. В статье кратко раскрывается роль международной миграции, которая также может способствовать выходу из сложной демографической ситуации, при условии проведения грамотной миграционной политики. Эта политика должна учитывать интересы российского населения и региональные интересы России. Среди мигрантов, прибывающих в Россию, наиболее значимой группой, как в демографическом, так и экономическом плане, могут стать старообрядцы, проживающие в основном в дальнем зарубежье. И в заключении статьи сделаны предложения по улучшению современной демографической ситуации в России. Результаты исследования могут быть использованы в процессе совершенствования демографической и миграционной политик, проводимых в России.

Ключевые слова: Евразийство, неоевразийство, евразийский путь демографического развития, глобально-либеральная модель демографического перехода, концепция второго демографического перехода, демографический кризис, депопуляция, традиционные демографические ценности, международная миграция

Для цитирования: Ионцев В.А., Узкая Ю.А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 597–611. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611 EDN KPBLSG

RAR (Research Article Report)

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611

The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Global Liberal Model of Demographic Transition

Vladimir A. Iontsev¹, Yuliya A. Uzkaya²

^{1,2} Higher School of Modern Social Sciences Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ (vaiontsev@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-9461-3542>)

² (yulia.uzkaya@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0001-5473-1197>)

Abstract

The article deals with one of the most important issues of the demographic future of Russia. Russia is facing an acute issue of choosing the path of demographic development. And considering that for more than thirty years Russia has actually been following the modern Western path of demographic development, the basic model of which is the globally liberal model of demographic transition, the question arises: to what extent does this path take into account Russia's national interests? In our opinion, this path of demographic development leads to a dead end, leads, in fact, to the disappearance of the Russian population. And how can it be otherwise if the main model of a family is a family with one child, or without one at all. This model is well described in the concept of the second demographic transition. Based on the latter, the idea of the Eurasian path of demographic development appeared. The article reveals in sufficient detail the ideas of Eurasianism, modern neo-Eurasianism, while, according to some Russian scientists, the idea of a new Eurasianism can be considered as a national idea that would contribute to the unity and rise of sovereign Russia in "conditions of harsh cultural and civilizational expansion of the West." The paper proves that only by following the Eurasian path of demographic development, Russia will be able to successfully get out of a difficult demographic situation, which is characterized by the concept of "demographic crisis", a characteristic and significant feature of which are

negative qualitative demographic changes. Especially such kind of tendencies we can observe among young people. The article briefly reveals the role of international migration, which can contribute to overcoming a difficult demographic situation, provided that a competent migration policy is carried out. This policy should take into account not only the interests of big capital, but also the interests of the Russian population and the regional interests of Russia. Among the migrants arriving in Russia, the most significant group, both demographically and economically, may be Old Believers living mainly in the far abroad. And in the conclusion of the article, proposals are made to improve the current demographic situation in Russia. The results of the study can be used in the process of improving demographic and migration policies conducted in Russia.

Keywords: Eurasianism, neo-Eurasianism, the Eurasian way of demographic development, the globally liberal model of demographic transition, the concept of the second demographic transition, demographic crisis, depopulation, traditional demographic values, international migration

For citation: Iontsev V.A., Uzkaya Yu.A. The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Global Liberal Model of Demographic Transition. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):597–611. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611 (In Russ.)

Введение. Теоретические и методологические положения

Современный мир очутился на перепутье своего демографического будущего. По какому пути демографического развития идти различным странам этого мира? По-существу, если выделить крупные направления этого выбора, то их можно свести к трём: современный западный путь, основу которого составляет так называемая глобально-либеральная модель демографического перехода, по которой идут все западные страны, развитые страны Азии (Япония, Южная Корея, Сингапур), страны Северной Америки и отдельные страны Южной Америки. К сожалению, это коснулось многих государств постсоветского пространства, и в первую очередь России, Белоруссии и стран Прибалтики. По этому же пути, но со значительной китайской спецификой, более сорока лет шёл Китай, который, провозглашая социалистические принципы развития, частично допуская рыночные капиталистические отношения, с 2012 года предпринял существенные усилия по отказу от глобально-либеральной модели демографического перехода. И наконец, самая многочисленная группа развивающихся стран, многие из которых ещё в 70-е гг. прошлого века стали копировать западную модель в области рождаемости, а часть из этих стран, не пройдя все стадии классического демографического перехода, пытаются сразу перепрыгнуть на его пятую стадию, которую, собственно, и определяет глобально-либеральная модель демографического перехода. Например, страны Центральной Азии, прибалтийские государства, включая Польшу, отдельные страны Латинской Америки и др. При этом надо обязательно подчеркнуть тот факт, что чем меньше численность населения страны, тем реальней становится угроза её вымирания уже в ближайшем будущем. И наконец, хочется выделить такое направление, как евразийский путь демографического развития, который, на наш взгляд, может стать для России и других стран

евразийского пространства приоритетным, но модели которого каждой из них могут иметь свои особенности, обусловленные национальными, культурными, религиозными, духовными и др. традициями. При этом авторы вполне допускают, говоря о мире в целом, что возможны, вероятно, и другие направления демографического развития.

Объектом нашего исследования является демографическое развитие России, обусловленное всеми демографическими процессами, начиная с 1992 по 2023 годы.

Предметом является влияние современных западных тенденций на демографическое развитие России.

Гипотеза исследования состоит в том, что евразийский путь демографического развития является для России более предпочтительным, нежели траектория, предлагаемая в глобально – либеральной модели демографического перехода.

Цель исследования – на основе анализа современной демографической ситуации в России, которая характеризуется президентом страны В.В. Путиным как «очень сложная», выявить закономерности перехода России с глобально-либеральной модели демографического перехода на евразийский путь демографического развития как основы выхода страны из этой сложной ситуации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: обосновать основные понятия, определяющие современную демографическую ситуацию; выявить основные характеристики глобально-либеральной модели демографического перехода; сформулировать актуальное представление о евразийском пути демографического развития и определить роль миграции в нём.

Научная новизна и практическая значимость исследования состоят в том, что авторами выделяются разные направления демографического развития, и главным было показать, какое из этих направлений для России представляется наиболее

лее значимым с точки зрения не просто выхода из сложной ситуации, но и её демографического будущего. В статье показывается, что одним из таких направлений может стать евразийский путь демографического развития. Впервые даётся характеристика теории демографического перехода, как глобально-либеральной модели развития населения, навязываемой всему миру, особенно в контексте второго демографического перехода.

Необходимо сделать несколько важных замечаний, связанных с такими понятиями, как демографическое развитие, демографический кризис, депопуляция, демографическая катастрофа и ряд других.

Термин «демографическое развитие» в настоящее время довольно широко стал использоваться в научной литературе в отличие от советского периода, когда использовалось словосочетание «развитие народонаселения» (см., например, работы Д.И. Валентя). При этом, как ни странно, этот «новый» термин не раскрывается ни в одном из наших энциклопедических словарей, да и в большинстве научных работ, понимается как некое сугубо позитивное или нейтральное развитие. Показательна в этом смысле статья М.А. Клупта «Теория демографического развития» [1], в которой самого определения этого термина мы не находим и правильнее статью было назвать «Теории...», поскольку по тексту идёт анализ классической теории и концепции второго демографического перехода с выходом на институциональную теорию. Но лучше, думается, не давать определения, чем давать их нечетко, как это сделали в своей работе Т.К. Ростовская и А.М. Ситковский: «Если рассматривать понятие демографического развития с философской точки зрения, то это, в первую очередь, вопрос, направленный на сохранение жизни, нежели цель государственного управления. Государственное управление всегда должно быть направлено на то, чтобы сформировать благоприятные условия для населения, приумножить его. Сейчас демографическое развитие рассматривается в целом как развитие государства, оно включает в себя социальные, экономические и экологические процессы» [2, с. 178] или А.Н. Аверин, который пишет: «Демографическое развитие представляет собой качественные, необратимые и направленные изменения народонаселения» [3, с. 5].

Вместе с тем, по нашему мнению, демографическое развитие – это «простое» демографическое понятие, вмещающее в себя как положительные, так и отрицательные (негативные) детерминанты этого развития. Единственной научной работой, где была сделана попытка подробного анализа понятия «демографическое развитие»,

является исследование Ю.А. Узкой, которое она начала проводить с 2012 года, частично завершив его выходом своей монографии в 2018 году [4, с. 18–20].

Надо заметить, что вся история демографического развития мирового населения обуславливается положительными и отрицательными детерминантами (определяющие факторы), которые на тех или иных исторических этапах имеют разное соотношение. Например, для Европы период с 1830 по 1930 гг. характеризуется как положительный (европейский демографический взрыв, снижение смертности, в частности, младенческой и материнской, увеличение продолжительности жизни, укрепление института семьи с акцентом на её многодетность и т.п.), хотя и в этот период имели место определённые негативные факторы, но они не играли главенствующую роль. Что касается современного демографического развития западных стран, отдельных государств Азии и Латинской Америки, и, к сожалению, России, оно характеризуется преобладанием негативных количественных и качественных детерминантов. К последним мы, прежде всего, относим суррогатные западные морально-духовные ценности. И данную демографическую ситуацию обозначаем таким понятием как «демографический кризис», который, по нашему мнению, представляет собой резкое ухудшение всех демографических процессов, обусловленное депопуляцией в её худшем виде – естественной убыли населения, ведущей к сокращению численности населения страны, негативными изменениями в поло-возрастной структуре населения (структурный фактор) и в демографическом поведении (качественный фактор, связанный, в первую очередь, с традиционными морально-духовными ценностями).

Надо заметить, что такое явление как демографический кризис, берет начало в 1960-е годы прошлого века в США, где на фоне так называемой «культурной революции» среди многочисленных поколений бэби-бумеров начинают распространяться синтетические наркотики, суррогатные и нетрадиционные ценности, навязываться субкультура и тому подобное, что на переломе 60–70-х годов получило ещё большее развитие во всех странах Западной Европы. В настоящее время эти современные западные суррогатные ценности обрушились на многие страны мира, в том числе и на Россию, где в 1992 году появляется естественная убыль населения (которая в 2021 году превысила один миллион), а к концу 90-х годов начинают распространяться и остальные западные «прелести», что и обозначило появление в России такого явления как демографический кризис, который продолжает только усиливаться.

В связи с последним особый интерес представляет статья известного российского демографа А.Г. Вишневого «Демографический кризис в России», которая была опубликована в 2009 г. французским центром Ifri [5, с. 4-17]. В этой статье автор, употребляя словосочетание «демографический кризис», по существу, понимает под ним депопуляцию. Неслучайно в параграфе «Три этапа депопуляции» он пишет, что «уже в середине 1960-х годов нетто-коэффициент воспроизводства населения опустился ниже единицы. Это можно считать началом первого этапа российского демографического кризиса, ибо такое снижение (рождаемости) позволяет диагностировать депопуляцию... Страна вступила в новый, второй этап демографического кризиса в 1992 году, в переход от скрытой, латентной, к явной депопуляции». Рассуждая о других кризисных явлениях, А.Г. Вишневский приходит к выводу о том, что все эти явления не позволяют «говорить о специфически российском кризисе. Скорее, речь должна идти об общем кризисе всей современной городской, индустриальной и постиндустриальной цивилизации, причины которого не могут быть найдены и устранены в одной стране». Вот так вот «эффектно» обозначив начало демографического кризиса ещё в советский период, он перекидывает развитие кризиса на 90-е годы в современную Россию. При этом в советский период ни один учёный, в том числе и сам Вишневский, ни о каком подобном кризисе не писали, хотя такие авторы как Д.И. Валентей, А.П. Судоплатов, С.Ф. Иванов и др. уже обращали внимание на кризисные демографические явления, имеющие место в развитых западных странах. Возможно, исходя из такого понимания, А.Г. Вишневский постоянно утверждал во многих своих работах, что и Россия должна идти по западной модели демографического развития [6]. Конечно, возникает вопрос, почему Россия должна вопреки своим национальным интересам идти по западному пути демографического развития, который ведёт, по существу, к вымиранию человеческой популяции и почему она не может выбрать свой путь развития?

Чтобы более корректно ответить на этот вопрос, надо хотя бы кратко рассмотреть дискуссию о демографическом кризисе в России, которую, собственно, Вишневский и задал в 2000-е годы. Неслучайно у нас появилось столько его последователей¹ в эти годы, отождествляющих кризис с депопуляцией. Но помимо этих двух терминов для характеристики современной демографической ситуации отдельные учёные, общественные

деятели, политики, государственные чиновники часто используют и другие, среди которых можно выделить следующие: «демографическая яма», «демографическая катастрофа», «демографический коллапс», «демографическая ловушка». Хотелось бы особо подчеркнуть, что эти все термины, характеризуя демографическую ситуацию как негативную, отражают разные уровни этой негативности, о чём мы начали писать ещё в 2008 году [7, с. 114]. Казалось бы, безобидная подмена одного термина другим или их смешение, на наш взгляд, существенно искажает информацию о степени негативности современного демографического развития России и тем самым дезориентирует руководство страны и регионов, население в целом в понимании современных демографических проблем и их значимости для нашего будущего развития. И чаще всего демографический кризис смешивается, подменяется таким явлением как «депопуляция».

Достаточно полное определение этого понятия мы находим в соответствующей статье В.С. Стешенко в демографическом энциклопедическом словаре 1985 года. В ней под депопуляцией понимается «уменьшение абсолютной численности какой-либо страны или территории, либо суженное его воспроизводство, при котором численность последующих поколений меньше предыдущего [8, с. 123]. Под режимом суженного воспроизводства населения понимается, когда суммарный коэффициент рождаемости становится ниже 2,15 [Приложение, таблица 2]. Но ещё более точно этот режим оценивается нетто-коэффициентом воспроизводства населения, который помимо рождаемости учитывает и смертность, что для России является принципиальным. Суженным этот режим становится тогда, когда этот коэффициент становится ниже 1 [Приложение, таблица 1].

Исходя из этого определения, наш известный демограф А.Я. Кваша, посвятив рассмотрению депопуляции целый параграф в первом постсоветском учебнике по демографии, соглашаясь в целом с В.С. Стешенко, пишет о том, что она является «одной из форм демографического кризиса» [9, с. 16]. Таким образом, делается важное разделение между такими понятиями как «депопуляция» и «демографический кризис». Соответственно, определяя современную демографическую ситуацию в России только понятием депопуляция, мы тем самым искажаем суть современного демографического развития в России. В национальном демографическом докладе «Демографическое благополучие России», подготовленном коллективом Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, который стал играть в нашей стра-

¹ С.В. Захаров, А.Г. Злотников, Т.А. Калинина, А.В. Короленко, П.М. Полян, Б.Б. Прохоров, А.А. Ткаченко и другие.

не значимую положительную роль в развитии демографической науки, находим следующий текст: «Российская Федерация на протяжении длительного периода своей новейшей истории живёт в режиме депопуляции». Саму депопуляцию авторы делят на две волны, существенным отличием последней из них является то, что «...величина естественной убыли определяется исключительно сокращением числа родившихся, а смертность продолжает снижаться» [10, с. 12]. Тогда к какой волне депопуляции относится повышение смертности в 2020–2023 годах, среднегодовая смертность за этот период составила более 2 млн человек? Может следует это рассматривать как начало третьей волны? При этом надо обратить внимание, говоря о смертности, что у нас очень высокая предотвратимая смертность среди мужчин самого репродуктивного возраста, и если раньше это касалось возрастной группы 55–59 лет, то сейчас определяющей является возрастная группа 35–45 лет, как и достаточно низкая средняя продолжительность здоровой жизни (примерно 66 лет). Как важно и то, что депопуляция в России начавшись в середине 60-х годов, с 1992 года, принимает свою крайнюю форму – естественную убыль, что её принципиально отличает от советского периода. К сожалению, помимо депопуляции на нашу современную демографическую ситуацию воздействуют ещё два важных фактора – это неблагоприятные изменения в возраст-но-половой структуре населения и то, что является самой характерной чертой демографического кризиса: негативные качественные изменения в демографическом поведении населения, связанные прежде всего с морально-духовными ценностями.

О демографических ценностях нет хотя бы краткого упоминания в специальном докладе Общественной палаты РФ 2023 года [11]. Зато в нём много рассуждений и экономических предложений о том, как поднять к 2030 году суммарный коэффициент рождаемости до уровня простого воспроизводства равного 2,1. Есть даже целый параграф, посвящённый непродолжительному «Са-халинскому чуду», распространив которое по всей России можно будет выйти даже на расширенный режим воспроизводства населения. Но нет даже абзаца в достаточно добротном разделе по смертности о показателе «ожидаемой продолжительности здоровой жизни», учитывающем те самые качественные негативные изменения. И хочется обратить внимание авторов, как и многих других сторонников «экономического детерминизма» в решении демографических проблем, на выступление президента страны, В.В. Путина, в котором он обозначил три важнейших момента для реаль-

ного понимания современной демографической ситуации, без чего невозможно говорить о будущем: «...И что здесь хочу сказать и подчеркнуть? Преодолеть сложнейшие демографические вызовы, с которыми мы столкнулись, невозможно только с помощью денег, социальных выплат, пособий, льгот, отдельных программ. Да, конечно, цифры бюджетных «демографических» расходов крайне значимы, но это далеко не всё. Гораздо важнее жизненные ориентиры человека. В основе семьи, в рождении ребёнка лежат любовь, доверие, прочная нравственная опора. Мы ни в коем случае и никогда не должны об этом забывать»².

Именно на традиционные нравственные ценности мы обращаем особое внимание, возврат к которым поможет России выйти из демографического кризиса и значительно улучшить нашу демографическую ситуацию. Помимо подмены демографического кризиса депопуляцией, ряд авторов, используя термин «депопуляция», рассматривают кризис в России во множественном числе, начиная чуть ли не с периода монголо-татарского ига, и в двух формах. Возможно, одной из первых таких работ стал капитальный труд под общей ред. С.С. Сулакшина, в котором и появились две формы: «понятие «демографический кризис» в современном мире имеет две основные формы проявления...», как и следующий пример демографического непонимания: «Депопуляция измеряется посредством соотношения общих коэффициентов рождаемости и смертности и выражается величиной естественного отрицательного прироста» [12, с. 23]. Выше мы уже обратили внимание на специальные демографические показатели, которые отражают депопуляцию, как и на то, что не всегда она сопровождается естественной убылью населения.

Но более подробный анализ этих форм мы находим в статьях 2000, 2004 и 2013 гг. А.А. Ткаченко под общим названием «Демографический кризис». Например, в «Демографической энциклопедии» (2013 г.), в которой он же является и главным редактором, данное явление также выступает в двух формах: «1) резкое сокращение численности населения в результате опасных стихийных явлений, пандемий, войны. Изменение социально-экономических условий и т.д...; 2) быстрый рост населения, если он вызывает резко неблагоприятные социальные, экономические, экологические и другие последствия. В 20 веке шёл гиперболический рост населения, который можно рассматривать как «демографический кризис» [13, с. 240].

² Выступление Путина на Всемирном русском народном собрании: главное // kremlin.ru: [сайт]. 28 ноября 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 18.08.2024).

Во-первых, ни о каком демографическом кризисе никто не говорил в связи со значительным сокращением численности населения России, обусловленного кровопролитной второй мировой войной, как и другими военными конфликтами советского периода. Ещё более вызывает возражение отождествление демографического кризиса с таким явлением как «демографический взрыв», который имел место в Западной Европе с 1830 по 1930 гг. А в середине 60-х гг. XX века зародился мощный современный демографический взрыв в развивающихся странах, который до сих пор имеет место в ряде из них и благодаря которому часть из этих стран вышли на более высокий уровень экономического и политического развития.

Ярким продолжением такого подхода являются статьи ряда молодых исследователей, среди которых выделим статью А.В. Короленко, в которой она пишет: «в настоящее время в мире кризис проявляется в двух формах: с одной стороны, в стремительном росте численности населения (демографическом взрыве) развивающихся стран, с другой – в депопуляции и старении населения экономически развитых государств. Установлено, что для России характерна вторая форма, угрожающая стремительной убылью численности населения... А дальше указывает, что «сделан вывод о том, что процесс депопуляции является лишь одной из многочисленных форм проявления демографического кризиса» [14, с. 14]. Мы не относим вопрос старения населения к детерминантам демографического кризиса.

И несколько слов о смещении демографического кризиса с понятием «демографическая катастрофа». Под последней мы понимаем ситуацию, когда в очень короткие сроки (часы, дни, недели) может исчезнуть две трети или всё население отдельной страны, целой цивилизации, всего человечества планеты Земля. В истории нашей планеты уже исчезали страны и цивилизации, а Атлантиду до сих пор ищут в морских глубинах Средиземного моря. Но надо особо подчеркнуть, что мировое человечество ещё никогда так близко не приближалось к реальной демографической катастрофе, которая в любой ближайший момент может наступить, как в результате экологического коллапса (землетрясений, наводнений, климатических изменений и т.п.), обусловленное в первую очередь неразумной производственной деятельностью, варварским отношением к природе, окружающей среде – и всё ради получения максимальной прибыли. Как и в случае развязывания третьей мировой ядерной войны, в ходе которой и нападающие, и защищающиеся просто исчезнут с лица земли, захватив с собой миллиарды

ни в чём не повинных людей. Ещё никогда в мире не тратилось на разработку современных вооружений триллионов долларов. Так, по данным ежегодного отчёта Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) расходы на вооружение в мире в 2022 году увеличились на 3,7% с учётом инфляции и достигли рекордных \$2,24 трлн. И на первом месте находятся США с более чем 620 млн³. Если на минуту представить, что от этих расходов всего лишь пять процентов направить нуждающимся людям, например, беременным женщинам, многодетным матерям, то жизнь на планете Земля для всех стала бы значительно лучше и безопаснее. Вместо этого человечество продолжает разрабатывать всё более мощные средства уничтожения себе подобных, в том числе используя огромные возможности искусственного интеллекта, победу которого над человеком прогнозируют многие современные футурологи к середине нашего столетия [15], что, собственно, также может привести к демографической катастрофе.

Наконец, собственно, демографический сценарий исчезновения человечества заключается в том, что если весь мир пойдёт по пути глобально-либеральной модели демографического перехода, то уже в конце этого столетия возможна ситуация его быстрого естественного вымирания, начиная со стран с небольшой численностью населения. В подтверждении этого можно сослаться на специалистов ООН, которые в 2022 г. утверждали, что уже в 70-е гг. этого века все страны станут жить в условиях естественной убыли населения [16] и подтвердили это в прогнозе 2024, представленном 11 июля, сдвинув, правда, эти сроки на конец 70-х – начало 80-х годов [17]. И это действительно может стать реальностью, если в большинстве стран мира произойдёт распространение и усиление демографического кризиса, что и приведет, в конечном счёте, человечество к демографической катастрофе.

Результаты исследования и их обсуждение Глобально-либеральная модель демографического перехода

Прежде чем подробно остановиться на понятии евразийского пути демографического развития, хотелось бы обозначить вопрос, почему возникла эта идея, и почему мы этот путь противопоставили современному западному пути демографического развития, который можно обозначить как глобально-либеральная модель демографического перехода. В 2019 году А.Г. Вишневецкий написал статью о Герберте Спенсере (1820–1903) [17, с. 6–8],

³ Stockholm International Peace Research Institute // SIPRI: [сайт]. URL: <https://www.sipri.org/> (дата обращения: 14.10.2023).

которого обозначил как «забытый отец теории демографического перехода», сделав его таким образом одним из первых разработчиков теории демографического перехода. И с этим утверждением можно согласиться, учитывая, что Спенсер во второй половине 19 века действительно попробовал определить несколько стадий развития населения с характерными чертами каждой из этих стадий, обратив внимание на начавшийся процесс снижения рождаемости. Но интересно другое, что, говоря о развитии населения, он исходил из идеологии либерализма, у истоков которой он сам, собственно, и стоял. Таким образом, изначально теория демографического перехода разрабатывалась на основе идеологии либерализма. Что касается её глобального характера, то идеи глобализма были заложены в 1945 году разработчиком концепции демографического перехода Ф. Ноутстайном. В данной концепции идеи либерализма выходят на глобальный уровень, учитывая, что Ноутстайн в своей концепции утверждал, что «все страны без исключения должны пройти все стадии демографического перехода, время прохождения которых может быть разным для каждой страны» [18, с. 39]. Говоря о развитии теории демографического перехода, надо сказать, что в её разработке приняли участие многие известные учёные, такие как У.С. Томпсон, А. Ландри, Дж. Колдуэлл, В. Зелинский, А.Р. Омран и др. Среди отечественных учёных много внимания этой теории уделил А.Г. Вишневский, автор работы «Демографическая революция» [19]. Особую роль в её развитии сыграли Р. Лестаг и Д. Ван де Каа [20], которые в 1986 году предложили концепцию второго демографического перехода. В 1987 году второй из них в бюллетене ООН опубликовал большой материал по второму демографическому переходу, в концепцию которого Ван де Каа включил миграцию населения [21]. Надо подчеркнуть тот факт, что миграция изначально, вплоть до 70-х гг. XX века, не включалась в теорию демографического перехода и огромную роль в её признании сыграл В. Зелинский.

Что касается Р. Лестага, который фактически возвращается к концепции второго демографического перехода в 1995 г., он обращает особое внимание на взаимосвязь уровня рождаемости и социокультурных особенностей того или иного общества. Главные изменения, произошедшие в западных странах, на что он делает особый акцент – это упадок традиционных ценностей, религиозности, растущий спрос на индивидуализм и «высшие» ценности в выражении индивидуальных желаний вместо желаний групповых, как и выделяется движение эмансипации женщин, внешнее существенный вклад в отказ от традицион-

ной семьи [22].

Ярким сторонником концепции второго демографического перехода в нашей стране был А.Г. Вишневский, который, используя идеи гомеостаза, считал, что и Россия должна идти по этому переходу. Собственно, со второй половины 90-х гг. и по настоящее время она и идёт по этому пути демографического развития, чему способствовали и продолжают, увы, способствовать отдельные российские учёные. По существу, эта концепция, по мнению известного английского демографа Д. Коулмэна, является продолжением классического демографического перехода [16]. Более того, данная концепция наиболее ярко отражает современную глобально-либеральную модель демографического перехода. Сутью концепции второго демографического перехода является переход от буржуазной традиционной многодетной семьи к современной индивидуалистической семье с одним ребёнком, либо вообще без него.

Характерными чертами этой модели, которые зародились в начале 60-х гг. 20 века в результате так называемой «культурной революции» в США среди многочисленных поколений «бэби-бумеров», являются отрицание института традиционной семьи, отказ от рождения детей, конфликт со старшими поколениями, по сути, на смену традиционной культуре приходит масс-культура. Чтобы лучше понять содержание новых ценностей, можно обратиться к книге известного американского политика Патрика Бьюкенена «Смерть Запада», где он, в частности, пишет: «Насилие, гомосексуализм, грубая брань с экранов телевизоров и в кинофильмах, матерщина в текстах песен — всё это окружало современную молодёжь с колыбелей. Поэтому традиционная культура им попросту непонятна» [23, с. 293]. Все эти суррогатные ценности начинают распространяться по всей Западной Европе, а во Франции появляется такое явление как «сексуальная революция» (1968 г.), активной участницей которой стала молодёжь. А прошедшие годы лишь усугубили ситуацию, прибавив ещё несколько десятков новых «нетрадиционных поколений», последние из которых в данный момент можно обозначить как поколения «электронных зомби», и именно ими капиталу проще управлять. И все эти «рыночные формы массовой культуры» через СМИ и телевидение мутным потоком хлынули во многие страны, а появившийся Интернет захлестнул ими практически весь мир. Затронули они, к сожалению, и Россию, и многие другие страны, что, несомненно, негативно отражается на их демографическом развитии. А если к этому добавить изменения пола, навязывание смены пола несовершеннолетним, появление в Германии «третьего пола» и т.п., то фактически эти страны

встали на путь полного вымирания. Нужно ли всё это перенимать России, категорически нет, но по сей день перенимаем?

Именно на эти проблемы обратил внимание наш президент в одном из своих посланий: «...Посмотрите, что они делают со своими собственными народами: разрушение семьи, культурной и национальной идентичности, извращения, издевательства над детьми, вплоть до педофилии, объявляются нормой, нормой их жизни, а священнослужителей, священников принуждают благословлять однополые браки...

«Элиты, прямо надо сказать, просто сходят с ума, и это, похоже, уже не лечится. Но это их проблемы, как я уже сказал, а мы обязаны защитить наших детей, и мы сделаем это: защитим наших детей от деградации и вырождения»⁴. Не прошло и года после выступления нашего Президента, а на Западе получает развитие новое социальное движение «квадробинг» (“quadrobics”), превращения детей в животных, чаще в собачек, которых водят на поводке и кормят из мисок, заставляя бегать на четвереньках. Вот такая новая игра и бизнес по пошиву масок, лапок, ошейников и т.п. Неужели мы хотим всего этого?

К сожалению, Россия, которая всё глубже и глубже погружается в трясины демографического кризиса, обусловленного в первую очередь негативными качественными изменениями российской молодёжи, наиболее активно воспринимающей массовую субкультуру и суррогатные морально-духовные ценности. Этому значительно способствуют не только Интернет, но и другие СМИ, особенно «наше» телевидение, которое, как отметил ещё в 2009 году С.П. Капица в статье «Россию превращают в страну дураков», занимается «разложением сознания людей», что по сути является преступной деятельностью. Прошло более 15 лет, но ситуация лишь усугубилась. «Ну что за тоска! Дурака лелеют, дурака заботливо взращивают, дурака удобряют, и не видно этому конца...» [24, с. 126]. А «дуракам» проще навязывать все вышеперечисленные западные ценности.

Евразийский путь демографического развития

И как альтернатива глобально-либеральной модели демографического перехода появляется идея евразийского пути демографического развития. И действительно, по какому пути демографического развития идти тем или иным странам мира, в том числе и России, по современному западному или своему самобытному пути, учитывающему гео-

графическое местоположение, традиции, демографические и культурные ценности, религиозные верования, исторический опыт и многое другое? Именно в связи с этим и встал вопрос о евразийском пути демографического развития России и сопредельных с ней стран, а в последнее время всё больше говорят о становлении и развитии Большой Евразии, прообразом которой может стать расширяющийся БРИКС.

Хотелось бы сказать, что идеи евразийства уходят вглубь тысячелетий в нашей стране, о чём прекрасно написал в одной из своих последних книг В.Н. Дёмин [25]. Россия, на наш взгляд, единственная страна в мире, которая по своему местоположению, или, как писал Л. Гумилев, «место-развитию» [26, с. 10] (до Уральских гор – Европа, после них – Азия, отсюда и Евразия), и по своему менталитету (двуглавый орел, символу которого стал использовать Иван IV Грозный после женитьбы на Софье Палеолог) в полной мере может обозначаться евразийским государством и, соответственно, выступать своеобразным Центром евразийского пространства.

Идеи евразийства особый импульс получают в XX столетии. В начале 20-х гг. XX в. экономист-географ П.Н. Савицкий и философ Н.С. Трубецкой стали основателями идейного течения, вскоре получившего название «евразийство».

В Париже под руководством Л.П. Карсавина с 1927 г. начал действовать «Евразийский семинар» и издаваться газета «Евразия».

Для будущего России, считали евразийцы, необходимо закончить дело Петра I, то есть «вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить органический поворот к Азии» [27].

В Советском Союзе не было какого-либо оформленного евразийского идейного течения. Но были яркие личности (например, Л.Н. Гумилев [28]), научно разрабатывавшие проблемы евразийского пространства, пытавшиеся выяснить его прошлое и наметить будущее.

Именно географический фактор местоположения России между Западом и Востоком и делает её таким центром. А возрождение идеи евразийского развития академик М.Л. Титаренко объяснял так: «Нас интересует суть нового евразийства, ставшего весьма актуальным предметом идейно-политических дискуссий после распада Советского Союза и поисков национальной идеи, которая бы послужила для сплочения и подъёма суверенной России в условиях жесткой культурно-цивилизационной экспансии Запада. Эта экспансия привела к серьёзному размыванию культурно-цивилизационной самоидентичности, аполитизации, духовной депрессии русского и других народов РФ, появлению идей местного сепаратизма, регионального

⁴ Послание президента Федеральному Собранию // rg.ru: [сайт]. 21 февраля 2023. URL: <https://rg.ru/2023/02/21/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniiu-onlajn.html?ysclid=im291yehno0719596963> (дата обращения: 18.08.2024).

изоляция, а также к возникновению и обострению межэтнических трений» [29].

Все это особенно негативно отразилось, в первую очередь, на демографическом поведении российского населения, включая все его многочисленные национальности и народности, подталкивая тем самым Россию на путь глобально-либеральной модели демографического перехода.

Евразийский путь демографического развития исходит из лучших национальных традиций по «сохранению и размножению» населения (о чём применительно к России ещё в XVIII веке писал М.В. Ломоносов [30, с. 130–144]). В этом и заключается важнейший «феномен евразийства», который М.Л. Титаренко характеризует следующим образом: «...по своей сути [феномен] содержит компоненты, которые присущи не только культурам народов Евразии. Евразийство, в отличие от евроцентризма, исходит из равноправия и горизонтальной структуры взаимоотношений между различными культурами, в то время как евроцентризм исходит из вертикальных взаимоотношений культур, признания одной культуры высшей, других — низшими. Стратегия евроцентризма рассматривает ассимиляцию других культур и вымирание уникальных малых культур как нормальное и неизбежное явление. Она требует замены самобытных систем культурных ценностей на некие «универсальные», по существу, на ценности западной массовой культуры» [31, с. 4].

При этом надо подчеркнуть, что евразийство может включать в себя различные модели демографического развития. Для России — это модель, основанная на концепции четвёртого демографического перехода [32, р. 78–85] и базовых евразийских демографических ценностях (важнейшие из которых — крепкая многодетная семья и здоровые, умные дети) и принципах (главный из них заключается в том, что взаимоотношения культур строятся на основе их гармоничности и взаимодействия). С точки зрения демографического развития это действительно знаковый принцип. Для Китая характерна модель, базирующаяся на социалистических принципах развития с элементами конфуцианства и с учётом политики «Идти вовне», принятой в 2000 году.

Странам Центральной Азии подходит модель, основанная на традиционных исламских ценностях с учётом современных реалий, обусловленных высоким миграционным обменом на евразийском пространстве.

Можно выделить модель, присущую для Казахстана, который за последние 20 лет привлёк более 500 тысяч так называемых «кандасов», сельских зарубежных казахов с очень высокими

репродуктивными установками (в среднем семья из 7 человек), которые помогли стране вернуться на тренд демографического роста. Этот пример может быть полезен для России, причём как в демографическом, так и экономическом плане. Речь идёт о российских соотечественниках — старообрядцах, проживающих в основном в дальнем зарубежье, и численность которых оценивается от 5 до 8 млн человек [33, с. 102]. В отличие от кандасов, речь идёт о людях, прекрасно сохранивших русский язык, высококвалифицированных сельских тружениках и также имеющих по 5–7 детей в семье! Привлечение хотя бы 300 тысяч из них, принципиально изменило бы в лучшую сторону демографическую и экономическую ситуацию на Дальнем Востоке или в Нечерноземье, наиболее пустых сельских регионах России, с большим миграционным оттоком, как в прошлом, так и в настоящее время. Но при сохранении современной миграционной политики это невозможно. Могут быть и другие модели евразийства.

Что касается концепции четвёртого демографического перехода, предложенной В.А. Ионцевым в 2010 году и разрабатываемой с 2011 года совместно с Ю.А. Узкой как альтернативы концепции третьего демографического перехода Д. Коулмэна [16], это скорее сценарий демографического будущего, рассматривающий миграцию в качестве сугубо положительного явления, в отличие от Д. Коулмэна, которое может иметь негативные последствия только вследствие неправильного понимания её сущности и соответствующей неверной миграционной политики. Суть этой концепции состоит в том, что миграция как положительное явление может оказать большое позитивное влияние на будущее демографическое развитие, учитывающее как национальные, так и межстрановые интересы через поощрение браков между коренным населением и мигрантами. Рождение детей в таких смешанных семьях станет основой формирования «нового населения», которое, возможно, будет обладать более высокими репродуктивными установками и более качественными характеристиками, отвечающими всем требованиям развития стран в XXI веке.

В России так же, как и в других странах, наблюдается увеличение доли межнациональных семей начиная с 1959 года. По результатам переписи 1989 года их число составило 12,8 млн (17,5 %) человек [32]. В современной России эта тенденция к увеличению продолжается. Остаётся вопрос, насколько современная миграционная политика в стране будет способствовать этому увеличению, как и привлечению соотечественников из стран дальнего зарубежья, как и решению вопросов, связанных с эмиграцией наших граждан.

Выводы

Уделив много внимания демографическому кризису, нельзя не сказать о соотношении количественных и качественных изменений в населении (особенно если речь идёт о негативных изменениях), важно понимать и то, что они тесно связаны и взаимно обусловлены. Так, «больные» родители, как правило, воспроизводят ещё более «больных детей», будущие дети которых со значительной долей вероятности вообще окажутся не способными к воспроизводству новых поколений, а многие из них могут и не доживать до репродуктивного возраста (например, младенцы-наркоманы). И таким образом негативные качественные изменения уже через одно поколение могут отрицательно влиять на рождаемость, смертность и другие демографические процессы, что, к сожалению, уже наблюдается и в России, и в других странах, усиливая таким образом демографический кризис. Не случайно число больных детей при их рождении увеличивается и по разным оценкам уже превышает 75% среди родившихся, число детей-инвалидов также растет. Соответственно, призывая наши семьи к рождению трёх и более детей, необходимо говорить и об их качестве, включая в него и традиционные морально-духовные ценности, поощряя, в первую очередь, те семьи, которые в этом отношении добились хороших результатов.

Ещё раз надо подчеркнуть, что демографический кризис получил развитие во всех регионах страны. Неслучайно одна из особенностей заключается в том, что ни один регион нельзя выделить как регион демографического потенциала. В 2023 г. только в двух районах России наблюдался небольшой естественный прирост, Чечне и Тыве, но их никак нельзя рассматривать как регионы с мощным демографическим потенциалом. А в ряде регионов мы вообще наблюдаем помимо естественной убыли населения и миграционную убыль, которая сыграла главную роль в негативном демографическом развитии для таких регионов как Нечерноземная зона России, регионы Дальнего Востока, в некоторых из которых до сих пор наблюдается миграционный отток. Последнее значительно сказывается на общем демографическом развитии этих регионов. Но с точки зрения перспектив развития, особенно с учётом такого показателя как нетто

коэффициент воспроизводства населения и таких процессов как смертность, предотвратимая смертность, старение, а также фактора территории, Россия может оказаться в более сложной ситуации. Конечно, для более полного понимания этой ситуации нужны масштабные обследования как по стране в целом, так и по отдельным регионам. В связи с этим, говоря о рождаемости, хочется обратить внимание на последнюю статью Леонида Леонидовича Рыбаковского, в которой 82 региона были сгруппированы в 6 групп по величине СКР и показана его динамика за 15 лет. Данное исследование наглядно подтвердило, что Россия находится в очень сложной демографической ситуации, как и подавляющее большинство её регионов [34].

Какаясь Дальнего Востока, в отношении которого была разработана и принята в 2017 году Концепция демографической политики развития региона до 2025 года, к сожалению, положительных результатов эта политика не принесла, несмотря на то что много внимания и экономической помощи было выделено этому региону. Возникает вопрос: почему? И одним из ответов как раз и являются те негативные качественные изменения, которые были навязаны малочисленным поколениям 2000-х гг. Но самое неприятное, что это негативное западное влияние сохраняется и в настоящее время, страна и её регионы уверенно продолжают идти по пути второго демографического перехода.

Выход из этой негативной ситуации мы видим в переходе России и её регионов на Евразийский путь демографического развития. И как много лет тому назад, в России вновь всё громче и громче звучит вопрос, который поставил известный русский философ Н.А. Бердяев: «Может ли Россия пойти своим особым путём, не повторяя всех этапов европейской истории»? [35, с. 51]. И очень хочется думать, что в этот раз у России получится.

Что касается роли миграции в демографическом развитии, при сохранении современной миграционной политики, мы будем иметь больше минусов, чем плюсов. Более того, назрела необходимость в создании Министерства по вопросам миграции, которое в комплексе рассматривало бы это очень многообразное явление, эффективно им управляя.

Список литературы

1. Клутт М.А. Теория демографического развития // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 139–149. EDN OOVGVX
2. Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Ресурсы демографического развития: к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Том 17. № 1. С. 178–200. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.10>
3. Аверин А.Н. Государственное регулирование демографических и миграционных процессов в Российской Федерации. М.: Проспект, 2022. 128 с. ISBN 978-5-392-36591-3
4. Узкая Ю.А. Международная миграция населения в теории и концепциях демографического перехода. М.: МАКС Пресс, 2018. 288 с. ISBN 978-5-317-06004-6
5. Вишневский А.Г. Демографический кризис в России. Париж: Французский институт международных отношений, 2009. 31 с.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 430 с. ISBN 978-5-7598-0760-5
7. Ионцев В.А., Алешковский И.А. Демографический фактор в развитии современной России // *Демографические перспективы России* / под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2008. 906 с.
8. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с.
9. Современная демография / под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. М.: Издательство Московского университета, 1995. 246 с.
10. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский [и др.]; отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: Перспектива, 2022. 108 с. ISBN 978-5-88045-557-7 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022> EDN YHMZPP
11. Демография 2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации / С.И. Рыбальченко, А.В. Коротаев, И.А. Ефремов [и др.]; отв. ред. С.И. Рыбальченко. М.: Пачоли Консалтинг, 2023. 86 с. ISBN 978-5-6050462-0-2
12. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / под общ. ред. С.С. Сулакшина. 2 изд. М.: Издательство «Экономика», 2007. 888 с. ISBN 978-5-91290-007-5 EDN TDNNAB
13. Демографическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013. 944 с. ISBN 978-5-94802-051-8
14. Короленко А.В. Об исследовании современного демографического кризиса в России: подходы и оценки // *Вопросы территориального развития*. 2014. № 10(20). С. 1–14. EDN TGFPGN
15. Футурология. М.: Издательский дом РБК, 2020. № 1-2.
16. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: a Third Demographic Transition // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32. No. 3. P. 401–446. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00131.x>
17. Вишневский А.Г. Герберт Спенсер – забытый отец теории демографического перехода // *Демографическое обозрение*. 2019. Том 6. № 1. С. 6–31. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9110> EDN WKXGFG
18. Notestein F.W. Population – the Long View // *Food for the World* / ed. by T. Schultz. Chicago: University of Chicago Press, 1945. P. 37–57.
19. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // *Демографическое обозрение*. 2014. Том 1. № 1. С. 6–33. EDN TLMUVV
20. Lesthaeghe R., Van de Kaa D.J. Twee Demografische Transitities? // *Bevolking Groei en Krimp* / ed. by Van L. Slaterus. Deventer, 1986. P. 9–24.
21. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. No. 1. P. 1–59.
22. Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation // *Gender and Family Change in Industrialized Countries* / ed. by M. Oppenheim, A.-M. Jensen. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 17–62. ISBN 978-01-982-8970-8
23. Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2004. 444 с.
24. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Хищные вещи века. М.: АСТ, 2016. 224 с.
25. Дёмин В.Н. Тайны Евразии. Серия: "Славяне и Русь". М.: Вече, 2012. 368 с. ISBN 978-5-9533-6006-7
26. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Прогресс: Пангея, 1993. 575 с. ISBN 5-88621-004-0
27. Орлик И.И. Евразийская идея: возникновение и эволюция // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2010. № 4. С. 7–21. EDN NCJNKR
28. Гумилев Л.Н. Три главных произведения о Евразии: От Руси к России. Древние тюрки. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Эксмо, 2024. 992 с. ISBN 978-5-04-173333-9
29. Петровский В., Титаренко М. О неоевразийской идентичности России // *Международная жизнь*. 2016. № 4. С. 19–45. EDN VSZGRR
30. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. История. Филология. Поэзия. М.: Наука, 1986. С. 130–144.
31. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с. ISBN 5-93618-095-6
32. Iontsev V., Prokhorova Y. To the Issue of International Migration and Nuptiality within the Concept of the Fourth Demographic Transition // *Scientific Series «International Migration of Population: Russia and the Contemporary World»* / ed. by V. Iontsev. 2014. Vol. 28. P. 78–85.
33. Ионцев В.А. Евразийский путь демографического развития России и её регионов как один из глобальных вызовов // III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Том 1. Пленарное заседание. Секция 1 / отв. ред. Н.В. Яковенко. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. С. 97–107.

34. Рыбаковский Л.Л., Фадеева Т.А. Региональная динамика рождаемости населения России во второе пятнадцатилетие XXI столетия // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 271–281. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281 EDN SOBNWI
35. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Эксмо, 2024. 384 с. ISBN 978-5-04-182101-2
36. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1977. 240 с.
37. World Population Prospects 2022: Summary of Results. New York: United Nations, 2022. 52 p. 978-92-1-148373-4

Информация об авторах:

Владимир Алексеевич Ионцев – доктор экономических наук, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 3115-0697) (РИНЦ Author ID: 72295)

Юлия Анатольевна Узкая – кандидат экономических наук, доцент кафедры демографии, заместитель директора по учебной работе, Высшая школа современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 5056-0800) (РИНЦ Author ID: 718355)

Заявленный вклад авторов:

В.А. Ионцев – концепция исследования и научное руководство.

Ю.А. Узкая – концепция исследования и сбор информации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Владимир Алексеевич Ионцев.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Klupt M.A. Teoriya Demograficheskogo Razvitiya. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*=*Social Sciences and Contemporary World*. 2005;(2):139-149. (In Russ.)
2. Rostovskaya T.K., Sitkovskii A.M. Demographic Development Resources: on the Unification of Concepts in Demographic Research. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(1):178–200. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.10> (In Russ.)
3. Averin A.N. Gosudarstvennoe Regulirovanie Demograficheskikh i Migratsionnykh Processov v Rossijskoj Federacii. Moscow: Prospekt; 2022. 128 p. ISBN 978-5-392-36591-3 (In Russ.)
4. Uzkaia Y.A. Mezhdunarodnaya Migratsiia Naseleniia v Teorii i Konceptsiakh Demograficheskogo Perekhoda. Moscow: MAKS Press; 2018. 288 p. ISBN 978-5-317-06004-6 (In Russ.)
5. Vishnevskii A.G. Demograficheskij Krizis v Rossii. Paris: IFRI; 2009. 31 p. (In Russ.)
6. Vishnevskii A.G. Serp i Rubl': Konservativnaya Modernizatsiia v SSSR. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2010. 430 p. ISBN 978-5-7598-0760-5 (In Russ.)
7. Iontsev V.A., Aleshkovskii I.A. Demograficheskij Faktor v Razvitiu Sovremennoj Rossii. In: Osipov G.V., Ryazantsev S.V. (eds.) *Demograficheskie Perspektivy Rossii*. Moscow: Ekon-Inform; 2008. 906 p. (In Russ.)
8. Valentei D.I. (ed.-in-ch.) *Demograficheskij Enciklopedicheskij Slovar'*. Moscow: Sovetskaya Ehntsiklopediia; 1985. 608 p. (In Russ.)
9. Kvasha A.Ya., Iontsev V.A. (eds.) *Sovremennaya Demografiia*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1995. 246 p. (In Russ.)
10. Ryazantsev S.V. (ex. ed.), Rostovskaya T.K., Arkhangel'skii V.N., et al. Demograficheskoe Blagopoluchie Rossii. National Demographic Report. Moscow: Perspektiva; 2022. 108 p. ISBN 978-5-88045-557-7 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022> (In Russ.)
11. Rybal'chenko S.I. (ex. ed.), Korotaev A.V., Efremov I.A., et al. Demografiia 2030. Kak Obespechit' Ustojchivyy Rost Naseleniia Rossijskoj Federacii. Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation. Moscow: Pacholi Konsalting; 2023. 86 p. ISBN 978-5-6050462-0-2 (In Russ.)
12. Sulakshina S.S. (ed.) *Gosudarstvennaya Politika Vyvoda Rossii iz Demograficheskogo Krizisa*. 2nd ed. Moscow: Ehkonomika; 2007. 888 p. ISBN 978-5-91290-007-5 (In Russ.)
13. Tkachenko A.A. (ed.-in-ch.) *Demograficheskaya Enciklopediia*. Moscow: Enciklopediia; 2013. 944 p. ISBN 978-5-94802-051-8 (In Russ.)
14. Korolenko A.V. Investigation of the Modern Demographic Crisis in Russia: Approaches and Estimates. *Voprosy territorial'nogo razvitiia*=*Territorial Development Issues*. 2014;(10(20)):1-14. (In Russ.)
15. Futurologiia. Moscow: Publishing House RBK; 2020;(1-2). (In Russ.)
16. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: a Third Demographic Transition. *Population and Development Review*. 2006;32(3):401-446. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00131.x>
17. Vishnevskiy A. Herbert Spencer: the Unrecognized Father of the Theory of Demographic Transition *Demograficheskoe obozrenie*=*Demographic Review*. 2019;6(1):6-31. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9110> (In Russ.)
18. Notestein F.W. Population – the Long View. In: Schultz T. (ed.) *Food for the World*. Chicago: University of Chicago Press; 1945. P. 37-57.

19. Vishnevsky A.G. Demographic Revolution Changes the Reproductive Change of the Homo Sapiens Species. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2014;1(1):6-33. (In Russ.)
20. Lesthaeghe R., van de Kaa D. J. Twee Demografische Transitie? In: Van L. Slaterus (ed.) *Bevolking Groei en Krimp*. Deventer; 1986. P. 9-24.
21. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. 1987;42(1):1-59.
22. Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. In: M. Oppenheim, A.-M. Jensen (ed.) *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford: Clarendon Press; 1995. P. 17-62. ISBN 978-01-982-8970-8
23. Buchanan P. The Death of the West. Moscow: AST, Terra Fantastica; 2004. 444 p. (In Russ.)
24. Strugatskii A.N., Strugatskii B.N. *Hishchnye Veshchi Veka*. Moscow: AST; 2016. 224 p. (In Russ.)
25. Demin V.N. *Tainy Evrazii. Seriya: Slavyane i Rus*. Moscow: Veche; 2012. 368 p. ISBN 978-5-9533-6006-7 (In Russ.)
26. Gumilev L.N. *Rhythms of Eurasia Epochs and Civilizations*. Moscow: Progress: Pangeya; 1993. 575 p. ISBN 5-88621-004-0 (In Russ.)
27. Orlik I.I. Eurasian Idea: Origins and Evolution. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya=RUDN Journal of World History*. 2010;(4):7-21. (In Russ.)
28. Gumilev L.N. *Tri Glavnykh Proizvedeniya o Evrazii: Ot Rusi k Rossii. Drevnie Tyurki. Tysyacheletie Vokrug Kaspiya*. Moscow: Eksmo; 2024. 992 p. ISBN 978-5-04-173333-9 (In Russ.)
29. Petrovskii V., Titarenko M. O Neoevraziiskoi Identichnosti Rossii. *Mezhdunarodnaya zhizn'=International Affairs*. 2016;(4):19-45. (In Russ.)
30. Lomonosov M.V. O Sohranenii i Razmnozhenii Rossijskogo Naroda. In *Izbrannye proizvedeniya v 2 t. Vol. 2. Istoriya. Filologiya. Poehziya*. Moscow: Nauka; 1986. P. 130-144. (In Russ.)
31. Kuzyk B.N., Titarenko M.L. *Kitai – Rossiya 2050: Strategiya Sorazvitiya*. Moscow: Institute for Economic Strategies; 2006. 656 p. ISBN 5-93618-095-6 (In Russ.)
32. Iontsev V., Prokhorova Y. To the Issue of International Migration and Nuptiality within the Concept of the Fourth Demographic Transition. In: Iontsev V. (ed.) *Scientific Series International Migration of Population: Russia and the Contemporary World*. 2014;28:78-85.
33. Iontsev V.A. *Evraziiskii Put' Demograficheskogo Razvitiya Rossii i Ee Regionov Kak Odin iz Global'nykh Vyzovov*. In: III Mezhdunarodnyi demograficheskii forum Demografiya i global'nye vyzovy. Tom 1. ed. by N.V. Yakovenko. Plenarnoe zasedanie. Sektsiya 1. Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya. 2024:97-107. (In Russ.)
34. Rybakovskii L.L., Fadeeva T.A. Regional Dynamics of the Birth Rate of the Russian Population in the Second Fifteen Years of the 21st Century. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):271-281. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281 (In Russ.)
35. Berdyaev N.A. *Russkaya Ideya*. Moscow: Eksmo; 2024. 384 p. ISBN 978-5-04-182101-2 (In Russ.)
36. Vishnevskii A.G. *Demograficheskaya Revolyuciya*. Moscow: Statistika; 1977. 240 p. (In Russ.)
37. *World Population Prospects 2022: Summary of Results*. New York: United Nations; 2022. 52 p. 978-92-1-148373-4

Information about the authors:

Vladimir A. Iontsev – Doctor of Economics, Emeritus Professor of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 3115-0697) (RSCI Author ID: 72295)

Yuliya A. Uzkaya – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Demography, Deputy Director for Academic Affairs, Higher School of Modern Social Sciences Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 5056-0800) (RSCI Author ID: 718355)

Authors' declared contribution:

Vladimir A. Iontsev – research concept and scientific management.

Yuliya A. Uzkaya – research concept and collection.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Vladimir A. Iontsev.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Приложение

Чистый коэффициент воспроизводства населения (нетто)

Таблица 1

Table 1

Net Reproduction Rate

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1958–1959	1,186	0,944	1,506
1970–1971	0,947	0,833	1,242
1980–1981	0,878	0,783	1,223
1989	0,953	0,866	1,267
1990	0,895	0,803	1,227
1991	0,816	0,723	1,147
1992	0,729	0,637	1,040
1993	0,643	0,564	0,911
1994	0,654	0,582	0,897
1995	0,629	0,563	0,848
1996	0,597	0,536	0,799
1997	0,573	0,516	0,763
1998	0,579	0,523	0,768
1999	0,542	0,490	0,718
2000	0,561	0,512	0,727
2001	0,575	0,530	0,732
2002	0,606	0,561	0,767
2003	0,621	0,577	0,782
2004	0,633	0,589	0,785
2005	0,608	0,566	0,749
2006	0,613	0,568	0,762
2007	0,665	0,608	0,848
2008	0,709	0,649	0,896
2009	0,732	0,673	0,917
2010	0,745	0,684	0,939
2011	0,752	0,686	0,975
2012	0,803	0,732	1,051
2013	0,813	0,739	1,074
2014	0,832	0,756	1,100
2015	0,847	0,801	1,002
2016	0,841	0,799	0,978
2017	0,774	0,731	0,915
2018	0,752	0,710	0,889
2019	0,719	0,683	0,835
2020	0,720	0,686	0,830
2021	0,718	0,686	0,827
2022	0,678	0,652	0,762

Источник: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 48.

Таблица 2

Основные демографические показатели России, млн человек

Table 2

Russian main demographic indicators, mln

	1995 г.	2005 г.	2015 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Общая численность населения	147,938	143,801	146,267	146,780	145,619	145,2**
Общая численность родившихся	1,363	1,457	1,940	1,510	1,310	1,264
Общая численность умерших	2,203	2,303	2,030	2,300	1,910	1,759
Естественный прирост/убыль	-0,840	-0,846	-0,190	-1,042	-0,601	-0,495
СКР	1,34	1,29	1,77	1,51	1,42	1,41
e	64,5	65,4	71,3	71,3	72,3	73,3
R ₀	0,629	0,608	0,847	0,718	0,678	-
Численность женщин	77,1	77,3	78,7	78,6	77,9	78,45
Численность мужчин	69,8	66,5	67,8	68,1	67,7	67,68
Миграционный прирост	0,503	0,282	0,228	0,350	0,230*	0,228

Источники: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023; данные Росстата за 2023 г. СКР – Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину репродуктивного возраста). e – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (годы). R₀ – нетто-коэффициент воспроизводства населения.

* Оценка из «Российской газеты» № 108 19 мая 2023, поскольку точные цифры по числу выбывших из России в 2022 году сильно различаются.

** Без учёта населения новых территорий.

Оригинальная статья

УДК 314

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628

EDN OGLBBV

Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации

Мэдэгма Цырендоржиевна Будажанаева

Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, Москва, Россия (medegma_@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0700-586X>)

Аннотация

Стратегической целью государственной политики развития сельских территорий Российской Федерации является сохранение абсолютной численности сельского населения. Следует отметить, что последние 30 лет сельское население характеризуется отрицательным естественным приростом, который частично восполнялся в разные периоды за счёт миграционного прироста населения и административно-территориальных преобразований. С 2019 г. наблюдается ускорение сокращения численности сельского населения в результате миграционных и естественных процессов. Длительный отток, высокая смертность сельского населения привели к деформации его возрастной структуры, которая в отдельных регионах имеет более выраженный характер. Целью данной работы является выявление сложившихся демографических тенденций сельских территорий, в том числе с учётом пространственной неоднородности возрастной структуры населения и демографических процессов. Методологическую основу исследования составили методы демографического анализа и прогнозирования, картографический метод, статистическая группировка, сценарный подход. Информационную основу исследования составили сведения, публикуемые Росстатом в рамках официального статистического учёта численности и движения населения по полу, возрасту и субъектам РФ. Субъекты РФ различаются по возрастной структуре и типу воспроизводства сельского населения, отдельные регионы из-за особенностей демографической пирамиды могут находиться на стадии «формирования» или «угасания» всплеска рождаемости. Субъекты РФ неоднородны по уровню и структуре смертности сельского населения по причинам. Высокая смертность сельского населения в целом по России и отдельных регионах обусловлена демографическим старением, социально-экономическим благополучием территории, доступностью медицинской помощи. Не менее значимым фактором снижения численности сельского населения в текущий момент и в перспективе является миграционный отток, в том числе женского населения репродуктивного возраста. Совокупность демографических процессов привела к существенной деформации возрастной структуры сельского населения субъектов РФ, количественной мерой степени деформации служит отклонение медианного возраста от среднего возраста.

Ключевые слова: демографические процессы, сельские территории, сельское население, рождаемость, смертность, демографический прогноз, миграция, деформация возрастной структуры

Для цитирования: Будажанаева М.Ц. Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 612–628. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628 EDN OGLBBV

RAR (Research Article Report)

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628

Demographic Trends in Rural Areas of the Russian Federation

Mehdehgma Ts. Budazhanaeva

Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas - All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow, Russia (medegma_@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0700-586X>)

Abstract

The state policy of rural development of the Russian Federation is aimed at maintaining the rural population. The rural population is characterized by negative natural growth, which is partially offset by population growth as a result of administrative and territorial transformations and migration. Since 2019, there has been an acceleration in the decline in the rural population as a result of migration and natural processes. The long outflow and high mortality of the rural population led to the deformation of its age structure. The purpose of this work is to identify the prevailing demographic trends in rural areas, including taking into account the spatial heterogeneity of the age structure of the population and demographic processes. The methodological basis of the study was based on methods of demographic analysis and forecasting, cartographic method, statistical grouping, scenario approach. The information basis of the study was the information published by Rosstat as part of the official statistical accounting of the number and movement of the population by gender, age and subjects of the Russian Federation. The subjects of the Russian Federation differ in age structure and type of reproduction of the rural population. The subjects of the Russian Federation are heterogeneous in terms of the level and structure of mortality of the rural population for various reasons. The high mortality rate of the rural population is due to demographic aging, the socio-economic well-being of the territory, and the availability of medical care. There is a migration outflow of the female population of reproductive age. The combination of demographic processes has led to a significant deformation of the age structure of the rural population of the subjects of the Russian Federation. To quantify the degree of deformation of the age structure, the deviation of the median age from the average age is calculated.

Keywords: demographic processes, rural areas, rural population, fertility, mortality, demographic forecast, migration, age structure deformation

Введение

В Российской Федерации среднегодовая численность сельского населения в 2023 г. составила 36,7 млн чел. Численность сельского населения убывает более быстрыми темпами, чем численность городского населения. В будущем ожидается сокращение численности сельского населения в результате сохранения тенденций естественной убыли и миграционного оттока. Для российского села характерны низкие денежные доходы населения, свыше 50,0% малоимущего населения страны проживает в сельской местности. Проблема бедности обусловлена как экономическими причинами, так и социально-демографическими: демографическая нагрузка на население в трудоспособном возрасте в сельской местности в среднем за 2023 г. составила 794 человека на 1 000 человек трудоспособного возраста, в городской местности – 723 человека. Смертность населения в трудоспособном возрасте в сельской местности превышает аналогичный показатель в городской местности, что свидетельствует о неблагоприятных условиях жизни на селе. Численность сельского населения является одним из целевых показателей Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года¹. Фактическое значение показателя превышает плановое значение. Исполнение целевого показателя не связано с улучшением демографической ситуации на селе, является результатом административно-территориальных преобразований [1].

Выявление пространственных и демографических факторов, соотношение которых определяет текущую и перспективную динамику численности сельского населения, позволит расширить методологическое обеспечение политики сельского развития, в том числе демографического развития. **Объектом исследования** являются демографические процессы, происходящие на сельских территориях Российской Федерации. **Предметом исследования** является пространственная и демографическая структура исследуемых процессов. **Цель исследования** заключается в выявлении демографических тенденций сельских территорий Российской Федерации, в том числе с учётом пространственной неоднородности возрастной структуры населения и демографических процессов. Достижение ука-

занной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**: определение перечня демографических показателей, обобщающих возрастную структуру населения и пригодных для пространственных сопоставлений; подготовка и обогащение информационной базы исследования путем расчёта отобранных показателей, в том числе по субъектам РФ; анализ и моделирование демографических процессов для выявления ключевых тенденций; вариативный прогноз показателей демографического развития для определения «верхней границы» улучшения демографической ситуации на сельских территориях Российской Федерации.

Особенности демографического развития Российской Федерации, исследование их глубинных причин представлены в работах В.Н. Архангельского, А.Г. Вишневого, Л.Л. Рыбаковского, О.Л. Рыбаковского, Т.А. Фадеевой и других специалистов-демографов. В частности, А.Г. Вишневский отмечает, что текущие колебания абсолютного числа рождений связаны с деформацией возрастной пирамиды населения и сдвигом числа рождений в старшие возрастные группы [2]. Деформация возрастной структуры населения России обусловлена первичными и вторичными демографическими волнами, которые имеют территориальные различия. Исследователи О.Л. Рыбаковский, Т.А. Фадеева реализовали количественную оценку отклонения возрастной структуры населения регионов от общероссийской структуры [3]. Результаты исследования показывают, что особенности возрастной структуры населения региона определяют различную силу отклика на меры демографической политики, направленные на повышение рождаемости; доля сельского населения является фактором различий демографической структуры населения; ухудшение возрастной структуры населения является фактором ускорения выбытия населения и наоборот. Л.Л. Рыбаковский, Т.А. Фадеева, исследуя региональную динамику рождаемости, приходят к выводу, что снижается потенциал роста числа рождений в регионах ввиду процессов демографического перехода [4]. Н.А. Пруель, Л.Н. Липатова, В.Н. Градусова провели анализ миграционных процессов в России, в том числе рассмотрели перераспределение населения внутри страны [5]. В.С. Белозеров, Н.А. Щитова, И.А. Соловьев, исследуя демографическую ситуацию в Северо-Кавказском федеральном округе, приходят к выводу, что «демографический переход, в который

¹ Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 года № 151-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года».

вступают северокавказские этносы, совпадает с их первичной урбанизацией» [6, с. 90]. В числе наиболее актуальных зарубежных исследований выделим монографию международного коллектива авторов, посвящённую всестороннему анализу проблемы старения сельского населения [7], масштабные исследования изменения демографического поведения сельских семей в Канаде и США [8], сельской трудовой миграции в Индии [9]. Прикладной интерес представляет анализ динамики численности сельского населения Китая, как страны, переживающей период интенсивной урбанизации и имеющей значительные пространственные различия в миграционных процессах и структуре населения [10]. Зарубежные исследования направлены на изучение проблем, возникающих в результате старения сельского населения, неоднородности возрастной структуры из-за интенсивного выбытия-прибытия населения трудоспособного возраста. На основе обзора научных публикаций сформулирована **гипотеза исследования**: демографические процессы на сельских территориях Российской Федерации определяются изменением возрастной структуры населения.

Теоретические и методологические положения

В работе рассматриваются следующие демографические процессы, которые определяют изменение численности и демографической структу-

ры населения: естественное движение населения, механическое движение населения. Естественное движение населения включает в себя процессы рождаемости и смертности, соотношение которых определяет естественный прирост населения. Механическое (миграционное) движение населения включает в себя процессы прибытия и выбытия, результатом которых является миграционный прирост населения. Изменение демографической структуры населения рассматривается с точки зрения перераспределения населения между возрастными группами, соотношения мужского и женского населения, что в конечном итоге определяет воспроизводственный потенциал населения.

Изучение демографических процессов сопряжено с расчётом специальных демографических показателей. Базой для расчёта показателей может служить реальное или условное поколение. При расчёте показателей для реального поколения имеет место продольный анализ, при расчёте показателей для условного поколения – поперечный анализ [11]. В работе применяется поперечный анализ или метод условного поколения, который чувствителен к изменениям социально-экономической ситуации, менее трудоёмок, пригоден для сопоставления данных на коротких временных интервалах. В таблице 1 представлена система показателей, характеризующих исследуемые демографические процессы и демографическую структуру населения.

Таблица 1

Демографические показатели

Table 1

Demographic Indicators

Показатели естественного движения населения			
Абсолютные	Относительные	Структурные	Интегральные
Численность родившихся, в т.ч. по возрасту матери; по очередности и возрасту матери Численность умерших, в т.ч. по полу и возрасту; по причинам смерти Естественный прирост населения	Коэффициент рождаемости Коэффициент смертности Коэффициент естественного прироста населения	Возрастные коэффициенты рождаемости Возрастные коэффициенты смертности Коэффициенты смертности по причинам смерти	Суммарный коэффициент рождаемости Чистый коэффициент воспроизводства населения Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
Показатели механического движения населения			
Численность выбывших / прибывших, в т.ч. по полу и возрасту; по направлениям Миграционный оборот Миграционный прирост	Коэффициенты миграции: выбытия / прибытия; интенсивности миграционного оборота; миграционного прироста; результативности и эффективности миграции	Коэффициенты миграции по полу и возрасту	Индекс миграционных предпочтений Скорость миграционного потока Скорость чистой миграции

Показатели демографической структуры населения			
Численность населения по полу и возрасту Численность населения младше трудоспособного возраста, трудоспособного возраста, старше трудоспособного возраста	Доля населения младше трудоспособного возраста, трудоспособного возраста, старше трудоспособного возраста	Демографическая нагрузка на трудоспособное население Доля женщин репродуктивного возраста	Средний возраст населения Медианный возраст населения Число женщин на 1000 мужчин, в т.ч. по возрастам

Источник: составлено автором на основе².

В составе показателей выделены абсолютные, относительные, структурные (когортные) и интегральные показатели. Относительные показатели представляют собой отношение абсолютных показателей и позволяют измерить уровень демографического процесса. Структурные показатели – это относительные показатели, рассчитанные для демографических когорт. Структурные показатели позволяют сравнивать демографические когорты по исследуемому процессу, также уместно их применение при проведении пространственных исследований. Интегральные показатели являются результатом обобщения относительных и / или структурных показателей, их значения сопоставимы в пространстве и динамике. Выводы, полученные при пространственных исследованиях с применением данных показателей, являются объективными.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационную базу исследования составили сведения официального статистического учёта естественного и механического движения сельского населения, его распределения по полу, возрасту и субъектам РФ. Осуществлён расчёт численности и характеристик отдельных демо-

графических когорт, коэффициентов миграции. Для периодизации демографического развития сельских территорий применяется суммарный коэффициент рождаемости, для выделения групп регионов – доля детей в структуре населения. Суммарный коэффициент рождаемости представляет собой сумму возрастных коэффициентов рождаемости на интервале от 15 до 49 лет. Значение показателя следует интерпретировать как среднее число рождений, приходящихся на женщину репродуктивного возраста условного поколения в расчётном году. Чистый коэффициент воспроизводства рассчитывается путём поправки значения суммарного коэффициента рождаемости на вероятность рождения девочек и вероятности их дожития до репродуктивного возраста. Чистый коэффициент воспроизводства населения представляет собой коэффициент замещения матерей условного поколения рожденными девочками с учётом их дожития до репродуктивного возраста [11]. Для оценки возрастной структуры населения предложен расчёт среднего и медианного возраста, их взаимного отклонения, позволяющего дать количественную оценку степени деформации возрастной структуры населения. Расчётные формулы показателей механического движения населения приведены в таблице 2.

Таблица 2

Формулы показателей механического движения населения

Table 2

Formulas for Indicators of Migration Movement of the Population

Показатель	Формула расчёта	Элементы расчётной формулы
Коэффициент интенсивности миграционного оборота	$K_{int} = \frac{U + V}{\bar{S}} \times 1000$	U – число прибывших V – число выбывших \bar{S} – среднегодовая численность населения
Коэффициент результативности миграции	$K_r = \frac{V}{U} \times 100$	U – число прибывших V – число выбывших
Коэффициент эффективности миграции	$K_e = \frac{U - V}{U + V} \times 100$	U – число прибывших V – число выбывших
Индекс миграционных предпочтений	$K_{mp} = \frac{V_{ij}}{V_{ji}}$	i – территория выбытия j – территория прибытия V_{ij} – число выбывших из территории i на территорию j

² Энциклопедия статистических терминов в 8 томах. Том 5. Демографическая и социальная статистика // Росстат: [сайт]. 2011. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/rosstat/stbook11/tom5.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

Показатель	Формула расчёта	Элементы расчётной формулы
	$V'_{ij} = \sum_{i,j=1}^n V_{ij} \times s_i \times s_j$	V_{ji} – число выбывших из территории j на территорию i
Скорость миграционного потока	$SM_{ij} = \frac{V_{ij}}{s_i \times s_j}$	V'_{ij} – ожидаемое число выбывших из территории i на территорию j
Скорость чистой миграции	$SNM_{ij} = \frac{V_{ji} - V_{ij}}{s_i \times s_j}$	s_{ij} – доля населения территории i, j в общей численности населения рассматриваемых территорий

Источник: составлено автором на основе³.

Коэффициент интенсивности миграционного оборота в расчёте на 1 000 чел. служит мерой активности миграционных процессов на территории. Коэффициент результативности миграции при положительном миграционном приросте принимает значения менее 100, при отрицательном миграционном приросте – свыше 100. Коэффициент эффективности миграции показывает долю миграционного прироста (убыли) в общем миграционном обороте территории. Индекс миграционных предпочтений, скорость миграционного потока, скорость чистой миграции могут быть рассчитаны на уровне муниципальных районов и округов одного региона на основе сведений Базы данных муниципальных образований [12].

При проведении исследования на основе предложенных показателей применён следующий комплекс демографических и математических методов: поперечный анализ, расчёт специальных демографических показателей, структурно-динамический анализ, картографический метод, статистическая сводка и группировка, сценарное

моделирование, метод передвижки возрастных групп.

Результаты исследования

Демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется падением рождаемости, уровень рождаемости городского населения превышает показатель для сельского населения. На первый взгляд, сельские территории утратили ведущую роль в естественном воспроизводстве населения. Однако следует учитывать различия в половозрастной структуре городского и сельского населения, сформированные длительным воздействием миграционных процессов, избыточной смертностью сельского населения.

В таблице 3 представлены средние значения показателей естественного воспроизводства населения России по периодам изменения значений суммарного коэффициента рождаемости: достижение порогового значения 2,1 рождения на женщину. Период 2019–2021 гг. выделен для нивелирования всплеска демографических процессов под влиянием пандемии Covid-19.

Таблица 3

Показатели естественного движения населения, 1990–2023 гг.

Table 3

Indicators of the Natural Movement of the Population, 1990–2023

Показатели	ед. изм.	1990–1992	1993–2011	2012–2014	2015–2018	2019–2021	2022	2023
Численность постоянно-го населения в среднем за период, в том числе:	млн чел.	148,3	145,5	144,6	147,5	147,6	146,7	146,3
– город	млн чел.	109,2	106,6	107,1	109,7	110,3	109,8	109,6
– село	млн чел.	39,1	38,9	37,5	37,8	37,3	36,9	36,7
Коэффициент естественного прироста, в том числе:	‰	0,47	-4,78	0,13	-0,55	-4,70	-4,00	-3,42
– город	‰	0,33	-4,53	0,20	0,03	-4,33	-3,70	-3,09
– село	‰	0,83	-5,44	-0,07	-2,25	-5,77	-5,00	-4,39
Суммарный коэффициент рождаемости (родившихся живыми на 1 женщину), в том числе:	ед.	1,72	1,34	1,71	1,67	1,49	1,42	1,41

³ Энциклопедия статистических терминов в 8 томах. Том 5. Демографическая и социальная статистика // Росстат: [сайт]. 2011. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/rosstat/stbook11/tom5.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

Окончание таблицы 3

Показатели	ед. изм.	1990–1992	1993–2011	2012–2014	2015–2018	2019–2021	2022	2023
– город	ед.	1,53	1,22	1,56	1,58	1,43	1,36	1,36
– село	ед.	2,42	1,74	2,23	1,94	1,72	1,59	1,57
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста, в том числе:	%	5,23	7,24	5,70	5,10	5,43	5,40	5,00
– город	%	4,87	6,95	5,33	4,85	5,20	5,10	н/д
– село	%	6,37	8,13	6,67	5,98	6,27	6,10	н/д

Источник: составлено автором по данным Росстата.⁴

Среднегодовая численность сельского населения в 2023 г. составила 36,7 млн чел., что ниже уровня 2022 г. на 0,2 млн чел. Суммарная естественная убыль сельского населения за период 1990–2023 гг. составила 5,2 млн чел. Уровень естественной убыли сельского населения превышает аналогичный показатель для городского населения. Остаётся высокой смертность сельского населения в трудоспособном возрасте: 6,1 умерших в расчёте на 1 000 чел. по итогам 2022 г.

Основные тенденции демографического развития сельских территорий России: снижение абсолютной численности населения, отрица-

тельный естественный прирост, снижение суммарного коэффициента рождаемости и сокращение различий между городским и сельским населением по данному показателю, высокий уровень смертности населения в трудоспособном возрасте.

Рождаемость. Текущий этап демографического развития села связан с прохождением очередной «демографической ямы»: абсолютное число родившихся снижается с 2015 г., в 2023 г. значение показателя составило 314,6 тыс. чел. (57,4% от уровня 2014 г.) – это минимальное значение за период 1990–2023 гг. (рисунок 1).

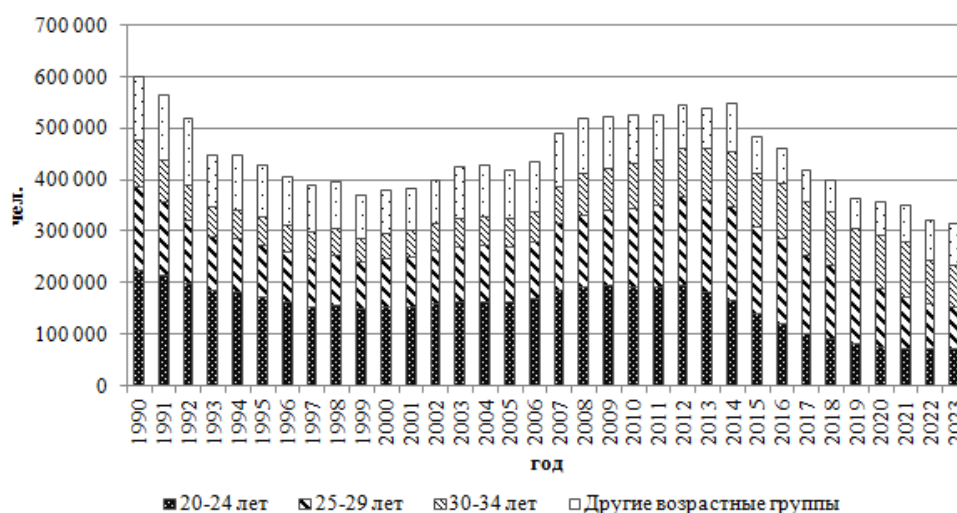

Рисунок 1. Распределение числа родившихся по возрасту матери, 1990–2023 гг. (сельская местность, человек)
Figure 1. Distribution of the Number of Births by Mother's Age, 1990–2023 (Rural Area, Person)

Источник: составлено автором по данным Росстата.⁵

Абсолютное число рождений зависит от интенсивности рождений и возрастной структуры женщин:

– с 1990 г. по 2005 г. число женщин в сельской местности в возрасте 15–49 лет выросло с 7,9 млн чел. до 9,7 млн чел., далее значение показателя снижалось и составило 7,8 млн чел. на 1 января 2024 г.;

⁴ Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.08.2024).

⁵ Там же.

– за период 1990–2023 гг. вклад возрастной когорты 20–34 лет в формирование суммарного коэффициента рождаемости сельского населения в среднем составил 78,5%; доля данной когорты в общей численности женщин репродуктивного возраста на 1 января 1990 г. составляла 49,9% (3,9 млн чел.), на 1 января 2002 г. – 38,4% (3,6 млн чел.), на 1 января 2012 г. – 45,2% (3,9 млн чел.), на 1 января 2024 г. – 36,4% (2,8 млн чел.);

– за период 1990–2023 гг. снизились возрастные коэффициенты рождаемости для когорт 18–19 лет, 20–24 лет и 25–29 лет с 195,6‰ до 41,2‰, с 207,1‰ до 82,2‰, с 116,2‰ до 93,4‰ соответственно; выросли возрастные коэффициенты рождаемости для когорт 30–34 лет, 35–39 лет с 61,9‰ до 69,4‰ и с 28,3‰ до 38,6‰ соответственно.

Глубина демографического провала различается по субъектам РФ. В Чеченской Республике число родившихся в 2023 г. составило 88,7% к уровню 2014 г., в Республике Дагестан – 73,0%, Ямало-Ненецком автономном округе – 70,1%, Кабардино-Балкарской Республике – 68,9%, Республике Адыгея – 67,6%, Иркутской области – 66,8%, Краснодарском крае – 65,6%. Обратная ситуация в Смоленской области – 39,8%, Вологодской области – 39,5%, Костромской области – 38,2%, Рязанской области – 36,7%, Республике Карелия – 35,2%,

Кировской области – 34,4%, Магаданской области – 30,8%. Наблюдаются как межрегиональные диспропорции в воспроизводстве населения, так и внутрирегиональные.

Для оценки различий в возрастной структуре и воспроизводстве сельского населения предложена типология субъектов РФ, основанная на концепции А.Г. Сундберга, предполагающей выделение прогрессивной, стационарной, регрессивной возрастной структуры населения⁶. Для разработки типологии рассчитана структура населения по категориям дети в возрасте от 0 до 14 лет, репродуктивное население в возрасте от 15 до 49 лет, население в возрасте старше 50 лет. Далее построена группировка субъектов РФ по доле детей в возрасте от 0 до 14 лет. Для определения интервалов группирования применён графический метод (рисунок 2).

Рисунок 2. Группировка субъектов РФ по доле детей в возрасте от 0 до 14 лет, 1 января 2024 г. (% от общей численности сельского населения)

Figure 2. Grouping of the Subjects of the Russian Federation by the Proportion of Children Aged 0 to 14 Years, January 1, 2024 (% of the Total Rural Population)

Источник: составлено автором по данным Росстата.⁷

Результаты группировки субъектов РФ по доле детей в возрасте от 0 до 14 лет в структуре сельского населения схожи с результатами демографических типологий, предложенных другими исследователями [13]. Далее выделено 5 типов возрастной структуры сельского населения субъектов РФ:

- прогрессивным типом характеризуется 6 субъектов РФ, в которых проживает 9,0% сельского населения России;
- переходным типом от прогрессивного к стационарному типу характеризуется 5 субъектов РФ, в которых проживает 4,6% сельского населения России;
- стационарным типом характеризуется 23 субъекта РФ, в которых проживает 23,5% сельского населения России;

– переходным типом от стационарного к регрессивному типу характеризуется 23 субъекта РФ, в которых проживает 34,8% сельского населения России;

– регрессивным типом характеризуется 26 субъектов РФ, в которых проживает 28,0% сельского населения России (таблица 4).

⁶ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 05.05.2023 г. № 436 «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости».

⁷ Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.08.2024).

Таблица 4

Состав групп по типу воспроизводства сельского населения

Table 4

Composition of Groups by Type of Reproduction of the Rural Population

Тип возрастной структуры населения	Состав группы (Суммарный коэффициент рождаемости*, ед.)	Доля возрастных групп в среднем по типу**/ Коэф. вариации, %		
		от 0 до 14 лет	от 15 до 49 лет	старше 50 лет
Прогрессивный $n_1 = 5$	Р-ка Тыва (2,87), Ямало-Ненецкий авт. округ (2,6), Чеченская Р-ка (2,63), Р-ка Алтай (2,5), Р-ка Ингушетия (1,97), Р-ка Дагестан (2,21)	0,28 / 9,6%	0,49 / 7,1%	0,23 / 16,7%
Переходный от прогрессивного к стационарному $n_2 = 5$	Р-ка Саха (Якутия) (1,96), Чукотский авт. округ (1,97), Р-ка Бурятия (1,95), Иркутская обл. (2,12), Кабардино-Балкарская Р-ка (1,53)	0,23 / 4,5%	0,47 / 4,9%	0,29 / 8,0%
Стационарный $n_3 = 23$	Забайкальский край (2,0), Красноярский край (2,2), Р-ка Хакасия (1,68), Омская обл. (1,96), Ненецкий авт. округ (2,9), Удмуртская Р-ка (2,07), Ханты-Мансийский авт. округ – Югра (1,47), Астраханская обл. (1,67), Тюменская обл. (кроме АО) (1,98), Пермский край (1,91), Карачаево-Черкесская Р-ка (1,29) , Оренбургская обл. (1,85), Челябинская обл. (1,75), Амурская обл. (1,76), Еврейская авт. обл. (1,91), Новосибирская обл. (2,03), Р-ка Северная Осетия-Алания (1,34) , Томская обл. (1,73), Свердловская обл. (1,92), Мурманская обл. (1,38), Хабаровский край (2,02), Алтайский край (1,66), Р-ка Адыгея (Адыгея) (1,39)	0,20 / 3,9%	0,45 / 8,6%	0,36 / 10,6%
Переходный от стационарного к регрессивному $n_4 = 23$	Курганская обл. (2,01), Ставропольский край (1,5), Р-ка Башкортостан (1,76), Р-ка Калмыкия (1,32), Р-ка Крым (1,38), Магаданская обл. (1,4), Камчатский край (1,67), Кемеровская обл. – Кузбасс (1,38), Р-ка Коми (2,24) , Калининградская обл. (1,24), Приморский край (1,77), Краснодарский край (1,37), Р-ка Марий Эл (1,69), Орловская обл. (1,49), Самарская обл. (1,47), Ростовская обл. (1,37), Р-ка Татарстан (Татарстан) (1,49), Волгоградская обл. (1,3), Костромская обл. (1,76), Сахалинская обл. (1,57), Вологодская обл. (1,29), Чувашская Р-ка – Чувашия (1,57), Архангельская обл. (кроме АО) (2,0)	0,17 / 5,6%	0,42 / 8,3%	0,41 / 9,4%
Регрессивный $n_5 = 26$	Ярославская обл. (1,33), Саратовская обл. (1,23), Калужская обл. (1,17), Брянская обл. (1,03), Липецкая обл. (1,23), Курская обл. (1,32), Нижегородская обл. (1,35), Белгородская обл. (1,11), Новгородская обл. (1,22), Тверская обл. (1,3), Пензенская обл. (1,31), Воронежская обл. (1,24), Рязанская обл. (1,02), Смоленская обл. (0,97), Псковская обл. (1,24), Р-ка Карелия (1,74), г. Севастополь (0,96), Ленинградская обл. (0,8), Ульяновская обл. (1,27), Московская обл. (0,77), Тульская обл. (1,19), Кировская обл. (2,15) , Ивановская обл. (1,33), Владимирская обл. (1,08), Тамбовская обл. (1,17), Р-ка Мордовия (1,0)	0,14 / 6,2%	0,42 / 8,2%	0,44 / 8,3%
Итого		0,18 / 23,1%	0,44 / 9,3%	0,39 / 18,3%

*сведения за 2023 год

** сведения на 1 января 2024 г.

Источник: составлено автором по данным Росстата.⁸

Сельское население России характеризуется пространственной неоднородностью сложившейся возрастной структуры и типа воспроизводства. В составе групп субъектов РФ выделяются Кабардино-Балкарская Республика, Карача-

ево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Мурманская область, Республика Адыгея, Республика Коми, Кировская область. В этих регионах отмечено несоответствие возрастной структуры сельского населения и значений суммарного коэффициента рождаемости: высокая доля детей в структуре населения при низком

⁸ Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.08.2024).

значении суммарного коэффициента рождаемости или наоборот.

Особенностью Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик и Республики Северная Осетия-Алания является снижение возрастных коэффициентов рождаемости в возрастных группах до 24 лет без соответствующего роста рождаемости в группах старше 25 лет. В регионах стабильная демографическая ситуация, благоприятная структура населения: доля женщин в возрасте 15–49 лет в общей численности женского населения по состоянию на 1 января 2024 г. составляет в Кабардино-Балкарской Республике 48,0%, Карачаево-Черкесской Республике – 46,9%. Республике Северная Осетия-Алания – 45,6%. Низкое значение суммарного коэффициента рождаемости в Республике Адыгея является результатом демографического провала в 1993–2006 гг.: доля женщин в возрасте 17–30 лет в общей численности женского населения составляет 14,0%. Несоответствие возрастной структуры и типа воспроизводства сельского населения в Республике Коми и Кировской области связано с деформированной вершиной демографической пирамиды и низкой долей женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения (36,5% и 30,0% соответственно). Численность сельского населения Мурманской области составляет 45,8 тыс. чел., доля сельского населения в общей численности населения региона – 7,0%. Малая база для расчёта демографических показателей, подвижность населения между селом и городом снижают корректность анализа и выводов для данного региона.

Абсолютное число рождений определяет перспективную загруженность объектов социальной сферы, что в свою очередь обеспечивает занятость сельского населения. Кризис числа рождений переходит в кризис социальной сферы. Далее оценим потенциал роста числа рождений в сельской местности на период до 2030 г. следующим образом:

- прогноз численности женщин в возрасте 15–49 лет методом передвижки однолетних возрастных групп, используя средние оценки возрастных коэффициентов смертности женщин в сельской местности за период 2016–2022 гг.;

- допущение о нулевом миграционном приросте населения каждой возрастной группы в прогнозном периоде;

- сценарный подход к оценке возрастных коэффициентов рождаемости: первый вариант предполагает сохранение возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2022–2023 гг., суммарный коэффициент рождаемости составит 1,58; второй вариант предполагает восстановление возрастных коэффициентов рождаемости до уровня 2019–2021 гг., суммарный коэффициент рождаемости достигнет 1,74; третий вариант предполагает восстановление возрастных коэффициентов рождаемости до уровня 2015–2018 гг., суммарный коэффициент рождаемости достигнет 1,98; четвёртый вариант служит оценкой верхнего предела возрастных коэффициентов рождаемости, соответствующих уровню 2012–2014 гг., суммарный коэффициент рождаемости составит 2,27 (рисунок 3).

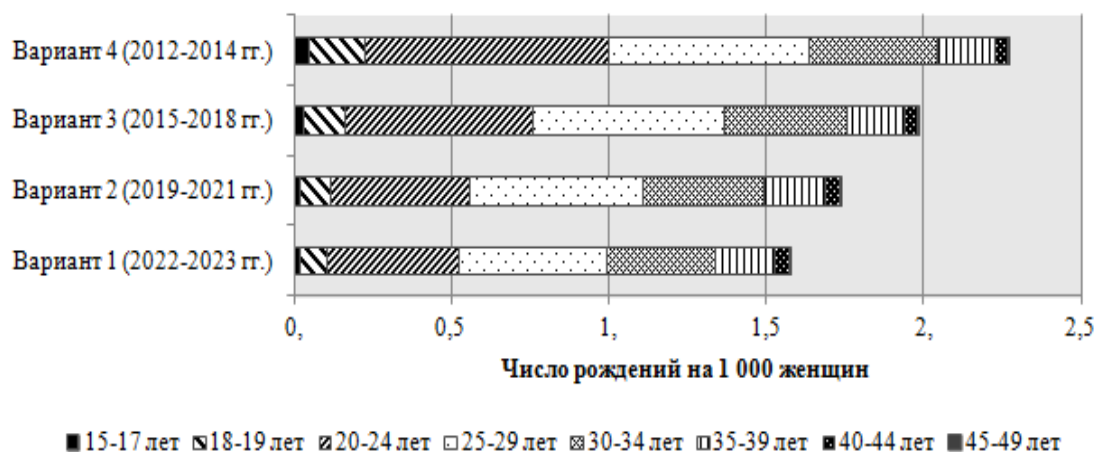

Рисунок 3. Вклад возрастных групп в формирование суммарного коэффициента рождаемости сельского населения

Figure 3. The Contribution of Age Groups to the Formation of the Total Fertility Rate of the Rural Population

Источник: составлено автором по данным Росстата.⁹

⁹ Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.08.2024).

Наибольший суммарный вклад в абсолютное число рождений вносит возрастная когорта 20–34 летних. Текущий кризис рождаемости связан как со снижением повозрастных коэффициентов рождаемости, так и с падением численности

женщин в возрасте 20–34 лет. Ожидается дальнейшее снижение численности женщин репродуктивного возраста при восстановлении численности женщин в возрасте 20–34 лет (таблица 5).

Таблица 5

Прогноз числа рождений сельского населения на период до 2030 г.

Table 5

The Forecast of the Number of Births of the Rural Population for the Period up to 2030

Показатель	ед. изм.	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Всего женщин в возрасте 15–49 лет	тыс. чел.	7755	7726	7693	7673	7674	7666	7656
из них в возрасте 20–34 лет	тыс. чел.	2819	2748	2683	2663	2692	2755	2812
	%	36,4	35,6	34,9	34,7	35,1	35,9	36,7
Абсолютное число рождений:								
– вариант 1	тыс. чел.	312,8	307,8	303,9	302,5	303,0	305,0	307,6
– вариант 2	тыс. чел.	343,4	337,8	333,5	331,9	332,6	334,8	337,7
– вариант 3	тыс. чел.	386,2	381,2	377,6	377,6	380,3	384,6	389,6
– вариант 4	тыс. чел.	437,2	432,9	430,3	432,2	436,8	443,2	450,5

Источник: расчёты автора.

Прогнозируется снижение абсолютного числа рождений до 2027 г. при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости. Предложенные варианты могут служить для оценки верхних и нижних границ демографического прогноза.

Смертность. Смертность сельского населения превышает смертность городского населения: в 2023 г. значение показателя составило 12,96‰ и 11,76‰ соответственно. В период 1990–2010 гг. смертность в сельской местности была выше, чем в городской местности в среднем на 20,0% (или 2,74‰), в период 2011–2015 гг. – на 16,2% (или 2,05‰), в период 2016–2023 гг. – на 10,7% (или на 1,36 ‰). Смертность мужского населения превышает смертность женского населения, что характерно и для городского населения. Наибольшие различия отмечены в возрастных группах 20–24 лет (смертность мужского населения выше в 5,8 раза смертности женского

населения), 25–29 лет (4,9 раза), 30–34 лет (3,6 раза). Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения по итогам 2023 г. составила 72,1 лет, что ниже аналогичного показателя для городского населения на 1,7 лет. Ожидаемая продолжительность жизни женского населения выше ожидаемой продолжительности жизни мужского населения: 78,1 и 66,8 лет соответственно. Ожидаемая продолжительность жизни служит обобщённой характеристикой смертности населения, значение показателя не зависит от демографической структуры населения и рассчитывается на основе повозрастных коэффициентов смертности. Значение показателя следует трактовать как среднее ожидаемое число лет, которое проживёт родившийся в текущем периоде при текущих возрастных коэффициентах смертности. Субъекты РФ неоднородны по значению данного показателя (рисунок 4).

Рисунок 4. Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения, 2023 г.
Figure 4. Life Expectancy of the Rural Population, 2023

Источник: составлено автором по данным Росстата.¹⁰

¹⁰ Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.08.2024).

Наиболее высокая ожидаемая продолжительность жизни сельского населения в Московской области и Республике Дагестан (79,5 лет), Республике Ингушетия (79,4 лет), Чеченской Республике (78,0 лет), Ленинградской области (77,5 лет). Низкая ожидаемая продолжительность жизни сельского населения в Забайкальском крае (63,9 лет),

Ненецком автономном округе (63,3 лет), Республике Тыва (62,8 лет), Чукотском автономном округе (58,8 лет), Магаданской области (58,5 лет).

Основные причины смерти сельского населения: болезни системы кровообращения, ишемическая болезнь сердца, новообразования (таблица 6).

Таблица 6

**Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти, 2023 г.
(человек в расчёте на 100 000 населения)**

Table 6

**The Number of Deaths by Major Classes and Individual Causes of Death, 2023
(People per 100,000 Population)**

Причины смерти	Тип поселения			Отклонение смертности сельского и городского населения	
	всё население	городское население	сельское население	абсолютное	относительное, %
Все причины	1 206,2	1 176,	1 296,4	120,4	10,2
Болезни системы кровообращения	556,7	552,9	567,9	15,0	2,7
Ишемическая болезнь сердца	297,9	297,4	299,3	1,9	0,6
Новообразования	197,4	201,2	186,1	-15,1	-7,5
Злокачественные новообразования	194,3	198,2	182,8	-15,4	-7,8
Цереброваскулярные болезни	168,5	169,2	166,2	-3,	-1,8
Внешние причины:	107,1	98,3	133,6	35,3	35,9
– все виды транспортных несчастных случаев	10,8	9,2	15,5	6,3	68,5
– самоубийство	7,8	6,2	12,7	6,5	104,8
– случайное отравление алкоголем	5,6	5,4	6,2	0,8	14,8
– убийство	3,2	3,0	4,0	1,0	33,3
Болезни органов пищеварения	74,	73,3	75,9	2,6	3,5
Болезни органов дыхания	53,0	47,8	68,6	20,8	43,5
Инфекционные и паразитарные болезни	18,4	18,9	17,1	-1,8	-9,5

Источник: составлено автором по данным Росстата.¹¹

Структура смертности сельского и городского населения по причинам смерти не отличается. Наблюдается абсолютное превышение смертности сельского населения от внешних причин, болезней органов дыхания, болезней системы кровообращения. Имеют место региональные различия в уровне смертности сельского населения. Наиболее высокий уровень смертности сельского населения зарегистрирован в Магаданской области (выше уровня по России в 1,7 раза), Республике Карелия (в 1,6 раза), Кировской области (в 1,5 раза), в том числе по причинам:

– болезни системы кровообращения: Псковская область (в 2,0 раза), Республика Карелия, Кост-

ромская область и Архангельская область (в 1,8 раза), Орловская область (в 1,7 раза);

– новообразования: Магаданская область (в 2,6 раза), Архангельская область, Красноярский край, Республика Карелия и Сахалинская область (в 1,6 раза);

– цереброваскулярные болезни: Кировская область, Республика Карелия и Рязанская область (в 2,0 раза), Чувашская Республика, Республика Коми и Ульяновская область (в 1,9 раза);

– внешние причины: Чукотский автономный округ (в 3,4 раза); Магаданская область (в 2,7 раза), Забайкальский край (в 2,3 раза), Сахалинская область и Республика Бурятия (в 2,0 раза);

– болезни органов пищеварения: Сахалинская область (в 2,5 раза), Республика Коми и Магадан-

¹¹ Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.08.2024).

ская область (в 2,0 раза), Республика Марий Эл (в 1,8 раза), Красноярский край (в 1,7 раза);

– болезни органов дыхания: Курская область (в 3,6 раза), Республика Марий Эл и Кировская область (в 2,0 раза), Магаданская область (в 1,9 раза), Забайкальский край (в 1,8 раза);

– инфекционные и паразитарные болезни: Чукотский автономный округ (в 4,4 раза), Кемеровская область (в 3,6 раза), Пермский край (в 2,9 раза), Иркутская область (в 2,8 раза), Новосибирская область (в 2,7 раза).

Таким образом, имеет место избыточная смертность сельского населения по сравнению с городским населением. Для оценки избыточной смертности сельского населения применена следующая расчётная процедура:

– допущение о нулевом миграционном приросте населения каждой возрастной группы в прогнозном периоде;

– построен демографический прогноз сельского населения трудоспособного возраста,

включающего мужчин в возрасте 16–60 лет, женщин в возрасте 16–55 лет, с применением усреднённых возрастных коэффициентов смертности мужского и женского населения за период 2016–2022 гг.;

– рассчитано потенциальное число умерших в трудоспособном возрасте при снижении смертности сельского населения до уровня смертности городского населения; для оценки уровня смертности городского населения применены соответствующие усреднённые возрастные коэффициенты смертности за период 2016–2022 гг.;

– оценена избыточная смертность сельского населения как разность между прогнозным и потенциальным (при снижении смертности сельского населения до уровня смертности городского населения) числом умерших в соответствующих возрастах. Результаты расчётов представлены в таблице 7.

Таблица 7

Прогноз численности и естественного движения сельского населения трудоспособного возраста на период до 2030 г.

Table 7

The Forecast of the Number and Natural Movement of the Rural Population of Working Age for the Period up to 2030

	Ед.изм.	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Численность сельского населения трудоспособного возраста, в том числе:	млн чел.	19,49	19,40	19,30	19,25	19,23	19,20	19,17
мужчины в возрасте 16–60 лет	млн чел.	10,54	10,47	10,40	10,37	10,35	10,33	10,31
женщины в возрасте 16–55 лет	млн чел.	8,95	8,93	8,90	8,88	8,88	8,87	8,86
Число умерших в трудоспособном возрасте, в том числе:	тыс. чел.	119,86	117,95	116,97	115,60	114,62	114,02	113,31
мужчины в возрасте 16–60 лет	тыс. чел.	94,90	93,14	92,21	91,05	90,21	89,79	89,21
женщины в возрасте 16–55 лет	тыс. чел.	24,96	24,81	24,76	24,55	24,41	24,23	24,10
Избыточная смертность сельского населения трудоспособного возраста, в том числе:	тыс. чел.	11,11	10,89	10,72	10,54	10,39	10,28	10,15
мужчины в возрасте 16–60 лет	тыс. чел.	7,38	7,21	7,07	6,94	6,84	6,78	6,70
женщины в возрасте 16–55 лет	тыс. чел.	3,73	3,68	3,65	3,60	3,55	3,50	3,45

Источник: расчёты автора.

Ожидается снижение абсолютной численности сельского населения трудоспособного возраста, что связано с перераспределением населения в старшие возрастные группы. Избыточная смертность сельского населения составит свыше 10,0 тыс. человек ежегодно.

Миграция. Суммарные миграционные потери сельского населения в результате передвижений в пределах страны за период 1990–2023 гг. составили 2,51 млн чел., из них 98% потерь составила внутрирегиональная миграция из села в

город. Миграционные потери в результате внутренней миграции компенсировались за счёт международной миграции: суммарный миграционный прирост сельского населения в результате международной миграции за период 1990–2023 гг. составил 2,90 млн чел. Для анализа динамики миграционных процессов сельского населения России рассчитаны коэффициенты интенсивности миграционного оборота, результативности миграции, эффективности миграции (рисунок 5).

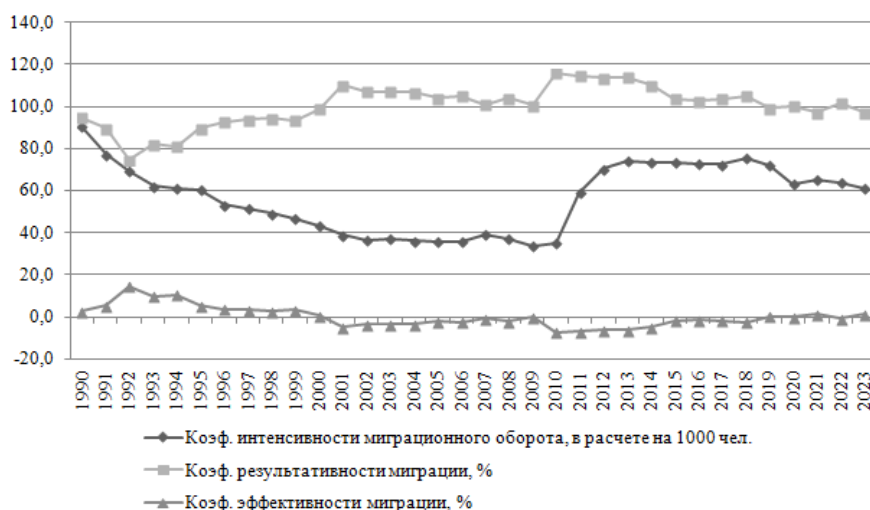

Рисунок 5. Коэффициенты миграции сельского населения, 1990–2023 гг.
Figure 5. Migration coefficients of the rural population, 1990–2023

Источник: составлено автором по данным Росстата.¹²

Интенсивность миграционного оборота сельского населения России снижалась до 2010 г., достигнув значения 35 чел. в расчёте на 1000 чел. населения. Последующий рост интенсивности миграционного оборота населения в значительной степени связан с изменением методики учёта внутренних миграций: включением в состав мигрантов лиц, зарегистрированных не только по месту жительства, но и по месту пребывания на срок 9 месяцев и более [14]. В 2012–2019 гг. уровень миграционной активности сельского населения составил в среднем 73 чел. в расчёте на 1000 чел. населения. В 2020–2023 гг. миграционная активность снизилась до 63 чел. в расчёте на 1000 чел. населения, что связано со снижением экономической активности в период Covid-19 и последующего санкционного давления на российскую экономику. Вклад внутренней миграции в интенсивность миграционного оборота сельского населения в 2023 г. составил 91,7% (в среднем за период 1990–2023 гг. – 90,6%). Значения коэффициента результативности миграции с 2015 г. составляют около 100%, при этом значения коэффициента для внутривнутрироссийской миграции находятся в области свыше 100% (в среднем за период 1990–2023 гг. – 108,7%), для международной миграции – менее 100% (в среднем за период 1990–2023 гг. – 43,96%). В период 1990–2000 гг. наблюдалась положительная эффективность миграции, связанная с миграционным приростом населения за счёт международной миграции. В 2019, 2021, 2023 гг. значения коэффициента эффективности миграции находились в положительной об-

ласти, что обеспечивалось за счёт международной миграции и миграции между регионами. С 2018 г. формируется устойчивое положительное сальдо миграции между регионами, что свидетельствует о формировании центров межрегионального притяжения сельского населения.

По итогам 2023 г. отмечен положительный миграционный прирост населения России: коэффициент миграционного прироста на 1 000 человек для всего населения составил 1,4, городского населения – 1,6, сельского населения – 0,9. Миграционный прирост сельского населения неоднороден по субъектам РФ: в 2023 г. сельское население интенсивно покидало Республику Тыва (коэффициент миграционного прироста составил -15,9‰), Костромскую область (-13,7‰), Забайкальский край (-12,2‰), Республику Саха (-12,2‰), Кировскую область (-10,8‰). Положительный миграционный прирост сельского населения отмечен в 35 субъектах РФ, в том числе в Ленинградской области (19,7‰), Московской области (19,7‰), Магаданской области (19,1‰), Республике Адыгея (14,7‰), Ненецком автономном округе (10,8‰).

Абсолютный миграционный прирост сельского населения составил 31 980 человек, из них мужчины – 28 225 человек (88,3%), женщины – 3 755 человек (11,7%). Миграционный прирост сельского населения России включает в себя прирост за счёт внутрирегиональной миграции (-38 879 человек), межрегиональной миграции (37 073 человека), международной миграции (33 786 человек). Внутрирегиональный миграционный прирост сельского населения и его распределение по длительности проживания в предыдущем месте жительства представлен в таблице 8.

¹² Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 05.09.2024).

Таблица 8

Распределение миграционного прироста по длительности проживания в предыдущем месте жительства, внутрирегиональная миграция, сельское население, 2023 г.

Table 8

Distribution of Migration Growth by Length of Residence in the Previous Place of Residence, Intra-regional Migration, Rural Population, 2023

Год	Миграционный прирост – всего	В том числе проживали по предыдущему месту жительства						Длительность проживания не указана
		с рождения	не с рождения	из них				
				1 год	2–4 года	5–9 лет	10 лет и более	
2018	-102448	-31076	-70061	-5109	-4599	-18027	-42326	-1311
2019	-83186	-28694	-58595	-666	-3025	-13906	-40998	4103
2020	-53943	-18949	-37519	2236	2271	-5316	-36710	2525
2021	-71997	-25993	-47708	1068	1477	-9326	-40927	1704
2022	-49027	-17832	-32193	3443	4933	-6043	-34526	998
2023	-38879	-16550	-22863	2817	7167	-1594	-31253	534

Источник: составлено автором по данным Росстата.¹³

Внутрирегиональная миграционная убыль сельского населения сокращается. Из сельской местности выбывает население, которое проживало по предыдущему месту жительства с рождения (в 2023 г. – 16 550 человек), свыше 10 лет (31 253 человек), от 5 до 9 лет (1 594 человек). Положительный миграционный прирост отмечен по категории лиц, которые проживали по предыдущему месту жительства до 4 лет.

Негативным последствием интенсивных миграционных процессов является деформация

возрастной структуры населения, которая становится источником новых демографических волн, приводит к дисбалансу половозрастных групп населения [15; 16; 17]. Для оценки степени деформации возрастной структуры населения рассчитаны средний возраст, медианный возраст и взаимное отклонение значений показателей по субъектам РФ. В таблице 9 представлены субъекты РФ с наибольшим отрицательным и положительным отклонением среднего и медианного возраста женского населения.

Таблица 9

Средний и медианный возраст сельского населения, 1 января 2024 г.

Table 9

The Average and Median Age of the Rural Population, January 1, 2024

Субъект РФ	Численность сельского населения, тыс. чел.	Средний возраст, лет		Медианный возраст, лет		Отклонение медианного и среднего возраста, лет	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Республика Тыва	149,4	28,3	31,3	24	27	-4,3	-4,3
Чеченская Республика	930,5	29,0	30,8	25	27	-4,0	-3,8
Республика Ингушетия	237,2	29,8	31,2	27	28	-2,8	-3,2
Республика Дагестан	1772,1	32,7	34,7	30	32	-2,7	-2,7
Республика Саха (Якутия)	324,7	33,2	36,2	30	34	-3,2	-2,2
...
Ульяновская область	267,9	42,4	48,0	43	51	0,6	3,0
Архангельская область	219,9	41,9	47,8	43	51	1,1	3,2
Костромская область	144,4	42,1	47,3	44	51	1,9	3,7
Курганская область	268,2	40,6	46,3	42	50	1,4	3,7
Кировская область	240,7	44,9	50,1	47	55	2,1	4,9

Источник: составлено автором по данным Росстата.¹⁴

¹³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 05.09.2024).

¹⁴ Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.08.2024).

Превышение медианного возраста над средним возрастом обусловлено высокой долей населения старших возрастных групп в структуре населения, вершина демографической пирамиды имеет локальные «пики» и «провалы». Превышение среднего возраста над медианным возрастом свидетельствует об обратной ситуации: высокая доля населения младших возрастных групп и деформированное основание демографической пирамиды. Республика Тыва, Костромская область, Республика Саха, Кировская область характеризуются интенсивным миграционным оттоком населения. Таким образом, миграционный отток населения является фактором деформации возрастной структуры населения, приводит к сокращению отдельных возрастных групп в структуре населения, ухудшению гендерного баланса.

Заключение

Результаты проведённого исследования показывают, что потенциал роста абсолютного числа рождений снижается в связи с ухудшением возрастной структуры сельского населения. Ожидается снижение численности женщин фертильного возраста, однако, численность женщин в возрасте 20–34 лет начнёт увеличиваться с 2028 г. Очередной всплеск рождаемости возможен в регионах с более молодой структурой населения. Следующие регионы демонстрируют устойчивость рождаемости в связи с благоприятной половозрастной структурой населения и сохранению прогрессивного типа воспроизводства: Республика Тыва, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Ингушетия, Республика Дагестан.

В данных регионах проживает 9,0% сельского населения России.

Политика народосбережения предполагает не только меры по повышению рождаемости, но и меры по снижению смертности населения. Сельское население характеризуется высокой смертностью, в том числе населения в трудоспособном возрасте. Наблюдается повышенный уровень смертности от внешних причин, болезней органов дыхания, болезней системы кровообращения. Избыточная смертность сельского населения в трудоспособном возрасте составляет 10–11 тыс. чел. в год. Прогнозируется ежегодное снижение численности сельского населения в трудоспособном возрасте.

Отрицательный естественный прирост сельского населения сопровождается отрицательным миграционным приростом. Проблема интенсивного выбытия населения из села актуальна для трудоизбыточных регионов и регионов с неблагоприятными условиями жизни. Наблюдается отток населения из села в город внутри регионов, из города в село – между регионами. Интенсивные миграционные процессы привели к усилению деформации возрастной структуры населения, сокращению доли населения наиболее активных возрастных групп.

Дальнейшее развитие темы предполагает проведение региональных демографических исследований с целью прогнозирования динамики и структуры сельского населения для обоснования политики сельского развития в части снижения смертности, сохранения и развития социальной инфраструктуры с учётом текущей и перспективной нагрузки, обратной миграции в село для средних и старших возрастных групп.

Список литературы

1. Бондаренко Л.В., Архангельский В.Н. Демографическая ситуация на сельских территориях: оценка и перспективы // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. № 10(104). С. 164–176. <https://doi.org/10.33938/2310-164> EDN UBFNTS
2. Вишневецкий А.Г. Демографическая ситуация в России: долговременные тенденции // Международный демографический форум: материалы заседания, 22–24 октября 2020 г., Воронеж, Россия. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. С. 29–36. EDN VKWECB
3. Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Структурные демографические волны регионов России: предварительный анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 425–438. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.1> EDN XQZEPQ
4. Рыбаковский Л.Л., Фадеева Т.А. Региональная динамика рождаемости населения России во второе пятнадцатилетие XXI столетия // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 271–281. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281 EDN SOBNIWI
5. Пруель Н.А., Литатова Л.Н., Градусова В.Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионоведение. 2020. Том 28. № 1(110). С. 133–158. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158> EDN NDSFSB
6. Белозеров В.С., Щитова Н.А., Соловьев И.А. Демографическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе // Наука. Инновации. Технологии. 2021. № 4. С. 77–94. <https://doi.org/10.37493/2308-4758.2021.4.5> EDN YCPWKL

7. Skinner M., Winterton R., Walsh K. (eds.). Rural Gerontology: Towards Critical Perspectives on Rural Ageing. London: Routledge, 2020. 394 p. ISBN 9781003019435 <https://doi.org/10.4324/9781003019435>
8. Are Rural Areas Holdouts in the Second Demographic Transition? Evidence From Canada and the United States / S. Clark, M.M. Brooks, A. Helou, R. Margolis // *Demography*. 2024. Vol. 61. No. 2. P. 541–568. <https://doi.org/10.1215/00703370-11237867>
9. Choudhury S., Majumdar S.K. Examining the Socio-Economic and Demographic Differentials in Rural Out-Migration and Employment Status of Migrant Workers in India // *Demography India*. 2024. Vol. 53. No. 1. P. 12–30.
10. Rural Population Change in China: Spatial Differences, Driving Forces and Policy Implication / L. Zhen, S. Liu, J. Haoran, W. Qi // *Journal of Rural Studies*. 2017. Vol. 51. No. 7. P. 189–197. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.02.006>
11. Вандескрик К. Демографический анализ: учебник / пер. с франц. Н.М. Калмыкова. М.: Академический проект, 2005. 241 с. ISBN 5-8291-0500-4
12. Mkrtchyan N.V. Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Population and Economics*. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>
13. Секицки-Павленко О.О. Типология трансформации возрастной структуры населения регионов России // *Экономика региона*. 2023. Том 19. № 3. С. 813–827. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-15> EDN SIIUTP
14. Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрисоссийской миграции, порожденные изменением методики учёта в 2011 г. // *Демографическое обозрение*. 2020. Том 7. № 1. С. 83–99. EDN ZLDEXI
15. Рыбаковский О.Л. Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования // *Народонаселение*. 2023. Том 26. № 1. С. 4–15. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.1> EDN JIZLYM
16. Meister M., Peters J.C., Rossen A. Welcome Back! The Impact of «Return Initiatives» on Return Migration to Rural Regions // *Journal of Economic Geography*. 2024. Vol. 24. No. 5. P. 759–784. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbae028>
17. Рязанцев С.В., Брагин А.Д. Миграция в сельской местности этнонациональных регионов Российской Федерации: тренды и последствия // *Урбанистика*. 2023. № 4. С. 62–77. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.4.69059> EDN МНААУС

Информация об авторе:

Мэдэгда Цырендоржиевна Будажданаева – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства
(SPIN-код: 7480-9266) (РИНЦ Author ID: 775884)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Bondarenko L.V., Arkhangel'skii V.N. Demographic Situation in Rural Areas: Assessment and Prospects. *Ehkonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve=Economy, Labor, Management in Agriculture*. 2023;10(104):164–176. <https://doi.org/10.33938/2310-164> (In Russ.)
2. Vishnevskii A.G. Demograficheskaya Situatsiya v Rossii: Dolgovremennyye Tendentsii. Mezhdunarodnyi Demograficheskii Forum Conference Proceeding; October 22–24, 2020; Voronezh, Russia. Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya. 2020:29–36. (In Russ.)
3. Rybakovskii O.L., Fadeeva T.A. Structural Demographic Waves of Russian Regions: Preliminary Analysis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):425–438. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.1> (In Russ.)
4. Rybakovskii L.L., Fadeeva T.A. Regional Dynamics of the Birth Rate of the Russian Population in the Second Fifteen Years of the 21st Century. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):271–281. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281 (In Russ.)
5. Pruel N.A., Lipatova L.N., Gradusova V.N. Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems. *Regionology=Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(1(110)):133–158. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158> (In Russ.)
6. Belozarov V.S., Shchitova N.A., Solov'ev I.A. Demographic Situation in the North Caucasian Federal District. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii=Science. Innovations. Technologies*. 2021;(4):77–97. <https://doi.org/10.37493/2308-4758.2021.4.5> (In Russ.)
7. Skinner M., Winterton R., Walsh K. (eds.). Rural Gerontology: Towards Critical Perspectives on Rural Ageing. London: Routledge; 2020. 394 p. ISBN 9781003019435; <https://doi.org/10.4324/9781003019435>
8. Clark S., Brooks M.M., Helou A., et al. Are Rural Areas Holdouts in the Second Demographic Transition? Evidence From Canada and the United States. *Demography*. 2024;61(2):541–568. <https://doi.org/10.1215/00703370-11237867>
9. Choudhury S., Majumdar S.K. Examining the Socio-Economic and Demographic Differentials in Rural Out-Migration and Employment Status of Migrant Workers in India. *Demography India*. 2024;53(1):12–30.
10. Zhen L., Liu S., Haoran J., et al. Rural Population Change in China: Spatial Differences, Driving Forces and Policy Implication. *Journal of Rural Studies*. 2017;51(7):189–197. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.02.006>
11. Vandeskrik K. Analyse Demographique. Textbook. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. 241 p. ISBN 5-8291-0500-4 (In Russ.)
12. Mkrtchyan N.V. Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Population and Economics*. 2019;3(1):39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>

13. Sekitski-Pavlenko O.O. Typology of the Transformation of the Age Structure in Russian Regions. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2023;19(3):813-827. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-15> (In Russ.)
14. Mkrtchyan N.V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2020;7(1):83-99. (In Russ.)
15. Rybakovsky O.L. The Age Structure of the Population of the Regions of Russia at the Beginning of the 21st Century: Components of the Formation. *Narodonaselenie=Population*. 2023;26(1):4-15. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.1> (In Russ.)
16. Meister M., Peters J.C., Rossen A. Welcome Back! The Impact of «Return Initiatives» on Return Migration to Rural Regions. *Journal of Economic Geography*. 2024;24(5):759-784. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbae028>
17. Ryazantsev S.V., Bragin A.D. Migration in Rural Areas of Ethno-national Regions of the Russian Federation: Trends and Consequences. *Urbanistika=Urbanistics*. 2023;(4):62-77. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.4.69059> (In Russ.)

Information about the author:

Mehdehgm Ts. Budazhanaeva – PhD in Economics, Leading Researcher, Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas - All-Russian Research Institute of Agricultural Economics

(SPIN-code: 7480-9266) (RSCI Author ID: 775884)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 07.12.2024.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_11_629_644

EDN SKZSEI

Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения

Рим Марсович Валиахметов¹, Марсель Салаватович Туракаев^{1,2}

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
(rim_m_sifat@inbox.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8875-5197>)

² Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
(mturakaev@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0003-2449-6605>)

Аннотация

В данной статье рассматривается влияние совокупности индикаторов социального благополучия населения на миграционный потенциал жителей пяти российских регионов – Республики Башкортостан, Свердловской, Курской, Вологодской и Тюменской областей. Использованы данные российского исследования (конец 2023 – начало 2024 гг.) в вышеуказанных субъектах Российской Федерации, выполненного в рамках проекта «Социокультурные портреты регионов России». Башкортостанскую часть полевого исследования проводили авторы данной статьи. По результатам анализа полученных данных подтверждено, что на миграционные установки населения влияют не только общие, но и локальные/местные особенности проявления объективных и субъективных факторов и предпосылок. Первые из них, а именно инфраструктурные и институциональные особенности развития социального пространства региона, выражаются в наличии или отсутствии качественных рабочих мест, степени развития социальных услуг, общественного транспорта, образовательных и медицинских учреждений, благоустройства территории, состояния экологии и т.д. Субъективные факторы проявляются в оценках респондентов и их отношении не только к региону своего проживания, но и месту настоящей работы, условиям и возможностям реализации своих притязаний на «новую» занятость, профессиональную самореализацию и достойный уровень оплаты труда. Получил подтверждение тезис о том, что сравнительно высоким миграционным потенциалом обладают респонденты, желающие «хорошо» и «много» зарабатывать. Обнаружилось, что к смене региона проживания склонны также представители не самой мобильной, но низкодоходной группы населения, в особенности те семьи, в которых за последний год материальное положение ухудшилось. Выявлено и то, что для населения, независимо от их места проживания и работы, одинаково важен социальный капитал, т.е. уровень доверия к людям, а также государственным и общественным институтам.

Ключевые слова: социальное пространство региона, социокультурный портрет региона, социокультурное многообразие, социальное благополучие, уровень жизни, миграционный потенциал, социальный капитал, уверенность в будущем

Для цитирования: Валиахметов Р.М., Туракаев М.С. Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 629–644. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_11_629_644 EDN SKZSEI

RAR (Research Article Report)

JEL R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_11_629_644

Social Well-being of Residents of Russian Regions as a Factor in the Migration Potential of the Local Population

Rim M. Valiakhmetov¹, Marsel S. Turakayev^{1,2}

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
(rim_m_sifat@inbox.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8875-5197>)

² Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(mturakaev@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0003-2449-6605>)

Abstract

This article examines the impact of a set of indicators of social well-being of the population of the Republic of Bashkortostan, Sverdlovsk oblast, Kursk oblast, Vologda oblast and Tyumen oblast on the migration potential of residents of these Russian regions. The data from a Russian study (late 2023 – early 2024) in the above-mentioned regions of the Russian Federation, carried out within the framework of the "Sociocultural Portraits of Russian Regions" program. The Bashkortostan part of the field study was conducted by the authors of this article. Based on the analysis of the data obtained, it was confirmed that both objective and subjective factors influence the migration attitudes of the population. The infrastructural and institutional features of the development of the social space of the region, are expressed in the presence or absence of high-quality jobs, the degree of development of social services, public transport, educational and medical institutions, landscaping, the state of the environment, etc. Subjective factors are manifested in the respondents' assessments and their attitude not only to the region of their residence, but also to the place of their current work, the conditions and opportunities for realizing their claims to "new" employment, professional self-realization and a decent level of wages. The thesis that respondents who want to earn "well" and "a lot" have a relatively high migration potential was confirmed. It was found that representatives of the not very mobile but low-income group of the population are also inclined to change their region of residence, especially those families whose financial situation has worsened

over the past year. It was also revealed that social capital, i.e. the level of trust in people, as well as state and public institutions, is equally important for the population, regardless of their place of residence and work.

Keywords: social space of the region, socio-cultural portrait of the region, sociocultural diversity, social well-being, standard of living, migration potential, social capital, confidence in the future

For citation: Valiakhmetov R.M., Turakayev M.S. Social Well-being of Residents of Russian Regions as a Factor in the Migration Potential of the Local Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):629–644. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_11_629_644 (In Russ.)

Введение

Социальное благополучие является одним из основополагающих социологических индикаторов, позволяющих более полно и комплексно оценивать уровень и качество жизни населения. Будучи суммарным оценочным показателем, он складывается из множества составляющих, характеризующих одновременно и само социальное пространство. И первый (социальное благополучие), и второй (социальное пространство) факторы взаимно дополняют друг друга и существенным образом влияют на социальные, экономические, демографические, в т.ч. миграционные процессы в регионах России.

Объект исследования – население Республики Башкортостан, Свердловской области, Вологодской области, Курской и Тюменской областей¹. Предмет исследования – социальное благополучие как фактор миграционного потенциала населения регионов России.

Цель исследования заключается в сравнении степени и особенностей влияния факторов социального благополучия населения Республики Башкортостан, Свердловской области, Вологодской области, Курской и Тюменской областей на потенциал миграции местного населения. Задачи исследования: 1) выявить степень влияния факторов социального благополучия на желание и готовность жителей рассматриваемых регионов: а) остаться жить на постоянной основе в регионе проживания; б) уехать из своего региона, отсутствие желания оставаться в нём; 2) определить особенности и характер этого влияния в зависимости от миграционной ситуации, уровня жизни и социального благополучия в том или ином регионе.

Гипотезы исследования: 1. Положительные оценки различных сфер жизни в своём регионе, желание «хорошо» или «много» зарабатывать, высокий уровень социального капитала, удовлетворённости своей работой и жизнью в целом, а также приоритет ценности семьи и уверенность в будущем увеличивают готовность остаться жить в своём регионе и снижают вероятность уехать из него на постоянное место жительства в дру-

¹ Здесь и далее упоминание Тюменской области без учёта автономных округов.

гой регион или страну; 2. Желание респондентов остаться жить в своём регионе или, наоборот, готовность уехать из него не зависят от самой миграционной ситуации в регионе.

Эти факторы и процессы в значительной степени были учтены Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой в Программе и типовом инструментарии масштабного общероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России»² и последующих их разработках и публикациях [1; 2; 3]. Предложенная методика получила широкое признание и стала основой для проведения многочисленных социальных исследований в регионах России. Исследования в рамках данного проекта осуществляются в настоящее время под руководством Л.А. Беляевой [4; 5] (Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН) и А.А. Шабуновой [6] (Вологодский научный центр РАН). Активно продолжают работать и публиковать результаты исследований научные коллективы в целом ряде регионов России – Тюменской области (Г.Ф. Ромашкина) [7], Курской области (Е.А. Когай) [8], Республике Башкортостан (Р.М. Валиахметов) [9], Волгоградской области (Н.В. Дулина) [10], Астраханской области (Е.В. Каргаполова) [11], Пермском крае (Е.Б. Плотникова) [12], Вологодской области (А.А. Шабунова [6], М.А. Груздева) [13] и др. Этими и другими авторами – разработчиками региональных социокультурных портретов выполнена большая исследовательская и аналитическая работа по комплексному исследованию, анализу и описанию объективных и, в особенности субъективных, условий и факторов социального благополучия «своих» регионов.

Значительный интерес представляют для нас исследования социального благополучия, выполненные через призму социальных и экономических перемен в России. Одной из первых работ такого подхода является монография «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» под редакцией М.К. Горшкова и В.В. Пе-

² Социологические исследования по этому проекту регулярно проводились с 2006 г. по инициативе и под научным руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой по разработанной ими Программе и типовому инструментарию в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН.

тухова [14]. Существенный вклад в анализ исследуемой проблемы внес авторский коллектив ФНИСЦ РАН под руководством М.Ф. Черныша. В специальном выпуске ИНАБ (информационно-аналитический бюллетень) «Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе» ими представлен обзор научной литературы, а также результаты конкретных исследований: социальное благополучие в контексте здоровья, субъективное благополучие и качество жизни, связь благополучия с социальными благами и доходом [15]. Расширяет и дополняет этот анализ другая монографическая работа, а именно «Социологические подходы к изучению социального благополучия», где авторы исследуют как сами методологические подходы, так и результаты исследований по отдельным субъектам РФ и за рубежом, демонстрирующие специфику социального благополучия в них.

Отдельно следует отметить работы, посвящённые оценке и анализу экономического благополучия населения, в которых авторы исследуют эти проблемы в тесной связи с привлекательностью, конкурентоспособностью и экономической безопасностью региона [16; 17]. В междисциплинарном контексте большим эвристическим потенциалом обладает тема экономического субъективного благополучия, которая нашла отражение в исследованиях не только экономистов и социологов, но и психологов [18]. Интересными в этом контексте представляются работы и В.В. Радаева, посвящённые исследованиям субъективного социального благополучия миллениалов [19].

Статья включает в себя введение; теоретические и методологические положения; описание данных и методов исследования; результаты исследования, состоящие из пяти подразделов; выводы и список литературы.

Теоретические и методологические положения

Учёными подчёркивается единство объективных (благосостояние, занятость, доходы, прожиточный минимум, условия быта и труда, уровень и качество жизни, здоровье, продолжительность жизни, уровень образования, экологическая среда, транспортная доступность, техническая, медиа- и коммуникативная обеспеченность) и субъективных (удовлетворённость условиями и качеством жизни, труда и потребления; восприятие и оценка бедности, обеспеченности, богатства; физическое, психическое и социальное самочувствие; степень и формы самореализации; идентичность и повседневные практики; вовлечённость в творческую и культурную деятельность) параметров социального благополучия [20].

Что касается определений и подходов к исследованию миграционного потенциала населения, мы исходим из основных положений, сформулированных известными российскими демографами Л.Л. Рыбаковским, М.Б. Денисенко, С.В. Рязанцевым и др. Л.Л. Рыбаковский определяет миграционный потенциал в контексте международной миграции и выделяет три стадии миграционного процесса: подготовительная стадия («формирование территориальной подвижности населения или мобильности, потенциальной миграции, миграционных установок, подготовительных операций, связанных с переездом»); основная стадия (миграция) и завершающая стадия (приживаемость и адаптация мигрантов на новом месте) [21, с. 93]. С.В. Рязанцев и соавторы определяют миграционный потенциал населения через оценку миграционных установок населения и характеристику «выталкивающих» факторов из страны/региона проживания и «притягивающих» факторов в страну/регион прибытия [22]. М.Б. Денисенко и В.И. Мукомель в большей мере акцентируют внимание на социально-экономических факторах миграционного потенциала и трудовой занятости населения [23].

Спецификой работ зарубежных исследователей является повышенное внимание к социальному благополучию отдельных социально-демографических групп населения, например, пожилого возраста [24], школьников [25] и др.

Использование вышеприведённых методологических подходов на примере Республики Башкортостан позволило нам в предыдущих исследованиях выявить, что миграционный потенциал, т.е. готовность жителей уехать из своего населённого пункта или, наоборот, остаться в нём являются наиболее чувствительными индикаторами их социального благополучия [26]. Мы обратили внимание и на то, что на горизонтальную мобильность населения, кроме социально-экономических и социально-трудовых факторов, существенно влияют также культурный капитал и уровень образования [27].

В контексте целей и задач нашей статьи, представляется очень важным следовать предостережению Л.Л. Рыбаковского о том, что между установкой мигрировать и реальной миграцией есть большая разница: потенциальных мигрантов как правило больше, чем реальных мигрантов [28, с. 33–34]. В данной статье мы исходим из такого подхода и ставим задачу выявить не только тех, кто намерен мигрировать из региона, но и тех, кто готов остаться жить дальше в своём регионе.

Данные и методы

В данной статье наш анализ выходит за пределы одного региона и включает использование результатов всероссийского социологического исследования в следующих субъектах Российской

Федерации: Республике Башкортостан (N=513 чел.), Свердловской области (N=400 чел.), Вологодской области (N=400 чел.), Курской области (N=400 чел.) и Тюменской области (N=400 чел.). Для построения регрессионных моделей дополнительно были использованы данные опроса и в Пермском крае (N=401 чел.). Выборка опроса квотная по полу, возрасту и типу поселения³.

В целях выявления влияния факторов социального благополучия на потенциал миграции населения вышеупомянутых регионов мы построили ординальные логистические регрессионные модели (ordinal regression). Данный метод использовался по той причине, что зависимая переменная представляет собой порядковую шкалу, а независимые переменные относятся к категориальному типу, как и зависимая. Это обусловило выбор логистической регрессии, которая лучше всего подходит для выявления влияния категориальных переменных на зависимую переменную, представляющую собой порядковую шкалу субъективных оценок респондентов.

В качестве зависимой переменной взяты ответы на вопрос в анкете «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?». В целях сравнения степени и особенностей влияния факторов социального благополучия населения рассматриваемых пяти регионов России на потенциал миграции местного населения, мы выделили две группы респондентов по отношению к своему региону. В первую группу включены респонденты, которым нравится жить в своём регионе и желают остаться в нём (варианты ответов: «Я рад, что живу здесь» и «В целом я доволен, но многое не устраивает»). Во вторую – которым не нравится жить в своём населённом пункте и желают уехать из региона («Хотел бы вообще уехать из России»; «Хотел бы уехать в другой регион России»), а также те респонденты, которые относятся к своему региону нейтрально («Не испытываю особых чувств по этому поводу», «Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать»). Таким образом, мы сравниваем ответы тех респондентов, которым нравится жить в своём регионе, с теми, кому не нравится жить в своём регионе или не испытывают особых чувств к нему/отсутствует желание оставаться жить в своём регионе. Для сравнения ответов двух групп применялись таблицы сопряженности и тест Хи-квадрат.

³ Настоящий этап исследования в рамках всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России» выполнен в 2023-2024 гг. под рук. Л.А. Беляевой и А.А. Шабунновой. Организаторы социологического опроса в российских регионах: Тюменская обл., (Г.Ф. Ромашкина, Е.В. Андрианова), Курская обл., (Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец), Вологодская обл., (М.А. Груздева, О.Н. Калачикова, А.Н. Гордиевская), Свердловская обл., (А.Н. Тарасова), Республика Башкортостан (Р.М. Валиахметов, М.С. Туракаев), Пермский край (Ю.С. Маркова).

Результаты

Миграционная ситуация и миграционный потенциал населения Республики Башкортостан, Свердловской, Вологодской, Курской и Тюменской областей

Как видно из рисунка 1 самая благополучная миграционная ситуация среди пяти анализируемых регионов страны наблюдается в Тюменской области. Самая неблагополучная миграционная ситуация – в Вологодской области. Во всех рассматриваемых регионах, кроме Курской области, по результатам 2021 года показатель сальдо миграции улучшался. Это связано с отложенными планами населения уехать из региона на постоянное место жительства в другой регион или страну, а также с людьми, которые вернулись в регион во время пандемии коронавируса. В 2022 году миграционная ситуация в этих регионах ухудшилась из-за политической обстановки в стране, связанной с СВО и последующей мобилизацией мужского населения. В 2023 году ситуация во всех пяти регионах стала улучшаться.

Из этих пяти регионов в 2023 году⁴ только в Тюменской области наблюдался рост численности населения как за счёт естественного, так и за счёт миграционного приростов населения региона. Из других регионов России приехало в Тюменскую область 13 084 человек, а уехало в другие регионы 12 153 человек. Из-за рубежа приехало 7 645 человек, а уехало 4 949 человек. В Курской и Свердловской области численность населения сократилась за счёт превышения естественной убыли над миграционным приростом населения регионов. В Курской области миграционный прирост за 2023 год составил 1 691 человек, в том числе за счёт миграции с другими регионами (-284 чел.) и другими странами (+1 975 чел.). В Свердловской области статистика миграционного прироста зафиксировала за 2023 г. 1 153 человека, при этом разница между прибывшими и убывшими между регионами составляет -1 883 человека, а между странами +3 036 человек. В Республике Башкортостан и Вологодской области численность населения сократилась за счёт естественной убыли и миграционного оттока населения этих регионов. В Вологодской области и Республике Башкортостан миграционная убыль населения произошла в основном за счёт межрегиональной миграции и составила -798 и -926 человек соответственно. В Башкортостане межрегиональное сальдо миграции составляет -2 457 человек и международное сальдо миграции +1 531 человек, в Вологодской области -1 078 и +280 человек соответственно.

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 30.07.2024).

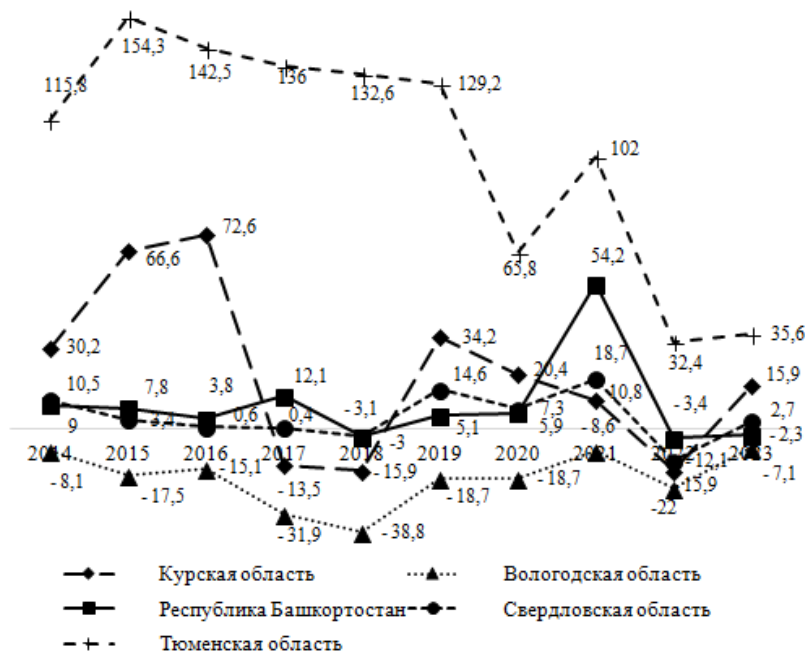

Рисунок 1. Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. человек) в рассматриваемых регионах России за последние 10 лет, чел.

Figure 1. Migration Growth Rate (per 10 Thousand People) in the Russian Regions over the Past 10 Years, People

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 30.07.2024).

Среди опрошенных регионов наибольшая доля респондентов, которые «рады, что живут здесь» приходится на Тюменскую область (64,6%) и Республику Башкортостан (54,1%). Доля желающих уехать из региона самая высокая среди опрошенных жителей Свердловской (9,3%) и Курской (9,2%) областей. В этих же регионах наряду с Вологодской областью сравнительно низкие проценты респондентов, которые «рады жить здесь»: Свердловская (41,2), Курская (41,7%), Вологодская (42,4%) области.

На основании показателя миграционного прироста населения на 10 тыс. человек за последние 10 лет и результатов опроса можно однозначно утверждать, что миграционная ситуация в Тюменской области наилучшая по сравнению с Республикой Башкортостан, Курской, Свердловской и Вологодской областями. Наихудшая ситуация наблюдается в Вологодской области.

Влияние субъективных оценок основных сфер жизни своего региона на миграционный потенциал населения Республики Башкортостан, Свердловской, Вологодской, Курской и Тюменской областей

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что отрицательная оценка респондентами работы общественного транспорта, муниципальных поликлиник, благоустройства территории, возможностей для досуга и экологической ситуации повышает вероятность их переезда из региона. И, наоборот, положительные оценки повышают их вероятность остаться в своём регионе. При этом на этих данных невозможно сделать выводы о влиянии доступности образования и работы ЖКХ на потенциал миграции, т.к. коэффициенты регрессии статистически незначимы.

Таблица 1

Влияние оценок респондентов на вероятность мигрировать из своего региона

Table 1

The Impact of Estimates of the Respondents on the Likelihood of Migrating from This Region

Независимые переменные (модель 1)	Оценка	Ст. Ош.
Как Вы оцениваете в своём регионе?		
... работу общественного транспорта		
«Плохо»	0,348*	0,107
«Скорее плохо»	0,249*	0,083

Независимые переменные (модель 1)	Оценка	Ст. Ош.
... работу муниципальных поликлиник		
«Скорее плохо»	0,175**	0,081
«Скорее хорошо»	-0,201**	0,081
... благоустройство территории (уборка улиц и прочее)		
«Скорее плохо»	0,236**	0,087
... возможности для проведения досуга		
«Плохо»	0,414*	0,140
«Скорее плохо»	0,210**	0,091
«Скорее хорошо»	-0,215**	0,078
... доступность медицинских услуг, в том числе высокотехнологичных		
«Скорее хорошо»	0,209**	0,081
...экологию		
«Плохо»	0,505*	0,105
«Скорее хорошо»	-0,150**	0,074
... работу органов внутренних дел по соблюдению правопорядка		
«Скорее хорошо»	-0,230*	0,076

Примечание: * $p < 0,01$; ** $p < 0,05$. Статистически незначимые оценки не указаны в таблице.

Источник: База данных Социокультурный портрет регионов России–2023.

Разница между ответами респондентов, желающими остаться в регионе, и другими (нейтрально относящимися к региону и желающими уехать из него) говорит о том, насколько сильно в каждом отдельно взятом регионе тот или иной рассматриваемый фактор влияет на потенциал миграции местного населения (см. таблицу 2). Наибольшая разница между группами в положительных оценках работы общественного транспорта наблюдается среди населения Башкортостана (31,9%, Хи-квадрат = 32,8, $p < 0,05$), Свердловской (20,6%, Хи-квадрат = 11,5, $p < 0,05$) и Курской (16,8%, Хи-квадрат = 8,8, $p < 0,05$) областей. Наименьшая разница в оценках работы общественного транспорта – в Вологодской (4,9%, Хи-квадрат = 0,8, $p > 0,05$) и Тюменской (7,5%, Хи-квадрат = 2,5, $p > 0,05$) областях. Причём желающие остаться жить в Вологодской области на 4,9% меньше удовлетворены работой общественного транспорта, чем желающие уехать из области и те, у кого отсутствует желание оставаться жить на постоянной основе в своём регионе. Оценка благоустройства территории в наибольшей мере влияет на потенциал миграции населения Вологодской области (24,6%, Хи-квадрат = 19,0, $p < 0,05$) и Курской области (23,8%, Хи-квадрат = 20,3, $p < 0,05$). В остальных регионах различий в положительных оценках данного фактора сравнительно меньше: Свердловская область (21,3%, Хи-квадрат = 12,5, $p < 0,05$), Тюмен-

ская область (18,1%, Хи-квадрат = 10,0, $p < 0,05$) и Республика Башкортостан (15%, Хи-квадрат = 7,8, $p < 0,05$).

Уровень удовлетворённости респондентов различными сферами жизни в своём регионе различается по регионам. Так, в Башкортостане, Свердловской и Курской областях влияние этих факторов выше, чем в Вологодской и Тюменской областях. В последних двух областях различия в ответах желающих остаться в своём регионе и всех остальных групп респондентов (желающих уехать из региона и тех, у кого отсутствует желание остаться в своём регионе) либо небольшие, либо статистически не значимые. При этом жители Тюменской области оценили выше по сравнению с остальными сравниваемыми регионами работу общественного транспорта, муниципальных поликлиник, ЖКХ, органов внутренних дел по соблюдению правопорядка, благоустройство территории, возможности для проведения досуга, доступность медицинских услуг и экологию в своём регионе. Экологическая ситуация вносит больший вклад в потенциал миграции в Вологодской и Свердловской областях. Работа ЖКХ – в Башкортостане и Тюменской области. Работа органов внутренних дел и доступность медицинских услуг – в Башкортостане и Свердловской области. Досуг – в Курской области. Благоустройство территории – в Вологодской и Курской областях.

Таблица 2

Положительные оценки респондентов некоторых сфер жизни в своем регионе, % от всех ответивших

Table 2

Positive Assessments of Some Areas of Life in the Region, % of All Respondents

Группы / подвопросы	Работу общественного транспорта	Работу муниципальных поликлиник	Благоустройство территории (уборка улиц и прочее)	Доступность образования	Возможности для проведения досуга	Доступность медицинских услуг, в том числе высокотехнологичных	Экология	Работа ЖКХ	Работа органов внутренних дел по соблюдению правопорядка
Республика Башкортостан									
Желающие уехать из региона и те, у кого это желание отсутствует	31,3	31,6	53,1	60,8	52,0	33,7	54,0	43,3	55,8
Желающие остаться в регионе	63,2	59,9	68,1	81,4	73,9	54,5	73,8	63,8	80,4
Все группы	56,8	54,2	65,1	77,3	69,5	50,3	69,8	59,8	75,5
Вологодская область									
Желающие уехать из региона и те, у кого это желание отсутствует	77,8	49,4	51,9	70,4	65,4	43,2	38,3	37,0	66,7
Желающие остаться в регионе	72,9	62,1	76,5	77,1	71,2	46,4	63,7	49,0	76,5
Все группы	73,9	59,4	71,3	75,7	70,0	45,7	58,4	46,5	74,4
Курская область									
Желающие уехать из региона и те, у кого это желание отсутствует	45,9	37,8	50,4	70,6	55,2	39,4	54,6	40,0	66,0
Желающие остаться в регионе	62,7	56,0	74,2	87,5	81,6	53,7	60,0	55,3	77,8
Все группы	57,5	50,5	67,1	82,6	74,0	49,5	58,4	50,6	74,5
Свердловская область									
Желающие уехать из региона и те, у кого это желание отсутствует	34,1	24,7	38,6	64,8	53,4	18,6	23,0	28,4	43,7
Желающие остаться в регионе	54,7	42,0	59,9	79,9	75,2	39,7	43,8	41,8	62,8
Все группы	50,0	38,2	55,1	76,4	70,2	35,0	39,1	38,7	58,4
Тюменская область									
Желающие уехать из региона и те, у кого это желание отсутствует	83,0	49,0	67,3	61,7	64,0	46,9	70,0	43,8	68,1
Желающие остаться в регионе	90,5	63,9	85,4	78,5	81,8	60,4	73,9	66,2	77,1
Все группы	89,6	61,9	83,1	76,3	79,5	58,6	73,4	63,3	75,9
Всего									
Желающие уехать из региона и те, у кого это желание отсутствует	50,2	37,3	50,8	66,1	57,1	35,5	46,7	38,2	59,2
Желающие остаться в регионе	69,1	57,2	72,8	80,7	76,5	51,2	64,0	55,9	75,2
Все группы	65,1	53,0	68,2	77,6	72,5	47,9	60,3	52,1	71,9

Примечание: Сумма вариантов ответа «Скорее хорошо» и «В целом хорошо» на вопрос «Как Вы оцениваете в Вашем регионе?».

Источник: База данных Социокультурный портрет регионов России–2023.

Уровень удовлетворённости респондентов различными сферами жизни в своём регионе различается по регионам. Так, в Башкортостане, Свердловской и Курской областях влияние этих факторов выше, чем в Вологодской и Тюменской областях. В последних двух областях различия в ответах желающих остаться в своём регионе и всех остальных групп респондентов (желающих уехать из региона и тех, у кого отсутствует желание остаться в своём регионе) либо небольшие, либо статистически незначимые. При этом жители Тюменской области оценили выше по сравнению с остальными сравниваемыми регионами работу общественного транспорта, муниципальных поликлиник, ЖКХ, органов внутренних дел по соблюдению правопорядка, благоустройство территории, возможности для проведения досуга, доступность медицинских услуг и экологию в своём регионе. Экологическая ситуация вносит большой вклад в потенциал миграции в Вологодской и Свердловской областях. Работа ЖКХ – в Башкортостане и Тюменской области. Работа органов внутренних дел и доступность медицинских услуг – в Башкортостане и Свердловской области. Досуг – в Курской области. Благоустройство территории – в Вологодской и Курской областях.

Стоит отметить, что опрошенные местные жители рассматриваемых регионов, которые возлагают ответственность за улучшение своей жизни на региональные власти, меньше готовы уехать из региона на постоянное место жительства (вариант ответа «Пожалуй, зависит»: оценка = -0,251; ст. ошибка = 0,114), чем те респонденты, которые придерживаются противоположного мнения по этому вопросу (вариант ответа «Пожалуй, не зависит»: оценка = 0,465; ст. ошибка = 0,153)⁵.

Влияние чувства близости с людьми и уровня доверия людям на миграционный потенциал населения Республики Башкортостан, Свердловской, Вологодской, Курской и Тюменской областей

Чувство общности / близости с жителями своего населенного пункта и региона также влияет на потенциал миграции. Под социальной близостью мы понимаем субъективную оценку степени близости / общности с людьми определённого территориального сообщества, которое может быть обусловлено как реальным опытом взаимодействия (миграции), так и стереотипами об этом сообществе. Этот подход отличается от определения близости (ментальной близости) как предпочтений одних географических объектов другим, основанном на различиях в символическом капитале; временной географической близости (временное пребывание в другом месте, например, вахтовая миграция) и отложенной географической близости (планы на миграцию) [29]. Если респондент ощущает близость в первую очередь с жителями своего поселения, в котором живёт, то это снижает вероятность переезда из региона (см. таблицу 3). При этом не было обнаружено связи потенциала миграции населения регионов России с общностью людей с жителями бывших республик СССР, жителями всей земли и людьми в виртуальном пространстве.

Кроме чувства близости с людьми, на миграционный потенциал влияет уровень доверия к людям или, социальный капитал в более широком контексте. Чем больше респонденты доверяют другим людям, тем выше вероятность, что они останутся жить в своём нынешнем регионе постоянного проживания.

Таблица 3

Влияние чувства близости с людьми и уровня доверия людям на миграционный потенциал населения регионов России

Table 3

The Influence of a Sense of Closeness with People and the Level of Trust in People on the Migration Potential of the Population of Russian Regions

Независимые переменные	Оценка	Ст. Ош.	
«В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («своё»–«чужое») с такими людьми?» ⁶ (модель 1)			
«Жители поселения, в котором я живу»	«Своё»	-0,855*	0,112
	«Близкое, но не своё»	-0,278**	0,105
	«Далёкое, но не чужое»	0,448*	0,147
«Жители всего моего региона»	«Своё»	-0,338**	0,126
	«Безразлично»	0,342*	0,120
«Жители всей России»	«Своё»	-0,249**	0,119

⁵ На вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит:» предлагались следующие варианты ответа: «Полностью зависит»; «Пожалуй, зависит»; «Не могу сказать точно»; «Пожалуй, не зависит»; «Совсем не зависит».

⁶ Варианты ответа на вопрос: «Своё», «Близкое, но не своё», «Безразлично», «Далёкое, но не чужое», «Чужое».

Окончание таблицы 3

Независимые переменные	Оценка	Ст. Ош.
«В целом, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми? Дайте один ответ по шкале от 0 до 10, где «0» означает, что даже излишняя осторожность не помешает, а «10» – большинству людей можно доверять» (модель 2)		
1 балл	0,44*	0,16
2 балла	0,34*	0,16
4 балла	0,30*	0,13
8 баллов	-0,26*	0,12
9 баллов	-0,60*	0,23

Примечание: * $p < 0,01$; ** $p < 0,05$. Статистически незначимые оценки не указаны в таблице.

Источник: База данных Социокультурный портрет регионов России–2023.

81,1% ответивших жителей Вологодской области чувствуют близость с жителями своего поселения (варианты ответов «Своё» и «Близкое, но не своё»). Таковых среди ответивших респондентов Республики Башкортостан – 80,5%, Тюменской области – 79,3%, Свердловской области – 74,2% и Курской области – 72,5%. Чувствуют близость с жителями своего региона 69,2% ответивших жителей Башкортостана, 66,6% – Тюменской области, 66,1% – Вологодской области, 62,6% – Курской области и 62,4% ответивших жителей Свердловской области. Чувствуют близость с жителями всей России 64,3% ответивших респондентов Башкортостана, 60% – Свердловской области, 58,4% – Тюменской области, 58% – Курской области и 51,2% ответивших респондентов Вологодской области.

Чувство близости с жителями своего населённого пункта постоянного проживания примерно одинаково влияет на желание остаться местных жителей в Республике Башкортостан (разница в ответах желающих остаться и остальных респондентов составляет 29,6%, Хи-квадрат = 46,6, $p < 0,05$), в Курской области (29,3%, Хи-квадрат = 38,9, $p < 0,05$), в Свердловской области (33,3%, Хи-квадрат = 39,8, $p < 0,05$) и в Тюменской области (28,5%, Хи-квадрат = 25,7, $p < 0,05$). В Вологодской области разница в ответах гораздо меньше и составляет 13,6% (Хи-квадрат = 9,2, $p < 0,05$). Чувство близости с жителями своего региона в наибольшей мере влияет на желание местных жителей остаться в Республике Башкортостан (40,1%, Хи-квадрат = 68,5, $p < 0,05$), в Тюменской области (35,6%, Хи-квадрат = 35,9, $p < 0,05$) и в Свердловской области (33,6%, Хи-квадрат = 36,7, $p < 0,05$). В Курской области (21,1%, Хи-квадрат = 18,4, $p < 0,05$) и Вологодской области (18,0%, Хи-квадрат = 9,5, $p < 0,05$) этот фактор играет меньшую роль в миграционном потенциале населения региона. Чувство близости с жителями всей страны наибольшую роль играет для желающих остаться жить в Башкор-

гостане (38,9%, Хи-квадрат = 55,7, $p < 0,05$). Сравнительно меньше этот фактор проявляется для желающих остаться жить в Свердловской области (24,7%, Хи-квадрат = 18,7, $p < 0,05$) и в Тюменской области (21,8%, Хи-квадрат = 15,3, $p < 0,05$). А для желающих остаться в Вологодской области (14,7%, Хи-квадрат = 9,6, $p < 0,05$) и в Курской области (13,3%, Хи-квадрат = 11,0, $p < 0,05$) данный фактор уже почти незначим.

В Курской, Свердловской и Тюменской областях фактор доверия людям имеет большее влияние на миграционный потенциал местного населения каждого отдельно упомянутого региона. Различия в ответах респондентов, желающих остаться в регионе, и остальных ответивших на этот вопрос (желающих уехать из региона, а также не испытывающих особых чувств к своему региону) самые существенные и статистически значимые, согласно критерию Манна-Уитни. В Курской области среднее значение уровня доверия людям среди желающих остаться в регионе составляет 0,78 пунктов, в Свердловской области – 0,84 пункта и Тюменской области – 0,93 пункта. По Башкортостану (0,16 пунктов) и Вологодской области (0,02 пункта) различия в средних значениях меньше и статистически незначимы. При этом самый высокий показатель доверия людям среди всех ответивших респондентов Республики Башкортостан составляет 5,45 пунктов. Этот показатель среди всех ответивших жителей Вологодской области составляет 5,31 пункта, Курской области – 5,01 пункта, Свердловской области – 4,92 пункта и Тюменской области – 4,82 пункта.

Материальное положение и социально-трудовые факторы миграционного потенциала населения Республики Башкортостан, Свердловской, Вологодской, Курской и Тюменской областей

Респонденты, ставящие в приоритет «приличный заработок» в своей жизни, обладают срав-

нительно большим миграционным потенциалом, чем респонденты, для которых главное – это семья или работа (см. таблицу 4). Данная зависимость подтверждается ответами респондентов на другой вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» Респонденты, которые выбирают работу, позволяющую «Хорошо зарабатывать, пусть даже это будет стоить много времени и сил» и «Много зарабатывать, пусть даже без осо-

бых гарантий на будущее», сравнительно меньше склонны остаться жить в своём регионе. В то же время представители самой низкодоходной группы больше готовы к смене региона постоянного проживания. Это касается и тех семей, которые «стали жить несколько хуже» за последний год. Удовлетворённость работой и уверенность в том, что семья «в ближайшем году будет жить лучше» удерживает людей в регионе.

Таблица 4

Влияние материального положения и социально-трудовых факторов на миграционный потенциал населения регионов России

Table 4

The Influence of Financial Situation and Social and Labor Factors on the Migration Potential of the Population of Russian Regions

Независимые переменные	Оценка	Ст. Ош.
«В какой области находятся Ваши главные интересы?» ⁷ (модель 1)		
«Мои главные интересы связаны, прежде всего, с моей работой»	-0,453*	0,102
«Мои главные интересы в семье и доме»	-0,522*	0,069
«Главное дело – обеспечить приличный заработок»	0,500*	0,110
«Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» ⁸ (модель 2)		
«Иметь пусть небольшой, но стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне»	-0,586*	0,074
«Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более лёгкую работу»	-0,194**	0,095
«Хорошо зарабатывать, пусть даже это будет стоить много времени и сил»	0,165**	0,069
«Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее»	0,370*	0,106
«Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?» ⁹ (модель 3)		
«Денег не хватает на повседневные затраты»	0,31	0,13
«Вы удовлетворены своей работой?» ¹⁰ (модель 4)		
«Удовлетворён(а)»	-0,897*	0,082
«Скорее, удовлетворён(а)»	-0,362*	0,075
«Скорее, не удовлетворён(а)»	0,537*	0,115
«Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» ¹¹ (модель 5)		
«Стали жить несколько лучше»	-0,323*	0,083
«Ничего не изменилось»	-0,271*	0,071
«Стали жить несколько хуже»	0,443*	0,087

Примечание: * $p < 0,01$; ** $p < 0,05$. Статистически незначимые оценки не указаны в таблице.

Источник: База данных Социокультурный портрет регионов России–2023.

Главные интересы, связанные с работой, выбирают 15,5% всех ответивших респондентов Свердлов-

⁷ Варианты ответа, не указанные в таблице: «Главные интересы в области учёбы, образования, повышения квалификации», «Для меня самое важное – это общение с определённым кругом людей», «Для меня главное – мои духовные интересы, культура».

⁸ В таблице не указан вариант ответа: «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск».

⁹ Варианты ответа на вопрос: «Денег не хватает на повседневные затраты», «На повседневные затраты уходит вся зарплата», «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна», «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг», «Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи», «Практически ни в чём себе не отказываем».

ловской области, 14,8% – Республики Башкортостан, 13,9% – Тюменской области, 12,8% – Курской области и 10,3% ответивших жителей Вологодской области. 68,7% всех ответивших жителей Вологодской области отметили приоритетную важность «главных интересов в семье и доме». Таковых среди всех ответивших респондентов Тюменской области – 63,4%, Курской области –

¹⁰ Варианты ответа на вопрос: «Удовлетворён(а)», «Скорее, удовлетворён(а)», «Не могу сказать точно», «Скорее, не удовлетворён(а)», «Не удовлетворён(а)».

¹¹ Варианты ответа на вопрос: «Стали жить намного лучше», «Стали жить несколько лучше», «Ничего не изменилось», «Стали жить несколько хуже», «Стали жить намного хуже».

62,6%, Башкортостана – 60,4% и Свердловской области – 53,5%. Обеспечить в первую очередь приличный заработок важно 12,7% всем ответившим респондентам Свердловской области, 11,8% – Республики Башкортостан, 9,3% – Тюменской области, 8,7% – Курской области и 7,5% ответившим жителям Вологодской области.

В Башкортостане на желание местного населения остаться жить в республике больше всего влияют ценности «Мои главные интересы связаны, прежде всего, с моей работой» (желающих остаться в республике, которые выбрали эту ценность, на 10% больше тех, у кого отсутствует желание остаться жить в республике), «Главное дело – обеспечить приличный заработок» (желающих остаться в республике, которые выбрали эту ценность, больше на 21,7%) и «Мои главные интересы в семье и доме» (желающих остаться в республике, которые выбрали эту ценность, больше на 19,7%) (Хи-квадрат = 47,9, $p < 0,05$). В Вологодской области на желание местного населения остаться жить в регионе больше всего влияют главные интересы «в семье и доме» (желающих остаться в области, которые выбрали эту ценность, на 22,9% больше тех, у кого отсутствует желание оставаться жить в области), а на отсутствие желания населения оставаться в регионе влияют интересы «в области учёбы, образования, повышения квалификации» (желающих остаться в области, которые выбрали эту ценность, на 14,3% больше тех, у кого отсутствует желание оставаться жить в этом регионе) (Хи-квадрат = 26,4, $p < 0,05$). В Курской области на желание местного населения остаться жить в регионе влияют интересы «в семье и доме» (желающих остаться в области, которые выбрали эту ценность, на 8,3% больше тех, у кого отсутствует желание оставаться жить в этом регионе), а на отсутствие этого желания – интересы «обеспечить приличный заработок» (желающих остаться жить в области, которые выбрали эту ценность, на 5,7% больше тех, у кого отсутствует желание оставаться жить в этом регионе) (Хи-квадрат = 4,4, $p > 0,05$). В Тюменской и Свердловской областях различия в ответах желающих остаться в регионе и остальных респондентов, желающих уехать из региона или безразличных к региону, на подвопросы «Мои главные интересы в семье и доме» (20 и 13,5% соответственно) и «Главное дело – обеспечить приличный заработок» (12,3 и 9,2% соответственно) статистически незначимы (Хи-квадрат по Тюменской области = 12,4, $p > 0,05$ и Хи-квадрат по Свердловской области = 8,7, $p > 0,05$). Таким образом, выбор семьи способствует тому, что респонденты хотят остаться в своём регионе, а выбор приличного заработка, наоборот, приводит к желанию уехать из региона или отсутствию желания оставаться в регионе.

«Иметь пусть небольшой, но стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне» пред-

почитают 36,3% ответивших жителей Тюменской области, 35,2% – Курской области, 32% – Республики Башкортостан, 28,7% – Свердловской области и 21,8% ответивших жителей Вологодской области. «Хорошо зарабатывать, пусть даже это будет стоить много времени и сил» предпочитают 34,4% ответивших жителей Курской области, 33,7% – Тюменской области, 32,8% – Вологодской области, 32,5% – Свердловской области и 31,4% ответивших жителей Башкортостана. «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» хотели бы 15,4% всех ответивших респондентов Свердловской области, 12,7% – Тюменской области, 12,2% – Курской области, 11,8% – Башкортостана и 8,1% ответивших респондентов Вологодской области.

Существенным фактором желания остаться в своём регионе для населения Республики Башкортостан, Вологодской, Курской и Тюменской областей является предпочтение «Иметь пусть небольшой, но стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне». Желающих остаться в Башкортостане, которые отметили такой вариант, на 22,1% больше тех, кто не проявляет желания остаться жить в республике (Хи-квадрат = 21,2, $p < 0,05$), в Тюменской области таковых 17,9% (Хи-квадрат = 19,7, $p < 0,05$), в Курской области – 16,3% (Хи-квадрат = 15,1, $p < 0,05$) и в Вологодской области – 10,2% (Хи-квадрат = 4,7, $p > 0,05$). В Свердловской области этот фактор имеет сравнительно меньшее значение (желающих остаться в области, которые отметили такой вариант, на 6,4% больше тех, кто не проявляет желания остаться жить в этом регионе, Хи-квадрат = 11,2, $p < 0,05$), а предпочтение «Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более лёгкую работу» (эта разница в ответах респондентов составляет 9,2%) – наибольшее значение для региона.

В Башкортостане и Курской области значимыми факторами отсутствия желания местного населения остаться в своём регионе являются предпочтения «Хорошо зарабатывать, пусть даже это будет стоить много времени и сил» (желающих остаться в регионе, которые отметили такой вариант, на 11,6% и 9,4% соответственно больше тех, кто не проявляет желания остаться жить в своём регионе) и «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» (эта разница в ответах составляет 10 и 8,4% соответственно). В Тюменской области таким фактором отсутствия желания местного населения остаться в своём регионе стало предпочтение «Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее» (желающих остаться в области, которые отметили такой вариант, на 16,3% больше тех, кто не проявляет желания остаться жить в своей области), в Свердловской области –

«Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» (эта разница в ответах составляет 10,7%).

При сравнении ответов респондентов, желающих остаться жить в своём регионе, и тех, у кого такое желание отсутствует, мы не выявили влияния субъективных оценок материального положения своей семьи на желание местного населения остаться в своём регионе. Однако положительные ответы на другой вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» в наибольшей мере влияют на желание респондентов остаться в Республике Башкортостан (желающие остаться в республике на 16,3% чаще отвечали, что стали жить лучше), Свердловской области (желающие остаться в области на 10,5% чаще отвечали, что стали жить лучше) и Курской области (желающие остаться в области на 6,5% чаще отвечали, что стали жить лучше). Среди всех ответивших респондентов сказали, что стали жить лучше 40,6% жителей Республики Башкортостан, 30,7% жителей Тюменской области, 30,5% жителей Свердловской области, 26,2% жителей Вологодской области и 25,9% жителей Курской области.

Удовлетворены своей работой 70,5% ответивших жителей Вологодской области, 70,1% – Курской области, 64,8% – Республики Башкортостан, 63,6% – Тюменской области и 60,8% всех ответивших жителей Свердловской области. Удовлетворённость своей работой наибольшее влияние оказывает на желание опрошенных местных жителей остаться жить в Свердловской области. Желающие остаться в области на 26% больше удовлетворены своей работой, чем желающие уехать или те, у кого отсутствует желание остаться в регионе (Хи-квадрат = 20, $p < 0,05$). Эта разница в ответах респондентов в Республике Башкортостан нена-

много меньше и составляет 25,4% (Хи-квадрат = 28,2, $p < 0,05$), в Тюменской области – 22,7% (Хи-квадрат = 12,7, $p < 0,05$) и в Курской области – 18,4% (Хи-квадрат = 12,3, $p < 0,05$). В Вологодской области желающие остаться в области на 13,5% больше удовлетворены своей работой, чем желающие уехать из неё или те, у кого отсутствует желание остаться в области (Хи-квадрат = 6,5, $p < 0,05$).

Удовлетворённость жизнью и уверенность в будущем как факторы миграционного потенциала населения Республики Башкортостан, Свердловской, Вологодской, Курской и Тюменской областей

Очевидно, что изменение жизни в лучшую сторону способствует желанию местного населения остаться жить в своём регионе. Эта зависимость отчётливее всего проявляется среди опрошенных жителей Республики Башкортостан, Свердловской и Курской областей. В Башкортостане среди желающих остаться в своём регионе на 16,5% больше тех, у кого жизнь улучшилась (Хи-квадрат = 12,9, $p < 0,05$). В Свердловской области таковых 10,5% (Хи-квадрат = 9,8, $p < 0,05$), а в Курской области 6,5% (Хи-квадрат = 4,1, $p > 0,05$). Среди респондентов Тюменской и Вологодской областей наблюдается только сравнительно большее отсутствие желания оставаться в регионе среди тех, у кого жизнь ухудшилась (6,7 и 10,9% соответственно) (Хи-квадрат по Тюменской области = 1,4, $p > 0,05$ и Хи-квадрат по Вологодской области = 4,2, $p > 0,05$).

Как мы видим из таблицы 5, чем выше уровень удовлетворённости своей жизнью в целом и уверенность в будущем, тем ниже вероятность опрошенных жителей переехать из региона постоянного проживания.

Таблица 5

Влияние удовлетворенности жизнью и уверенности в будущем на миграционный потенциал населения регионов России

Table 5

The Influence of Life Satisfaction and Confidence in the Future on the Migration Potential of the Population of Russian Regions

Независимые переменные	Оценка	Ст. Ош.
«Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» ¹² (модель 1)		
«Полностью удовлетворены»	-1,294*	0,098
«Скорее, удовлетворены»	-0,486*	0,072
«Не очень удовлетворены»	0,535*	0,096
«Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своём будущем?» ¹³ (модель 2)		
«Вполне уверен(а)»	-1,006*	0,089
«Скорее, уверен(а), чем нет»	-0,317*	0,067
«Скорее, не уверен(а), чем уверен»	0,620*	0,087

Примечание: * $p < 0,01$; ** $p < 0,05$. Статистически незначимые оценки не указаны в таблице.

Источник: База данных Социокультурный портрет регионов России–2023.

¹² Варианты ответа на вопрос: «Полностью удовлетворены», «Скорее, удовлетворены», «Затрудняюсь сказать точно», «Не очень удовлетворены», «Совсем не удовлетворены».

¹³ Варианты ответа на вопрос: «Вполне уверен(а)», «Скорее, уверен(а), чем нет», «Не могу сказать точно», «Скорее, не уверен(а), чем уверен», «Совершенно не уверен (а)».

Уверенность в будущем и оценка своего будущего по-разному проявляются в региональной перспективе. Желающие остаться жить в Башкортостане на 30,5% больше уверены в своём будущем, чем желающие уехать из республики и те, у кого нет желания оставаться в регионе (Хи-квадрат = 41,1, $p < 0,05$). Желающие остаться в Курской области на 24,6% больше уверены в своём будущем, чем остальные респонденты (Хи-квадрат = 31,8, $p < 0,05$). В Вологодской области эта разница составляет 19,2% (Хи-квадрат = 9,6, $p < 0,05$), в Тюменской области – 16,2% (Хи-квадрат = 16,6, $p < 0,05$), в Свердловской области – 12,4% (Хи-квадрат = 9,8, $p < 0,05$).

Удовлетворённость жизнью в целом больше всего влияет на желание респондентов остаться жить на постоянной основе в Республике Башкортостан (желающие остаться в регионе на 25,3% больше удовлетворены своей жизнью, чем желающие уехать из региона и те, у кого это желание отсутствует, Хи-квадрат = 31,9, $p < 0,05$), в Свердловской области (желающие остаться в регионе на 25,2% больше остальных удовлетворены своей жизнью, Хи-квадрат = 31,4, $p < 0,05$), в Курской области (желающие остаться в регионе на 21,9% больше остальных удовлетворены своей жизнью, Хи-квадрат = 24,3, $p < 0,05$) и в Вологодской области (желающие остаться в регионе на 18,7% больше остальных удовлетворены своей жизнью, Хи-квадрат = 9,8, $p < 0,05$). В Тюменской области этот показатель меньше всех и составляет 13,2% (Хи-квадрат = 5,2, $p > 0,05$).

Уверены в своём будущем 64,1% ответивших респондентов Республики Башкортостан, в Курской области – 59,1%, Тюменской области – 55,5%, Вологодской области – 53,5% и Свердловской области – 41,4%. Удовлетворены своей жизнью в целом 76,5% ответивших на вопрос жителей Республики Башкортостан, в Курской области – 74%, Тюменской области – 71,1%, Свердловской области – 61,6% и Вологодской области – 60,5%.

Выводы

Сравнительное исследование субъективного социального благополучия как фактора миграционного потенциала населения в пяти российских регионах показало следующее. Чем выше уровень удовлетворённости жителей Свердловской, Тюменской, Вологодской, Курской области и Респуб-

лики Башкортостан своей работой, материальным положением и жизнью в целом, чем больше их уверенность в своём будущем, тем выше вероятность того, что они останутся жить в своём регионе, и, следовательно, меньше становится оснований и причин выехать на постоянное место жительства в другой регион или страну. Стремление респондентов «хорошо» или «много» зарабатывать выталкивает их из своего региона и не способствует желанию остаться жить в нём на постоянной основе. Данная зависимость прослеживается во всех пяти исследованных регионах страны.

Вместе с тем, степень влияния факторов социального благополучия на желание или готовность жителей пяти субъектов РФ остаться жить в своём регионе или уехать из него различаются в зависимости от региона. В Вологодской и Тюменской областях рассмотренные факторы социального благополучия оказывают сравнительно меньшее влияние на миграционный потенциал населения этих регионов. Совокупность факторов социального благополучия в большей степени оказывает воздействие на миграционный потенциал и миграционные установки населения Республики Башкортостан. В Свердловской и Курской областях влияние этих факторов можно оценивать как среднее. Как и предполагалось, степень влияния факторов социального благополучия на желание респондентов остаться жить на постоянной основе в своём регионе и готовность отсюда уехать из региона не зависят от самой миграционной ситуации в регионе.

Готовность остаться жить в своём регионе на постоянной основе зависит в том числе и от улучшения таких сфер жизни, как общественный транспорт, медицина, благоустройство территории, возможности для досуга, экологическая ситуация и общественный правопорядок. Ощущение близости или общности с жителями своего поселения и региона, равно как и доверие к людям, а также приоритет ценности семьи перед другими ценностями снижает миграционные намерения и установки местного населения. Следовательно, органам региональной власти и управления следует решать на местах не только инфраструктурные и институциональные проблемы территории, но и работать над формированием условий и возможностей для наращивания социального и культурного капитала региона.

Список литературы

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России»: (Модификация–2010); Российская академия наук, Институт философии. Москва: Институт философии РАН, 2010. 111 с. ISBN 978-5-9540-0185-3 EDN VHVACD
2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России: [монография] / Н. И. Лапин, Х. Чуаньци, Л. А. Беляева [и др.]; под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой; Институт философии РАН. Москва: Academia, 2013. 416 с. ISBN 978-5-87444-367-2 EDN SDOJEB

3. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н.И. Лапин, Л. А. Беляева, И. И. Бойко [и др.]. Москва: Издательство "Весь Мир", 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5 EDN YRJCSX.
4. *Беляева Л.А.* Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Том 18. № 1. С. 58–72. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72> EDN YNUELB
5. Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований / Е. В. Андрианова, Л. А. Беляева, В. А. Давыденко [и др.]. М.: Издательство "Весь Мир", 2022. 190 с. ISBN 978-5-7777-0876-2 EDN GZBZYF
6. *Шабунова А.А.* Социокультурный портрет региона в контексте изменений 2008–2010 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1(19). С. 77–89. EDN OQRMRN
7. Социокультурный портрет Тюменской области: [коллективная монография] / Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Е.П. Данилова [и др.]. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2011. 356 с. ISBN 978-5-400-00542-8 EDN RAEJQX
8. Курская область на социокультурной карте России / Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец, А.А. Когай [и др.]. Курск: Курская городская типография, 2015. 236 с. ISBN 978-5-8386-0227-5 EDN VVNORV
9. Социокультурный портрет Республики Башкортостан / Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева, А.М. Аллаярова [и др.]. Уфа: Издательство "Гилем", 2013. 228 с. ISBN 978-5-88185-135-4 EDN SDCQXH
10. Социокультурный портрет региона / Е.В. Ануфриева, Н.В. Дулина, Е.Г. Ефимов [и др.]. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2013. 159 с. ISBN 978-5-9948-1255-6 EDN TFCIKF
11. Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа: [монография] / Е.В. Каргаполова, А.Ю. Арасова, Т.Ю. Гречкина [и др.]; Министерство образования и науки Астраханской области, Астраханский инженерно-строительный институт. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 306 с. ISBN 978-5-98461-813-7 EDN QURFPB
12. *Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С.* Социальное конструирование жизненных миров населения муниципальных образований в условиях рискогенной социокультурной среды // Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований / Е.В. Андрианова, Л.А. Беляева, В.А. Давыденко [и др.]. Москва: Издательство "Весь Мир", 2022. С. 69–88. ISBN 978-5-7777-0876-2 EDN GZBZYF
13. *Груздева М.А.* Социокультурный ракурс регионального развития: опыт многолетних наблюдений // Социальное пространство. 2022. Том 8. № 2. <https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.7> EDN EZFBAY
14. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М.К. Горшков, В.В. Петухов, А.Л. Андреев [и др.]. Москва: Издательство "Весь Мир", 2018. 384 с. ISBN 978-5-7777-0722-2 EDN XPHGJN
15. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования / Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко [и др.]. Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2020. № 1. 95 с. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1> ISSN 2686-8245 ISBN 978-5-89697-343-0
16. *Родионов Е.А., Шульгина Л.В., Крупко А.Э.* Экономическая безопасность и экономическое благополучие: соответствие категорий // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2023. Том 20. № 5. С. 38–43. EDN TCPXGF
17. *Китшева М.И., Мерзоева Л.И.* Конкурентоспособность страны как фактор экономического благополучия // Colloquium-Journal. 2019. № 18-6(42). С. 64–65. EDN IXZHVV
18. *Хащенко В.А.* Субъективное экономическое благополучие: структурно-уровневая организация // Психологический журнал. 2008. Том 29. № 6. С. 26–38. EDN JSJWWJ
19. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3(407). С. 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029> EDN YVQXQU
20. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.]. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. ISBN 978-5-89697-377-5 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021> EDN LHSQX
21. *Рыбаковский Л.Л.* Предистория возникновения теории трех стадий миграционного процесса // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208). С. 86–94. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10018> EDN XWEPET
22. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н.* Формирование миграционного потенциала соотечественников в странах Центральной Азии // Народонаселение. 2015. № 4(70). С. 58–67. EDN VKQTFD
23. *Денисенко М.Б., Мукомель В.И.* Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Том 7. № 3. С. 84–107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637> EDN YTKCBB
24. *Waite L.J.* Social Well-Being and Health in the Older Population: Moving beyond Social Relationships. Future Directions for the Demography of Aging: Proceedings of a Workshop. Washington (DC): National Academies Press (US), 2018. P. 99–130. <https://doi.org/10.17226/25064>
25. *Moliner L., Alegre F., Cabedo-Mas A., Chiva-Bartoll O.* Social Well-Being at School: Development and Validation of a Scale for Primary Education Students // Frontiers in Education. 2021. Vol. 6. P. 1–9. <https://doi.org/10.3389/educ.2021.800248>
26. *Валиахметов Р.М., Туракаев М.С.* Миграционный потенциал населения республики Башкортостан: основные факторы и направления миграции // Научный результат. Социология и управление. 2020. Том 6. № 4. С. 69–86. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5> EDN CPOKDU
27. *Туракаев М.С.* Образовательный уровень и культурный капитал как факторы миграции населения (на примере жителей Республики Башкортостан) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Том 7. № 4(28). С. 119–127. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805> EDN EPWPJW
28. *Рыбаковский Л.Л.* Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4(324). С. 24–34. EDN NQXUFH
29. *Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д.* Миграции с Севера: социальные сети и ментальная "близость" // Внеэкономические факторы пространственного развития: Сборник статей, Пушкин (Царское Село), 04–08 июня 2014 года / Институт географии РАН. Пушкин (Царское Село): ИП Матушкина И.И., 2015. С. 147–173. EDN ZDEFMP

Информация об авторах:

Рим Марсович Валиахметов – кандидат социологических наук, заведующий научной лабораторией социальных и демографических исследований, профессор кафедры социологии и работы с молодёжью, Уфимский университет науки и технологий (SPIN-код: 1540-7293) (РИНЦ Author ID: 573596) (ResearcherID: P-1733-2017) (Scopus Author ID: 55488425100)

Марсель Салаватович Туракаев – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодёжью, главный специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий; старший научный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН

(SPIN-код: 3532-1314) (РИНЦ Author ID: 1014366) (ResearcherID: AAU-9402-2020) (Scopus Author ID: 57567724000)

Заявленный вклад авторов:

P.M. Валиахметов – концепция исследования, научное редактирование.

M.C. Туракаев – сбор, анализ данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Рим Марсович Валиахметов.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

- Lapin N.I., Belyaeva L.A. Programma i Tipovoi Instrumentarii «Sotsiokul'turnyi Portret Regiona Rossii»: (Modifikatsiya – 2010). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2010. 111 p. ISBN 978-5-9540-0185-3 (In Russ.)
- Lapin N.I., Belyaeva L. A. (gen. eds.), Chuan'tsi Kh., et al. Problemy Sotsiokul'turnoi Modernizatsii Regionov Rossii. Monograph. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Academia; 2013. 415 p. ISBN 978-5-87444-367-2 (In Russ.)
- Lapin N.I. (ed.), Belyaeva L.A., Boyko I.I., et al. Atlas Modernizatsii Rossii i Ee Regionov: Sotsioehkonomicheskie i Sotsiokul'turnye Tendentsii i Problemy. Monograph. Moscow: Publishing House "Ves' Mir"; 2016. 360 p. ISBN 978-5-7777-0664-5 (In Russ.)
- Belyaeva L.A. Social Distances as A Feature of The Contemporary Russian Social Space. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*. 2018;18(1):58–72. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72> (In Russ.)
- Andrianova E.V., Belyaeva L.A., Davydenko V.A., et al. Sotsiokul'turnaya Ehvolutsiya Rossii: 30 Let Issledovaniy. Moscow: Publishing House "Ves' Mir"; 2022. 190 p. ISBN 978-5-7777-0876-2 (In Russ.)
- Shabunova A.A. Social and Cultural Portrait of the Region in the Context of Changes During 2008–2010. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2012;(1(19)):65–75.
- Andrianova E.V., Davydenko V.A., Danilova E.P., et al. Sotsiokul'turnyi Portret Tyumenskoi Oblasti. Monograph. Tyumen: Tyumen State University; 2011. 356 p. ISBN 978-5-400-00542-8 (In Russ.)
- Kogai E.A., Pasovets Yu.M., Kogai A.A., et al. Kurskaya Oblast' na Sotsiokul'turnoi Karte Rossii. Kursk: Kursk City printing house; 2015. 236 p. ISBN 978-5-8386-0227-5 (In Russ.)
- Valiakhmetov R.M., Khilazheva G.F., Allayarov A.M., et al. Sotsiokul'turnyi Portret Respubliki Bashkortostan. Ufa: Publishing House "Gilem"; 2013. 228 p. ISBN 978-5-88185-135-4 (In Russ.)
- Anufrieva E.V., Dulina N.V., Efimov E.G., et al. Sotsiokul'turnyi Portret Regiona. Volgograd: Volgograd State Technical University; 2013. 159 p. ISBN 978-5-9948-1255-6 (In Russ.)
- Kargapolova E.V., Aryasova A.Yu., Grechkina T.Yu., et al. Sotsiokul'turnyi Portret Astrakhanskoi Oblasti: Opyt Sotsiologicheskogo, Ehkonomicheskogo i Politicheskogo Analiza. Monograph. Ministry of Education and Science of the Astrakhan Region; Astrakhan Civil Engineering Institute. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House; 2010. 306 p. ISBN 978-5-98461-813-7 (In Russ.)
- Plotnikova E.B., Markova Yu.S. Sotsial'noe Konstruirovaniye Zhiznennykh Mirov Naseleniya Munitsipal'nykh Obrazovaniy v Usloviyakh Riskogennoi Sotsiokul'turnoi Sredy. In: Andrianova E.V., Belyaeva L.A., Davydenko V.A., et al. Sotsiokul'turnaya Ehvolutsiya Rossii: 30 Let Issledovaniy. Moscow: Publishing House "Ves' Mir"; 2022. P. 69–88. ISBN 978-5-7777-0876-2 (In Russ.)
- Gruzdeva M.A. Socio-cultural Perspective of Regional Development: Experience of Long-term Observations. *Sotsial'noye prostranstvo=Social Area*. 2022;8(2). <https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.7> (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V., Andreev A.L., et al. Twenty-five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis. Moscow: Publishing House "Ves' Mir"; 2018. 384 p. ISBN 978-5-7777-0722-2 (In Russ.)
- Epikhina Yu.B., Chernysh M.F., Sushko P.E., et al. Sub"ektivnoe i Ob"ektivnoe Blagopoluchie v Sovremennom Rossiiskom Obshchestve: Rezul'taty Ehmpiricheskogo Issledovaniya. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' Instituta sotsiologii FCTAS RAS*. No. 1. Moscow: FCTAS RAS; 2020. 95 p. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1> ISSN 2686-8245 ISBN 978-5-89697-343-0 (In Russ.)
- Rodionov E.A., Shulgina L.V., Krupko A.E. Economic Security and Economic Well-being: Correspondence of Categories. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya=FES: Finance. Economy. Strategy*. 2023;20(5):38–43. (In Russ.)
- Kitieva M.I., Merzhoyeva L.I. Competitiveness of the Country as a Factor of Economic Well-being. *Colloquium-Journal*. 2019;(18-6(42)):64–65. (In Russ.)
- Hatchenko V.A. Subjective Economical Well-being: Structure-and-Level Organization. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*. 2008;29(6):26–38. (In Russ.)
- Radaev V.V. Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Research*. 2018;(3(407)):15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029> (In Russ.)
- Avdeev E.A., Allardt E., Belyaeva L.A., et al. Sotsiologicheskie Podkhody k Izucheniyu Sotsial'nogo Blagopoluchiya. Moscow: FCTAS RAS; 2021. 431 p. ISBN 978-5-89697-377-5 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021> (In Russ.)

21. Rybakovskiy L.L. Background of the Theory of Three Stages of the Migration Process. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;(2(208)):86–94. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10018> (In Russ.)
22. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Khranova M.N. Formation of the Migration Potential of Compatriots in the Countries of Central Asia. *Narodonaseleniye=Population*. 2015;(4(70)):58–67. (In Russ.)
23. Denisenko M.B., Mukomel V.I. Labor Migration in Russia During the Coronavirus Pandemic. *Demograficheskoye obozreniye=Demographic Review*. 2020;7(3):84–107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637> (In Russ.)
24. Waite L.J. Social Well-being and Health in the Older Population: Moving Beyond Social Relationships. *Future Directions for the Demography of Aging: Proceedings of a Workshop*. Washington (DC): National Academies Press (US); 2018. P. 99–130. <https://doi.org/10.17226/25064>
25. Moliner L., Alegre F., Cabedo-Mas A., Chiva-Bartoll O. Social Well-being at School: Development and Validation of a Scale for Primary Education Students. *Frontiers in Education*. 2021;(6):1–9. <https://doi.org/10.3389/educ.2021.800248>
26. Valiakhmetov R.M., Turakayev M.S. Migration Potential of the Population of the Republic of Bashkortostan: Main Directions and Factors. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye=Research Result. Sociology and Management*. 2020;6(4):69–86. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5> (In Russ.)
27. Turakayev M.S. The Level of Education and Cultural Capital as Migration Factors (Based on People Living in the Republic of Bashkortostan). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2019;7(4(28)):119–127. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805> (In Russ.)
28. Rybakovskiy L.L. Migration Potential: Criteria of Assessment and Present-day size. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Research*. 2011;(4(324)):24–34. (In Russ.)
29. Zamyatina N.Yu., Yashunsky A.D. Migrations from the North: Social Networks and Mental "Proximity". In: *Non-Economic Factors of Spatial Development. Collection of Articles*. Pushkin (Tsarskoe Selo), 2014, June 4–8. Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Pushkin (Tsarskoe Selo): Individual Entrepreneur Matushkina I.I.; 2015. P. 147–173. (In Russ.)

Information about the authors:

Rim M. Valiakhmetov – PhD in Sociology, Head of the Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology

(SPIN-code: 1540-7293) (RSCI Author ID: 573596) (ResearcherID: P-1733-2017) (Scopus Author ID: 55488425100)

Marcel' S. Turakayev – PhD in Sociology, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Youth Work, Chief Specialist of the Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology; Senior Researcher, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life of the Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 3532-1314) (RSCI Author ID: 1014366) (ResearcherID: AAU-9402-2020) (Scopus Author ID: 57567724000)

Authors' declared contribution:

Rim M. Valiakhmetov – research concept, scientific editing.

Marcel' S. Turakayev – data collection and analysis.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Rim M. Valiakhmetov.

The article was submitted 21.05.2004; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Оригинальная статья

УДК 316.4, 332.14, 364.34

JEL D63

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656

EDN SUYOJU

(Не)использование интернета людьми с инвалидностью: масштабы и барьеры доступа

Софья Владимировна Коржук¹, Александра Ярославовна Бурдяк²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт прикладных экономических исследований, Москва, Россия

¹ (korzhuk-sv@ranepa.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8914-0138>)

² (burdyak-ay@ranepa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1134-8550>)

Аннотация

Исследуется вовлечённость населения в использование интернета и барьеры доступа к нему с акцентом на людей с инвалидностью, социально уязвимую группу населения. Обеспечение базового доступа к интернету для социально уязвимых групп населения является актуальной задачей в контексте снижения цифрового неравенства. Объектом исследования является цифровое неравенство, предметом – факторы цифрового неравенства. Цель исследования состоит в изучении вклада инвалидности, других характеристик индивида, включая место его проживания, в цифровое неравенство. Анализ проведён на основе данных двух обследований Росстата за 2022 год, выборка содержит 153 тыс. наблюдений. Описана доля пользователей интернета среди всего населения и среди людей с инвалидностью, дана её специфика в разных возрастных когортах. На основе численной оценки барьеров использования интернета с учётом возраста, уровня образования, статуса занятости респондента, численности его семьи, типа поселения и уровня жизни населения в регионе рассчитаны возможности расширения масштабов цифровизации населения. Анализ доступа к информационно-коммуникационным технологиям с помощью моделей логистической регрессии показал, что основным фактором (не)использования интернета является возраст: чем старше индивид, тем ниже вероятность, что он будет включён в онлайн-пространство. Образование и занятость ключевым образом влияют на факт использования интернета, повышают мотивацию человека к его использованию и обеспечивают соответствующими навыками. По уровню цифровой интеграции люди с инвалидностью значительно отстают от своих ровесников, инвалидности не имеющих. При прочих равных условиях инвалидность снижает шансы использования интернета в 1,7 раз. Показано, что проживание в регионах с высоким уровнем жизни повышает включённость населения в использование интернета – это означает, что усиленную поддержку процессов цифровизации нужно оказывать населению регионов со средним и низким уровнем жизни. Дефицит мотивации и отсутствие навыков – два основных преодолемых барьера цифровизации; для людей с инвалидностью данные барьеры выше.

Ключевые слова: инвалидность, люди с инвалидностью, цифровизация, цифровое неравенство, барьеры доступа к интернету, ассистивные технологии, доступность интернет-технологий, факторы цифрового неравенства

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Для цитирования: Коржук С.В., Бурдяк А.Я. (Не)использование интернета людьми с инвалидностью: масштабы и барьеры доступа // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 645–656. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656 EDN SUYOJU

RAR (Research Article Report)

JEL D63

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656

Internet (Non)use by People with Disabilities: Extent and Barriers to Internet Access

Sofia V. Korzhuk¹, Aleksandra Ya. Burdyak²

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Moscow, Russia

¹ (korzhuk-sv@ranepa.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8914-0138>)

² (burdyak-ay@ranepa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1134-8550>)

Abstract

This article examines the involvement of the population in Internet use and the barriers they face in access to the net with a particular focus on people with disabilities, one of the most vulnerable groups. Ensuring basic access to the Internet for socially vulnerable groups of the population is an important task in the context of reducing digital inequality. The study focuses on the digital divide and its factors. The aim is to examine the impact of disability and other individual characteristics, including place of residence, on digital inequality. The analysis is based on two Rosstat surveys data for 2022 with the sample of 153 thousand respondents. The proportion of Internet users within the general population and among people with disabilities is described, highlighting age-related differences. The study assesses barriers to Internet use controlling for age, education level, family size, type of settlement, employment status, and regional standard of living using logistic regression models. Age appears to be the most powerful predictor of Internet (non)use, older individuals are less likely to use the Internet. Education and employment status are significant factors too, affecting not only the likelihood of Internet use but also the motivation to use it and the availability of relevant skills. The digital integration of people with disabilities is significantly less than that of their peers without disabilities. All else being equal, disability reduces the likelihood of Internet use by 1.7 times. Regions with high standard of living are associated with greater digital inclusion of the population, which means that support for digitalization processes should be targeted on

regions with medium or low standard of living. Lack of motivation and lack of skills are the two main barriers to overcome; both are higher for people with disabilities all else being equal.

Keywords: disability, people with disabilities, digitalization, digital inequality, barriers to Internet access, assistive technologies, internet accessibility, factors of digital inequality

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme

For citation: Korzhuk S.V., Burdyak A.Ya. Internet (Non)use by People with Disabilities: Extent and Barriers to Internet Access. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):645–656. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656 (In Russ.)

Введение

В России с 2018 г. действует национальная программа «Цифровая экономика РФ», мероприятия программы направлены на минимизацию неравенства в физическом доступе населения к широкополосному интернету¹. Отсутствие доступа рассматривается в качестве основного фактора цифрового неравенства, и к 2030 г. планируется обеспечить всю страну, в том числе удалённые местности и малые населённые пункты, современными услугами связи².

Наиболее актуально обеспечение базового доступа к интернету для уязвимых категорий населения, в частности, для людей с инвалидностью. Для этой группы населения расширение цифровизации в современных условиях сочетает в себе как положительные, так и отрицательные моменты [1]. С одной стороны, цифровизация может способствовать расширению возможностей социального участия для людей с инвалидностью. Это относится к расширению возможностей для общения, проведения досуга, важных с точки зрения психологического благополучия. Преимуществами цифровизации в сфере сохранения здоровья выступают сервисы дистанционных консультаций с врачами, записи на приём через интернет, заказа и покупки лекарств, других услуг телемедицины [2]. Цифровизация может улучшать качество жизни самих людей с инвалидностью и их семей, помогать при поиске товаров, услуг, расширять возможности занятости на работе [3; 4]. С другой стороны, при неравном доступе к цифровым технологиям люди с инвалидностью могут оказаться в ситуации исключения из ещё большего спектра деятельности за счёт низкой вовлечённости этой группы в онлайн-формы социального участия [5].

¹ Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ: [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/#section-materials> (дата обращения: 20.03.2024).

² Обеспечение доступа в Интернет за счёт развития спутниковой связи // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/> (дата обращения: 20.03.2024).

На институциональном уровне обеспечение доступа к цифровым технологиям предполагает наличие законодательства и институтов, гарантирующих, реализующих и контролирующих доступность цифрового пространства для всех граждан, в том числе для людей с нарушениями здоровья. На международном уровне в 1994 г. был создан Консорциум Всемирной паутины (World Wide Web Consortium) – организация, которая разрабатывает и внедряет технологические стандарты для всемирной паутины³. В России комплексные институциональные требования к доступности цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), решений и пространства для людей с инвалидностью отсутствуют, однако отдельные инициативы и законодательные изменения прямо или косвенно затрагивают данную социальную группу. Для людей с инвалидностью разрабатываются в цифровом виде услуги по обеспечению техническими средствами реабилитации, динамично развивается молодой рынок новейших ассистивных технологий⁴, предполагается автоматическое назначение пенсии по инвалидности, есть другие блага цифровизации в виде услуг телемедицины, ряд социальных и медицинских услуг переводятся в цифровой формат. В 2020 г. законодательно закреплено и регламентировано понятие дистанционной (удалённой) работы⁵. В Закон об образовании внесено понятие электронного (дистанционного) образования⁶, порядок

³ Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1. // World Wide Web Consortium: [сайт]. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG21/> (дата обращения: 12.03.2024).

⁴ Рынок AssistiveTech: особенности развития в мире и Москве // Агентство инноваций Москвы: [сайт]. URL: https://portal.inno.msk.ru/uploads/agency-sites/analytics/research/AssistiveTech_AIM_2022.pdf/ (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удалённой) работы и временного перевода работника на дистанционную (удалённую) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях».

⁶ Федеральный закон от 26.06.2019 № 232-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением структуры федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в сфере образования и науки».

его реализации и использования дистанционных образовательных технологий определён в 2023 году. Под влиянием цифровизации возникают новые профессии, которые потенциально могут быть востребованы людьми с инвалидностью, – например, цифровой куратор⁷.

Однако, расширение предложения цифровых услуг может натолкнуться на барьер ограниченного доступа людей с инвалидностью к ним, на ограничения со стороны возможностей спроса. Насколько люди с инвалидностью вовлечены в использование интернета? Какие причины озвучивают те, кто не пользуется им? Возможно ли преодоление этих барьеров и насколько это расширило бы охват населения цифровизацией? Данная статья нацелена на поиск ответов на эти вопросы. Объектом исследования является цифровое неравенство, предметом – факторы цифрового неравенства. Цель исследования состоит в изучении вклада инвалидности и других характеристик индивида и места его проживания в цифровое неравенство. Основная гипотеза исследования заключается в следующем: инвалидность сама по себе значимо дифференцирует доступ людей к цифровым технологиям, однако помимо факта наличия инвалидности цифровое неравенство усиливается рядом других факторов, отражающих неравные возможности данной группы населения в социально-экономическом пространстве.

В данном исследовании мы исходим из социальной модели инвалидности. Согласно этому концептуальному подходу, неравное участие людей с инвалидностью в жизни общества, в том числе цифровое неравенство, объясняется, прежде всего, не индивидуальными особенностями организма человека, а существованием социальных, физических, психологических и иных барьеров, ограничивающих доступ людей с инвалидностью к социальным благам [6]. С этой точки зрения снижению неравенства по признаку инвалидности в различных сферах жизни в значительной степени могут способствовать соблюдение принципов универсального дизайна информационной и физической среды.

Доступ к интернету: теоретические и методологические положения

На ранних этапах развития цифровых технологий концепция доступа подразумевала физический доступ к компьютерам, Интернету и другим цифровым носителям, затем кон-

цепция была расширена и стала многомерной. Стало очевидно, что для интенсивных пользователей интернета открываются более широкие возможности в доступе к образованию, рынку труда и другим ресурсам социальной мобильности, увеличивая социальное неравенство. Неравенство возможностей и достижений, обусловленное неравномерным доступом к современным средствам коммуникации, получило название «цифрового неравенства» (digital divide) [7; 8]. В отечественной литературе как синонимы используются понятия «цифровое неравенство», «цифровой разрыв», «цифровой барьер» и др.

Более современные многомерные определения понятия «доступ к интернету» вбирают в себя различные аспекты, включая социальные, экономические, технические и личные характеристики человека, а также структурные факторы. Например, Уилсон выделяет восемь типов доступа или аспектов цифрового разрыва [9]: физический доступ (к устройствам ИКТ), финансовый доступ (стоимость услуг ИКТ и их вес в доходе индивида), когнитивный доступ (информационная грамотность, навыки использования устройств, поиска информации и т.д.), доступ к дизайну (удобство использования, универсальный дизайн: устройства и программное обеспечение (ПО) должны быть доступны для людей независимо от их возраста, особенностей здоровья и т.д.), доступ к контенту (наличие и доступность информации, приложений, программного обеспечения), производственный доступ (возможность производить собственный контент), институциональный доступ (наличие институтов, обеспечивающих доступ), политический доступ (возможность для пользователя взаимодействовать с институтами, которые регулируют используемые технологии). Уилсон связывает эти восемь аспектов с шестью демографическими факторами цифрового разрыва: гендером, территорией проживания, доходом, образованием, родом занятий и этнической принадлежностью.

Согласно концепции Рагнедда [10], в основе цифрового разрыва лежат три основных группы факторов – мотивация, доступ и цифровой капитал (рисунок 1). Такая трёхфакторная модель объединяет как личностные, так и структурные факторы цифрового разрыва.

Мотивация – одна из основных причин (само)исключения индивида из цифрового пространства, она связана с дефицитом интереса к ИКТ, отсутствием подходящего или привлекательного контента, негативной оценкой выгод/затрат от использования интернета.

⁷ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31.10.2018 № 682н «Об утверждении профессионального стандарта "Консультант в области развития цифровой грамотности населения (цифровой куратор)».

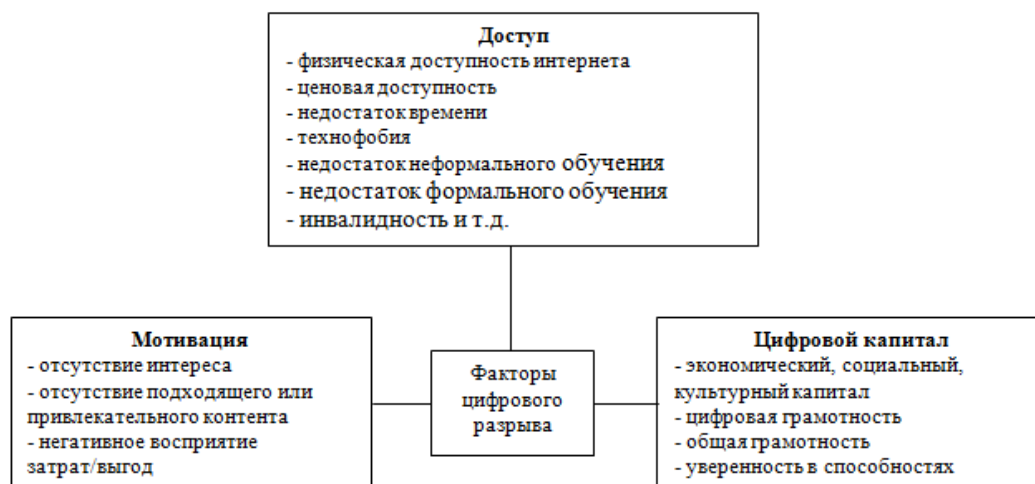

Рисунок 1. Факторы цифрового разрыва
Figure 1. Factors of the Digital Divide

Источник: [10].

Следующий фактор, дифференцирующий цифровое участие людей – это доступ. Первая его форма (физический доступ) тесно связана со вторым элементом – ценовой доступностью использования интернета. Ограничивающим фактором доступа к интернету является (предполагаемая) нехватка времени как на само использование, так и на формальное и неформальное освоение цифровых навыков. Ещё одним важным фактором доступа к интернету является технофобия – негативное отношение к внедрению ИКТ и использованию интернета. Также Рагнетта выделяет физическое состояние человека и инвалидность в качестве одного из ключевых факторов, препятствующих доступу к цифровым технологиям.

Совокупность цифровых навыков, знаний, опыта, уверенности, цифровой грамотности, которые обеспечивают пользователям качественно лучший онлайн-опыт и возможность извлекать социальные выгоды от использования интернета формируют цифровой капитал человека. Чтобы преодолеть или снизить цифровое неравенство между людьми, необходим не только максимальный физический и ценовой доступ к интернету и гаджетам для всех групп населения, нужно создавать благоприятные условия для наращивания цифрового капитала в системе формального и неформального обучения.

Обзор исследований инвалидности в контексте процессов цифровизации

До недавнего времени в исследованиях цифрового неравенства редко упоминался такой фактор, как инвалидность. Однако с ростом охвата населения цифровизацией неравный доступ

людей с инвалидностью к информационно-коммуникационным технологиям проявился более очевидно [11], и стал важным объектом для изучения, особенно в ситуации воспроизводящегося социального неравенства по данному признаку.

Люди с инвалидностью в последние годы стали чаще пользоваться цифровыми технологиями, однако по-прежнему эта группа более подвержена риску цифрового исключения из-за отсутствия базового доступа к интернету – об этом свидетельствуют зарубежные исследования [12; 13; 14]. В российских домохозяйствах людей с инвалидностью, аналогично, реже имеется компьютер и выход в интернет, и даже когда есть доступ к интернету, они реже его используют [15].

В силу особых потребностей людей с инвалидностью очень важен дизайн устройств и приложений. В качестве специфицированного барьера часто выступает тип и степень нарушений здоровья человека: то, что доступно пользователю с нарушением слуха, может оказаться недоступным для пользователя с нарушением зрения, а также чем серьезней функциональное ограничение, тем сложнее человеку может быть использовать ИКТ [11; 13]. Разные устройства и ПО по-разному адаптированы к особым потребностям людей с инвалидностью. Существование барьеров доступа к дизайну сокращает выбор гаджетов, программ и приложений для людей с инвалидностью [12].

Люди с инвалидностью в целом реже проявляют интерес к использованию интернета и новых технологий и более избирательны в их использовании (мотивационный и когнитивный доступ). Среди людей с инвалидностью выше концентрация людей, испытывающих страх перед новыми

технологиями (технофобия), беспокойство по поводу быстрого темпа разработки аппаратного и программного обеспечения, а также тревогу о безопасности в интернете [13; 16].

В уровне цифровых навыков (установка программного обеспечения, идентификация и решение компьютерных проблем, поиск информации в интернете, онлайн-общение) также наблюдается разрыв между людьми с инвалидностью и без таковой. Люди с инвалидностью чаще чувствуют себя менее уверенно при взаимодействии с новыми технологиями и интернетом. В этом случае большое значение имеет социально-экономическое положение человека с инвалидностью и его социально-демографические характеристики. При сравнении цифровых навыков людей с инвалидностью и без таковой с сопоставимыми уровнем образования, материальным положением, статусом занятости, возрастом и полом, различия в уверенности в собственных цифровых навыках могут значительно сократиться [13; 14]. В России также уровень цифровых навыков людей с инвалидностью значительно ниже, чем в среднем по населению [15].

Дополнительным фактором цифрового неравенства по признаку инвалидности выступает проблема конфиденциальности и безопасности, поскольку люди с инвалидностью больше беспокоятся по данному поводу и чаще сталкиваются с нелояльным отношением в сети [17].

В мониторинговом исследовании Национального управления по телекоммуникациям и информации США (проводится с 1994 г.) выявлены факторы, лежащие в основе различий в использовании интернета, описана их динамика⁸. Обнаруженные паттерны и тенденции универсальны, впоследствии они нашли подтверждение во многих исследованиях. Перечислим основные факторы цифрового неравенства.

1) Возраст. Неравенство в использовании интернета по возрасту до сих пор сохраняется, хотя со временем сократилось в несколько раз.

2) Статус занятости. Для людей трудоспособного возраста неравенство в зависимости от статуса занятости сохранялось до 2012 г., затем оно постепенно сокращалось и на момент последнего исследования различий не наблюдается. Люди в возрасте экономической неактивности значительно отстают в использовании интернета от трудоспособных – этот разрыв устойчив во времени, хотя имеет тенденцию к сокращению.

3) Доход домохозяйства. На всём периоде наблюдения остаётся одним из значимых факто-

ров. Разрыв в использовании интернета между представителями разных децильных групп по доходу сокращается, однако различия остаются значимыми даже между верхними доходными группами.

4) Образование. Чем выше образование, тем выше доля использующих интернет. Различия сокращаются, однако продолжают сохраняться.

5) Пол. На первых этапах распространения интернета существовали небольшие различия в использовании интернета по полу – мужчины чаще были интернет-пользователями. С середины 2000-х гг. эти различия потеряли значимость.

6) Место проживания. Различия в использовании интернета между городскими и сельскими жителями со временем стираются.

7) Наличие детей школьного возраста в домохозяйстве. Фактор утратил свою значимость в 2010-х гг., до этого использование интернета было выше среди домохозяйств, в составе которых есть дети школьного возраста.

8) Инвалидность. Существенно дифференцирует использование интернета на всём периоде рассмотрения (включена в методологию в 2009 г.). Разрыв по признаку инвалидности сокращается, но его темпы значительно ниже, по сравнению с другими факторами, такими как возраст или статус занятости.

В описанном исследовании каждый пятый индивид в возрасте 3 лет и старше не пользуется интернетом (в том числе 30% среди людей с инвалидностью), а каждое пятое домохозяйство в 2021 г. не имеет выхода в интернет дома. Распространённые причины неиспользования интернета – отсутствие интереса или необходимости, отсутствие материальной возможности (данные по США за 2021 г.)⁹.

Инвалидность выделяется в качестве самостоятельного фактора доступа к интернету. В то же время положение людей с инвалидностью и по другим осям дифференциации более неблагоприятно по сравнению с другими социальными группами – традиционно людей с инвалидностью относят к уязвимым категориям населения, в том числе в российском обществе. Они реже имеют профессиональное образование, работу, собственную семью, больше подвержены рискам бедности и в целом домохозяйства людей с инвалидностью чаще имеют более низкое материальное положение по сравнению с другими домохозяйствами сопоставимого состава [18; 19]. Кроме

⁸ NTIA Data Explorer // National Telecommunications and Information Administration: [сайт]. URL: <https://www.ntia.gov/data/explorer#sel=internetUser&demo=disability&pc=prop&dis p=chart> (дата обращения: 21.03.2024).

⁹ Switched Off: Why Are One in Five U.S. Households Not Online? 2022 // National Telecommunications and Information Administration: [сайт]. URL: <https://www.ntia.gov/blog/2022/switched-why-are-one-five-us-households-not-online> (дата обращения: 21.03.2024).

того, среди людей с инвалидностью преобладают люди пенсионного возраста, а возраст, как было упомянуто выше, является значимым фактором цифрового неравенства.

Данные и методы анализа

Анализ доступа людей с инвалидностью к ИКТ опирается на микроданные двух выборочных обследований населения, регулярно проводимых Росстатом – это Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей за 2022 г. (ИКТ-2022)¹⁰ и Выборочное обследование рабочей силы за 2022 г. (ОРС-2022)¹¹. Массив данных ИКТ-2022 служит основным официальным источником информации о ходе цифровизации в стране и об использовании населением информационных технологий, из обследования ОРС-2022 к нему добавлены характеристики домохозяйства и индикатор наличия инвалидности. Итоговый массив содержит 152,9 тыс. наблюдений, во взвешенном виде составляя 119 млн наблюдений, репрезентирующих население Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше¹². Основной метод работы с данными – анализ дескриптивных статистик и логистический регрессионный анализ.

В выборке ИКТ-2022 4,9% респондентов имеют инвалидность, что ниже показателя доли людей с инвалидностью согласно сплошному статистическому наблюдению Пенсионного фонда¹³. Различие может быть обусловлено как институционализацией проживания части людей с инвалидностью, так и пассивностью участия пожилых и одиноко проживающих людей в выборочных обследованиях населения – недоучёт обоих указанных категорий населения, реже остальных использующих цифровые технологии, может при-

¹⁰ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt23/index.html (дата обращения: 25.04.2024).

¹¹ Микроданные выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 25.04.2024).

¹² Численность населения Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше согласно Переписи 2020 г. составляет 123,9 млн человек. Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 25.04.2024).

¹³ По данным Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации общая численность инвалидов составляла на конец 2022 г. 11,33 млн человек или 7,7%, населения всех возрастов: См.: Уровень инвалидизации в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>.

вести к занижению численных оценок влияния инвалидности на использование интернета.

Данные выборочного обследования ИКТ-2022 свидетельствуют о росте риска инвалидности с 0,9% в группе 15–19-летних до 24% когорты в возрасте 80 лет и старше. Большинство людей с инвалидностью (67,7%) – это люди старшего возраста (60 лет и старше). В среднюю возрастную группу попадает каждый пятый (21%) респондент с инвалидностью и каждый третий респондент без серьёзных ограничений здоровья (33,6%). Молодёжь (15–39 лет) среди людей с инвалидностью составляет лишь 1,4%, в то время как среди людей без инвалидности – 40,5%. За счёт численного перевеса категория 60 лет и старше формирует среднестатистическую картину вовлечённости людей с инвалидностью в использование интернета. В силу описанных возрастных различий рассмотрим проблему цифровизации в разрезе трёх возрастных категорий.

Результаты исследования

В среднем 13% людей без инвалидности не пользуются интернетом или использовали его больше года назад, среди людей с инвалидностью – 45%. Люди младших и средних возрастов, не имеющие инвалидности, практически полностью включены в использование всемирной сети: не пользуются интернетом лишь 1% и 4%, соответственно. Среди людей без инвалидности старших возрастов 37% не пользуются интернетом. Уровень цифровой интеграции людей с инвалидностью значительно отстаёт от их ровесников, инвалидности не имеющих. Каждый пятый человек с инвалидностью младшего и среднего возрастов (по 20%) и более половины людей в возрасте 60 лет и старше (57%) не пользуются интернетом.

Для людей без инвалидности основные причины неиспользования интернета – это отсутствие необходимости (желания или интереса) и недостаток навыков для работы в сети (низкий уровень цифрового капитала). Люди с инвалидностью в целом также упоминают эти барьеры чаще других, однако в их ответах больший вес имеют другие причины. Для молодых людей с инвалидностью другие причины вовсе выходят на первый план. Вероятно, в эту группу причин в том числе попадают специфические для людей с инвалидностью барьеры доступа – недоступность онлайн-сервисов для людей с конкретными нарушениями здоровья, невозможность использовать интернет из-за отсутствия специализированного ПО для людей с инвалидностью или вспомогательных устройств и т.д. (рисунок 2).

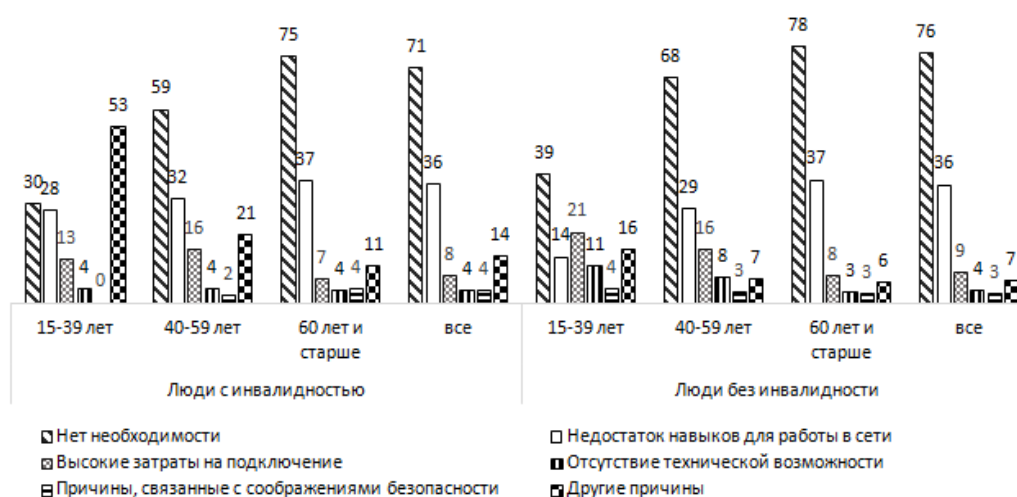

Рисунок 2. Причины неиспользования интернета людьми с инвалидностью и без таковой в разрезе возраста, % от численности тех, кто не пользуется интернетом

Figure 2. Reasons for Non-Use of the Internet by People with and without Disabilities by Age, % of Those Who Don't Use the Internet

Источник: рассчитано авторами на данных ИКТ-2022, ОРС-2022

Поскольку различия в базовом доступе к интернету могут быть связаны не только с наличием инвалидности, но и следствием социального неравенства по признаку инвалидности, для оценки чистого эффекта инвалидности на вероятность неиспользования интернета мы применили метод логистической регрессии. Этим же методом проведена оценка влияния инвалидности на вероятность столкнуться с распространёнными барьерами к использованию интернета.

Нами было построено четыре уравнения логистической регрессии. В каждом уравнении зависимая переменная принимает значение 1, если человек не пользуется интернетом (1), не имеет интереса к его использованию (2), не имеет навыков работы в сети (3), не пользуется интернетом по другим причинам (4), и 0 в противоположных случаях. В качестве предикторов в уравнения включены следующие переменные: наличие инвалидности, возраст, размер домохозяйства, уровень образования, статус на рынке труда, место жительства, уровень жизни населения региона проживания¹⁴.

При построении регрессионных уравнений применялся метод пошагового включения независимых переменных (метод проверки – функция правдоподобия). Этот метод позволяет определить порядок вхождения переменных в уравнение. Зафиксированные параметры уравнений

¹⁴ Рассчитан как отношение размера среднедушевых доходов к региональному прожиточному минимуму. Первая квинтильная группа – 20% взрослого населения, проживающего в регионах с самым низким уровнем жизни, пятая – с самым высоким.

действительны для представленного набора переменных.

При пошаговом включении независимых переменных во все четыре уравнения вошёл весь список независимых переменных. Уравнения имеют достаточный прогностический потенциал: доля верно классифицируемых объектов (точность исполнения прогноза) составляет от 92% до 99%, R^2 Нейджелкерка – 56,7% для уравнения «не пользуются интернетом», 49,9% для отсутствия интереса, 36,3% для отсутствия навыков, 20,3% для других причин. Во всех уравнениях значения и статистическая значимость Хи-квадрат указывают на то, что снижение значений $-2 \text{ Log likelihood}$ за счёт добавления в уравнения независимых переменных было значимым. Это означает, что прогностический потенциал моделей значимо выше по сравнению с базовой моделью, в которую включена только константа (параметры и характеристики регрессионных моделей приведены в Приложении).

Итак, наличие инвалидности при прочих равных (возраст, размер домохозяйства, уровень образования, занятость, место жительства, уровень жизни в регионе) понижает шансы использования интернета в 1,7 раз. Тем не менее, для использования интернета инвалидность является не самым значимым фактором – эта переменная вошла в уравнение на последнем шаге (таблица 1).

Максимальной объяснительной силой в уравнении «человек не пользуется интернетом» обладает переменная возраста: чем старше человек, тем меньше вероятность того, что он будет

использовать интернет. Каждый год жизни, начиная с 15 лет, отвечает за повышение рисков неиспользования интернета на 11% при прочих равных.

Следующие по значимости факторы – образование и занятость. Чем выше уровень образования, тем ниже риски быть исключённым из интернет-пространства. Самые высокие риски неиспользования интернета наблюдаются среди людей, имеющих в качестве максимально достигнутого школьное образование. По сравнению с ними с каждым последующим уровнем шансы на использование интернета повышаются, вплоть до 5 раз у людей с высшим образованием. Для занятых респондентов риски неиспользования интер-

нета ниже в 2,7 раза по сравнению с респондентами, не имеющими работы.

Характеристики места жительства человека также связаны с вероятностью использования им интернета. Проживание в регионе с высоким уровнем жизни (четвёртая или пятая квинтильная группа) при прочих равных значительно повышает включённость населения в цифровизацию. Проживание в сельской местности, напротив, в 1,6 раза повышает риски цифровой эксклюзии.

Наконец, шансы использовать интернет также связаны с размером домохозяйства. Наибольшие риски неиспользования интернета характерны для одиночных домохозяйств, с ростом размера домохозяйства они снижаются.

Таблица 1

Факторы неиспользования интернета и причин неиспользования, логистические регрессии, отношение шансов (Exp(B)) и порядок вхождения независимых переменных в уравнения, 2022 г.

Table 1

Factors of (Non)Use of the Internet and Reasons for Non-Use, Logistic Regressions, Odds Ratio (Exp(B)) and Order of Entry of Independent Variables into Equations, 2022

Зависимая переменная	Не пользуются интернетом	Нет интереса	Нет навыков	Другие причины
Наличие инвалидности	(7) ¹⁵	(7)	(7)	(2)
<i>Нет</i> ¹⁶				
Есть	1,650	1,186	1,171	2,901
Возраст	(1)	(1)	(1)	(1)
Число исполнившихся лет	1,114	1,109	1,087	1,046
Размер домохозяйства	(5)	(5)	(6)	(6)
<i>1 человек</i>				
2 человека	0,735	0,881	0,959 ¹⁷	0,664
3 человека	0,645	0,725	0,854	0,680
4 человека	0,598	0,670	0,770	0,702
5 и более человек	0,564	0,600	0,720	0,668
Уровень образования	(2)	(2)	(2)	(5)
<i>Среднее общее или ниже</i>				
Среднее профессиональное (квалифицированные рабочие(служащие))	0,607	0,792	0,942	0,689
Среднее профессиональное (специалисты среднего звена)	0,371	0,522	0,593	0,633
Высшее	0,203	0,291	0,301	0,612
Статус на рынке труда	(3)	(3)	(3)	(3)
<i>Не занят</i>				
Занят	0,364	0,383	0,344	0,251
Место жительства	(6)	(6)	(5)	(7)
<i>Город</i>				
Село	1,578	1,258	1,348	1,292
Уровень жизни в регионе	(4)	(4)	(4)	(4)
<i>1 квинтильная группа</i>				
2 квинтильная группа	0,978	1,057	0,816	0,686
3 квинтильная группа	0,920	0,853	0,717	0,863
4 квинтильная группа	0,617	0,705	0,694	0,486
5 квинтильная группа	0,409	0,433	0,605	1,247
Константа	0,001	0,001	0,001	0,002

Источник: рассчитано авторами на данных ИКТ-2022, ОРС-2022.

¹⁵ В скобках указан шаг, на котором соответствующая переменная вошла в уравнение регрессии.

¹⁶ Курсивом выделены категории, объявленные референтными (контрастными).

¹⁷ Серым фоном выделены значения, которые статистически значимо не отличаются от референтной категории.

Анализ влияния инвалидности на вероятность двух самых распространённых причин неиспользования интернета показал, что инвалидность повышает в 1,19 раз риск отсутствия необходимости использовать интернет и в 1,17 раз увеличивает барьер отсутствия навыков при прочих равных. Как и в случае с неиспользованием интернета, фактор инвалидности уступает по значимости всем другим характеристикам индивида или места его жительства, направление их влияния не меняется. Наибольший вклад в прирост доли дисперсии зависимой переменной в этих уравнениях обеспечивают следующие признаки – возраст, уровень образования и занятость. С возрастом риски неиспользования интернета из-за отсутствия потребности или необходимых навыков повышаются. С ростом образования и наличием работы, напротив, сокращаются.

Риски столкнуться с другими барьерами доступа к интернету при прочих равных для людей с инвалидностью выше в 3 раза. В отличие от предыдущих уравнений, в эту модель переменная «инвалидность» вошла на втором шаге после возраста, демонстрируя достаточно высокую объяснительную силу. Это подтверждает наше предположение о том, что в данной группе респондентов помимо прочего сконцентрированы специфические для населения в целом, но распространённые среди людей с инвалидностью барьеры доступа к интернету. Инструментарий опроса ИКТ-2022 не позволяет специфицировать эти барьеры. Вероятнее всего они связаны с дефицитом ассистивных технологий, программного обеспечения и неадаптированностью цифровых ресурсов под специфические потребности отдельных групп людей с инвалидностью.

Заключение

На фоне усиливающихся процессов цифровизации в современном мире всё больше услуг и информации перемещается в интернет, и это делает доступ к нему важной темой с точки зрения государственной политики. Особенно актуально обращать внимание на те группы населения, которые испытывают больше трудностей в базовом доступе к интернету.

Наше исследование показало, что уровень цифровой интеграции людей с инвалидностью значительно отстаёт от их ровесников, инвалидности не имеющих – это справедливо как для молодёжи, так и для людей средних и старших

возрастов. В целом инвалидность является значимым фактором, повышающим риски неиспользования интернета.

Цифровая пассивность людей старших возрастов выступает определяющим фактором низкой включённости людей с инвалидностью в процесс цифровизации. Цифровая интеграция людей старших возрастов безотносительно наличия инвалидности требует разработки специальных мер для этой группы населения, направленных, прежде всего, на преодоление нежелания использовать интернет и повышение цифровых компетенций людей старшего возраста. Важными, с точки зрения базового доступа к интернету, факторами являются также образование и занятость – те сферы, в которых люди с инвалидностью занимают неравное положение по сравнению с другими. Это вновь возвращает нас к вопросу необходимости обеспечения условий для полноценного участия людей с инвалидностью в жизни общества на основе повышения доступности социальной и физической инфраструктуры.

В регионах с высоким уровнем жизни включённость населения в использование цифровых технологий выше. Это означает, что усиленную поддержку процессов цифровизации нужно оказывать населению регионов со средним и низким уровнем жизни – именно здесь потенциал развития максимален.

Рассмотрение отдельных барьеров доступа к интернету для людей с инвалидностью показывает, что два преодолённых барьера – нежелание им пользоваться и отсутствие необходимых навыков – увеличивают вероятность неиспользования интернета на 17–19% каждый. Барьер «другие причины», в числе которых мы предполагаем наличие у респондента особых потребностей, даёт основной вклад в столь высокий совокупный барьер. Данное ограничение невозможно преодолеть расширением использования привычных информационных технологий и готовых сервисов, этот сегмент целевой группы мог бы быть включён в использование благ цифровизации при условии качественной адаптации цифровых технологий под особые потребности различных групп людей с инвалидностью, разработки и доступности вспомогательного программного обеспечения и ассистивных технологий, вовлечения людей с инвалидностью в процесс обсуждения и тестирования сайтов, программ, приложений и устройств.

Список литературы

1. Калабихина И.Е. Демографические размышления о цифровой экономике // Вестник Московского Университета. 2019. № 6. С. 147–166. EDN XLOPLY
2. Калабихина И.Е., Колотуша А.В. Является ли Интернет сберегающим здоровье фактором в России? // Демографическое обозрение. 2020. Том 7. № 3. С. 150–182. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11641> EDN DODDCF
3. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние родственного ухода на занятость, здоровье и материальное положение ухаживающих // Демографическое обозрение. 2020. Том 7. № 2. С. 152–171. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11142> EDN QCDOEJ
4. Синявская О.В., Горват Е.С. Организация постороннего ухода за пожилыми и инвалидами: мотивация обращения к различным поставщикам // Демографическое обозрение. 2021. Том 8. № 4. С. 60–80. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13876> EDN IFWPVT
5. Van Dijk J.A. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. SAGE Publications, 2005. 224 p.
6. Коржук С.В., Скачкова Г.С. Инвалидность // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. № 10. https://doi.org/10.54972/00000001_2023_10_30 EDN STUUVR
7. Digital Inequality: From Unequal access to Differentiated Use / P. Dimaggio, E. Hargittai, C. Celeste, S. Shafer // Social Inequality / ed. by K. Neckerman. New York: Russell Sage Foundation, 2004. P. 355–400. ISBN 978-0-87154-621-0
8. Goggin G. Disability and Digital Inequalities. Rethinking Digital Divides with Disability Theory // Theorizing Digital Divides. London: Routledge, 2017. P. 63–75. <https://doi.org/10.4324/9781315455334-6>
9. Wilson E.J. The Information Revolution and Developing Countries. Cambridge: the MIT Press, 2004. 456 p. ISBN 9780262731782
10. Ragnedda M. The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. New York: Routledge, 2017. 127 p. ISBN 9781138346932 <https://doi.org/10.4324/9781315606002>
11. Jaeger P.T. Assessing Section 508 Compliance on Federal E-Government Web Sites: A Multi-Method, User-Centered Evaluation of Accessibility for Persons with Disabilities // Government Information Quarterly. 2006. Vol. 23. Issue 2. P. 169–190. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2006.03.002>
12. Tsatsou P. Is Digital Inclusion Fighting Disability Stigma? Opportunities, Barriers, And Recommendations // Disability and Society. 2020. Vol. 36. No. 5. P. 702–729. <https://doi.org/10.1080/09687599.2020.1749563>
13. Vicente M.R., López A.J.A. Multidimensional Analysis of the Disability Digital Divide: Some Evidence for Internet Use // The Information Society. 2010. Vol. 23. No. 1. P. 48–64. <https://doi.org/10.1080/01615440903423245>
14. Dobransky K., Hargittai E. Unrealized Potential: Exploring the Digital Disability Divide // Poetics. 2016. No. 58. P. 18–28. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2016.08.003>
15. Анализ барьеров и возможностей для участия людей с инвалидностью на рынке труда в Российской Федерации / Н. Кольбашкина, А. Сухова, М. Устинова, А. Демьянова, Д. Шубина. Москва: Всемирный банк, 2021. 180 с. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099335011302129130/pdf/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8.pdf> (дата обращения 25.03.2024).
16. Tsatsou P. Digital Inclusion of People with Disabilities: A Qualitative Study of Intra-Disability Diversity in The Digital Realm // Behaviour and Information Technology. 2019. Vol. 39. No. 5. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2019.1636136>
17. Scanlan M. Reassessing the Disability Divide: Unequal Access as The World Is Pushed Online // Universal Access in the Information Society. 2022. No. 21. P. 725–735. <https://doi.org/10.1007/s10209-021-00803-5>
18. Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / под. ред. Т.М. Малевой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 256 с. ISBN 978-5-7749-1213-1 EDN ZIZELV
19. Коржук С.В. Эксклюзия людей с инвалидностью: воспроизводство неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3(133). С. 134–146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.07> EDN XDGORL

Информация об авторах:

Софья Владимировна Коржук – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований, РАНХиГС (SPIN-код: 9604-0340) (РИНЦ Author ID: 896620) (Scopus Author ID: 57194493716)

Александра Ярославовна Бурдяк – старший научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований, РАНХиГС

(SPIN-код: 8576-6888) (РИНЦ Author ID: 694422) (Scopus Author ID: 57194382944)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Александра Ярославовна Бурдяк.

Статья поступила в редакцию 11.08.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 07.12.2024.

References

1. Kalabikhina I.E. Demographic Reflections on the Digital Economy. *Vestnik Moskovskogo Universiteta=Moscow University Economic Bulletin*. 2019;6:147–166. (In Russ.)
2. Kalabikhina I., Kolotusha A. Is the Internet a Health-Preserving Factor in Russia? *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2020;7(3):150–182. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11641> (In Russ.)

3. Grishina E., Tsatsura E. The Effect of Caring for Older and Disabled Relatives on The Employment, Health and Economic Status Of Caregivers. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2020;7(2):152–171. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11142> (In Russ.)
4. Sinyavskaya O., Gorvat E. Long-Term Care for The Elderly and Disabled People: Motivations for Turning to Various Care Providers. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2021;8(4):60–80. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13876> (In Russ.)
5. Van Dijk J.A. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. SAGE Publications; 2005. 224 p.
6. Korzhuk S.V., Skachkova G.S. Disability. *Nauchno-obrazovatel'nyi portal «Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya»*. 2023;10. https://doi.org/10.54972/00000001_2023_10_30 (In Russ.)
7. Dimaggio P., Hargittai E., Celeste C., et al. Digital Inequality: From Unequal access to Differentiated Use. In: Neckerman K. (ed.) *Social Inequality*. New York: Russell Sage Foundation; 2004. P. 355–400. ISBN 978-0-87154-621-0
8. Goggin G. Disability and Digital Inequalities. Rethinking Digital Divides with Disability Theory. In: *Theorizing Digital Divides*. London: Routledge; 2017. P. 63–75. <https://doi.org/10.4324/9781315455334-6>
9. Wilson E.J. *The Information Revolution and Developing Countries*. Cambridge: the MIT Press; 2004. 456 p. ISBN 9780262731782
10. Ragnedda M. *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. New York: Routledge; 2017. 127 p. ISBN 9781138346932 <https://doi.org/10.4324/9781315606002>
11. Jaeger P.T. Assessing Section 508 Compliance on Federal E-Government Web Sites: A Multi-Method, User-Centered Evaluation of Accessibility for Persons with Disabilities. *Government Information Quarterly*. 2006;23(2):169–190. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2006.03.002>
12. Tsatsou P. Is Digital Inclusion Fighting Disability Stigma? Opportunities, Barriers, And Recommendations. *Disability and Society*. 2020;36(5):702–729. <https://doi.org/10.1080/09687599.2020.1749563>
13. Vicente M.R., López A.J. A Multidimensional Analysis of the Disability Digital Divide: Some Evidence for Internet Use. *The Information Society*. 2010;26(1):48–64. <https://doi.org/10.1080/01615440903423245>
14. Dobransky K., Hargittai E. Unrealized Potential: Exploring the Digital Disability Divide. *Poetics*. 2016;(58):18–28. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2016.08.003>
15. Kolybashkina N., Sukhova A., Ustinova M., et al. Barriers and Opportunities to Employment for Persons with Disabilities in the Russian Federation. Moscow: World Bank Group; 2021. 180 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099335011302129130/pdf/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8.pdf> (access date: 25.03.2024). (In Russ.)
16. Tsatsou P. Digital Inclusion of People with Disabilities: A Qualitative Study of Intra-Disability Diversity in The Digital Realm. *Behaviour and Information Technology*. 2019;39(5):1–16. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2019.1636136>
17. Scanlan M. Reassessing the Disability Divide: Unequal Access as The World Is Pushed Online. *Universal Access in the Information Society*. 2022;(21):725–735. <https://doi.org/10.1007/s10209-021-00803-5>
18. Maleva T.M. (ed.) *Disability and the Social Status of Disabled People in Russia*. Moscow: Publishing House «Delo» RANEPА; 2017. 256 p. ISBN 978-5-7749-1213-1 (In Russ.)
19. Korzhuk S.V. The Social Exclusion of People with Disabilities: The Reproduction of Imparity. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie I Sotsial'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016;(3(133)):134–146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.07> (In Russ.)

Information about the authors:

Sofia V. Korzhuk – PhD in Sociology, Senior Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Prediction» of the Institute of Applied Economic Research, RANEPА
(SPIN-code: 9604-0340) (RSCI Author ID: 896620) (Scopus Author ID: 57194493716)

Aleksandra Ya. Burdyak – Senior Researcher of the Center «Institute of Social Analysis and Prediction» of the Institute of Applied Economic Research, RANEPА
(SPIN-code: 8576-6888) (RSCI Author ID: 694422) (Scopus Author ID: 57194382944)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Aleksandra Ya. Burdyak.

The article was submitted 11.08.2024; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Приложение
 Параметры уравнений регрессионных моделей, 2022 г.

Appendices
 Parameters of Logistic Regressions, 2022

Зависимая переменная	Не пользуются интернетом		Нет интереса		Нет навыков		Другие причины	
	B	Wald	B	Wald	B	Wald	B	Wald
Наличие инвалидности								
<i>Нет</i>								
<i>Есть</i>	0,501	164,536	,170	18,309	,158	11,546	1,065	216,643
Возраст								
Число исполнившихся лет	0,108	6768,657	,103	5380,426	,084	2680,130	,045	362,646
Размер домохозяйства								
1 человек		181,474		133,843		37,180		27,588
2 человека	-,308	74,207	-,127	12,158	-,042	,888	-,409	24,045
3 человека	-,439	103,486	-,322	51,555	-,158	8,301	-,386	14,515
4 человека	-,514	103,212	-,401	55,697	-,262	14,985	-,354	8,654
5 и более человек	-,574	126,106	-,511	85,869	-,329	22,409	-,404	10,604
Уровень образования								
Среднее общее или ниже		1909,394		963,581		479,926		45,078
Среднее профессиональное (квалифицированные рабочие(служащие))	-,499	230,684	-,233	44,893	-,059	1,892	-,372	16,734
Среднее профессиональное (специалисты среднего звена)	-,990	902,409	-,650	351,439	-,523	138,532	-,457	27,114
Высшее	-1,594	1564,036	-1,234	821,835	-1,199	391,007	-,490	25,004
Статус на рынке труда								
Не занят								
Занят	-1,009	754,996	-,961	503,002	-1,067	302,550	-1,381	140,998
Место жительства								
Город								
Село	,456	266,566	,229	59,969	,299	67,789	,256	13,184
Уровень жизни в регионе								
1 квинтильная группа		629,372		480,953		105,191		87,039
2 группа	-,022	,340	,056	1,952	-,203	16,705	-,378	13,693
3 группа	-,083	4,752	-,160	15,455	-,333	42,660	-,147	2,350
4 группа	-,482	152,113	-,349	72,693	-,366	52,326	-,721	41,326
5 группа	-,894	440,704	-,837	342,615	-,503	86,012	,221	5,708
Константа	-6,872	4530,940	-7,321	4272,940	-7,178	2857,940	-6,227	949,996
-2 Log likelihood	41593,886		37729,809		26015,918		9425,766	
Chi-square (15)	37254,621		27516,126		12366,874		2264,599	
Significance	,000		,000		,000		,000	
Nagelkerke's R ²	56,7%		49,9%		36,3%		20,3%	
Точность исполнения прогноза	91,6%		92,0%		95,3%		99%	

Источник: рассчитано авторами на данных ИКТ-2022, ОРС-2022.

ПЕРСОНАЛИИ

Персоналии

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_13_657_660

EDN UTRKVU

Слово о юбиляре. Социология жизни Ж.Т. Тощенко в смыслах, делах и публикациях

Виктор Константинович Левашов

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
(levachov@fnisc.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-4830-2502>)

Для цитирования: Левашов В.К. Слово о юбиляре. Социология жизни Ж.Т. Тощенко в смыслах, делах и публикациях // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 657–660. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_13_657_660 EDN UTRKVU

PER (Personalities)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_13_657_660

A Word about the Anniversary. Sociology of Life Zh.T. Toshchenko in the Senses, Cases and Publications

Viktor K. Levashov

Institute of Socio-Political Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(levachov@fnisc.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-4830-2502>)

For citation: Levashov V.K. A Word about the Anniversary. Sociology of Life Zh.T. Toshchenko in the Senses, Cases and Publications. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):657–660. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_13_657_660 (In Russ.)

Жизненный путь член-корреспондента РАН Жана Терентьевича Тощенко является примером личной творческой профессиональной самореализации, плодотворной научной, педагогической, просветительской деятельности одного из ведущих советских и российских учёных-социологов исследователей, широко известного и уважаемого в нашей стране и за рубежом.

Жан Терентьевич родился 3 января 1935 года в семье сельских учителей деревни Павловка Климовского района Брянской области, где территориально и исторически сходятся судьбы русского, белорусского и украинского народов. Великая Отечественная война не обошла стороной молодую семью, на его глазах от рук немецко-фашистских карателей погиб отец – комиссар партизанского отряда. Суровая послевоенная реальность, материнская мудрость, любовь и забота, воля и стремление к знаниям определила дальнейшую судьбу юбиляра.

После окончания исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1952–1957), где за отличную учёбу Ж.Т. Тощенко был удостоен Сталинской и Ленинской стипендий, он уехал по комсомольской путевке в Сибирь на строительство железной дороги Абакан-Тайшет. До 1964 г. работал в Хакасской автономной

области и Красноярском крае в комсомольских организациях, избирался секретарём горкома, обкома, крайкома ВЛКСМ. В 1967 г. как аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС под руководством академика В.Г. Афанасьева защитил диссертацию «Социальное планирование в системе научного управления обществом» на соискание учёной степени кандидата философских наук. Вернувшись после учёбы в Красноярск, работал в обществе «Знание», преподавал в Красноярском педагогическом институте и государственном университете, где создал одну из первых социологических лабораторий в Си-

бири, проводил исследования на предприятиях края и в сельской местности. В сибирский период им разрабатывается и осуществляется картографический анализ города Красноярска и Красноярского края, что нашло отражение в социальных картах этих территориальных образований. Огромный массив полученных данных позволил подготовить диссертацию на соискание учёной степени доктора философских наук «Методологические проблемы социального планирования», которая была защищена в Уральском университете в 1973 г. С 1975 г. после приглашения в Академию общественных наук при ЦК КПСС, работал заведующим отделом, руководителем кафедры, директором Центра социологических исследований. В Москве под руководством Ж.Т. Тощенко были проведены всесоюзные исследования экономического, политического, нравственного и исторического сознания советского общества, которые стали основой авторского понимания и трактовки социологии как социологии жизни. С 1992 г. работал в Российской академии управления, Госкомфедерации и в Институте социально-политических исследований РАН. С 1995 г. – главный редактор, а с 2018 г. – председатель редакционного совета журнала «Социологические исследования». В 1995 г. создал и стал деканом социологического факультета в Российском государственном гуманитарном университете, а с 2016 г. стал научным руководителем и заведующим кафедрой теории и истории социологии. В Российской академии наук Ж.Т. Тощенко является руководителем Научного совета Отделения общественных наук РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике». С 1970 года входит в состав делегаций и принимает активное участие в работе Международных социологических конгрессов. С 2000 года в Российском Государственном Гуманитарном Университете по его инициативе проходят международные научные теоретико-методологические конференции «Интеллигенция и современность», на основе которых выпущен 21 сборник статей.

Как учёный теоретик, Ж.Т. Тощенко считает, что в социологической науке после второй мировой войны доминировали две основные парадигмы. Первая – социологический реализм, в которой объектом исследования является общество, социальная структура, социальные институты. И вторая – социологический номинализм, в которой объектом внимания выступает человек, личность, социальные группы и общности. В XX веке постепенно пробивает себе дорогу к признанию парадигма социального конструктивизма, которая в отечественной науке связана с именами А.А. Богданова и Л. С. Выготского. В рамках конс-

структивизма Ж.Т. Тощенко обосновал возможность трактовки социологического знания как социологии жизни, где объектом исследования является гражданское общество, а предметом – жизненный мир с реально функционирующим общественным сознанием, деятельностью человека и общества в объективных условиях социальной макро-, мезо- и микросреды. Сущность социологии жизни выражается в смысле жизни к своему продолжению в устойчивом развитии многообразия биологических, социальных, духовных форм.

Структура социологического знания рассматривается Ж.Т. Тощенко, во-первых, как теоретическая и эмпирическая социология, во-вторых, как фундаментальная и прикладная, а не только как способ получения знания, для использования в решении актуальных социальных проблем, в-третьих, по объектно-предметному принципу как макро- и микросоциология. Критикуя трёхуровневую концепцию Р.К. Мертон, используемую в мировой и отечественной социологии, Ж.Т. Тощенко предлагает иное видение уровней социологического знания. Отражая степень осмысления объекта и предмета социологии и объектно-предметный принцип познания, уровни социального познания представлены им, во-первых, общесоциологическими теориями, которые направлены на познание социальной реальности во всём её разнообразии, во-вторых, отраслевыми социологическими теориями, которые охватывают исследования основных сфер жизни общества: экономической, социальной, политической, духовной, в-третьих, специальными социологическими теориями: в экономической сфере (социология труда, рынка, города, села и т.д.), в социальной сфере (социальная структура, этносоциология, социология молодёжи и т.д.), в политической сфере (социология власти, права, армии, общественных организаций), в сфере духовной жизни (социология образования, науки, культуры, СМИ, религии и т.д.) и, в завершении, частными (вспомогательными) социологическими концепциями, которые изучают отдельные секторы социальной реальности (например, в социологии образования – дошкольное воспитание, общее, специальное и высшее образование и т.д.). (подробнее см.: «Социология жизни» (2016).

На базе обобщения теоретических и эмпирических результатов всесоюзных (всероссийских) исследований «Состояние, тенденции и проблемы общественного сознания» (1986–1993) Ж.Т. Тощенко вводит в научный оборот понятие социального настроения как доминирующей характеристики реально функционирующего общественного сознания и поведения. Оно отражает уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом,

социальной группой и населением социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием экономических, политических и духовных процессов («Социальное настроение» (1995), в соавторстве с С.В. Харченко).

Ж.Т. Тощенко – автор концепции парадоксального человека как антиномичного феномена общественного сознания и социальной практики.

Научные интересы Ж.Т. Тощенко тесно связаны и с социальными проблемами труда и управления, с анализа которых начинались его исследования на предприятиях Сибири. В 1970-х впервые в отечественной социологии (этой темой занимались только географы и экономисты) им обнаружены проблемы социальной инфраструктуры как совокупности общих, особенных и специфических условий, обеспечивающих рациональную организацию деятельности людей и общества, как в производственных ячейках, так и в территориально-поселенческой структуре («Социальная инфраструктура: сущность и пути развития» (1980).

В фокусе исследовательского внимания Ж.Т. Тощенко – методологические основы целенаправленного воздействия на общественные процессы – социальное планирование и социальное проектирование. По его убеждению, плановые начала присущи в большей или меньшей мере всем обществам, если они намерены присутствовать на исторической арене. Социальное планирование понимается как научно обоснованное определение целей, задач, показателей, сроков, темпов и пропорций развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего общества. Эти идеи нашли отражение в пионерских для отечественной социологии и социальной практики публикациях (монографии «Социальное планирование» (1981), «Социальное проектирование» (1983) в соавторстве с Н.А. Аитовым и Н.И. Лапиным).

Новаторское изложение проблем социологии управления выделяет алгоритм принятия управленческого решения, начиная с постановки цели (предвидение, прогнозирование), затем реализуясь в методах (планирование, проектирование, программирование) и завершая организационной работой (социальные технологии, в том числе и возможность проведения эксперимента, обобщающие требования по управлению организацией). Особое внимание уделяется процессу управления человеческими ресурсами: стиль управления, участие в управлении, побуждение к творчеству, социально-психологические отношения («Социология управления» (2012).

Богатый исследовательский опыт позволил Ж.Т. Тощенко выйти на инновационное прочтение теории и практики использования социаль-

ных резервов труда. Он рассматривает генезис идей социологии труда через анализ раскрытия и использования социальных возможностей работника, исходя из реальной практики развития общества (Монография «Социология труда. Опыт нового прочтения» (2005). А кардинальные изменения на рынке труда привели к необходимости анализа проблемы занятости, что нашло отражение в монографии «Прекариат: от протокласса к новому классу» (2018).

В 1980-х годах Ж.Т. Тощенко заинтересовали проблемы политической социологии. Анализ политических процессов сначала в СССР, а затем и на постсоветском пространстве позволил ему выпустить шесть изданий учебника «Политическая социология». Рассматривалась также роль идеологии и национальной идеи в жизни общества, особенности функционирования национального самосознания (монографии «Идеология и жизнь» (1983), «Идеологические отношения» (1987). Вызывает интерес и исследование влияния этнонациональных и конфессиональных факторов на политическую жизнь (монографии «Три особенных лица власти» (1999), «Этнократия: история и современность» (2003), «Теократия: миф или реальность» (2007). По мнению Ж.Т. Тощенко в современном мире сложилась опасная ситуация использования политической властью этнонационализма и религиозного реваншизма, что может привести к возникновению этнических и религиозных конфликтов. Особое место среди научных интересов Ж.Т. Тощенко занимает анализ специфических политических процессов, представленный в монографии «Фантомы российского общества» (2014).

В настоящее время руководимый им коллектив научных сотрудников интенсивно занимается проблемами прекариата, (нового класса или нового социального слоя), характеризующегося нестабильной, неустойчивой и негарантированной занятостью, и который, в отличие от пролетариата, стал характерной чертой всех социальных слоёв общества как в России, так и во всех странах мира. В этих условиях актуализировалась проблематика устойчивости общественного договора между государством, институтами власти и гражданским обществом. В последних публикациях Ж.Т. Тощенко показывает, что общественный договор имеет как явные, так и латентные характеристики, которые через социологический и политический анализ состояния, тенденций и проблем общественного развития позволяют судить о степени его эффективности и действенности в деле сохранения и укрепления государства, что нашло отражение в такой проблемной монографии, как «Общество травмы» (2020 г.).

Коллеги, друзья, ученики поздравляют Жана Терентьевича, его родных и близких с достойным юбилеем мудрости жизни и труда, желают здоровья, творческих успехов и надеются на новые открытия, которые юбиляр умеет дарить нам как радость настоящего научного познания в своих трудах и сочинениях!

Сочинения

Тощенко Ж.Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М.: Мысль, 1980. 208 с.

Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат, 1981. (1-е издание Красноярск, 1972). 320 с.

Аитов Н.А., Лапин Н.И., Тощенко Ж.Т. Социальное проектирование. М.: Мысль, 1982. 254 с.

Тощенко Ж.Т. Идеология и жизнь. М.: Советская Россия, 1983. 192 с.

Тощенко Ж.Т. Идеологические отношения. Опыт социологического анализа. М.: Мысль, 1988. 286 с.

Тощенко Ж.Т. Социальные резервы труда: актуальные вопросы социологии труда. М.: Политиздат, 1989. 287 с.

Общественное сознание и перестройка / В.Э. Бойков, В.Н. Иванов, Ж.Т. Тощенко. Москва: Политиздат, 1990. 286 с.

Социальное настроение / Ж. Тощенко, С. Харченко. Москва: Academia, 1996. 195 с.

Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция: Этносоциологические очерки. М.: РГГУ, 1997. 212 с.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001, 2008. 543 с. (переведена на англ. язык "Paradox Man" 2010).

Три особенных лика власти: Социологические заметки. М.: РГГУ, 2002. 121 с.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 432 с.

Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005. 333 с.

Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Academia, 2007. 664 с. (Монографические исследования: религиоведение)

Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Новый Хронограф, 2011. 552 с.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.

Тощенко Ж.Т. Общество травмы (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир, 2020. 352 с.

Учебники

Тощенко Ж.Т. Социология: учебник. М., 1994, 1998, 2005, 2013.

Тощенко Ж.Т. Социология управления: учебник. М.: ЦСП, 2012, 2016.

Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда: учебник. М., 2014, 2018.

Политическая социология: учебник / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 1997, 2001, 2005, 2014, 2018. 2024.

Тезаурус социологии. Кн. 1. Понятийный аппарат социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.

Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 415 с.

Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 544 с.

Гражданское общество: учебник для вузов / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2024. 315 с.

О публикациях и их оценке см.: Жан Терентьевич Тощенко. Библиографический указатель. 3-е изд. М.: РГГУ. 2024. 305 с.

Информация об авторе:

Виктор Константинович Левашов – доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (SPIN-код: 2624-2574) (РИНЦ Author ID: 1395) (ResearcherID: GYQ-5102-2022) (Scopus Author ID: 35958452200) Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; принята к публикации 07.12.2024.

Information about the author:

Viktor K. Levashov – Doctor of Sociology, Director of Institute of Socio-Political Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 2624-2574) (RSCI Author ID: 1395) (ResearcherID: GYQ-5102-2022) (Scopus Author ID: 35958452200) The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted to the editorial office on 23.09.2024; accepted for publication on 07.12.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_14_661_666

EDN WICVHG

Новая экономика труда – концепция, методика, практика

Разумова Татьяна Олеговна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(tatiana.razumowa@yandex.ru), (<http://orcid.org/0000-0001-5726-4136>)

Для цитирования: Разумова Т.О. Новая экономика труда – концепция, методика, практика // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 661–666. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_14_661_666 EDN WICVHG

CNF (Conference proceedings)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_14_661_666

New Labour Economics – Concept, Methodology, Practice

Tat'yana O. Razumova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(tatiana.razumowa@yandex.ru), (<http://orcid.org/0000-0001-5726-4136>)

For citation: Razumova T.O. New Labour Economics – Concept, Methodology, Practice. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):661–666. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_14_661_666 (In Russ.)

30 августа 2024 года на экономическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова состоялась научно-практическая конференция памяти профессора Риориты Пантелеймоновны Колосовой «Новая экономика труда – концепция, методика, практика». Научно-практическая конференция прошла в смешанном формате с *международным* участием. Участниками конференции стали профессоры, преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и других подразделений университета, а также Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, Финансового университета при Правительстве РФ, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Академии труда и социально-трудовых отношений, Уфимского университета науки и технологий, Воронежского государственного университета, Саратовского национального исследовательского государственного университета, Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина, Сибирского государственного университета путей сообщения, Витебского государственного технологического университета, Института со-

циологии ФНИСЦ РАН, Института экономики РАН, Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Института экономики Уральского отделения РАН, ГК Росатом, «САН ИнБев», СПАО «Ингосстрах», АКГ «Технологии Доверия».

На прошедшей конференции учёные и практики обсудили актуальные вопросы экономики труда. Особое внимание было уделено идеям д-ра экон. наук, профессора Риориты Пантелеймоновны Колосовой. В своём вступительном слове д-р экон. наук, заведующий кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Татьяна Олеговна Разумова обратила внимание собравшихся на то, что благодаря исследовательскому и организаторскому таланту, научной прозорливости и настойчивой энергии Риориты Пантелеймоновны Колосовой, в 1992 году на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова была воссоздана кафедра экономики труда. Идея воссоздания кафедры была активно поддержана ректором Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова академиком В.А. Садовничим, генеральным директором Международной организации труда Мишелем Хансенном, руководителем Федеральной службы по труду и занятости Ф.Т. Прокоповым, Министром труда А.Н. Шохиным, деканом факультета профессором В.П. Колесовым. В первые же годы работы кафедры была

реализована мощная образовательная магистерская программа по подготовке специалистов по труду и занятости по заказу Федеральной службы занятости. В дальнейшем кафедра объединила вокруг себя сообщество трудовиков России, были успешно защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, реализованы научно-исследовательские проекты, выпущены учебники и учебные пособия, подготовлены новые учебные курсы и программы для всех уровней обучения, включая дополнительное профессиональное образование.

В приветственном слове заместителя декана канд. экон. наук Александра Александровича Курдина была подчеркнута высокая актуальность исследования вопросов труда, занятости, социально-трудовых отношений в современной России. Беспрецедентно низкий уровень безработицы вынуждает говорить о дефиците рабочей силы, особенно, когда речь идёт о востребованности квалифицированных специалистов в основных видах экономической деятельности. Важно, что созданная Р.П. Колосовой научная и образовательная школа новой экономики труда объединяет преподавателей и исследователей не только в России, но и в зарубежных странах, вовлекая не только экономистов и управленцев, но и социологов, юристов, психологов, а также практиков, работающих в самых разных отраслях экономики.

В приветственном слове заместителя декана д-ра экон. наук Александра Андреевича Мальцева была особо отмечена огромная заслуга Р.П. Колосовой в подготовке научных кадров как председателя диссертационного совета и в работе с аспирантами, её доброжелательное внимание к научным идеям, открытость к инновациям, поддержка пионерных направлений научных исследований и в то же время высокая требовательность к обоснованию научных гипотез, выбору адекватных методов анализа, формированию доказательной базы при выработке управленческих решений.

Вячеслав Николаевич Бобков, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Института экономики РАН сделал доклад на тему «Актуальность идей д-ра экон. наук, профессора Р.П. Колосовой о современных подходах к экономике труда на новом этапе развития России». Идеи, опубликованные Р.П. Колосовой ещё в 2013 году, в отношении концепции новой экономики труда не только сохраняют свою актуальность, но и становятся всё более востребованными. К таким идеям можно отнести вопросы глобализации экономики, когда наблюдается доминирование финансовых интересов в ущерб

интересам социальным, в этой связи необходимо уделять больше внимания гуманизации труда, формированию достойных условий труда, социальной ответственности и социальному сплочению, повышению роли труда в обществе. Успешное решение задач социально-экономического развития, по мнению Риориты Пантелеймоновны Колосовой, должно лежать в области разработки согласованных мер макроэкономической политики, преобразования производственных систем и обеспечения всеобщего доступа к достойным рабочим местам и эффективной занятости. Характерной чертой современной эпохи является переход от устойчивой экономической системы с полной занятостью к возмущённой и турбулентной экономике с неустойчивой занятостью, которая сопровождается, с одной стороны, гибкой занятостью, а с другой стороны, незащищённой и уязвимой занятостью, что в совокупности требует специального изучения для разработки соответствующих управленческих решений, направленных на преодоление противоречия между экономической эффективностью и социальной незащищённостью на рынке труда. Впервые в России была опубликована коллективная монография В.Н. Бобкова, О.В. Вередюк, Р.П. Колосовой и Т.О. Разумовой о прекаризации – явления, которое лишь недавно вошло в научный оборот и в фокус научных исследований, но которое приняло огромные масштабы в период пандемии и позднее в условиях экономической нестабильности

Александр Михайлович Куренной, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в докладе на тему: «Принципы правового регулирования отношений в сфере труда: теория и практика» отметил высокую важность и плодотворность многолетнего сотрудничества кафедры экономики труда экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедры трудового права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Объединяющим началом трудовиков-юристов и трудовиков-экономистов является стремление создать справедливые условия в трудовой сфере для работников и работодателей, закреплённые в принципах трудового права, таких, как свобода труда, в законодательных документах, таких, как Конституция РФ, Трудовой кодекс, Закон о занятости населения, Закон о коллективных договорах и соглашениях и др. Важно разрабатывать нормы, которые, с одной стороны, защищали бы права всех сторон в трудовых отношениях, а с другой, обеспечивали бы выполнение обязанностей сторон, при этом нормы и правила важно применять и соблюдать,

но не допускать злоупотребления ими, что, к сожалению встречается, причём с обеих сторон. Накоплен богатый опыт взаимодействия юристов и экономистов при подготовке нормативных документов, важно продолжать и совершенствовать такое взаимодействие.

Нина Николаевна Кузьмина, канд. экон. наук, ректор Академии труда и социальных отношений, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России начала своё выступление на тему «Профсоюзные подходы к проблеме производительности труда» с упоминания о том, что сотрудничество кафедры экономики труда и персонала с Академией труда и социальных отношений уходит корнями в тот исторический период, когда в Академии трудился профессор Леонид Алексеевич Костин, который в середине 1960-х годов возглавлял кафедру экономики труда на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Леонида Алексеевича Костина и Риориту Пантелеймоновну Колосову связывали долгие годы творческого сотрудничества, нашедшего отражение, в том числе, в разработке концепции социального государства. Вопросы производительности труда изначально были в центре внимания профсоюзов, которые в советский период уделяли большое внимание профессиональному обучению и повышению квалификации работников, совершенствованию организации труда на предприятиях, распространению передовых приемов труда, поддержанию здоровья работников и т.п. В рыночной экономике ситуация существенным образом меняется, большая часть факторов производительности труда, включая качество машин и оборудования, сырья и материалов, уровень менеджмента в целом и организации труда, в частности, атмосфера в коллективе и др., не зависят от работника. В этой связи представляется неправомерным ставить заработную плату работника в зависимость от производительности его труда. Существуют погрешности и разночтения в оценках производительности труда по странам, отраслям и, наконец, когда речь идёт о денежном выражении, то в искажениях участвует и цена валюты. Поэтому межстрановой сравнительный анализ производительности труда по меньшей мере не безупречен. Представленные расчёты показывают не только более высокую норму отдачи, когда речь идёт о российских работниках по сравнению с рядом зарубежных стран, но и более высокую норму эксплуатации, что никак не может быть положительно воспринято профсоюзами. Отсюда вытекает экономически закономерная тенденция – если долго занижать цену товара, а речь идёт о цене рабочей силы, то товар будет уходить с рынка, качество его будет снижаться. Именно это и

происходит, по мнению профсоюзов, с рабочей силой в нашей стране.

Из Беларуси по видеосвязи в конференции приняла участие Елена Васильевна Ванкевич, д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе Витебского государственного технологического университета, которая выступила с докладом на тему: «Развитие новой экономики труда в Республике Беларусь в современных условиях». Была подчёркнута высокая роль кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в формировании представлений о современной экономике труда. Основные тренды в изучении рынка труда в Республике Беларусь включают анализ влияния таких факторов, как индустрия 4.0, цифровизация экономики, глобализация и деглобализация, пандемия, санкционное давление на рынок труда. Происходит изменение структуры занятости, появились новые формы занятости, существенно меняются требования к компетенциям работников со стороны работодателей, наряду с этим расширяются возможности сбора данных для анализа, что позволяет проводить более глубокие исследования рынка труда, например, исследования о влиянии искусственного интеллекта на занятость молодёжи, влияние мобильности рабочей силы на рынок труда страны, а также кадровое планирование как инструмент повышения производительности труда на предприятиях лёгкой промышленности.

Анна Александровна Федченко, д-р экон. наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ в своём выступлении «Сетевое научное взаимодействие как основа создания новой экономики труда» подчеркнула, что благодаря Р.П. Колосовой и возглавляемой ею кафедре была создана сеть единомышленников – преподавателей и исследователей экономики труда, результатом совместной работы стали конференции, научные проекты, публикации. Акцентируя внимание на результатах недавних научно-исследовательских проектов, автор подчеркнула выявленную высокую дифференциацию различных регионов России, в том числе, по параметру адаптивности населения к изменениям на рынке труда. Исследования показали также высокую востребованность дополнительного профессионального образования не только в качестве фактора, повышающего востребованность респондентов на рынке труда, производительность труда и, соответственно, заработную плату, но и в качестве базы для выбора наиболее привлекательного формата занятости для обеспечения баланса семья-работа. Развитие дополнительного образования возможно только на основе применения современных компьютер-

ных технологий, высокоэффективных методов обучения, гибридных форм обучения. Дополнительное профессиональное образование представляется высокоактуальным как для развития межстранового сотрудничества в сфере труда, так и для вовлечения в трудовую деятельность лиц с ограничениями в трудоспособности, в частности, ветеранов военных действий. Новая экономика труда отличается расширением инструментария. В частности, при управлении вознаграждением в условиях неопределённости был использован математический аппарат, базирующийся на применении нечётких множеств и лингвистического оценивания, дополненных социологическими исследованиями, предусматривающими проведение экспертного опроса, позволяющего интегрировать позиции специалистов в данной области. Научное сетевое взаимодействие позволяет использовать междисциплинарные связи, акцентировать внимание на новациях, учитывать территориальные особенности и российскую ментальность, обусловленную природообразованием, генообразованием и социообразованием. Многогранность аспектов исследований подтверждает важность сетевого научного взаимодействия, способствующего созданию новой экономики труда.

Лариса Викторовна Санкова, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика труда и производственных процессов» Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина посвятила своё выступление теме «Становление новой экономики труда: роль личности», акцентируя роль Р.П. Колосовой в определении принципов и основных направлений новой экономики труда и разработки подходов к её изучению. В фокусе внимания находятся трансформация традиционных проблемных полей, возникновение новых, поиск новых закономерностей, апробация теоретических подходов, моделей. Новая экономика труда не отказывается от решения традиционных проблем, добавляя такие новые аспекты, как: социокультурные характеристики и менталитет работников и работодателей, ценности в сфере труда; зависимость эволюции сферы труда и СТО от опыта предшествующего социального и экономического развития; стратегии и модели будущего развития; институциональные аспекты преобразования сферы труда в рамках цифровизации экономики; усиление влияния поведенческой экономики; неопределённость и риски в новых масштабах и форматах; новое понимание концепта компетенций и квалификаций и т. д. Задачами будущих исследований могут стать: стратегии и модели будущего развития; индикация, измерение и мониторинг «цифровых» параметров сферы труда; региональ-

ные «профили» занятости; «базовый доход» и модели поведения на рынке труда; возможности и ограничения развития новых форматов занятости; риски и неопределённость, новое неравенство в сфере труда; ЦУР ООН и рынки труда; факторы роста производительности труда (в регионах, отраслях, секторах, на платформах); формирование ЭКОСИСТЕМЫ развития и реализации человеческого капитала; обеспечение равенства возможностей в занятости, сокращение бедности и неформальной занятости; новые институты коллективного голоса в сфере труда в условиях платформенной экономики; новые критерии для оценки эффективности макроэкономической политики; оценка эффективности государственной политики в области стимулирования развития и роста эффективности использования человеческого капитала в регионах.

Ирина Евгеньевна Калабихина, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в своем докладе «Экономика труда и экономика народонаселения: система взаимосвязей» подчеркнула важность для исследователя и организатора науки междисциплинарного взгляда на существующие социально-экономические проблемы. Десятилетиями выстраивались взаимоотношения с коллегами из близких, но всё-таки различающихся научных сфер, основой для этого всегда были доброжелательность, открытость, взаимное уважение и искренний интерес к науке. Говоря о взаимодействии экономики труда и демографии, автор привела несколько примеров влияния демографии на рынок труда: смена больших и маленьких поколенческих групп на рынке труда, старение населения и старение рабочей силы, увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Экономика труда, в свою очередь, влияет на демографию: привлекательность новых рабочих мест для трудовых мигрантов всегда включает в качестве обязательного параметра заработную плату, к сожалению, нет полной статистики ожидаемой продолжительности жизни в зависимости от профессий и видов занятости, однако отдельные исследования показывают, что у работников умственного труда в среднем жизнь на 5 лет длиннее, чем у работников физического труда, у руководителей жизнь ещё на пару лет длиннее. Революционное влияние на рождаемость оказывает занятость в крупных компаниях, проводящих политику баланса семья–работа: вероятность рождения второго ребёнка растёт, понятие «штраф за материнство» уходит в прошлое, работодатели находят положительные моменты в привлечении и удержании на работе женщин с детьми. Этим и многим дру-

гим трендам нам предстоит уделить внимание в будущих исследованиях.

Татьяна Алексеевна Медведева, д-р экон. наук, профессор кафедры «Мировая экономика и международный бизнес» факультета «Мировая экономика и право» Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск), представила доклад на тему: «Теоретико-методологические основания новой экономики труда (социально-трудовых отношений)». Формирование новой экономики труда требует прежде всего переоценки роли труда, значимости человека труда, исследования трансформации социально-трудовых отношений, изучения влияния новых технологий на содержание труда и масштабы занятости, необходимы новая философия, новая культура, новая этика в трудовых отношениях. Нужны исследования влияния новых технологий на сферу труда, при этом важно разработать индикаторы этого влияния. Новым объектом в экономике труда выступают сетевые социально-трудовые отношения, вокруг которых возникает целый ряд исследовательских задач, включая изучение, например, новых субъектов трудовых отношений, сетевого партнёрства, новых типов трудовых отношений. Требуется создание нового нормативно-правового поля, учитывающего специфику трудовых отношений в этом пространстве. Методологической основой таких исследований призван выступать системный подход, предполагающий приоритизацию целостности системы по отношению к её частям в сохранение этой целостности в турбулентной внешней среде. Новая экономика труда может и должна занять своё достойное место в образовательной системе, что безусловно потребует соответствующего развития квалификации преподавателей, усиления учебно-методической базы, подготовки учебников и учебных пособий.

Ольга Александровна Золотина, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в докладе «Требования к компетенциям специалистов в области экономики и менеджмента в контексте развития технологий искусственного интеллекта (ИИ)» раскрыла основные направления поискового исследования кафедры, осуществлённого в текущем году совместно с компанией Профилум. Задачи исследования включают: 1. Эмпирический анализ требуемых компетенций в сфере работы с ИИ для специальностей сферы экономики и управления. 2. Кластеризацию требуемых навыков – от общих до ИИ-специфических. 3. Оценку динамики спроса на навыки по профессиональным областям. Понимание требований к ИИ-навыкам в массовых

и узких нишах для занятости. 4. Апробация возможностей мониторинга требований рынка труда для обновления программ по отдельным направлениям подготовки. Были использованы данные из открытых интернет-ресурсов, так называемых «рабочих» сайтов. Исследование показало, что в целом в настоящее время на рынке труда востребовано порядка 40 компетенций, которые могут быть отнесены к сфере ИИ, однако интенсивность востребованности данных компетенций различна по разным видам деятельности и уровням должностей. Важным представляется то, что высокий уровень владения компетенциями в области ИИ предъявляется не только в сфере информационных технологий, но и в таких областях, как риски и страхование, маркетинг, бухгалтерский учёт, при этом высокие требования типичны и для позиций руководителя. Всё это говорит о необходимости разработки программ подготовки по данным направлениям как для молодёжи в рамках получения среднего и высшего профессионального образования, так и для лиц более старших возрастов в системе непрерывного образования. Возможности анализа больших данных позволяют увидеть тенденции в изменении требований по отдельным сегментам спроса – должностям и профессиям. А значит, появляется возможность «таргетированно» дополнять обучение отдельными специализированными, в том числе, ИИ-специфическими навыками. Например, в рамках программ подготовки в магистратуре. На данный момент навыки работы в специализированных/прикладных профессиональных программах – PowerBi, NoSQL, работа с облачными сервисами востребованы больше, чем узкие ИИ-навыки. Наиболее востребованные специфические – ИИ навыки: Анализ видео, CASR, Исследование ИИ. Теоретическая математическая подготовка также является необходимой и востребованной базой для работы с технологиями ИИ.

Дмитрий Сергеевич Шишкин, аспирант кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова выступил с сообщением на тему: «Эволюция взглядов на роль цифровизации в развитии трудовых отношений и кадровой политики». Развитие цифровых технологий связывают с появлением в 1970-х гг. первого микропроцессора, в 1980-х первого персонального компьютера, в 1990-х первой графической системы, в 2000-х – с распространением сети интернет, в 2010-х с развитием мобильной связи и мобильного интернета, в 2020-х с развитием искусственного интеллекта. Опираясь на эти хронологические и технологические вехи, предлагается проанализировать изменения в кадровой политике и социально-трудовых отноше-

ниях. В 1970-х гг. появились новые возможности хранения информации, в том числе, кадровой, однако это требовало привлечения специалистов в области информационных технологий, спрос на этих специалистов начал расти. В дальнейшем развитие шло в направлении универсальности программ, автоматизации процессов, интеграции с различными системами учёта и внешними источниками информации, появилась возможность дистанционной работы, одновременно обострялась проблема конфиденциальности информации, доступности или закрытости данных. В 1990-х резко возрастают требования к компьютерной грамотности в связи с широким распространением информационных технологий, исчезают массовые профессии (напр., телефонистки, машинистки) со средним уровнем дохода за счёт автоматизации и цифровизации. В 2000-х новые интернет-технологии меняют характер поиска и отбора работников, внедряются единые стандарты трудовых отношений, получает распространение дистанционная занятость. В следующем десятилетии появляется интернет вещей, позволяющий вести контроль за работником в реальном времени. Реакция социально-трудовых отношений на технологические изменения следует с лагом в 5–10 лет (и этот лаг постоянно сокращается). Искусственный интеллект (AI) – основной вызов начала 21 века: возможность замещения 47% рабочих мест в США, 55% рабочих мест в Японии.

Александр Александрович Аузан, д-р экон. наук, профессор, декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова выступил в заключительной части конференции. С позиций институциональной экономики принято различать институты формальные и неформальные, к формальным в вузах относят кафедры, деканаты, ректораты, лаборатории и прочее, и случается, что люди возглавляют эти подразделения, но больше

сказать о них нечего, кроме должности, которую они занимали. Но реальную историю любого университета образуют, конечно, научные школы. И поэтому представляется очень правильной идея, возникшая в печальный день похорон Риориты Пантелеймоновны, провести не просто поминальное мероприятие, а научное, потому что Риорита Пантелеймоновна однозначно является главой научной школы, причём сама она всегда настаивала, что истоки создания школы восходят к её учителям. Преемственность, конечно, можно и должно тянуть до М.В. Ломоносова и Адама Смита, но надо понимать, что Риорита Пантелеймоновна вдохнула новые силы, новый дух, новые смыслы в экономику труда. На определённом этапе она в буквальном смысле спасла саму сферу экономики труда, потому что был риск утраты этого научного и образовательного направления. И остановить процесс разрушения нельзя было просто криком и эмоциональными возражениями, нужны были новые значимые идеи, чтобы звали на консультации в органы власти, чтобы просили написать концептуальные работы, подготовить принципиальные документы и именно это делала Риорита Пантелеймоновна и возглавляемая ею школа. Высшее достижение научной школы в том, что сохранено направление и сохранён международный характер, что особенно заметно на Ломоносовских чтениях, когда собираются все многочисленные адепты этой научной школы, которые хотят выступить и поделиться результатами своих исследований. Притягательность научной школы и в том, сколько здесь руководителей других кафедр, и в гармоничном возрастном составе кафедры. Лучшей памятью Риорите Пантелеймоновне будет дальнейшее развитие созданной ею научной школы.

Конференция позволила учёным и практикам обменяться опытом и идеями по развитию сферы экономики труда на новом этапе.

Информация об авторе:

Татьяна Олеговна Разумова – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 9598-7825) (РИНЦ Author ID: 77081) (Scopus Author ID: 57217017223)

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

Information about the author:

Tat'yana O. Razumova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Labour and Personnel Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 9598-7825) (RSCI Author ID: 77081) (Scopus Author ID: 57217017223)

The article was submitted 16.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Материалы конференции

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_15_667_670

EDN YTOAPW

Новая экономика труда: теоретические и прикладные аспекты. О пятых Костинских чтениях

Наталья Викторовна Локтюхина¹, Сергей Александрович Шапиро²

^{1,2}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва, Россия (loktn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8390-8537>)

²(sergey_shapiro@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6990-007X>)

Для цитирования: Локтюхина Н.В., Шапиро С.А. Новая экономика труда: теоретические и прикладные аспекты. О пятых Костинских чтениях // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 667–670. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_15_667_670 EDN YTOAPW

CNF (Conference proceedings)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_15_667_670

New Labour Economics: Theoretical and Applied Aspects. On the Fifth Kostinsky Readings

Natal'ya V. Loktyukhina¹, Sergei A. Shapiro²

^{1,2}Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia

¹Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia (loktn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8390-8537>)

²(sergey_shapiro@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6990-007X>)

For citation: Loktyukhina N.V., Shapiro S.A. New Labour Economics: Theoretical and Applied Aspects. On the Fifth Kostinsky Readings. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):667–670. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_15_667_670 (In Russ.)

9 октября 2024 года в Академии труда и социальных отношений (г. Москва) состоялась V Международная научно-практическая конференция (Костинские чтения), посвящённая памяти выдающегося учёного, одного из основателей современной экономики труда Леонида Алексеевича Костина (1922–2016 гг.). В 2024 году дата проведения конференции была приурочена ко Всемирному дню действий профсоюзов «За достойный труд». На пятых Костинских чтениях обсуждались проблемы новой экономики труда, её теоретические и прикладные аспекты.

Конференция объединила российских учёных из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Воронежа, Екатеринбурга, Саратова, Севастополя, Уфы. Модераторами конференции выступили: Т.О. Разумова (д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) и Н.В. Локтюхина (д-р экон. наук, профессор, Академия труда и социальных отношений).

Открыла конференцию Н.Н. Кузьмина (канд. экон. наук, ректор Академии труда и социальных отношений, заместитель Председателя Федерации Независимых Профсоюзов России). Ректор отметила, что обновление теоретико-методологических основ экономики труда обусловлено гло-

бальными изменениями в мире в целом, и в сфере труда в частности. В числе таких изменений – глобализация и усиление неопределённости социально-экономических рисков, распространение нестандартных форм занятости и рост её неустойчивости, повышение значения человеческого капитала и роли каждой отдельной личности в социально-экономическом развитии России.

Исходя из тематики заявленных докладов конференция была разделена на несколько сессий. Первая тематическая сессия была посвящена теоретическим аспектам новой экономики труда и развитию социально-трудовой сферы.

С основным докладом на тему «О ключевой проблематике новой экономики труда» выступил В.Н. Бобков (д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Институт экономики РАН; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; главный редактор журнала «Уровень жизни населения регионов России»). Как обосновал В.Н. Бобков, ключевая проблематика новой экономики труда включает в себя научное обоснование решения следующих проблем: осуществления перехода от монетарной абсолютизации работника к абсолютизации ценностей труда и знаний; постановки политики занятости в качестве центрального направления националь-

ной политики; обеспечения баланса между гибкостью занятости и защищённостью работника; создания условий для реализации социальной функции труда. В.Н. Бобков раскрыл содержание каждой из обозначенных задач и направления их решения, а также остановился на развитии методологических оснований новой экономики труда. По мнению В.Н. Бобкова, объединение усилий исследователей могло бы выразиться в представлении на обсуждение общественности концепции и структуры учебника «Новая экономика труда».

А.В. Кашепов (д-р экон. наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН) представил масштабное исследование «Факторы и динамика занятости и заработной платы в России и её регионах». А.В. Кашепов детально проанализировал динамику множества показателей по России за несколько лет: макроэкономические факторы спроса на труд и демографические факторы предложения труда, номинальный ВВП, рабочую силу и занятость, незанятость и безработицу, заработную плату и др. А.В. Кашеповым была представлена типология регионов РФ по 26 социально-экономическим показателям.

С.Н. Шестов (канд. экон. наук, доцент, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе) выступил на тему «Влияние демографического фактора на развитие социально-трудовой сферы».

О.В. Вередюк (канд. экон. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Качество занятости как исследовательское направление» представила результаты исследования зарубежных и российских публикаций (в системах eLIBRARY и Google Scholar) по тематике качества занятости (далее – КЗ) за 2000–2024 год. В результате исследования подтвердилась гипотеза автора о том, что научный интерес к КЗ растёт и частично подтвердилась гипотеза о схожести акцентов в отечественных и зарубежных исследованиях КЗ. В зарубежных исследованиях заметнее миграционная тематика и управление КЗ, а в отечественных работах – КЗ лиц с ограничениями по здоровью, самозанятых, региональная специфика.

Следующий тематический блок конференции (сессия 2) был посвящён политике на рынке труда и в социально-трудовой сфере в контексте изменений в сфере труда и формирования новой экономики труда.

Л.В. Санкова (д-р экон. наук, профессор, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина) в докладе «Новая экономика труда: паттерны рынка труда и заня-

тости» осветила широкий круг вопросов, относящихся к заявленной теме. Л.В. Санкова отметила ограниченность аналитических возможностей традиционных подходов из-за: недостаточности неоклассической трактовки рациональности экономических субъектов; переплетения научных начал с нормативным началом (идеологией, политикой); трансформации показателей эффективности и измерения трудовой деятельности и других факторов. В числе ключевых проблем новой экономики труда были выделены: объект, концепт, измерение и статистика, регулирование, прогнозирование, встраивание в общий тренд развития экономики. Большой интерес у участников конференции вызвали обозначенные Л.В. Санковой перспективы исследования новой экономики труда, в том числе: новые исследовательские поля (междисциплинарный аспект); модель поведения субъектов рынка труда; «базовый доход» и модели поведения на рынке труда; возможности и ограничения развития новых форматов занятости; рискология занятости; новые факторы и модели роста производительности труда и ряд других.

А.В. Попов (канд. экон. наук, Вологодский научный центр РАН) в докладе на тему «Государственная служба занятости: поиск ответов на вызовы рынка труда» указал на такие новые вызовы как: риски технологической безработицы, поляризация рынка труда, цифровизация рынка труда и занятости, кризис профсоюзов, нарушение баланса между работой и личной жизнью. По мнению А.В. Попова, одним из важнейших проводников политики на рынке труда является государственная служба занятости (далее – ГСЗ). А.В. Поповым предложен экосистемный подход к модернизации ГСЗН, посредством которого функционирование ГСЗ рассматривается сквозь призму коллаборативной среды, побуждающей участников к взаимовыгодному сотрудничеству. В докладе представлена экосистемная модель функционирования ГСЗ на региональном уровне, экосистема содействия занятости на примере Вологодской области.

К.А. Хубиев (д-р экон. наук, профессор, Академия труда и социальных отношений; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) в рамках доклада «Профсоюзы в новых условиях занятости» рассмотрел тенденции и перспективы занятости (неумолимое вытеснение живого труда овеществлённым трудом, вытеснение умственного труда искусственным интеллектом, удалённая занятость, развитие самозанятости и др.). Были рассмотрены перспективы решения проблем занятости, в том числе так называемая «профсоюзная альтернатива». По

мнению К.А. Хубиева, профсоюзам целесообразно выступить с инициативой о введении дня развития в течение рабочей недели, который может быть осуществлён в разных формах (например, работники могут получить право посвятить рабочее время собственным проектам с договорённостями о возмездном использовании специализированных ресурсов работодателя).

Следующая тематическая сессия была посвящена обсуждению новых ценностей в сфере труда и роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии.

Открыла дискуссию по данным проблемам Т.О. Разумова (д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) с докладом «Совершенствование системы подготовки кадров для новой экономики». По мнению Т.О. Разумовой, задачами профобразования в условиях новой экономики являются: формирование как «жёстких», так и «гибких» навыков; готовность выпускника приступить к работе и продолжать обучение в течение всей жизни; предоставление различных форматов профобразования (включая основное и дополнительное); обеспечение доступности профобразования. В докладе большое внимание было уделено компетенциям для работы с искусственным интеллектом. Также Т.О. Разумова сделала выводы для системы профессионального образования, в том числе о необходимости: совершенствования системы довузовской подготовки в части устранения ранней специализации и обеспечения выпускникам школ более широких возможностей профессионального выбора; сохранения многоступенчатого профобразования; создания реальной возможности получения в системе высшего образования как академической степени, так и специальности, соответствующей профстандарту; развитие системы непрерывного образования на базе системы социального партнёрства.

У.А. Назарова (д-р экон. наук, доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Лаборатория «Диагностика талантов», АО ИПК «РН-Хим») представила доклад «Новые поколения на рынке труда: дефицит экономического мышления и трансформация трудовых ценностей». Рассказав о теории поколений и выходе на рынок труда поколений Y и Z, У.А. Назарова выделила характерные для новых поколений тренды: дефицит экономического мышления и диффузию нетрудовых ценностей в сферу труда. Суть второго тренда – в запросе значительной части общества на удовлетворение в процессе труда потребности в тех или иных нетрудовых благах и/или обеспечении ряда потребностей, не имеющих непосредственного от-

ношения к труду. У.А. Назарова привела примеры реализации такой диффузии: ценность путешествий трансформируется в запрос на путешествия по миру и приводит к обучению для работы в туризме.

И.В. Новикова (д-р экон. наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; МИРЭА – Российский технологический университет) выступила на тему «Стратегические приоритеты развития талантов в цифровой экономике». По мнению И.В. Новиковой, таковыми приоритетами являются: повышение эффективности человеко-компьютерного взаимодействия; развитие адаптивности, гибкости, а следовательно конкурентоспособности компаний; внесение значительного вклада в жизнь общества в связи с высокими моральными качествами талантов, реализуемыми посредством бережного производства и потребления, развития зеленых навыков; распространение дипломатических, демократических методов управления и организации производства; стратегирование развития талантов.

Заключительная сессия Костинских чтений, посвящённая обсуждению проблем дестандартизации занятости, началась с совместного доклада Н.В. Тонких (канд. экон. наук, доцент, Уральский государственный экономический университет) и Е.А. Черных (канд. экон. наук, Институт экономики РАН; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова) на тему «Исследование баланса профессиональной и личной жизни (на примере влияния удалённой работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин)». Информационной базой исследования стали данные опроса, проведённого в 2023 году научной лабораторией кафедры экономики труда и управления персоналом УрГЭУ. Гипотеза исследования подтвердилась: мужчины-руководители ценят возможность совмещать работу и пребывание дома. Специалистам среднего звена в домашних условиях становится сложнее сконцентрироваться; их волнуют вопросы самомотивации и повышения производительности труда, необходимость освоения новых навыков для работы, в том числе цифровых.

Завершила дискуссию Н.В. Дорохова (д-р экон. наук, доцент, Воронежский государственный университет) с докладом «Совершенствование методологии исследования и теоретического осмысления процесса трансформации форм занятости населения в современной экономике». По мнению Н.В. Дороховой, экономическая нестабильность, изменчивость социально-экономической среды превращаются в существенные условия развития сферы занятости населения и актуализируют задачу совершенствования теоретико-мето-

дологических основ исследования процесса её трансформации. В своём докладе она подробно рассмотрела факторы, определяющие трансформацию форм занятости населения, совершенствование методологии исследования и теоретического осмысления процесса трансформации форм занятости, а также проблемы государственного регулирования самозанятости.

В рамках Костинских чтений был затронут широкий спектр теоретических и прикладных аспектов новой экономики труда. Полагаем, что состоявшаяся дискуссия имеет важное зна-

чение для формирования новых направлений экономики труда, нового понятийного аппарата, обновлённых принципов и методов исследования экономических проблем. Также очевидно, что научное сообщество формирует запрос на реформативное изменение работы государственных институтов регулирования рынка труда и социально-трудовой сферы, внедрение новых инструментов, отвечающих требованиям настоящего и вызовам будущего времени, задачам противостояния социально-экономическим рискам.

Информация об авторах:

Наталья Викторовна Локтюхина – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений (SPIN-код: 3056-0453) (РИНЦ Author ID: 369938) (ResearcherID: U-7444-2019)

Шапиро Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений (SPIN-код: 3668-3550) (РИНЦ Author ID: 477595)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Викторовна Локтюхина.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

Information about the authors:

Natal'ya V. Loktyukhina – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management at the Faculty of Economics of the Academy of Labour and Social Relations; Leading Research Worker at the Centre for Social Finance of the Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (SPIN-code: 3056-0453) (RSCI Author ID: 369938) (ResearcherID: U-7444-2019)

Sergei A. Shapiro – PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Labor Economics and Personnel Management at the Faculty of Economics of the Academy of Labour and Social Relations (SPIN-code: 3668-3550) (RSCI Author ID: 477595)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Natal'ya V. Loktyukhina.

The article was submitted 21.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

Материалы конференции

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_16_671_673

EDN ZJQCIP

Обеспечение прав и улучшение качества жизни семей, имеющих в своем составе людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью

Наталья Георгиевна Кутепова^{1,2}, Вадим Игоревич Рязанцев³

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
(kutepova_chel@mail.ru)

²Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

³Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(vir220497@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)

Для цитирования: Кутепова Н.Г., Рязанцев В.И. Обеспечение прав и улучшение качества жизни семей, имеющих в своем составе людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 671–673. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_16_671_673 EDN ZJQCIP

CNF (Conference proceedings)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_16_671_673

Ensuring the Rights and Improving the Quality of Life of Families that Include People with Disabilities

Natal'ya G. Kutepova^{1,2}, Vadim I. Ryazantsev³

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
(kutepova_chel@mail.ru)

²South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

³Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(vir220497@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)

For citation: Kutepova N.G., Vadim V.I. Ensuring the Rights and Improving the Quality of Life of Families that Include People with Disabilities. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):671–673. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_16_671_673 (In Russ.)

В Санкт-Петербурге 27–28 сентября 2024 года состоялся Первый Всероссийский Семейный Форум «Культурный суверенитет и духовно-нравственные ценности как основы государственной политики и образа будущего России». Он выступил площадкой для обсуждения актуальных вопросов формирования образа России как суверенного государства, где высшей ценностью являются: человеческое достоинство, крепкая многолетняя семья, безопасное общество, основанное на идеалах духовности, нравственности и культуры. Организаторами форума выступили Союз «Родительская палата» и Объединение православных учёных. В работе форума приняли участие представители некоммерческих организаций, органов власти, научных и профессиональных сообществ. Партнёрами форума выступили некоммерческие и научные организации.

В рамках секции «Обеспечение прав и улучшение качества жизни семей, имеющих в своём составе людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью» обсуждались общие вопросы системы социальной помощи взрослым инвалидам и детям-инвалидам, проблемы интеграции людей с инвалидностью, про-

блемы медицинской реабилитации и абилитации, проблемы трудовой интеграции людей с инвалидностью.

Модерировали секцию Кутепова Наталья Георгиевна, кандидат психологических наук, доцент Челябинского государственного университета, доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, помощник Сенатора РФ, член общественной палаты Челябинской области, заместитель председателя Комиссии по социальной политике, укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и взаимодействию с некоммерческими организациями (НКО) Общественной палаты Челябинской области, председатель регионального отделения Всероссийской организации родителей детей-инвалидов и инвалидов старше 18 лет с ментальными и иными нарушениями, нуждающихся в представительстве своих интересов (ВОРДИ) Челябинской области и Свинухова Вера Михайловна, председатель Челябинского городского общественного движения родителей детей-инвалидов и инвалидов с детства «Дом надежды».

С приветствием к участникам секции обратились:

Рязанский Валерий Владимирович (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, научный руководитель Российского государственного университета социальных технологий; **Шумакова** Ольга Алексеевна (г. Челябинск, Россия), доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Южно-Уральского государственного медицинского университета; **Оюн** Дина Ивановна (г. Москва, Россия), Сенатор РФ; **Лантарова** Яна Валерьевна (г. Москва, Россия), депутат Государственной думы РФ, первый заместитель руководителя фракции «Справедливая Россия – за правду»; **Корчагин** Сергей Алексеевич (г. Москва, Россия), член координационного совета по делам инвалидов при правительстве Московской области, председатель регионального отделения ВОРДИ Московской области, президент благотворительного фонда «Аксиома счастья»;

С докладами выступили:

Кутепова Наталья Георгиевна (г. Челябинск, Россия, сомодератор секции, тема: «Об актуальных направлениях помощи семьям, имеющим в своём составе детей-инвалидов и инвалидов». **Анисимова** Елена Николаевна (г. Санкт-Петербург, Россия), координатор проекта «Медицинская реабилитация», представитель президента благотворительного фонда помощи «Исток жизни», тема: «Острые проблемы людей с ментальными, речевыми, двигательными нарушениями, эпилепсией и сахарным диабетом». **Свиныхова** Вера Михайловна (г. Челябинск, Россия, сомодератор), тема: «Продление детства как межведомственная проблема института особых семей в России». **Евсеев** Сергей Петрович (г. Санкт-Петербург, Россия), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики адаптивной физической культуры НГУ физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Вице-президент Паралимпийского комитета России, Президент Всероссийской федерации спорта лиц с интеллектуальными нарушениями» (Федерации спорта ЛИН), тема: «Инклюзивный спорт как современный вектор развития спорта и его интеграция с адаптивным спортом». **Храмцова** Елена Александровна (г. Челябинск, Россия), директор спортивной школы олимпийского резерва по спортивной гимнастике №4 г. Челябинска, тема: «Проблемы развития адаптивного спорта в спортивных школах на примере спортивной гимнастики». **Маляр** Кира Владимировна (г. Челябинск, Россия), руководитель благотворительного фонда «Пеликан», тема: «Об актуальных вопросах работы паллиативной службы России». **Рязанцев** Вадим Игоревич (г. Москва, Россия), младший научный сотрудник Института эконо-

мики РАН, тема: «Трансформация профессиональных стратегий людей с инвалидностью и их влияние на уровень жизни людей с инвалидностью». **Григорьева** Людмила Алексеевна (г. Челябинск, Россия), директор АНО «Рука об руку», тема: «Профессиональное обучение и сопровождаемое трудоустройство молодых людей с инвалидностью, в том числе, с ментальными и психическими особенностями».

По итогам работы секции её участниками были выдвинуты следующие предложения:

1) к Правительству:

Инициировать введение государственной должности «Уполномоченный по защите прав инвалидов»; разработать меры по стимулированию создания НКО, реализующими работу по трудоустройству инвалидов и развитие инклюзивного бизнеса; совместно со всероссийскими организациями, отстаивающими права людей с инвалидностью, инициировать программы открытия в субъектах РФ профессиональных кампусов для людей с инвалидностью.

2) к Министерству спорта:

Инициировать разработку федеральных стандартов спортивной подготовки тренеров по инклюзивному спорту; инициировать выделение нозологии «речевые нарушения» в отдельную спортивную группу в рамках Специальной Олимпиады и спорта для лиц с нарушениями интеллектуального развития; инициировать выделение отдельных соревновательных групп для людей с интеллектуальными нарушениями: ИН 1, ИН 2, ИН 3 провести совместно с общественными организациями мониторинг доступности спортивных объектов для занятий адаптивным спортом для детей-инвалидов и инвалидов; провести совместно с общественными организациями мониторинг кадрового обеспечения реализации адаптированных программ в области спорта.

3) к Министерству просвещения:

Разработать и реализовать программу устранения дефицита кадров в системе специального (коррекционного) образования; разработать совместно с Министерством труда и социальной защиты и субъектами РФ программы летнего оздоровления и отдыха для детей с инвалидностью разных нозологий на уровне не ниже 50% охвата; разработать и внедрить в практику работы образовательных организаций программы профилактики буллинга в отношении детей с инвалидностью; внести изменения в нормативные правовые документы, устанавливающие норму коррекционного занятия 15 мин на одного ребёнка, увеличив количество занятий в неделю и продолжительность их по времени; разработать необходимые документы по внедрению на уровне сред-

него образования адаптированных образовательных программ для инвалидов с ментальными нарушениями, увеличив сроки освоения программ, как минимум, до 3–4 лет.

4) к Министерству здравоохранения:

Разработать методические рекомендации по внедрению в субъектах РФ единой организационной модели паллиативной помощи детям-инвалидам и инвалидам; разработать совместно с Министерством труда и социальной защиты программы комплексной реабилитации детей с речевыми нарушениями, включить в стандарты реабилитации традиционные и нетрадиционные (народные) методы реабилитации; инициировать внесение в МКБ-10 дополнительного класса заболеваний «логопедические нарушения»; обеспечить внедрение в учреждениях здравоохранения специалистов «логоневролог»; закрепить статус «специалист ЛФК» в системе здравоохранения; реализовать проекты диспансеризации для семей, имеющих в своём составе людей с инвалидностью, в режиме «зеленого окна», то есть с выделением отдельно; разработать программы совместной реабилитации и оздоровления человека с инвалидностью и его родителя/опекуна.

5) к Министерству науки и высшего образования:

Разработать профессиональный стандарт и образовательную программу «специалист по паллиативной помощи» совместно с Министерством здравоохранения; разработать государственную программу «Эффективный родитель», переобучив родителей детей-инвалидов на такие специальности, как логопед, дефектолог, клинический и специальный психолог, учитель технологии и реабилитолог за счёт бюджетных средств.

б) к Министерству труда и социальной защиты:

Инициировать внесение изменений в законодательство об опеке и установить статусы «мать-опекун» и «отец-опекун»; инициировать изменения в законодательстве, позволяющее ребёнку-инвалиду, в случае потери кормильца, получать пенсию по инвалидности и пенсию по потере кормильца одновременно; инициировать законодательные изменения, позволяющие выплачивать пособие по уходу за инвалидом родителям, имеющим инвалидность или достигшим пенсионного возраста в полном объёме (10 тыс. рублей); продолжить работу по «снятию» барьеров в восприятии людей с инвалидностью работодателями; разработать рекомендации для органов местного самоуправления по трудоустройству инвалидов на базе НКО и созданных профмастерских.

Информация об авторах:

Наталья Георгиевна Кутепова – кандидат психологических наук, доцент Челябинского государственного университета; доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета

Вадим Игоревич Рязанцев – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук (SPIN-код: 5026-3614) (РИНЦ Author ID:1182013)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Рязанцев Вадим Игоревич.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; принята к публикации 07.12.2024.

Information about the authors:

Natal'ya G. Kutepova – PhD in Psychology, Associate Professor of Chelyabinsk State University; Associate Professor of South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Vadim I. Ryazantsev – Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5026-3614) (RSCI Author ID:1182013)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for correspondence is Vadim I. Ryazantsev.

The article was submitted 22.10.2024; accepted for publication 07.12.2024.

**Указатель статей, опубликованных в журнале
«Уровень жизни населения регионов России» в 2024 г.**

Поздравление с 300-летним юбилеем Российской академии наук от вице-президента РАН академика РАН Н.К. Долгушкина № 1/2024
Российская академия наук: три столетия на благо России № 1/2024

СТАТЬЯ НОМЕРА

Александрова О.А. Проблема дефицита кадров в промышленном секторе экономики: причины и направления решения № 2/2024

Алиев Д.Ф., Гонтмахер Е.Ш., Трубин В.В. Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт № 3/2024

Захаров И.Н. Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации № 4/2024

Золотов А.В., Золотов С.А., Лядова Е.В. Возможно ли понижение общего уровня потребительских цен в российской экономике? № 1/2024

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одицова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению № 1/2024

Бобков В.Н., Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: вызов или решение? № 2/2024

Бычков Д.Г., Гришина Е.Е., Феоктистова О.А., Локтюхина Н.В. Профили самозанятости и платформенной занятости в России № 3/2024

Гулюгина А.А. Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления № 4/2024

Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы (Часть 1) № 2/2024 (Часть 2) № 3/2024

Кабашова Е.В. Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России № 3/2024

Кислицына О.А. Неудовлетворенность пациентов в государственных и частных медицинских организациях: влияние индивидуальных характеристик № 4/2024

Козлова О.А., Макарова М.Н., Архангельский В.Н. Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России № 1/2024

Кучмаева О.В. Социальная ответственность бизнеса: возможности количественного измерения вклада социального пакета в доходы работников № 1/2024

Мартынов В.Г., Будзинская О.В., Шейнбаум В.С. Проектирование системы расширенного воспроизводства кадров для ТЭК в контексте очередного реформирования инженерного образования № 2/2024

Мацкуляк И.В. Иллюзия оплаты труда и реальность его эксплуатации № 2/2024

Мысляева И.Н. Государственное регулирование социально-трудовых отношений в условиях цифровой экономики № 1/2024

Одицова Е.В., Чащина Т.В., Козлова М.Б., Мочалов Д.А. Качество жилищных условий домохозяйств с детьми: двадцатилетняя ретроспектива № 4/2024

Разумов А.А., Сквепень В.А., Старокожева В.П. Исследование методик установления потребительских бюджетов как инструмента государственной и корпоративной социальной политики № 2/2024

Романова О.А., Галиуллина Г.Ф. Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития № 4/2024

Седлов А.П. Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок № 2/2024

Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р. Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности № 4/2024

Смирнова Е.А. Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход № 3/2024

Степанова Т.Д. Креативный класс и творческий труд: взаимосвязь, эксплуатация и противоречия развития № 2/2024

Тонких Н.В., Камарова Т.А., Черных Е.А. Влияние удаленной работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин № 3/2024

Федченко А.А., Филимонова И.В. Доходы от платформенной занятости как инструмент формирования среднего класса № 1/2024

Чащина Т.В. Государственная политика по улучшению жилищных условий семей с детьми в современной России (2002–2024 гг.) № 4/2024

Черных Е.А., Золотина О.А. Качество занятости на цифровых платформах труда: подходы к измерению и оценки по странам БРИКС № 2/2024

Яковлева Н.Г., Шафранская А.М. Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры № 4/2024

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Будажанаева М.Ц. Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации № 4/2024

Ионцев В.А., Узкая Ю.А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода № 4/2024

Рыбаковский Л.Л., Фадеева Т.А. Региональная динамика рождаемости населения России во второе пятнадцатилетие XXI столетия № 2/2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексеева Е.А. Отношение наемных работников к основному и дополнительному образованию (на примере Республики Татарстан) № 2/2024

Барков С.А., Земляков Д.Н., Юрасова М.В. Особенности восприятия российскими работодателями проблемы занятости старшего поколения: опыт социологического анализа № 1/2024

Бочаров В.Ю., Гаврилюк В.В. Профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов нестолического вуза № 3/2024

Валиахметов Р.М., Туракаев М.С. Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения № 4/2024

Васькина Ю.В. Изменения оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области № 3/2024

Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Изменения уровня занятости и продолжительности работы в подсобных хозяйствах в постсоветский период № 3/2024

Коржук С.В., Бурдяк А.Я. (Не)использование интернета людьми с инвалидностью: масштабы и барьеры доступа № 4/2024

Темницкий А.Л. Феномен уверенности в занятости на рынке труда у работающего населения России № 3/2024

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории № 1/2024

Жупник О.Н. Развод – окно в свободу? № 2/2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Берестова Л.И., Бобков В.Н. Научная конференция «Социальная политика в современной России: вектор развития в новых реалиях» в рамках научной конференц-сессии 20-24 мая 2024 г. «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего» № 3/2024

Бобков В.Н., Вередюк О.В. Академическая дискуссия «Дестандартизация занятости: вызов или решение?» на VIII Санкт-Петербургском Международном Форуме Труда № 1/2024

Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Российская семья в условиях санкций. Стандарты жизни и государственная политика № 2/2024

Кацуба О.П. Конкурс научных эссе «Как базовый доход изменил общество. Взгляд из будущего» № 3/2024

Кутепова Н.Г., Рязанцев В.И. Обеспечение прав и улучшение качества жизни семей, имеющих в своем составе людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью № 4/2024

Локтюхина Н.В., Шапиро С.А. «Новая экономика труда: теоретические и прикладные аспекты». О пятых Костинских чтениях № 4/2024

Разумова Т.О. Новая экономика труда – концепция, методика, практика № 4/2024

Савова Р. О международном научном семинаре «Культурное наследие лонгобардов в Монце как европейская ценность» и культурном маршруте «Пути лонгобардов по Европе» № 2/2024

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Бобков В.Н. О научной монографии «Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения» № 1/2024

Козин С.В., Жидяева Т.П. О научной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» № 3/2024

ПЕРСОНАЛИИ

Бобков В.Н. Колосова Риорита Пантелеймоновна № 3/2024

Бобков В.Н. Рыбаковский Леонид Леонидович № 2/2024

Левашов В.К. Слово о юбиляре. Социология жизни ЖТ. Тощенко в смыслах, делах и публикациях № 4/2024

Исаев А.Г. Памяти профессора Л.Л. Рыбаковского № 2/2024

Субетто А.И. 100-летию памяти В.И. Ленина № 1/2024

Приказ Минобрнауки России от 20 февраля 2024 г. № 152/нк № 1/2024

Уведомление о ретракции статьи № 1/2024